

Е. М. Батлер

МАГИ

Издательство
Ассоциации Духовного Единения
«ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Е.М. ТАТЛЕР

МАГИИ

Серия «Магия»
Книга I

Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век»
Москва 1997г.

М77(03)

Е. М. Батлер «Маги».

Перевод с английского. Издательство АДЕ «Золотой Век», 288 с.,
М., 1997 г.

Главный редактор Царёва Г.И.
Переводчик Корсаков К.Н.
Верстка Короткова Е.Ю.
Корректор Куликова Г.В.
Ответственный за выпуск Малышев Е.Н.

Подписано в печать 10.04.97. Формат 60х84/₁₆.
Печать офсетная. Усл. п. л. 16,74. Тир. 1000. Зак. 3731.
ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

- © Перевод Ассоциации Духовного Единения «Золотой Век»
- © Научное редактирование, художественное оформление и оригинал-макет Ассоциации Духовного Единения «Золотой Век»

ISBN 5-900206-32-7

ЛР №030332

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

Введение: ИСТОЧНИКИ

Герой ритуалов.....	9
Профессиональный маг.....	13

Часть I. ЗОЛОТОЙ ВЕК

Глава I. Мудрецы Востока.....	22
Маги.....	22
Заратустра.....	27
Глава II. Пророки и цари иудеев.....	36
Моисей.....	36
Соломон.....	42
Глава III. Древнегреческие мудрецы.....	53
Пифагор.....	53
Аполлоний Тианский.....	64
Глава IV. Период упадка магии.....	76
Христос.....	76
Симон Маг.....	84

Часть II. ТЕМНЫЕ ВЕКА

Глава I. Под сенью христианства.....	95
Киприан.....	95
Феофил.....	99
Герберт.....	102
Глава II. Отголоски язычества.....	106
Вергилий.....	106

Мерлин.....	113
Глава III. Под черным солнцем.....	132
Зито.....	132
Жанна и Жиль.....	136
Доктор Фауст.....	141
Фриер Бэкон.....	166
Глава IV. При свете дня.....	184
Ди и Келли.....	184
Гауфриди и Грандые.....	195

Часть III. ВОЗВРАЩЕНИЕ МАГОВ

Глава I. Аристеас Редививус.....	198
Глава II. Загадочный человек.....	203
Глава III. Великий Магистр.....	230
Глава IV. Мадам и Махатмы.....	255
Глава V. «Святой Дьявол».....	271
Заключение.....	274

ПРЕДИСЛОВИЕ

Qui s'excuse s'accuse («Кто оправдывается, тот виновен.» - фр.); и все же я не могу удержаться от попытки объяснить, что заставило меня отправить в печать эту книгу, несомненно, весьма уязвимую для критики. Настоящее издание изначально планировалось как часть I другого сочинения, которое в конечном итоге распалось на три разных книги, причем эта книга как бы оказалась между двух стульев, поскольку, с одной стороны, роль Фауста в истории магии описана в ней слишком подробно, а с другой стороны, все остальные аспекты этой обширной и притягательной темы раскрыты достаточно схематично. Допущенные здесь библиографические расхождения не давали мне спокойно спать, но даже ночные кошмары не подвигли меня на дополнение библиографии, потому что я опасался погрязнуть в академической трясине и так никогда не заняться вплотную рассмотрением истории Фауста.

Испытывая чувство облегчения, я перехожу от своих недостатков к достоинствам тех, кто вдохновил меня на создание этого труда. Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить агентов и сотрудников издательства «Кембридж Юниверсити Пресс» за их неизменную учтивость, понимание, терпение и помощь. Авторы, книги которых помогли мне при написании данной работы, настолько много, что, выделив кого-то одного из них, я боюсь обидеть остальных. Тем не менее, я не могу не упомянуть и не выразить сердечную благодарность Пальмеру и Мору за их книгу *Источники образа Фауста*, замечательное собрание сведений о магии и фигуре Фауста, к которым до этого обращались только специалисты и которые в работе Пальмера и Мора представлены массовому читателю в стимулирующей, конкретной и доступной форме, из мертвого груза знаний превращаясь в живую мудрость. Кроме того, я никогда не забуду, как купил книгу лорда Рэглана *Герой* в вокзальном киоске и не смог оторваться от нее в дороге, даже не заметив, что «скорый» поезд *Лидс-Манчестер* опоздал на три часа. Если этот одаренный автор когда-нибудь прочтет публикуемое ниже введение, он поймет, что его блестящий анализ образа героя в литературе лег в основу моего более тяжеловесного подхода.

Я также глубоко признателен Джейн Харрисон за те перспективы, которые она когда-то передо мной открыла; влияние ее книг на написа-

ние этой работы было весьма велико; боюсь только, что она лишь неodobritельно покачает головой, прочитав главу «Древнегреческие мудрецы», и если бы не любезные советы м-ра Гутри, автора книги *Орфей и древнегреческая религия*, в моей главе о древнегреческих мудрецах Джейн Харрисон нашла бы еще больше недостатков. Раздел о Заратустре тоже не был бы столь удовлетворителен, если бы не осведомленность в восточных учениях моего друга, секретаря Общества изучения текстов на языке пали, мисс Изалин Хорнер. Мои беседы с мисс Хорнер, а также ее труды по буддизму, значительно обогатили мои познания в этой области.

Есть и другие люди, которых мне хотелось бы поблагодарить; вместе с тем, я надеюсь, что читатель быстро убедится, что хотя этот труд появился на свет под воздействием своего рода «фаустовского» импульса (т.е. желание узнать больше, чем это возможно), я ни в коей мере не прибегал к помощи дьявола, так что в его адрес мне благодарность выражать не придется.

Е.М. Батлер

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОЧНИКИ

Герой ритуалов

Величайшим вкладом в развитие гуманитарных наук в наш век технического прогресса стали открытия в области археологии и антропологии, пролившие свет на многие тайны религии и искусства. По крайней мере, сегодня мы имеем возможность увидеть структуру сложной системы религиозных и эстетических представлений, которые прежде были полностью скрыты за переплетением множества традиций и верований; некоторые традиционные формы религиозного поклонения и художественные образы наконец-то приобретают в наших глазах определенный смысл. Изумление постепенно уступает место пониманию истоков и принципов развития духовной жизни человека. И хотя ничто в этой системе не сводится к каким-то упрощенным схемам, в ней все же присутствует принцип некоего единообразия. Изучение мировых религий подобно путешествию по огромному баньяновому лесу, мифологический ствол-прародитель которого, уходящий корнями в ритуал, не так-то легко отыскать в породивших его доисторических джунглях — источнике всех наших безудержных религиозных и поэтических образов. Лес этот необычайно многообразен и сложен: корни, стволы и ветви, устремляющиеся вверх, вниз, в сторону, к земле и к небу, настолько тесно переплетены между собой, что их практически невозможно отличить. Однако в основе всего этого изобилия и фантастического плодородия лежит некий единый процесс. Избыток жизненной энергии, невероятное разнообразие, бесчисленное множество вариаций и отклонений от нормы — все это, подобно деревьям в баньяновом лесу, проистекает от одного и того же вечного импульса, ритмичного «перпетум мобиле» — подъем, закат и снова подъем природы в цикле рождения, смерти и воскресения; именно имитирование этого цикла мы наблюдаем в ритуалах и искусстве.

Первопроходцам науки дня вчерашнего удалось прояснить, по крайней мере отчасти, этот достаточно земной аспект человеческого поведения и вдохновить результатами своих исследований современных ученых. Кроме того, эти исследования сделали более интересной и понятной для нас сферу магии, которую один современный антрополог совершенно справедливо назвал «самым мощным в мире источником влияния на

человеческое поведение»*. Именно такой подход к магии я посчитал наиболее подходящим при написании настоящей работы, отказавшись от скоропалительных определений, некоторые из которых сводят магию к «псевдонауке», «мнимому искусству» или «сниженной форме религии». Изначально моей целью было показать роль фигуры Фауста, персонажа 16 века, в магической традиции, но в процессе работы мне пришлось значительно расширить рамки своих интересов. Едва начав свое исследование, я понял, что сам Фауст, а также его предшественники и преемники, являются по сути одним и тем же человеком в разных обличьях и под различными именами. Основатели и учителя религий, приносимые в жертву боги-спасители, бунтовщики и мученики, грешники и святые, шаманы и оккультисты, маги, шарлатаны и знахари — действия всех этих персонажей на удивление похожи, и жизнь их протекает по одному и тому же сценарию. Сегодня, когда все труды Фрэзера уже написаны, не нужно быть Соломоном, чтобы увидеть связь происхождения упомянутых фигур с историей ритуалов; факты свидетельствуют, что образ легендарного мага возникает из того нечеткого и далекого образа героя, который, в обличьи царя, бога или священника, во время сезонных ритуалов или ритуалов, связанных с царской властью, умирает, чтобы возродиться к новой жизни; и хотя каждая отдельная форма такого героя постепенно обособляется в существо, как бы заключенное внутри своего магического круга, изначально эта форма была одним из бесконечного множества умирающих богов, которых мы встречаем в религиях народов мира. Анализ легенд о магах не оставляет в этом никаких сомнений. В своей высшей форме миф о магах обычно включает в себя десять основных компонентов. Эти десять компонентов не равнозначны и далеко не всегда присутствуют в том или ином мифе в полном составе, однако все они в равной степени интересны.

(1) Сверхъестественное или таинственное происхождение героя. Герой может иметь божественное, как в случае с полубогами и героями Древней Греции, или царское происхождение (понятия эти в древности не разделялись).

(2) Знамение, предшествующее рождению героя и свидетельствующее о его сверхъестественной сути. Достаточно поздним, с исторической точки зрения, примером этого компонента является описание рождения Магомета: когда он появился на свет, небо и земля содрогнулись, и (среди прочих чудес) все идолы земли попадали со своих постаментов.

* Лорд Рэган, *Преступление Иокасты*, Лондон, 1940, стр. 73.

(3) Угроза жизни героя в период его младенчества со стороны врагов или сил зла. В качестве примера этого элемента мифа о магах можно привести историю о чудесном спасении младенца Кришны от злых козней Кансы, его дяди со стороны матери. В мировой мифологии описано и множество других примеров опасности, которая может угрожать волшебникам и мудрецам в момент рождения.

Эти три элемента мифа о магах носят скорее эпический, а не ритуальный характер. Их задача — прежде всего подчеркнуть божественную природу героя, которая при совершении ритуала считается чем-то само собой разумеющимся.

(4) Практически во всех случаях присутствует обряд инициации героя в той или иной форме. При этом герой может посвящаться в тайны своего культа, а также в знания оккультного или дьявольского плана. Инициация совпадает со своего рода подготовительным периодом, что находит свое отражение непосредственно в церемониях инициации. Во время этого периода герой подвергается лишениям и, нередко, искушениям. До, во время или после инициации герой может предпринять...

(5) Длительное и далекое путешествие. В одних случаях его целью является поиск мудрости; в других — ее распространение. Путешествие это может носить сверхъестественный характер и включать в себя как спуск в загробный мир, так и восхождение на небеса. Такого рода путешествие герой обычно предпринимает в середине или в конце своей жизни. В некоторых случаях это происходит дважды. Легенды о татарских шаманах полны описаний подобных путешествий как на небеса, так и в царство теней.

(6) Магическое соперничество. Этот компонент неизменно присутствует в жизни всех магов, вымышленных или реальных. Возникая из ритуала, магическое соперничество также тесно связано с реальностью и является сферой, где встречаются жизнь и легенда, перемешиваясь и обогащая друг друга. Состязания волшебников, к примеру, довольно часто упоминаются в брахманических писаниях. Впрочем, такого рода эпизоды можно встретить практически повсеместно. Ярким свидетельством ритуального происхождения магического соперничества может служить драматичный эпизод победы Елисея над пророками Ваала.

(7) Суд или преследование. Этот элемент мифа о магах может вытекать из магического соперничества и изменять расстановку сил. Герой побеждает в борьбе с магом-соперником, но в большинстве случаев подвергается суду, который определяет его судьбу.

(8) Последняя, решающая сцена также нередко (хоть и не всегда) присутствует в мифе о магах. Она может носить жертвенный или ритуальный характер. Она может включать в себя торжественное, полное пророческих высказываний прощание героя с миром. Она может принимать форму исповеди и покаяния. Подобные сцены достаточно редко встречались в античные времена, получив более широкое распространение в эпоху средневековья по аналогии с Тайной вечерей христианства.

(9) Мучительная или загадочная смерть. Примером мучительной смерти героя может служить гибель Орфея, разорванного на части — такого рода смерть берет свое начало в ритуале, посвященном умирающему богу. В мифах второго типа, в центре которых находится фигура бога-учителя, смерть героя чаще всего сводится к его загадочному исчезновению, которое вызывает самые противоречивые толкования, как, например, в легендах об Эмпедокле. Очень немногие выдающиеся маги в мифах или в реальной жизни умерли своей смертью. За гибелью или исчезновением магов может следовать путешествие в Гадес, упомянутое в пункте (5), а затем, почти во всех случаях, мы узнаем о...

(10) Воскресение и/или вознесение героя. Примером вознесения, встречающегося в целом достаточно редко, может служить вознесение пророка Илии в древнееврейской литературе и Эдипа в древнегреческой драме. В видоизмененной форме оба этих варианта последнего элемента мифа о магах сохранились до наших дней.

Такова, в самом общем виде, структура мифа о магах. Ниже я постараюсь показать, что она восходит к ритуалу, связанному с царской властью, в основе которого, по мнению Хокарта, лежит смерть героя и его воскресение в обличьи бога. Традиционная структура мифа о магах также сопоставима с основными элементами древнегреческой трагедии, выделенными Гилбертом Мюрреем: речь идет о пафосе демона года, включающем в себя агон или главный конфликт пьесы, о просто пафосе или мучительной искупительной смерти и об апофеозе, т.е. богоявлении или воскресении. Согласно Хуку, по во многом схожему сценарию ритуалы, связанные с царской властью, проходят в Египте, Месопотамии и Палестине:

«Эта модель находила свое выражение в драматическом ритуале, разыгрываемом жрецами и членами царской семьи и изображающем смерть и воскресение царя, который одновременно был богом. Среди элементов такого ритуала были священная битва, олицетворяющая победу царя над своими врагами, триумфальное шествие, в котором принимали участие

соседние боги, восшествие на престол (церемония, на которой определялась судьба государства на грядущий год) и сакральный брак»*.

Хокард также упоминает сакральный брак как часть церемонии коронации; однако этот элемент лишь эпизодически появляется в мифах о магах, которые представляют собой особую версию мифа о герое, а миф о герое, в свою очередь, берет начало от ритуала, связанного с царской властью. Нельзя сказать, что женщины совершенно отсутствуют в легендах о волшебниках, но в целом они играют там весьма незначительную роль. Восточные маги должны были соблюдать безбрачие, и это, возможно, в значительной степени повлияло на формирование традиции; с другой стороны, сам Заратустра был женат трижды, у Соломона было семьсот жен, Симон Маг сожительствовал с Еленой, так же как и Иоганн Фауст, однако в большинстве случаев любовные интересы не столь важны в жизни магов, ум которых занят более значимыми вещами. Вместе с тем, изначальная модель мифа о магах была в значительной степени приукрашена эпическими и эстетическими элементами. Но куда бы ни заводила героев фантазия, и к каким бы свободам ни приводил их дух романтики, любовь, за исключением одного или двух случаев, не изменяла кардинально жизни волшебников.

Профессиональный маг

Если основные события в жизни волшебника из легенд обязаны своим происхождением ритуалу, то совершаемые им подвиги восходят к обязанностям древнего целителя, шамана или колдуна, который ежедневно должен был заботиться о благосостоянии племени или общины, ограждая его от опасности своими заклинаниями, магическими формулами, обрядами и различными другими актами колдовства, основанного на внушении, а также подражательной, искупительной или принудительной магии, т.е. теми жизненно важными и, как казалось его соплеменникам, фантастическими деяниями, животворная сила которых воплощалась и воспевалась во время великих периодических, сезонных и прочих ритуалов. В обязанности колдуна часто входило исполнение этих ритуалов в образе героя или жреца, хотя одними только ритуалами сфера его интересов не ограничивалась. Иногда на смену массовым общинным ритуалам приходили полупубличные или закрытые церемонии. Подвиги, приписываемые легендарным преемникам древнего знахаря, можно разделить

* *Лабиринт*, ред. Хук, Лондон, 1935, стр. v.

на две категории. К первой категории относятся чудеса, не имеющие сами по себе практического значения и являющиеся простым проявлением магической силы. Это, к примеру, левитация и полет по воздуху, превращение в животных или способность превратить в них других людей, а также умение становиться невидимым. Все чудеса такого рода, вероятно, также происходят из ритуалов. Левитация и полеты по воздуху часто отдаленно напоминают случаи вознесения или апофеоза. Во время многих церемоний инициации переход из одного состояния в другое олицетворяется сменой масок животных или их шкур, особенно там, где доминирует тотемная система. Согласно Джейн Харрисон, то же самое относится и к умению становиться невидимым:

«Исчезновение и внезапное появление героя является столь же распространенным элементом ритуала инициации, как и имитация убийства и воскресения... Оба эти элемента символизируют переход человека из одного состояния в другое»*.

Итак, эти ритуальные чудеса, как правило, внешне наиболее эффективные, отделяются от основной жизненной линии мага и используются им для наглядной агитации. Однако большинство совершаемых магом чудес восходит к практическим функциям древнего целителя или колдуна, главная ответственность которого состояла в заботе о благополучии племени, клана или общества, к которому он принадлежал, или покровителей, от которых он зависел.

Чтобы успешно справиться с такой трудной задачей, профессиональный волшебник должен был прежде всего обладать огромной силой воздействия на умы своих соотечественников. Поэтому не удивительно, что шаманы сибирских и колдуны африканских племен значительно превосходят своих соплеменников в интеллектуальном, духовном или личностном развитии. Используя модную в наше время терминологию, можно сказать, что у них больше «ман», чем у большинства людей. Эта врожденная сила значительно увеличивается благодаря вере народа в ее реальность; маг также может открыто продемонстрировать свои способности, чтобы убедить скептиков и подкрепить веру людей в его могущество сверхъестественными явлениями. Если маг обладает этим важнейшим даром, он с легкостью приобретет и следующее важное качество мага — способность излечивать людей, символом которой являются такие титулы, как знахарь и целитель. Способность мага излечивать или наносить

* Джейн Харрисон, *Древнее искусство и ритуал*, Лондон, 1918, стр.111.

удар на расстоянии используется им во время церемоний, которые должны воздействовать на сознание пациента. Психическое воздействие иногда, но не во всех случаях, подкрепляется конкретными противоядиями и лекарствами; при этом магия, основанная на внушении, и медицинские препараты могут использоваться вместе или по отдельности. Подобные методы воздействия и сегодня приводят к поразительным случаям исцеления или, наоборот, приобретения болезни, особенно когда врач и его пациент (или жертва) твердо уверены в эффективности своих действий. Вполне очевидно, что способность ранить человека отрицательным воздействием на его ум или тело развивается в способность убивать таким же способом, или делать и то, и другое одновременно. Далеко не столь очевидной признается претензия мага на умение оживлять умерших. Однако в легендах о магах такого рода эпизоды встречаются постоянно. Илия воскресил умершего сына вдовы; Эмпедокл с гордостью заявлял, что обладает этой способностью; клеветники рассказывали о Калиостро, что во время пребывания в России он попытался воскресить мертвого ребенка, а когда ему это не удалось, просто подменил умершего ребенка живым. Таким образом, в 18 веке возможность совершения магами подобного чуда все еще допускалась; считается, что и в наши дни шаманы нередко оживляют людей. Эта устойчивая традиция, вероятно, восходит к ритуальному воскресению царя-героя; так или иначе, независимо от ее происхождения, оживление умерших часто фигурирует в описаниях подвигов легендарных волшебников.

Несомненно, одна только способность мага управлять жизнью и смертью вызывала уважение окружающих его людей; однако еще большее значение для племени или общины в целом имела его власть над природой. Такие эпизоды, как остановка Иисусом Навином движения Солнца и Луны или утверждение сказочных колдуний, что они способны вызывать ветер, отражают первобытные представления, согласно которым главной обязанностью царя, жреца или волшебника является забота о снабжении племени пищей, а значит, о плодovitости людей, домашнего скота и растений. В этом состояла основная цель ритуалов, связанных со сменой времен года, царской властью или мифами о творении. Профессиональный маг, особенно в тяжелые для племени времена, должен был с помощью своей магии добиваться желаемых условий. Должность волшебника была сопряжена со множеством опасностей — достаточно вспомнить трагический конец пророков Ваала после их неудачной попытки вызвать дождь. Остается только гадать, скольких еще неудачливых ца-

рей и жрецов ожидала эта печальная участь? Однако и по сей день вера в способность мага управлять погодой полностью не исчезла. Законы теории вероятности обеспечивают современным заклинателям погоды довольно неплохие результаты. Неудачи же объясняются гневом богов, греховностью людей или какой-то ошибкой в проведении ритуала. Кроме того, накопленные поколениями людей наблюдения за погодой, несомненно, помогают магам-практикам предсказывать наиболее вероятное время наступления наводнений и дождей, а также наиболее благоприятные сроки для сева и жатвы. Вполне естественно было бы предположить, что обязанности мага и возлагаемая на него ответственность за судьбу сообщества обостряли его способности к наблюдению за природными явлениями.

Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что такое качество мага как способность предсказывать будущее основано именно на его практических наблюдениях за окружающим миром, более тонком понимании существующих в мире взаимосвязей и развитой интуиции. Однако не исключено, что дар пророчества впервые появился у волшебника на менее примитивной стадии развития общества, чем умение вызывать дождь. Как только маги стали заявлять о существовании у себя такой способности, она сразу же приобрела огромное значение. Конечно, трудно отрицать, что знания о будущих событиях кажутся человеку весьма полезными. Если я знаю, что завтра умру, то сегодня я постараюсь навести в доме порядок. Если я знаю, что надвигается неприятель, то смогу подготовиться к отражению его атаки. Времени на принятие подобных мер предосторожности после оглашения предсказания обычно остается немного — вспомним хотя бы историю Макбета. Из веры в способность мага предсказывать будущее неизбежно развивается вера в его способность это будущее контролировать. По этим, а также некоторым другим, менее определенным и более абстрактным причинам, искусство предсказания поднялось на довольно высокую ступень развития. От всех прочих чудес, совершаемых магами, предсказание будущего отличается особой сложностью, разнообразием форм и закрытостью не всегда понятных широкой публике методик. Для одного только перечисления (не говоря уже об описании) всего бесконечного множества видов гаданий потребуется книга гораздо большего объема, чем настоящее издание. Тем не менее, каким бы ни был используемый в той или иной ситуации метод предсказания будущего, он почти всегда включает в себя предварительные религиозные ритуалы, варьирующиеся от масштабных костюмиро-

ванных церемоний до тарабарщины в качестве заклинаний. Даже в тех случаях, когда в основе предсказаний лежит не толкование фактов, а интуиция, мы все равно наблюдаем присутствие формальных ритуалов. От жреца, изучающего на алтаре внутренности жертвенного животного до современных толкователей сновидений и предсказателей судьбы на деревенской ярмарке, от самого загадочного из пророков до самого отъявленного шарлатана — никто из обладающих даром предсказания или претендующих на него не отказывается от свиты почитателей и определенного набора ритуалов. Толкование снов и астрология, нередко упоминавшиеся в древних легендах, процветают и сегодня. Во все времена была также распространена и некромантия, тесно связанная с пятой важнейшей функцией профессионального мага — способностью повелевать духами.

Приписываемая магам способность повелевать привидениями впервые, вероятно, зародилась на основе попыток людей общаться с душами умерших, одной из форм поклонения предкам. Немаловажную роль здесь сыграло и постоянное стремление к процветанию племени. Древние надеялись, что духи умерших защитят племя от зла, своими магическими чарами принесут ему те или иные блага, например, хороший урожай или удачу на войне, отведут от племени болезни и другие несчастья или расскажут о грядущих событиях. Желание узнать будущее, собственно, и породило некромантию как таковую, обожествив участием душ умерших самые темные и зловещие магические ритуалы — примером этого может служить эпизод, в котором Аэндорская волшебница приказала Самуилу предсказать исход приближающегося сражения с Саулом. Общение с духами, искупительное или направленное кому-либо во вред, обставлялось торжественными и нередко устрашающими церемониями, к которым и сегодня, хотя не в такой крайней форме, прибегают спириты. Весьма вероятно, что контроль над духами в узком смысле этого слова, т.е. общение со сверхъестественными существами, произошло от некромантии; но, так или иначе, магов, которые занимались этим эзотерическим искусством, существовало великое множество. В тех случаях, когда волшебники заявляли о своих контактах с привидениями, они (волшебники) нередко приписывали свои чудеса и дар предвидения направляющим их духам. Эти существа, подобно теням умерших, вызываются с помощью жертвенных ритуалов и задабриваются молитвами. В черной магии такого рода ритуалы носят большей частью зловещий характер, а в христианской их разновидности им предшествуют искупительные цере-

монии и молитвы, адресованные Троице, с просьбой помочь обуздать вызываемых спиритами злых духов.

Мифы о Прометее, а также Девкалионе и Пирре, рассказывают нам о еще одной способности магов, выражающейся в ритуалах, которые олицетворяют сотворение мира. Этой способностью обладали некоторые великие боги и герои, а значит, и волшебники тоже. Для магов античности она не имела особого значения, однако в Средние века многие волшебники считали это качество верхом своих амбиций. Таковы вкратце основные обязанности, возлагавшиеся на профессиональных магов и послужившие основой подвигов их легендарных представителей; к перечисленным выше способностям можно еще добавить умение находить спрятанные сокровища, но эта функция, как и помощь, оказываемая магом в сражении своему повелителю, относится скорее к категории общих усилий, направленных на поддержание благополучия племени.

Несомненно, что настоящий маг, который способен выполнить все возлагаемые на него задачи или убедить окружающих, что он эти задачи выполняет, будет играть выдающуюся роль в любом обществе: лечить больных, воскрешать мертвых, заботиться о пополнении продовольственных запасов, способствовать всеобщей плодovitости, обеспечивать успех во время охоты, рыбалки и войн, устанавливать теплые и выгодные отношения с душами умерших, демонами и божествами, даже отрицательными, и в добавок ко всему предсказывать будущее. Древнееврейские священники и пророки, упоминающиеся в Ветхом Завете, выполняли все эти функции с беспримерным рвением; также и Эмпедокл в одном из своих *Фрагментов* дает краткое и достаточно исчерпывающее описание способностей, которыми должен был обладать волшебник-практик в его эпоху:

«Под моим руководством вы узнаете лекарства, излечивающие болезни и возвращающие молодость; вы научитесь успокаивать дикие ветры, губительные для урожая крестьянина, и вызывать бурю по своему желанию; вы сможете повелевать небом, и по вашей воле оно будет то чистым и спокойным, то прольет на землю животворный дождь, напоив плоды земные. Вы даже научитесь возвращать к жизни умерших, которые уже стали жертвами Плутона... Мне поклоняются мужчины и женщины, желающие отыскать богатство или нуждающиеся в пророчестве...»*

Как видим, Эмпедокл не упоминает общение с миром духов или кон-

* Цитируется по тексту статьи Эмпедокл из *Энциклопедии религии и этики*.

троль над ним. Он считал себя бессмертным и потому, вероятно, полагал эту способность само собой разумеющейся. В остальном же он приписывал себе все обычные для мага силы. В приведенном выше отрывке содержится и достаточно туманный намек на то, что волшебник может как сохранить урожай, так и погубить его, вызвать как хорошую погоду, так и плохую. При этом во всех мифах о магах неизменно признается опасность такого положения, и нередко маги становятся объектом мести — человеческой, дьявольской или божественной. И если герою ритуала приходилось умирать ради блага общества, мага тоже ждала подобная участь, причем, в отличие от приносимого в жертву бога, он считался виновным в преступлении против общества или духовном грехе. Если волшебник-практик пользовался черной магией для получения личной выгоды или осуществления каких-то коварных замыслов, это, конечно, влияло на чистоту его образа, но ни в коей мере не ослабляло его предполагаемых чар и того благоговейного страха, с которым к нему относились окружающие. Очевидно также, что белого мага одного племени другое племя, враждебное первому, считало представителем черной магии. Здравый смысл также подсказывает нам, что абсолютные способности, приписываемые некоторым волшебникам, должны были неизбежно испортить их, а в тех случаях, когда маг просто притворялся, что обладает тем или иным даром, ценность такого дара, конечно же, снижалась.

Чрезвычайно практичные функции, которые возлагались на волшебника племени (включая заботу о запасах пищи), в изобилии фигурируют и в различных легендах, только там они превращаются в чудесные подвиги или сверхъестественные явления, зачастую полностью оторванные от их утилитарного происхождения. В подобных случаях мы сталкиваемся с действием эстетического импульса, который заставляет нас описывать чудеса ради их самих, побуждая нас забыть или попросту не обращать внимания на их прозаическую основу. Кроме того, в легендах упоминается множество дополнительных чудес, порожденных ритуалами и оторванных от их изначального контекста. В редких случаях такого рода чудеса являются просто плодом воображения. Социальное значение профессионального мага начало постепенно исчезать из виду под наплывом сенсационных подвигов, которые стали главной темой и целью легенд. Более того, эти подвиги стали настолько доминировать в мифах, что полностью затмили их ритуальную структуру. Когда в мифы стали превращать описания жизни великих религиозных учителей, их леген-

дарные деяния, как грибы, выросли посреди их высказываний и перевели внимание от нравственности к чудесам. И все же, за всеми историческими и мифическими героями мира магии ощущается призрак актера-жертвы, совершающего искупительный акт, а также тень реального первобытного шамана, вызывающего дождь.

Вознесение этого сложного существа на небывалую высоту и его последовавшее падение, которое сменилось затем частичным возрождением, его неизменно двусмысленное положение в обществе и аура таинственности, то светящаяся, то темная, которая так пробуждает наше любопытство — вот главная тема этой книги, проиллюстрировать которую призваны описания жизненного пути или легендарных жизней двадцати необычных героев. Работая над этим незначительным и поверхностным вкладом в историю идей, я старался держаться уровня легенд, предпочитая широко распространенные представления и верования историческим фактам. Мне не удалось достичь глубин академического знания или высот философии и религии. Я также оставил на будущее исследование мифотворческого процесса в литературе, хотя сами литературные примеры, конечно же, широко мною использовались. Учитывая подобную избирательность, а также мои очевидные ограничения и недостатки, можно предположить, что эта книга покажется неглубокой и незрелой всем специалистам в тех областях, которых я лишь слегка здесь коснулся. Я не являюсь востоковедом или специалистом по древнееврейской философии; я не исследователь античности и не эксперт по средневековью, не археолог и не антрополог, не теолог и не историк. Я даже не маг. Более того, о каждом из описанных в этой книге магах или торговцах магией можно рассказать гораздо больше. О них написаны книги и собрания сочинений, а о некоторых из них — даже целые библиотеки. Это свидетельствует о том, что к магам традиционно причисляли людей весьма известных; в настоящей работе я попытался проследить развитие этой традиции до и после Фауста, причем, образно выражаясь, мне удалось затронуть только пену на гребнях волн, не погружаясь даже в сами волны, не говоря уже о глубинах океана.

Иногда просто невозможно удержаться от размышлений о возможности существования объективной реальной основы сверхъестественных притязаний различных магов и приписываемых им способностей; тем не менее, я в меру своих сил старался избегать подобных размышлений. Дело в том, что даже в тех случаях, когда существуют какие-то свидетельства в пользу реальности претензий магов на обладание волшебной

силой, эти свидетельства обычно не выдерживают критики. Показания свидетелей, настроенных за или против того или иного волшебника, в равной степени предвзяты; беспристрастных же наблюдателей можно найти совсем немного. Лекки довольно точно подметил, что когда речь идет о сверхъестественных явлениях, люди либо верят в них наперекор свидетельствам, либо не верят в них, также невзирая на возможные свидетельства «за», но никогда не полагаются на сами свидетельства. Рассматривая историю каждого отдельного мага, я постарался подходить к ней с открытым разумом, хотя, конечно, этот подход вовсе не является всесильным сезамом, перед которым открываются пещеры магии; я прежде всего пытался оценить вклад того или иного мага в развитие традиции. Единственно надежной опорой под ногами исследователя колдовства или магии (или религии — сферы их взаимодействия) является тот факт, что представления о них прочно укоренились в умах людей. Именно в сфере человеческого сознания магия имеет огромное влияние. На этом критерии я и основывал свой собственный подход к отбору персонажей для этого исследования. О многих мне так и не пришлось упомянуть из-за ограниченного объема издания. Однако те герои, о которых вы все же прочтете на страницах этой книги, действительно околдовали умы своих современников и последующих поколений той таинственной магической силой, на применение которой они получили исключительное право.

ЧАСТЬ I. ЗОЛОТОЙ ВЕК

ГЛАВА I МУДРЕЦЫ ВОСТОКА

Маги

В соответствии с некоторыми авторами мидийские маги были известны задолго до дней Заратустры как каста магов-священников, одно из шести племен Мед, перечисленных Геродотом (484–406 годы до н.э.). Именно от этих народов произошло слово «магия», хотя его этимология спорна и неясна. Однако используемое греками слово «магия» первоначально означало религию, учение и оккультные практики восточных магов, а нашим главным источником знания об этих таинственных людях является выдающийся историк, сам Геродот. Факты, которые он подробно излагает, скудны, но своеобразным образом насыщены, поскольку они связаны с блеском Золотого Века. То был век символических пророческих сновидений; и когда Астиаг, обреченный быть последним царем мидийцев, увидел сон, опасный для него и связанный с его дочерью Манданой, он поспешил обратиться к магам. Они подтвердили его предположения о том, что сон означает грозное предзнаменование его царствованию; тогда он попытался предотвратить брак своей дочери Манданы со спокойным и незначительным, хотя и родовитым персом, называемым Камбисом, который, по его оценке, стоял рангом ниже среднего класса мидян. Рок однако подкрался ближе и более зловещее сновидение истолковывали маги — об ожидаемом ребенке Манданы. Они согласились с собственными опасениями царя: нерожденному дитя суждено царствовать вместо него. Затем разыгрались события, описанные Софоклом. Ребенок, Кир, вместо существования по приказанию Астиага должен был быть убит, но был тайно увезен пастухом в отдаленный район. Однако кровь заговорила. Маленький мальчик был избран на должность царя среди своих деревенских друзей детства, и такая способность была замечена Астиагом, который тут же распознал, кем он является. Он жестоко отомстил непослушному слуге, но в связи со странным смешением угрызений совести и гордости

за своего внука он вновь послал за магами и рассказал им о том, что случилось.

«Маги сказали: 'Если ребенок все еще жив и стал царем без посторонней помощи, будь спокоен и мужествен, так как ему не быть правителем вновь во второй раз, поскольку не всякое толкование оракулов полностью сбывалось и не каждое сновидение является вещим'. Астиаг ответил следующими словами: 'Я также, о маги, склонен полагать, что это так, поскольку мальчик был назван царем во сне и сон осуществился. Он больше не представляет опасность для меня. Тем не менее, дайте мне совет: что безопасней всего для моего дома и для вас?' Отвечая на это, маги сказали: 'Для нас, о царь, весьма важно, чтобы твое правление было твердым; так как в противном случае оно перейдет к чужестранцам из Персии окружающим этого мальчика, и мы, будучи мидийцами, сделаемся рабами, и персы с нами не будут считаться, видя, что мы принадлежим другой расе; но так как ты поставлен нашим царем, который принадлежит нашей собственной нации, мы вместе участвуем в правлении и получаем великие почести от этого. Поэтому мы должны всеми средствами заботиться о твоем правлении. А сейчас, если бы мы увидели в этом что-то, что вызывает страх, мы должны были сказать тебе заранее; но, так как сон разрешился пустячным образом, у всех нас хорошее настроение и мы призываем тебя к тому же; а что касается этого мальчика, пошли его прочь от твоих глаз к его родителям в Персию'»*.

К несчастью для них, их толкование оказалось ошибочным. Кир восстал против своего деда и победил его в 559 году до н.э. Астиаг посадил на кол тех магов, которые убедили его или скорее согласились с ним в том, чтобы оставить Кира в живых. Последний основал персидскую империю и держал мидян в подчинении. Однако во время царствования его сына Камбиса (529–522 годы до н.э.) маги набрались смелости и попытались вновь захватить власть. Один из их числа, Патицейтес, назначенный правителем во время отъезда Камбиса в Египет, предложил, чтобы каста восстановила свой прежний престиж. Этот вице-регент знал тайну предательского убийства царского брата Смердиса по команде царя, и он также знал, что эта неестественная смерть, побуждением к которой стал страх узурпации, замалчивалась. Он предложил смелый план провозглашения царем мага Гаумату, который имел сходство с умершим Смердисом, братом Камбиса. Заговор поначалу удался, так как было предпринято много предосторожностей для того, чтобы Гаумата оставался в тени. Когда Камбис услышал о том, что случилось, он сперва поверил, что Смердис не был убит; но, будучи вновь уверенным

* Геродот, I, 120, гр. Макаулай.

убийцей в его смерти, он понял, что его обманули, и намеревался разоблачить ложного Смердиса, сперва сделав известными факты для персидской знати и поручив им вновь восстановить свое правление над Медесом. Однако произошло большое замешательство, поскольку убийца побоялся предать дело огласке; и Гаумата спокойно правил в течение семи месяцев:

«и в течение них он совершил дела для блага своих подданных так, что после его смерти все в Азии, за исключением самих персов, оплакивали его потерю, потому что он разослал вестников ко всем подвластным народам и объявил освобождение от военной службы и от дани на три года»*.

Допуская, что в таких мерах есть большая доля политики, эти меры отразили мудрость и смысл тех благ, которые приносят мир и процветание; так даже наиболее достойные порицания маги в целом показали более верное понимание того, что составляет человеческое счастье, чем большинство правителей и завоевателей. Однако также верно, что обман всегда портит характер человека — обман и жажда власти. Ложный Смердис был разоблачен, и также была раскрыта постыдная тайна того, что Кир оставил на нем клеймо за нанесенную обиду, вырвав ему глаза. Один несомненный факт о подлинности происшедшего установил Дарий, сын Гистаспа, войдя во дворец с шестью другими знатными людьми с решимостью положить конец самозванцу. Они пришли в недобрый час для магов. Убийца настоящего Смердиса, которого они попытались окончательно связать в своих интересах, публично признался и все рассказал, а затем перед всеми покончил жизнь самоубийством. Во дворце все еще царили беспорядки, когда конспираторы силой вошли в личные комнаты магов, убили Патицейтеса и Гаумату, а затем убили всех магов, которых они смогли схватить. Дарий отметил этот мятеж кратким посланием, в котором он говорит об узурпации Гауматы-мага, о своем собственном успешном заговоре против него и о восстановлении династии Ахеменидов. Персы со своей стороны помнили о победе, отмечая ежегодный праздник, *магофонию*:

«В этом праздновании у персов принимает участие гораздо больше людей, чем в остальных, и в этот день персы отмечают большой праздник, называемый праздником падения магов, в который магам не дозволяется появляться вне дома и маги сидят дома целый день»**.

* Геродот III, 67, тр. Макаулай.

** Геродот III, 79, тр. Макаулай.

Как ни странно, такие публичные ликования продолжают существовать бок о бок с непрекращающимся доминирующим влиянием магов. Несмотря на то, что они утратили свое политическое значение после восстановления Ахеменидов, они, кажется, получили гораздо более могущественную духовную власть, чем прежде. Их империя над людскими умами уже выделяла их среди остальных мидийцев; теперь же она принесла им отличие при исполнении богослужения как признанных священников персов. Без них не может проводиться ни один религиозный обряд:

«Маг стоит рядом с ними и воспевает им теогонию... ведь без мага принести жертвы у них не положено»*.

Что такая должность значила в те дни, когда обряды и жертвы были обязательны для всех предприятий и почти для всех ежедневных происшествий, сегодня может быть понято по крайней мере частично; если даже нам такие священники и могли бы внушать благоговейный трепет и мы бы не скрывали радость во время *магофонии*, это еще не гарантировало судьбу, которую Астиаг отмерил тем, чьих даров он хотел. Конечно, судьба тех людей, которых всегда призывали дать ближайшие пророчества на предмет национальных побед или бедствий, рискованна, если не явно опасна. Когда им навязывали такое положение, они, казалось, в целом давали успокаивающие пророчества, как например, когда они толковали скорее пагубное видение Ксеркса перед походом на Афины как говорящее о его господстве над всей землей; или когда они настойчиво утверждали, что солнечное затмение предвещало поражение афинян. Они могли знать в обоих случаях правду, но боялись сказать ее. Одно определено: каста никогда не теряла пророческого престижа, несмотря на ложные индивидуальные предсказания. Немедленно последовав за Ксерксом в этом роковом походе в священной колеснице, запряженной восьмью белыми лошадьми, они были подвержены такой же опасности, как и сама армия, славя героев, павших под Троей, принося в жертву белых коней ради хорошего предзнаменования в реке Стримон, успокаивая шторм, бушующий около мыса Сепиас, благодаря приношению жертв и напевая заклинания. Так эти члены покоренной расы воздействовали собой на завоевателей.

Они отличались многими манерами от остальных людей, говорит Геродот, и если это было так в Азии, насколько же глубже они должны были производить впечатление на греков своей странностью, так увели-

* Геродот, I, 132, тр. Макаулай.

чивая свое могущество. Так маги проникли в Грецию, Индию и даже, как некоторые говорят, в Китай; и их могущество было признано во всем мире. Они преодолели религиозные различия, так как в магической природе всегда было нечто универсальное и интернациональное; и хотя странность их обрядов могла броситься в глаза Геродоту и позже Плутарху, они от этого не потеряли ценность великих магов античности, профессиональных толкователей снов и предсказателей по звездам.

Из описаний Геродота и Плутарха можно сделать вывод о том, что религия магов была или примитивной, или искаженным зороастризмом; и в целом кажется, что магизм (вводя новое слово) предшествовал зороастризму и был реформирован им. Сами маги впоследствии принадлежали по своему официальному положению к более высокому рангу, в то время как частным образом практиковали старые обряды. Однако в действительности мало известно о таком подчинении догматам; но из историй, рассказанных Геродотом, проступают интересные детали об их божественных способностях. Сны, которые рассказывали магам, всегда были глубоко символическими снами, и их интерпретации казались совершенно очевидными. Так, когда Астиаг увидел виноградную лозу, растущую из чрева своей дочери и распространяющуюся по всей Азии, ему был крайне необходим пророк, который поведал бы ему о том, что это значит. Все же он проконсультировался с магами. Возможно, по крайней мере, что это была политическая выдумка; окольным путем было сказано, что ему придется нелегко с персами, которые будут считать плод Манданы предложением для того, чтобы свергнуть его с трона и привести персов к власти. Если это было так, то он фактически консультировался с магами скорее как с политиками, а не как со священниками, возможно, используя язык восточных деспотов, применяемый ими, когда они хотели получить религиозную (или моральную) поддержку своим политическим злодеяниям. Когда чувства Астиага изменились, он также обратился за советом к магам, но в конце концов, как это было и в случае с Гауматой, он не слишком беспокоился о кровопролитии — миротворцы встречаются реже, чем подстрекатели к насилию.

История этой странной касты, собранная вместе по частям из *Истории* Геродота, похожа на краткое символическое изложение мифа о маге, которое описывается в данной книге. Период неоспоримого влияния; потеря власти, когда раса, из которой они вышли, погибла; присвоение себе ложной личности; обнаружение обмана посредством знака, который опозорил узурпатора как преступника, и к тому же беспрестанное и даже

возрастающее духовное доминирующее влияние после ужасного отщепления. Все это странным образом пророчествует о днях, которые грядут. Тем временем греки придумали непереходной глагол «быть магом», что в переносном смысле означает: «околдовать, опутывать чарами, прельщать». Даже в самые темные дни такое могущество никогда не покидало их духовных потомков; маги сами пришли с Востока для того, чтобы провозгласить и поклониться новорожденному Христу, а затем, после возвращения в свои дома, о них больше ничего не было слышно.

Заратустра

*Я видел книгу в царских покоях Кхусрау,
Написанную в Пахлави,
Потому что они так называли тот древний язык.
Великий архисвященник поместил ее сюда — глава
обучаемого хора.*

*Книга рассказывает различные истории
О смерти древних царей и старых героев.
В ней также прослеживается священная линия Зенд-Авесты
И помещена священная божественная книга Заратустры;
Здесь история о его чудесном рождении,
И все, что отмечало его мудрое пребывание на земле.
Время потрепало том, поистерло мистические страницы
И покрыло их дымкой веков*.*

Так писал Заратустра-Бехрам в тринадцатом веке: и несмотря на богатство учености и обильное учение по зороастризму, особенно в *Священных книгах Востока*, позиция основателя сегодня остается в значительной степени той же, несмотря на то, что мифология нахлынула и окружила его, подобно набежавшему морскому приливу, подчинила его, а затем, отступая, оставила на берегу фрагменты жизни, разбросанные тут и там, плавающие обломки большого кораблекрушения, включая религию, которой он учил.

«Как персы являются обломками людей, так и их священные книги являются руинами религии. В мире не было другой такой великой веры, которая оставила после себя такие бедные и скудные памятники своего прошлого блеска»*.

* Джон Вилсон, *Религия Парси*, Бомбей, 1843, стр. 447, перевод Зартушт-Намах Е.Б. Иаствик.

Считая *Гаты* документами данной религии в ее самой ранней и самой чистой форме, кажется, что процесс, которому она подвергалась, был приблизительно тем же самым, что и в буддизме, что было победой магического ритуала и магической легенды над доктриной. Что отличает зороастризм, так это полнота победы, которую одержал Заратустра, живший, вероятно, в седьмом столетии до Христа, почти чисто мифическая фигура, которую Вильямс Джексон тщетно пытался очеловечить и которую высший священник персов в Карачи признал только в 1938 году.

«Мы знаем все о жизни Мухаммеда; мы знаем кое-что о жизни Будды и Иисуса; мы практически ничего не знаем о жизни Заратустры»**.

Благодаря грекам его считают магом *par excellence*, и с моей точки зрения он является наиболее ярким примером того, как легенда изглаживает жизнь. Это именно так, и тексты Авесты и Пахлави дошли до нас в столь фрагментарном состоянии, что я без сомнения использовал некоторые материалы позднего *Зартушт-Намах*, который, хотя и считается традиционным и принадлежит к зороастрийским писаниям, подвергся вставкам из еврейских, греческих и христианских источников. Согласно ученым, работавшим над текстами, *Гаты* могли быть составлены в период между 1500 и 900 годами до н.э.; самые старые отрывки поздней *Авесты* — незадолго до Дария (521–485 годы до н.э.); самые поздние части *Авесты* — в третьем и четвертом столетиях до н.э.; а тексты Пахлави, написанные около 900 года н.э., были, вероятно, составлены в течение века сассанианов (221–640 гг. н.э.).

Рождению будущего законодателя Ирана предшествовали пророчества, слава Ахура Мазды вошла в чрево матери девушки, которая дала рождение Заратустре:

«Вслед за тем, как Ахура Мазда создал материал Заратустры, слава присутствия Ахура Мазды перенеслась к материалу Заратустры на зародыш; от этого зародыша она перенеслась к свету, к тому свету, который бесконечен; от бесконечного света она перенеслась к свету солнца; от света солнца она перенеслась к луне; от луны она перенеслась к звездам; от звезд она перенеслась к огню, который был в доме Зоиса; а от этого огня она перенеслась к жене Фрахимрвана-зоиса, когда родила ту девочку, которая стала матерью Заратустры»***.

После принятия Духа-хранителя и материального тела Бога, а также и Славы, девушка непорочно зачала и родила пророка, который, как

* С.Б.Е., IV, стр. XIV, Введение Дарместетера к *Вендидад*.

** М.Н.Дхалла, *История зороастризма*, Нью-Йорк, 1938, стр. 310.

*** С.Б.Е. XLVII, стр. 17; Пахлави *Динкард*, Книга VII.

говорят, сошел с небес благодаря огням эфира, вероятно, другим путем, изображающим нисхождение Славы. Еще более привлекательная версия делает Заратустру потомком эмигрантов с великого трансатлантического континента, достигших нашей земли после удивительного путешествия. Здесь вновь находим лежащую в основе идею нисхождения бога. Чудесные знамения, естественно, сопровождали рождение такого ребенка. Сну матери, подробно излагаемому в *Зартушт-Намах*, предшествовал поразительный случай, состоящий в том, что пророк громко рассмеялся, когда увидел свет дня несмотря на то, что, «ради спасения этого ребенка, рождение его было всеми оплакано»*.

Все писатели, говорящие о пророке Ирана, отмечали этот смех, который осветил весь дом; и Плиний, упоминая этот случай, описывает, что его мозг пульсировал так яростно, что отталкивал руку, положенную на его голову. Тем временем Слава, которой всегда был окружен Заратустра в человеческих умах, озарила дом и деревню, в которой он родился; вся природа радовалась, и трепет великой радости прокатился по всему творению Ахура Мазды. С другой стороны, страх и гнев заставили задрожать Ахримана и его творения даже от того, что было провозглашено пришествие пророка. Еще до его рождения темные полчища попытались уничтожить его, а теперь, в панике и гнев, сатана и его служители пытались любым способом своего могущества избавить себя от угрозы. И мир казался в то время наполненным злыми жрецами или черными магами; другими словами, Карапс и Кигс поддерживали старую религию, которую Заратустра пришел реформировать или заменить. Фактически, они соответствовали мидийским магам. Но кем бы они ни были, они представляли приверженцев Ахримана, духа зла, постоянно сражающегося против Ахура Мазды, и они сделали все возможное для того, чтобы убить его посланника во младенчестве. Тщетно: рука, поднявшаяся для нанесения удара, была лишена силы; звери не нанесли ему вреда и огонь не сжег его. Ему было предопределено возмужать и достичь величия, которое так замечательно описано:

«В нем был проявлен ум, вмещающий весь мир в целом и более возвышенный, чем любое состояние мира, с пониманием того, чья сила совершенно выбрана, с интеллектом, способным все воспринять, и с проницательностью, способной все решить; также с обращенным вниманием царственной славы и с полным желанием справедливости, с результативным усердием и эффективной властью и даже с превосходством в величии и великолепии силы, которая

* *Зартушт-Намах*, стр. 483.

отличала четыре класса — духовенство, воинство, земледельцев и ремесленников; с совершенной дружбой ко всем святым существам и благу, и с ужасной враждебностью к демонам и ко всему подлому»*.

Эта «ужасная враждебность» была *лейтмотивом* его жизни; и, как мы видели, она была взаимной. С самого раннего возраста Заратустра начал вооружать себя духовно для того, чтобы противостоять злу, и также готовил себя к своей священной миссии. Как некоторые говорят, он начал соблюдать полное молчание с семи лет; впоследствии он провел долгий уединенный период посвящения в дикой местности, где он жил в горной пещере на покрытой снегами вершине, питаясь исключительно творогом и молоком. Традиционно считается, что ему было тридцать, когда перед ним предстало откровение Ахура Мазды. Оно последовало с различным интервалом в семи других видениях, в шести встречах с Амешаспендами или архангелами и в других беседах с Ахура Маздой. Ангельские встречи были по своей природе выдающимися и практическими, ведя к началу процветания людей, которое с незапамятных времен соответствует взглядам медицины:

«И свобода от нападков, освобождение от гонений и соответствующая поддержка пяти видов животных, были предписаны Заратустре, по-видимому, с внушающим глубокое уважение предостережением... Забота о соответствующем поддержании огня Варахрана и искупительная жертва любого огня была объяснена ему, и он получил подробные указания о различных путях сохранения металлов и был предостережен от изготовления военного снаряжения из золота... И Заратустра также получил наставления... о том, как заботиться о земле и умиловать ее... и ему было сказано, как заботиться о воде и умиловать ее... и он был осведомлен о том, как заботиться о растениях и умиловать их»**.

Еще большее впечатление производит рассказ в *Авесте* о том, как Ахриман и его демон напали на Заратустру и искушали его:

«С севера, из северных пределов, примчался Ангра Майнью, смертоносный, Дэв Дэвов. И так говорил злой грешник Ангра Майнью, смертоносный: «Драг, приди и убей его». О, святой Заратустра! И явился Драг, демон Бунти, коварная, невидимая смерть.

И Заратустра громко сказал Ахуна-Вайрью: «Воля Господа есть закон праведности. Она — дары Вохумано за деяния, совершенные в этом мире во имя Мазды. Облегчающий участь бедного делает Ахура Мазду царем».

* С.Б.Е. XLVII, со стр. 46; Пахлави *Динкард*, Книга VII.

** С.Б.Е. XLVII, со стр. 161; Пахлави *Зад-Спарам*, Глава XXII.

Он принес жертвенные дары добрым водам доброй Дайты! Он прочел молитву поклоняющихся Мазде!

Драг пришел в ужас и обратился в бегство, демон Буити, коварная, невидимая смерть.

И Драг сказал Ангра Майнью: «О Ангра Майнью, мучитель! Я не могу убить Спитама Заратустру, ибо велика слава его».

Заратустра узрел (все это) в душе своей: «Злые Дэвы (подумал он) сговорились погубить меня».

И тогда Заратустра собрался и устремился вперед, неослабленный злобными загадками Акеммано; в руке у него были камни для метания, камни огромные как дома, которые он, святой Заратустра, получил от творца, Ахура Мазды. «Где на этой огромной, округлой земле, края которой скрыты вдали, где раскручиваешь ты (камни свои), ты, стоящий на обрывистом берегу Дареги-реки, во дворце Поурусаспы?»

Так отвечал Заратустра Ангра Майнью: «О злой грешник, Ангра Майнью! Я разобью творение Дэва; я разобью Насу, тварь Дэва; я разобью Паирика Кнатханти, и тогда победоносный Саошьянт появится на свет из озера Касава, из восточных пределов, пределов рассвета».

И вновь обратился к нему Создатель зла, Ангра Майнью: «Не уничтожай творение мое, О святой Заратустра! Ты сын Поурусаспы; матерью твоей я был призван. Отрекись от доброй веры поклоняющихся Мазде, и ты обретешь блага Вадхагхны, правителя народов».

Спитама Заратустра сказал в ответ: «Нет! Никогда не отрекусь я от доброй Веры поклоняющихся Мазде, ни ради тела, ни ради жизни, как бы ни перехватывало от них дыхание».

«Заратустра» — громко произнес Ахуна-Вайрю. Святой Заратустра сказал громко: «Прошу тебя, О, Господь, научи меня истине»...»*

Эта потрясающая сцена искушения, происходившая, судя по всему, на заре времен, несет в себе элементы магического соперничества; в версии *Динкард* еще один демон, превратившийся в прекрасную куртизанку, обращается в бегство после столкновения с пророком. Однако в последнем случае победа Заратустры становится лишь прелюдией к жизни, полной борьбы и конфликтов, которые закончились только после его смерти. Десять лет скитаний в попытке обратить людей к Ахура Мазде, по некоторым источникам, затронувших даже Китай, закончились для него целым рядом провалов и неудач, и облегчение он испытал только после того, как приобрел одного единственного ученика в лице одного из своих двоюродных братьев. Этот случай стал, тем не

* С.Б.Е. IV, со стр. 209, *Вендидад*, Фаргард XIX. Считалось, что Вадхагхна был правителем мира тысячу лет.

менее, поворотной точкой в его судьбе, ведь за ним последовало обращение царя Виштаспы, который должен был стать защитником новой веры. Ожесточенная борьба с царскими придворными в конечном итоге закончилась победой зороастризма. Царь был на пороге его принятия, после грандиозного соревнования Заратустры с жрецами старой веры, кигами и карапами, представленными черными магами. Противостояние это продолжалось три дня, в течение которых Заратустра ответил на тридцать три вопроса своих врагов и сделал это настолько убедительно, что переманил Виштаспу на сторону своей веры. Вслед за этим жрецы все же настроили царя против пророка и последний был осужден на смерть, которой предшествовали «тюрьма и ужасные пытки». На этом повествование в *Динкарде* заканчивается. В версии *Зартушт-Намах* подробно описываются средства, использованные черными магами, чтобы переменить отношение царя к пророку, и хотя средства эти скорее отдают средневековым, чем античными временами, они привлекают наше внимание к обвинению, неизменно выдвигаемому против проповедников всех новых религий, к обвинению в причастности к черной магии:

«Мудрецы тайно отыскиали все самое нечистое на земле, и кровь, и отбросы, и отрезанные головы кошки и собаки, и падаль, которой много было в те времена. Они принесли все это к дому Заратустры...»*

«Обнаружение» этих отвратительных предметов, по-видимому, не без оснований приписывалось Виштаспе, и после этого судьба пророка была решена. Он был брошен в темницу и приговорен к голодной смерти. Спасло его божественное вмешательство Ахура Мазды. Мельком упомянутая в писаниях зороастризма победа, добытая с помощью излечения черного коня, в версии *Зартушт-Намах* превратилась в фантастическую сказку, истоки которой, возможно, находились в народной традиции. Любимый рысак царя был поражен страшной болезнью: его ноги одна за другой втянулись в брюхо, и ничто на земле, казалось, не могло вылечить его. Об этом узнал томящийся в тюрьме Заратустра и пообещал излечить животное при условии, что получит одну награду за каждую возвращенную ногу. Так и условились; и когда царь принял новую веру, его сын стал сражаться за нее, царица согласилась с ней, а «мудрецы» были казнены, все четыре условия чуда были выполнены. Затем царь получил в свою очередь четыре

* *Зартушт-Намах*, стр. 503.

награды, одна из которых относилась непосредственно к нему, а три других — к членам его семьи. Три архангела, одетых в зеленое, явились ему в полном воинском снаряжении, исполненные славы и внушающие благоговение и страх; предупредив царя твердо придерживаться новой веры и подкрепив это предупреждение соответствующими обещаниями, они даровали ему способность предвидеть собственное будущее; один его сын получил бессмертие до воскресения, а другой — полную неуязвимость; его великий визирь был наделен самыми обширными знаниями. Что же касается Заратустры, который тоже просил бессмертия, ему было дано видение всей земли, рая и ада, а также будущего развития религии. Все эти различные дары были получены с помощью магических жидкостей, благовоний, волшебного граната, а в случае с Заратустрой — с помощью одной капли «чего-то, напоминающего мед».

Этот продолжительный и фантастический эпизод суда стал последним событием, вошедшим в структуру мифа о магах и неизменно впоследствии привлекавшим внимание мифотворцев. Отныне их внимание было привлечено главным образом к распространению зороастризма с помощью Священных Войн, и, что удивительно, сам пророк, судя по всему, не играл в них сколь-либо значительной роли. Различные версии его смерти, которая, по утверждению источников, настигла его в возрасте семидесяти семи лет, лишь добавляют яркости к сиянию его славы, которая окружала эту мифическую фигуру от рождения до смерти. Иранские источники утверждают, что он был убит турецким магом-язычником; по другим версиям, он погиб во время Священных Войн вместе с восьмьюдесятью другими священниками в великом Храме Огня Валха или был разорван на части волками, слугами злого Ахримана. Греческие и римские авторы, относящиеся к «отцам Церкви», распространили слух, что он погиб в огне в наказание за занятия астрологией, наукой дьявольской и потому запрещенной; ведь они (подобно придворным мудрецам царя Виштаспы) считали его черным магом. Существовала и более мягкая точка зрения, согласно которой он был одним из волхвов, предвестником и пророком Христа. Однако лучше всего описание конца земной жизни Заратустры получилось у поэта:

*Орда достигла Валха, и мир страдал от грабежей
И резни. Стремясь к храму Огня,
Ко дворцу и залам, украшенным золотом, они бросили
Их и Зенд-Авесту в огонь.
В храме было восемьдесят жрецов, почитателей бога,*

*И всех перед Огнем убили турки.
И смели с лица земли тот культ. Огонь,
Зажженный Заратустрой, погас от их крови;
Кто погубил его самого, мне не ведомо, но это был не я*.*

Завеса тайны, окружавшая смерть Заратустры, способствовала распространению убеждения в его грядущем воскресении. Это убеждение было выражено метафизически и символически. Семя его, согласно источникам, было оставлено на дне озера. Три юных девушки, пришедшие в нем искупаться, должны будут с интервалом в тысячу лет зачать и родить героя, который обновит мир. Последней из этих инкарнаций Заратустры будет спаситель Саошьянт («пришедший из пределов рассвета»), который полностью уничтожит зло, Ахримана и его слуг, установит на земле царство истины и справедливости и воскресит умерших.

Начиная с описанного в *Авесте* чудесного рождения, в истории Заратустры присутствуют все основные элементы мифа о магах, включая опасности во младенчестве, инициацию, искушение, дальние странствия, соперничество, суд, преследования, жестокую смерть и воскресение. Легенда, таким образом, значительно возвышает фигуру героя ритуалов; с другой стороны, мы видим примитивного знахаря и колдуна, мага из простонародья:

«Подлинным чудом было полное и тайное открытие Заратустрой, в виде благодеяния с помощью медицинских познаний, способности разбираться в характере и других профессиональных качествах того, что необходимо для истинного знания и духовного восприятия; а также указание с помощью откровения на ритуалы, необходимые для избавления от мора, победы над демонами и ведьмами и борьбы с враждебным колдовством. С помощью этих чудесных ритуалов можно было излечивать болезни, бороться с волками и другими вредными тварями, вызывать дождь, прекращать град, избавляться от пауков, саранчи и других вредителей растений и животных... Сюда же относится обнаружение источников воды и лекарств от болезней, изготавливаемых мудрыми врачами... и прочие мирские преимущества...»**

Таковы были некоторые откровения пророка, посланного Богом к человечеству со следующим заданием:

«Рассказывая людям мира, чтобы они могли видеть тайное и явное. Пусть знают они, что все яркое и сияющее есть часть сияния славы моей. Поклоняясь мне, они не ошибутся, если повернут лица к светлому и сверкающему. Если

* Фирдоуси, *Шахнаме*, пер. на англ. Уорнера, Лондон, 1910, V, стр. 92.

** С.Б.Е. XLVII, со стр.75; Пахлави *Динкард*, Книга VII.

они будут соблюдать мои заповеди, Ахриман покинет их; ничто в мире не сравнится со светом, ни среди малых вещей, ни среди великих. Из света создали мы ангелов и рай, и после этого ад появился из тьмы. Но где бы ты ни был в двух мирах, не найдется места, лишённого моего света»*.

* *Зартушт-Намах*, стр. 495.

ГЛАВА II

ПРОРОКИ И ЦАРИ ИУДЕЕВ

Моисей

Хотя Моисей как реальная историческая личность жил, вероятно, за много веков до реального Заратустры (при условии, что оба они действительно существовали в истории), законодатель еврейского народа все же стоит ближе к нам по времени, потому что этот подлинный или вымышленный персонаж ветхозаветного Исхода так никогда и не был окончательно вознесен на мифические облака. И, тем не менее, достаточно было нескольких воображаемых штрихов к его портрету, добавленных в Талмуде, в еврейских апокалипсисах, а также в работах Иосифа Флавия и Филона, чтобы библейский волшебник Моисей стал частью всеобщего мифа о магах.

Этому пророку Бога Яхве никогда не приписывалось божественное происхождение по отцу, ибо подобное заявление слишком бы уж противоречило представлениям иудеев о монотеизме; однако Филон пытался выдвинуть идею о двойной природе Моисея, т.е. о некоем нематериальном и бестелесном Моисее, который якобы существовал еще до Моисея исторического. Теория эта, тем не менее, так и не получила распространения. Легенда о ребенке, рожденном рабом, усыновленном дочерью фараона и позже ставшем пророком Господа, как оказалась, слишком прочно укоренилась в сознании людей. С другой стороны, опасности, которым он подвергался еще во младенчестве и которые затем распространились на весь его народ, стали выдающейся и неотъемлемой частью истории его жизни. Талмудические легенды добавили в его жизнь чудеса и знамения, связанные со сновидениями; как фараону, так и матери Моисея являлись видения о его будущем величии, которое затмит силу и славу Египта. Более того, когда дочь фараона вытащила младенца Моисея из воды, она излечилась от проказы; в другом эпизоде он пророчески снял корону с головы царя и надел ее на свою собственную голову.

Согласно Библии, период инициации Моисея начался его встречей с Ангелом Господним, явившимся ему из горящего куста на горе Синай (Хорив), и закончился его пребыванием на той же горе в течение сорока

дней и ночей лицом к лицу с Яхве. И до, и после инициации Моисею приходилось немало скитаться по пустыне, причем скитания эти вовсе не были похожи на длительные путешествия других магов в поисках мудрости или с целью ее распространения. Моисей вместе со своим народом стремился найти землю обетованную, и с учетом этого обстоятельства его путешествие можно скорее сравнить с Одиссеей, нежели с паломничеством. Умы людей в тот период были прежде всего заняты материальным благополучием, и их вождю было временами очень нелегко справляться с ролью знахаря и кормильца. И все же поиски мудрости не были окончательно забыты, поскольку главным событием жизни Моисея стала передача ему Богом Яхве содержания Торы, и он, как пророк, в свою очередь должен был передать Закон своему народу. Варух в своем неканоническом Апокалипсисе (Откровении) только добавил истории Моисея таинственности, описав серию видений или «путешествий духа», принятых Моисеем на горе Синай, когда Господь показал ему бездны преисподней, величие Рая, геенну огненную, место самоотречения, страну веры и землю обетованную.

После трагического эпизода последнего восхождения Моисея на гору Синай, когда он увидел землю Ханаанскую и узнал, что так никогда и не войдет в нее, он умер в земле Моавитской.

«... по слову Господню. И погребен на долине в земле Моавитской против Веф-фегора, и никто не знает места погребения его даже до сего дня»*.

«... и обличье его изменилось, озарившись сиянием; и он умер во славе по слову Господню, и он похоронил его, как обещал ему, и ангелы оплакивали его смерть; и молнии, светильники и стрелы — все зажглись перед ним в одно мгновение... ибо он любил его; и он похоронил его своими руками на высоком месте земли и на виду у всего мира»**.

«... и он собирался обнять Елеазара и Исуса (ветхозав. форма имени Joshua, не об Иисусе Христе — прим. пер.), и продолжал говорить с ними, как вдруг облако нашло на него, и он исчез в той самой недоступной долине, хотя и написал в священных книгах, что умер, ибо не хотел, чтобы они говорили, будто в награду за свою небывалую добродетель он отправился к Богу»***.

От этого события мы можем сделать еще один небольшой шаг вперед

* Второзаконие 34:5,6.

** [Филон] *Библейские традиции*, перевод Джеймса, Лондон, 1917, стр. 132.

*** Иосиф Флавий, *Традиции евреев*, перевод Уинстона, Лондон, 1906, стр. 113.

Обе эти книги о традициях евреев, как и Откровение Варуха, датируются первым веком от Р.Х.

по жизненному пути иудейского мага и упомянуть Успение (т.е. «взятие на небо» — прим. пер.) Моисея, намек на которое сохранился лишь в названии одного из «Заветов Моисея», и факт которого в какой-то степени подтверждается присутствием Моисея при Преображении Христа, описанном в Новом Завете. Однако этому воскресению из мертвых предшествовало, очевидно, путешествие в ад, особенно если учитывать упоминание Иудой (имеется в виду автор новозаветного Послания Иуды — прим. пер.) спора между Архангелом Михаилом и дьяволом о теле пророка. Тайна, связанная с местом захоронения Моисея, также дала повод для возникновения еще одной традиции. Речь идет о предположении, будто Моисей был умерщвлен своим собственным народом. Его отношения с людьми в прошлом, а также язык, которым о нем говорят другие пророки, и в частности, Осия, делают это предположение более правдоподобным (подобной же точки зрения придерживался, кстати, и Зигмунд Фрейд). Такой конец не только соответствует *нафосу* ритуала и ритуала-драмы, но и является вполне логичным завершением цепи многочисленных страданий и неудач, с которыми непопулярные маги сталкиваются в реальной жизни. Рождение, окутанное тайнами и чудесами, инициация, долгие скитания по пустыне, загадочная и, возможно, насильственная смерть, Успение, путешествие в ад и воскресение — налицо все обычные в таких случаях этапы жизненного пути.

Однако главным элементом истории Моисея-волшебника является его соперничество с другими магами, оказавшееся наиболее захватывающим и поразительным примером среди всех случаев роковой борьбы магов-соперников, которыми так богата история магии. Более того, по своим последствиям эта борьба также не имеет себе равных, ибо от ее исхода зависела судьба целых народов. Многие люди были ослеплены ее масштабами, а также тем обстоятельством, что Моисей действовал, как принято считать, исходя из религиозных соображений, и не заметили подлинной сущности описанного в Библии соперничества, которое не принесло народам ничего, кроме зла и разрушения, а ведь именно зло и разрушение во всем мире признаются неоспоримыми доказательствами действия черной магии. Действуя в таких условиях, когда на карту была поставлена судьба народов, и из самых возвышенных побуждений, Моисей превзошел по жестокости и бесчеловечности своих методов африканских колдунов и современных главарей бандитских шайк, которым обычно приписываются самые жестокие зверства, причем сделал он все это, чтобы освободить свой народ от невыносимого рабства — невыносимо-

го по крайней мере для него. Такова подоплека одного из самых претенциозных, мрачных и зловещих эпизодов мировой истории.

В те времена израильтяне по отношению к египтянам находились в положении иммигрантов и национального меньшинства, представляя собой, тем самым, потенциальную угрозу для египетского государства, и поэтому неудивительно, что они страдали от гнета и тирании. Такая ситуация предоставляла все возможности потенциальному агитатору, но без агитатора она не могла перерасти во что-либо более серьезное. Судя по описанию из ветхозаветного Исхода, израильтяне в целом были погружены в состояние умственной и нравственной апатии, лелеяли свои обиды и держались за свои цепи. Хотя политика фараона была направлена на постепенное истребление еврейского народа путем уничтожения младенцев мужского пола, его попытки противостоять увеличивающейся рождаемости среди израильтян не увенчались успехом; они по-прежнему плодились и размножались. У них, по-видимому, было достаточно пищи, им разрешалось держать домашних животных и птиц, а за их очень тяжелым повседневным трудом надзирали, по крайней мере, представители их собственного народа. Как и следовало ожидать, в подобных условиях инициатива, направленная на избавление от этих уз, исходила не от них самих; они были слишком заражены вирусом рабского менталитета.

Тем не менее, среди израильтян нашелся один человек, который воспытался их угнетателями и усвоил от них совершенно иное отношение к жизни. Обиды и несчастья втоптаных в грязь израильтян поразили Моисея и стали для него навязчивой идеей, ибо перед ним был его собственный народ, наследник великого и более счастливого прошлого. Когда он увидел египтянина, избивающего еврея, его охватил гнев, и он убил обидчика. Об этом случае узнали и донесли фараону, поэтому Моисею пришлось бежать на Синайский полуостров и жить там в изгнании, страдая от бедности.

«Среди холмов, возвышающихся на этом плоскогорье, есть один, который в те времена назывался Горой Бога. Египтяне и арабы считали это место священным, совершали на холм паломничества и снимали сандалии, когда достигали вершины. Нет ничего удивительного в том, что Синай вызывал у людей благоговейный страх и почтение; это действительно странная и пугающая страна. Суровые и неприступные горы упираются в небо своими пятью гранитными вершинами; лавины, подобные альпийским, только не снежные, а песчаные, срываются с их голых склонов и устремляются вниз со звуком, напоминающим звон монастырских колоколов; у воздуха здесь какое-то осо-

бое свойство: звук человеческого голоса можно услышать на огромном расстоянии, и очень скоро он перерастает в раскатистый рев; время от времени из-за холмов раздается отдаленный гул, как будто где-то там, вдалеке, ведет огонь артиллерийская батарея... И когда он [Моисей] бродил по этим холмам, на западе ему была видна только пустыня; за ней лежал Египет, страна, где его народ содержался в рабстве и плену. Он обращал свой взор на восток, но и там видел только пустыню, за которой была земля Ханаанская, родина его предков, страна мира и покоя, земля обетованная. И в его голове начали возникать новые волнующие идеи. Ему стали являться видения и странные сны. Он слышал голоса невидимых существ; он видел горящие кусты, которые не сгорали. Он стал пророком; он впал в экстатическое состояние»*.

Когда Моисей оказался в таких условиях и в таком состоянии, для него наступил тот зловещий и неопределенный час, который предвещает скорое откровение. И оно наступило в виде одержимости или контроля со стороны свирепого, неистового бога, изрыгающего пламя и призывающего к убийствам, анафеме и мести, со стороны *alter ego* (лат. «второе я») человека, которому предопределено было стать спасителем и вождем своего народа и проповедовать поклонение одному богу, Богу Авраама, Исаака и Иакова. С этого момента Моисея ожидала незавидная участь человека, оказавшегося между молотом и наковальней: между чем-то свирепым, неумолимым и демоническим, что побуждало его к действию, и капризным, непослушным собственным народом, который ему постоянно мешал, не говоря уже о прочих невыносимых трудностях и испытаниях, ожидавших его на пути к своей цели, а также враждебных народах, полных решимости не пустить незваных гостей на свою территорию. Немудрено, что ему, вероятно, приходилось постоянно напоминать евреям о чудесах, совершенных им в Египте.

Чудеса эти, как уже отмечалось, не были добрыми по своей природе. Магия, которой Моисей научился, скорее всего, в Египте, а также от Яхве, превзошла силы мудрецов, чародеев и магов фараона; кроме того, не исключено, что столь же важную, если не основную роль в успешном сражении с фараоном сыграло волшебство Аарона, который был, по видимому, более искусным магом, чем Моисей. Так или иначе, независимо от того, кто был главным действующим лицом в этой истории, соперничество завершилось победой и торжеством той самой силы, которая контролировала действия Моисея и которая таким образом прежде всего желала продемонстрировать свое могущество. Вновь и вновь Яхве заявлял, что специально ожесточил сердце фараона, чтобы уничтожить его и

* Винвуд Рид, *Мученики человечества*, Лондон, стр. 148, 150.

установить собственную власть. Умышленно заставляя ослепленного врага отвергать одно за другим требования Моисея и Аарона, Яхве посылает на тысячи египтян свои казни, болезни и мор, а затем топит множество людей в Красном море. На примере этих ужасных событий мы видим, как власть над силами природы используется во имя разрушения. Подобные чудеса были результатом действия жестокого ума, стремящегося установить свой деспотичный контроль над народами. Трудно даже сказать, кто был достоин большей жалости в том царстве террора, который Яхве установил в Египте, чтобы добиться от людей поклонения одному богу: фараон, ослепленный богом, желавшим его гибели; ни в чем неповинные египтяне, пострадавшие за грехи фараона; евреи, которые с самого начала просили своего вождя оставить их в покое, чтобы они могли по-прежнему служить египтянам, и которым теперь пришлось скитаться по пустыне; или сам Моисей, находившийся во власти жестокой, неумолимой силы, которой он не мог сопротивляться.

Скитания израильтян по пустыне, следовавшие за египетскими событиями, также оказались весьма трагичными. Нельзя сказать, что стремящиеся к мясным котлам Египта и миражам земли обетованной, где текут реки молока и меда, постепенно падающие духом от несбывающихся надежд, несчастные евреи стойко переносили выпавшие на их долю испытания; на их фоне выделялась лишь трагическая фигура Моисея, полного неукротимой смелости и железной решимости не допустить их возвращения к рабству и политеизму. Ко всем его прочим проблемам добавлялась и та пугающая неспособность использовать волшебство по первому требованию, всегда подстерегающая религиозных лидеров, которые основывают свою доктрину на чудесах и от которых потом вновь и вновь требуют их продолжения. Более того, такие чудеса были жизненно необходимы для выживания целого народа, который отправился за ним в пустыню, да и к тому же принято считать, что маги для того и нужны в путешествиях, чтобы обеспечивать странников пищей и водой. И действительно, в одном случае голодные люди как по волшебству получили манну небесную, а в другом из скалы чудесным образом начала течь вода. Но, с другой стороны, перепела, посланные людям в ответ на мольбы о мясе, оказались отравлены, что было истолковано как гнев Яхве на евреев за их нечестивые желания. Неудивительно, что с таким упрямым, непослушным и постоянно ропшущим народом Моисею удавались главным образом чудеса, связан-

ные с наказанием и угрозами. Когда стало ясно, что убийства и угрозы о неотвратимости гнева Яхве не принесли ожидаемого результата, в ход пошли таинственные болезни и мор; когда же объявлялось, что знакомый дух нашего мага наконец занял свое место в скинии, все это сопровождалось громоподобными звуками труб, а также появлением огня и дыма.

Таким образом, можно сделать вывод, что чудеса, совершенные Моисеем или посредством Моисея, относятся в целом к сфере черной магии; другими словами, автор или редактор ветхозаветного эпоса Исход, кто бы он ни был, находился на темной половине магического царства. Тот же факт, что при изучении жизнеописания Моисея у читателей обычно не возникает впечатления, что перед ними хроника зла, а, напротив, они испытывают благоговейный восторг и временами ощущение великой святости, что объясняется религиозной убежденностью и рвением автора. Постепенное продвижение вперед, от простого поклонения только одному богу к осознанному монотеизму, получение Моисеем Десяти Заповедей, масштабность описываемых событий, мрачная красота и величие окружающей природы — все это в какой-то степени нейтрализует ощущение мстительности и зла. В этом ужасном боге есть что-то внушающее благоговейный страх, а в его замученном пророке столько трагизма и своеобразного благородства, что оба они уже не поддаются оценке по категориям добра и зла и стоят выше разделения магии на черную и белую. Вряд ли можно назвать божество, которое по своим качествам могло бы сравниться с Яхве. И потому вполне естественно, что магическое соперничество, в котором он участвовал, можно считать самым великим и грандиозным в истории мира; из всех же прочих когда-либо описанных столкновений магов выделяется искушение Заратустры самим Ахриманом, Духом Зла.

Соломон

Хотя библейская история Моисея и обладает всеми характерными чертами мифа о магах, она все же не столь ограничена рамками стереотипа, как, скажем, легенда о Заратустре, и производит впечатление полумистического описания реальных событий. Ее сюжет, даже несмотря на возможные более поздние исправления, сам по себе достаточно индивидуален и благодаря своей уникальности не оставляет потомкам пространство для серьезных изменений. Этот удивительный эпос о

миграции целого народа изложен в Библии настолько полно, что его вряд ли можно было бы улучшить (этого уж точно никому из возможных редакторов сделать не удалось). И жизнь его главного героя, Моисея, описана столь реалистично, что на ее фоне образ Заратустры выглядит довольно бледно. Следует также упомянуть, что и Заратустра, и Моисей больше известны потомкам как законодатели своих народов, нежели как маги и волшебники, однако магические способности сыграли не последнюю роль в их жизни. На трактовку личности Моисея повлияли и постоянно повторяющиеся в Ветхом Завете утверждения, что все совершенные им чудеса были результатом деятельности самого Яхве, в результате чего внимание читателей было сосредоточено на пророческих, а не на магических аспектах истории. И кажется, будто в наших умах будут вечно звучать слова этого неумолимого, жестокого, внушающего ужас и в то же время величественного человека: *Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть**.

Развитие легенды о царе Соломоне проходило по совершенно иному сценарию. Мифотворческое воображение людей накинлось на олицетворяемую Соломоном фигуру мудрого правителя, подобно коршуну, вцепилось в него мертвой хваткой и так никогда и не отпустило. И хотя в самых ранних библейских описаниях жизни этого будущего легендарного верховного мага (двух последних книгах Царств и книгах Паралипоменон) не содержится абсолютно никаких упоминаний о его увлечении магией, с самого начала в его жизни присутствовал некий таинственный элемент.

Соломон был младшим сыном Вирсавии и Давида, который сделал его своим наследником (ибо *Господь возлюбил его***).

После того как Соломон подавил выступление своего старшего брата Адония, стремившегося узурпировать власть, умирающий Давид помазал его на царство, провозгласил царем, и он фактически стал правителем Израиля. Женитьба на дочери фараона помогла ему заключить союз с Египтом. Далее мы узнаем, что Господь явился Соломону во сне и сказал: «Проси, что дать тебе». Соломон попросил у Господа разумное сердце, чтобы уметь судить людей и различать добро и зло. Ему было даровано *сердце мудрое и разумное; так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе****. И поскольку он не

* Второзаконие, 6:4.

** 2-я книга Царств, 12:24.

*** 3-я книга Царств, 3:12.

возжелал славы или богатства, в награду он получил именно их: *так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои**; или, используя несколько более выразительные строки из Паралипоменона, *богатство и имение и славу Я дам тебе такие, подобных которым не бывало у царей прежде тебя и не будет после тебя***.

Сразу после этого важного события Соломон рассудил двух блудниц, претендовавших на одного младенца, и прославился как действительно справедливый судья. Чуть далее по тексту, в 3-ей книге Царств, мы находим следующее свидетельство мудрости и знаний этого царя:

*«И дал Бог Соломону мудрость, и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян... и имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять; И говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его»****.

Этот гимн мудрости Соломона действительно поражает, но описание строительства Храма и перечисление богатств царя производит еще более неизгладимое впечатление. С помощью Хирама, Тирского царя, были собраны строительный материал, рабочие и необходимые средства; после семи лет упорного труда строительство было завершено и ковчег завета Господня был внесен в Храм, который был посвящен Богу. Когда церемония освящения Храма была закончена, Бог вновь явился Соломону и обновил свой завет с Давидом, пообещав ему и его народу славное будущее, но предупредив при этом о наказаниях за поклонение другим богам. Эпизод этот напоминает встречу царя Виштаспы с архангелами, только с иными последствиями. Едва заметный намек на то, что Соломон постепенно забывает о Боге за мирскими заботами и суетой, сопровождает в дальнейшем повествовании непомерно затянутые описания строительства его собственных прекрасных дворцов и роскошного трона. Визит царицы Савской, желавшей «испытать Соломона загадками», стал еще одним свидетельством со стороны внешнего враждебного мира в пользу необычайной мудрости, богатства и могущества царя — перед нами предстает мудрый и добродетельный правитель в зените славы.

* Там же, 3:13.

** 2-я книга Паралипоменон, 1:12.

*** 3-я книга Царств, 4:29–34.

Автор 2-й книги Паралипоменон на этом завершает описание жизни Соломона, добавив напоследок, что серебро в те времена ценилось не больше чем простые камни; однако сам Соломон мог бы рассказать весьма печальную историю о последних годах своей жизни. Из 3-ей книги Царств мы узнаем, что среди семисот жен и трехсот наложниц, составлявших его гарем, было множество «чужестранных» женщин, которые поклонялись чужим богам и в конечном итоге склонили его сердце к этим богам, заставив забыть о Господе; в результате он начал поклоняться Астарте, богине Сидонской, Милхому (или Молоху), мерзости Аммонитской, и Хамосу, мерзости Моавитской, поставил им капище на горе и совершал в их честь всесожжения и жертвоприношения. За это Господь разгневался на Соломона, пообещал покарать его наследников и настроил против него воинственных соседей. Прежде чем Соломон умер и «почил со своими отцами», он, по-видимому, потерял власть над Эдомом.

Эта история мудрого, могущественного и богатого правителя, автора ветхозаветных Притчей, Песни Песней, Экклезиаста и неканонической Книги Премудрости Соломона, который в конце жизни стал жертвой идолопоклонства и до самой смерти был в немилости у Бога, дает богатую пищу для размышлений людям с самыми разными типами воображения. Вряд ли можно найти повествование, которое бы более способствовало формированию легенды; история Соломона также является ярчайшим примером, отражающим все особенности типичного мифа о магах: его непредсказуемый выбор персонажей, окутанный тайнами «инкубационный» период, устная форма распространения, его почти одновременное внедрение в литературу географически разделенных народов, его стереотипы, выраженные в бесконечном многообразии форм и, наконец, его неисчерпаемая живучесть. В истории человечества найдется, пожалуй, совсем немного персонажей столь же легендарных, как царь Соломон, который неизменно был главным героем множества легенд как на Западе, так и на Востоке. Его можно смело назвать самой яркой звездой на магическом небосводе. Пока существует само слово «магия», не забудется и имя его; и пока существует магия практическая, к авторитету его будут обращаться во всех цивилизованных землях. Только для того, чтобы составить каталог всех литературных источников, в которых содержатся легенды о Соломоне, потребовалась бы, наверное, целая жизнь, ведь их можно встретить в культурах народов Ближнего Востока, Индии, полуострова Малакка, славянских го-

сударств и даже Ирландии. Среди этих источников Библия, Талмуд, Коран, сказки *Тысяча и одной ночи*, все богатство персидской и турецкой поэзии, греческий *Завет Соломона*, *Gesta Romanorum*, старинные французские, немецкие и английские легенды; средневековая *Claviculae Solomonis*, переведенная на все европейские языки и до сих пор используемая на практике; все эти, а также сотни других книг сохраняли, сохраняют и сохранят на века имя Соломона для тех, кто по тем или иным причинам соприкоснется с миром магии. И, как будто всего перечисленного было недостаточно, современная масонская традиция, восходящая к строительству Храма, придала фигуре Соломона новое, оккультное значение. Пространство для полета фантазии, охватываемое историей о мудром правителе, и ослепительное сияние величия, которым он был окружен, производят на современного читателя такое же впечатление, какое Соломон во всей славе своей произвел, если верить легенде, на царицу Савскую тысячи лет назад. И объяснить такое поразительное богатство можно только действием волшебства.

При внимательном изучении текста двух последних книг Царств и Паралипоменон нельзя не заметить, что даже если магия изначально и не лежала в основе истории Соломона, что, кстати, весьма вероятно, стиль ее изложения неизбежно навевает читателю ощущение чего-то магического. В этих ветхозаветных книгах неоднократно утверждается, что богатство и мудрость Соломона были особого рода божественными дарами, то есть, по сути, имели сверхъестественное происхождение. Прославившееся в веках решение Соломона о младенце, на которого претендовали две блудницы, носит печать богодухновенности и особой, неземной мудрости, сокрытой под маской обычной человеческой смекалки. Оно вызвало глубокий отклик в сердцах жителей Востока, и их отношение к этому эпизоду не изменилось до наших дней; ведь на Востоке любят мудрость, а на Ближнем Востоке особенно любят мудрость, облаченную в лаконичную и выразительную форму притчи; необходимо также отметить, что оно стало первым в длинном ряду схожих с ним по духу решений Соломона. Некоторые отрывки из книг Царств, Притчей Соломоновых и Премудрости Соломона (хотя его авторство в отношении последней книги вызывает сомнение) лишь подтверждают предположение, что он обладал знанием, недоступным прочим смертным. Что же касается дарованных Господом богатств и славы, никто, читая описание Храма, дворцов и престола царя в упомянутых ветхозаветных книгах, не может удержаться от ощущения, что их вели-

чие и слава значительно превосходят возможности человека. Фигура Хирама Тирского постепенно отходит на задний план, и вместо его искусных работников нам уже видятся легионы духов (которых через некоторое время мы уже называем джинами), чему немало способствует атмосфера восточной роскоши и богатства, в дальнейшем встречаемая нами в сказках *Тысяча и одной ночи*. Мы уже, таким образом, незаметно переходим в мир легенд, и царица Савская с ее загадками и стремлением к духовной победе представляется нам магом-соперником Соломона, побежденным им в этом соревновании. Тот факт, что это была именно женщина, имеет, вероятно, некий символический смысл, и определенно указывает на, используя выражение Иосифа Флавия, последующее падение Соломона, связанное с его любовью к чужестранкам. Тональность Песни Песней Соломона также является дополнительным штрихом к портрету монарха, захваченного неугасимой страстью к женщине. Кроме того, трагический смысл его отчуждения от милости Божьей повторяется в горестных жалобах Экклезиаста, который когда-то «был царем над Израилем в Иерусалиме». Эта фраза, взятая в контексте книги Экклезиаста, могла возникнуть из предания о том, что последние годы своей жизни Соломон провел в изгнании; по крайней мере, именно такое впечатление она производит. В общем и целом после чтения библейского описания жизни Соломона возникает ощущение, что довольно значительная его часть была умышленно опущена.

Если поставить разрозненные истории о Соломоне в логическом порядке, то получится достаточно связная история его жизни, основанная на уже знакомых нам стереотипах мифа; тем не менее, на протяжении многих веков это были все же отдельные предания, а не последовательное описание карьеры легендарного царя, которая так поразила весь мир. Хаммер-Пургсталь, изучавший все семьдесят фолиантов *Судейманнамы* турецкого поэта Фирдуси (которого не следует путать с персидским поэтом Фирдоуси), установил, что даже этот монументальный труд представляет собой скорее собрание разрозненных сказок и преданий, нежели полноценное эпическое произведение. Можно упомянуть и труд Флега, который в художественной форме переработал все огромное богатство материалов по этой теме, а также собрание легенд о Соломоне Св. Джона Сеймура, который изложил события из жизни этого царя примерно в том же порядке, что и я.

Сначала царский сын, имя которого означает «миролюбивый», по уже знакомому нам стереотипу получил благовещение, затем на его

жизнь во младенчестве покусился сам Веельзевул, а в возрасте трех лет он уже поразил всех окружающих сверхъестественной мудростью своих суждений. В детстве и юности он не только задавал вопросы взрослым, но и сам отвечал на вопросы старейшин. В истории Соломона стадия инициации, сопровождаемая искушением или испытанием, связана, конечно, с тем эпизодом, когда Господь явился Соломону во сне и предложил тому выбрать для себя дар. Во многих легендах утверждается, что при этом царь получил не только мудрость, богатство и славу, но и волшебное кольцо, четыре камня которого давали ему власть над ветрами и силами природы, зверями и птицами, над людьми и всеми духами, небесными, земными или подземными. Таким образом, за одну ночь Соломон превратился в самого могущественного мага в истории Земли, воплощая в себе самые заветные мечты первобытных знахарей и колдунов. И это породило неравный конфликт между мудростью и силой. С волшебным кольцом все было необычайно легко. Злые духи, пытавшиеся помешать строительству Храма, были поработаны этим кольцом, и им пришлось участвовать в его возведении. Даже их повелитель, Асмодей, непримиримый враг Соломона, покорился силе кольца и выполнял приказы царя. Поэтому в конце концов несравненные по своей красоте и величию Храм, дворцы и чудо-престол были воздвигнуты с помощью джинов, и все это было свидетельством небывалого могущества и славы царя Соломона.

Однако далеко не все было так уж хорошо. Без ведома Соломона демоны спрятали под его престолом магические книги, а затем стали распространять слухи, что с помощью этих книг он подчиняет своей воле духов. Другими словами, они готовились обвинить его в причастности к черной магии, подобно тому как киги и карапы поступили с Заратустрой, и использовали методы борьбы, популярные и по сей день. Но и помимо того, что Соломон не знал об этих кознях своих врагов, его трудно было назвать счастливым человеком. Его окружала ослепляющая других слава, он обладал сверхъестественными способностями, и мир вокруг него пребывал в покое, но как часто на душе у него было тяжело — достаточно вспомнить то трагическое настроение, которым проникнута книга Экклезиаста. Действительно, мудростью он обладал даже сверх надобности, однако это было не абсолютное знание, к тому же некоторые истории свидетельствуют об определенной ограниченности его сил и возможностей. Любовь и смерть, к примеру, были ему неподвластны. Он не мог изменить ход судьбы и ничего не

знал о ее установленных законах. Еще более унижительным было то, что у него не хватило средств, чтобы удовлетворить голод хотя бы одного кита, не говоря уже о семидесяти тысячах сородичей этого животного. В некоторых случаях его подводила даже его способность к справедливому суждению. Поразительно, но у Иосифа Флавия мы читаем, что соревнуясь в умении разгадывать загадки с Хирамом, Соломон не смог ответить на все вопросы своего противника и проиграл из-за этого большую сумму денег. На Западе, в традициях которого нет такого безоговорочного поклонения мудрости, как на Востоке, и где к ней относятся даже с подозрением, одно время были даже склонны относиться к Соломону с такой же неприязнью, как и к Аристиду Справедливому, подвергавшемуся жестокому преследованиям. В средневековых легендах о Соломоне и Сатурне или Соломоне и Маркольфе (или Морольфе) с особым удовольствием описывается неспособность легендарного царя противостоять смекалке хитрого бродяги. Так или иначе, независимо от результатов подобных соревнований в мудрости и смекалке, наиболее ярким примером которых служит встреча Соломона с царицей Савской, они схожи по своей сути с его конфликтом с Асмадеем, и с точки зрения ритуала происходят из одного и того же источника.

Далекое путешествие, которые практически всегда встречаются в легендах о великих магах, сыграли свою роль и для Соломона. Он перемещался с помощью ветра или на ковре-самолете в любую точку своих владений, а также забирался высоко в небо и погружался на морское дно. Описания ковра-самолета ничуть не менее восторженные, чем описания царского престола; передвижение Соломона по воздуху всякий раз проходило с большой помпезностью и сопровождалось торжественной церемонией, причем обычно эти путешествия были связаны с такими небывалыми красотами и чудесами, что воображение современного человека просто не в состоянии их в себя вместить и с облегчением возвращается к исполненной разочарования ветхозаветной книге Экклезиаста. Вся слава Соломона закончилась его признанием, в котором ясно читается пресыщенность жизнью и усталость: нет ничего нового под солнцем, все суета сует, и все величие мира обращается в пыль. Наша великая мудрость — это на самом деле безумие, и единственное, что человек действительно приобретает в жизни — это чувственные наслаждения.

Он сошел с ума от любовной страсти, и ничто не ограничивало

его вожделения*»; именно желание доставить удовольствие своим многочисленным женам-чужестранкам заставило Соломона погрязнуть в распутстве и поклоняться идолам, что подчинило его силе Асмодея, демона, которого он прежде полностью контролировал. В один из моментов своего безумия он позволил украсть у себя волшебное кольцо, и вместе с кольцом на морское дно (куда Асмодей забросил кольцо) отправилась и его сила. Демон теперь смог принять обличье Соломона и править вместо него, а самого царя отправил в изгнание. Согласно талмудическим легендам, падший монарх превратился в нищего и признал свои ошибки, глубоко раскаявшись в них. Вновь обретенная царем добродетель помогла ему получить божественное прощение, которое выразилось в чудесном возвращении кольца, найденного в животе пойманной рыбы. Вернув себе власть, Соломон посадил Асмодея и других демонов в кувшин, запечатал его волшебным кольцом и забросил в море на самое глубокое место. Героя этой легенды больше не волновали чудеса, создаваемые кольцом — до самой его смерти оно так и осталось найденным; и умер он, окруженный ореолом святости, произнося пророчества о разрушении Храма и его неизбежном невидимом восстановлении. По крайней мере, так учит нас еврейская традиция; в христианских же легендах Соломон умирает во грехе, причем ту же позицию занимал, по-видимому, и автор книг Царств. В средневековой шотландской сказке мы читаем, что Соломон был осужден на ежедневное поедание его плоти десятью тысячами воронов до скончания мира. Подобный разброс мнений отражает различные религиозные предрассудки, и в этой связи наибольшее распространение получила версия жизни Соломона, предлагаемая Кораном. Когда настал его смертный час, Соломон попросил Господа, чтобы джины ни о чем не узнали и продолжали работать на строительстве Храма. Желание это было исполнено. Соломон умер стоя, опираясь на свой посох. И только через год, когда черви подточили его опору, тело упало на землю и джины раскрыли обман. Они тут же прекратили работу; однако Храм, по мнению одних, был уже практически завершен; другие же утверждают, что он так и не был достроен.

Не забудем, что оставались еще и его книги, с которыми нельзя было не считаться. Одни источники утверждают, что фальшивые магические книги были «найжены» демонами под престолом царя и с тех пор их начали упоминать в связи с его именем. Согласно другим исто-

* Иосиф Флавий, *Традиции евреев*, стр. 232.

чникам, Соломон сам сжег их перед смертью, отправив в огонь и все свои сочинения, из которых пламя не смогло уничтожить Притчи, книгу Экклезиаста и Песню Песней. Из трех магических книг, которые должны были сгореть, две сохранились и по сей день — так, по крайней мере, утверждают некоторые источники:

«И этот *Ключ Соломона* открывал все сокровищницы магического искусства. Книга *Кольцо Соломона* содержала описание пассов для усмирения духов. В *Завете Соломона* все демоны названы по именам, а также представлены заклинания и магические формулы, способные обратить их в бегство или приблизить, изгнать их или обратить их зло против кого-то»*.

Согласно Иосифу Флавию, Соломон не стал скрывать свое магическое наследие, и после его смерти им активно пользовались:

«Бог также научил его изгонять бесов, а наука эта человеку весьма полезна. Еще Соломон составил заклинания, облегчающие душевные страдания. И он оставил после себя искусство изгнания бесов, которым пользуются и по сей день; ибо знал я одного своего соотечественника по имени Елеазар, который лечил одержимых демонами в присутствии императора Веспасиана и его сыновей, и военачальников его, и множества его солдат»**.

Легенда о Соломоне, подобно истории Моисея, несет на себе печать уникальности, которой легенда о Заратустре в общем-то лишена. Неумолимый еврейский пророк, совершивший с помощью магии и во имя Яхве гораздо более страшные поступки, чем Соломон, несмотря на стойкое чувство греха в своих соотечественниках избежал морального осуждения, которому подвергся последний за свое идолопоклонство. Ужасная духовная угроза, скрытая во всех видах магии, а именно, поклонение ложным богам или дьяволу — вот та тень, которую Библия бросает на Соломона. Для последующих поколений тень эта превратилась в сверкающий ореол магии, прославивший Соломона в веках.

Соломон был сыном царя Давида, но не сыном Бога. Ни один еврей не мог им быть. Также в жизни его как будто не было и путешествия в ад; и хотя он правил еще год после своей смерти, это в лучшем случае напоминает урезанную и таинственную форму воскресения. И несмотря на то, что вся жизнь царя Соломона окутана легендарным ореолом, он похож не на божественную жертву ритуального происхождения, а скорее на подверженного ошибкам земного мага, которому на каждом ша-

* Э. Флег, *Жизнь Соломона*, пер. Карвина, Лондон, 1929, со стр. 225.

** Иосиф Флавий, в цит. раб., стр. 218.

гу своей карьеры приходилось бороться с искушением использовать свою волшебную силу не по назначению.

ГЛАВА III

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ МУДРЕЦЫ

Пифагор

В конечном итоге легенды о Моисее и Заратустре были приведены в соответствие с традиционной структурой мифа о магах; к ним было добавлено описание путешествия героев в Гадес (в обоих случаях представленного как видение) и Успения Моисея; однако будущее возрождение Заратустры как спасителя Саошьянта, основанное на все тех же ритуальных представлениях о воскресении, с самого начала являлось неотъемлемой частью истории его жизни, а его мучительная смерть также вполне соответствует традиции. Более того, своим сверхъестественным происхождением иранский пророк отличается от своих еврейских собратьев. Следовательно, можно предположить, что некоторые элементы стереотипной модели мифа, добавленные впоследствии к библейскому описанию жизни Моисея, не являются изначально семитскими: речь идет, к примеру, о его якобы божественном происхождении, путешествии в преисподнюю и мучительной или загадочной смерти. К этой категории нельзя, пожалуй, причислить вознесение, которое, пусть и в виде более позднего дополнения, все же упоминается в истории Илии, и намек на которое содержится в книге Еноха. Первые же три вышеупомянутых элемента, скрыто присутствовавшие или подразумевавшиеся в ритуалах всех первобытных народов, достигли, вероятно, достаточно высокого уровня развития уже в Древнем Египте. Однако наиболее полное выражение они получили в греческой мифологии, где боги постоянно спускались на землю, к смертным, а затем вновь возвращались на небо, и где великие герои зачастую были полубогами, которым приходилось спускаться в «царство теней», чтобы вызволить оттуда своих возлюбленных. В легендах об Аполлоне, Дионисе, Орфее, Тесее, Геракле, Деметре и Персефоне эти идеи вплетаются в сюжет самым удивительным и причудливым образом, придавая им особый колорит.

Прежде чем переходить к рассмотрению истории двух древнегреческих мудрецов, легендарные судьбы которых вместили в себя немало

черт из жизни великих богов и героев Греции, я бы хотел остановиться на трагедии Еврипида *Вакханки*, в которой сливаются воедино история и ритуал. В этой пьесе во время соперничества Диониса и Пенфея на сцене совершается магическое действо. Ритуалы культа Диониса предполагают реальное или символическое расчленение на части самого бога в животном или человеческом облики. В традиционной греческой драме трагический герой нередко разделяет ту же судьбу, подвергаясь расчленению физическому или духовному. Из *агона* древних ритуалов возникло представление о главном конфликте между героями в современных пьесах, об изначальном ритуальном значении которого сегодня уже никто не помнит. Однако в *Вакханках* *агон* лежит в основе действия и соперничества двух главных персонажей, один из которых, как и в ритуалах, убивает другого. Пенфею в данном случае была уготована судьба бога-жертвы. И это превращает его в героя драмы с точки зрения эстетики, поскольку именно он вызывает у зрителей трагическое чувство жалости и страха. Соперничество двух персонажей перерастает в магический эксперимент, в ходе которого магия служит лишь одному из его участников, что является характерным признаком той трагической ситуации, когда испытываются магические способности соперников, один из которых явно слабее. В данном случае Пенфей вообще не обладал магическими способностями и потому был с самого начала обречен на поражение. Дионис же по праву считается одним из самых поразительных персонажей мировой поэзии.

Сегодня эта необычная и в конечном итоге трагическая порода людей, служащих человечеству своим волшебством, практически ничем не отличается от магов 5-го века до Р.Х., и современные маги вызывают те же потрясения и испытывают те же страдания, что выпали на долю Пенфея и Агапы в вышеупомянутой трагедии. Новый бог, лично или в облике своего представителя, в ходе зловещего и сверхъестественного состязания, от которого в жилах стынет кровь, жестоко расправился с приверженцем старой веры. В этом эпизоде мы, замерев от ужаса, видим пример использования магических приемов и колдовства ради победы над соперником; мы наблюдаем ужасающее превращение жертвы из горячего, молодого, полного сил оппонента в плаксивого раба, и ее позорный конец, который трудно было себе даже вообразить. Мы не знаем и никогда не узнаем, чем был уничтожен ум Пенфея: силой внушения, наркотиками (по теории Верраля) или *психическим вторжением, внедрением бога в жертву**, т.е. случаем магической одержимости в отличие от мистического общения с

* Еврипид, *Вакханки*, ред. Доддса, Оксфорд 1944, стр. 163.

богом, олицетворяемого хором певчих. Одержимость духом обычно относится к сфере «черной» магии — по крайней мере, именно так было в рассматриваемом случае, судя по деградации характера Пенфея, вызванной подобной одержимостью, тогда как хор, как бы иступленно он ни звучал, остается символом благопристойного религиозного рвения. Подобная неопределенность границ между добром и злом, усугубленная смешиванием и слиянием религии, мистицизма и магии, в целом характерна для всей рассматриваемой нами трагедии. Не исключено, к примеру, что «чудо во дворце» в действительности произошло лишь в умах некоторых менад; с другой стороны, оно на самом деле могло быть сверхъестественным явлением, или, по выражению профессора Доддса, бог мог предстать в этом эпизоде *причудливым волшебником, ткачом фантазий**. Каждый может и должен самостоятельно решать, был ли лидиец замаскированным Дионисом или просто жрецом-фанатиком, ослепленным самообманом. Ни на один из этих вопросов окончательного ответа не существует. Двусмысленность лежит в основе самой сути магии, хотя от этого она не становится менее могущественной. В рассматриваемом же случае религия неопишуемой красоты, связанная с восторгом, святостью и радостью, одержала верх над унылым официальным культом с помощью бесчеловечных, можно даже сказать, дьявольских приемов. Характер *таинственного, улыбчивого, безжалостного Незнакомца***, пришедшего с Востока, поражает ум причудливым смешением казалось бы несовместимых качеств: духовности и мягкости, коварства и жестокости, красоты и вероломства. Сила его также по-своему двойственна: одни ее проявления кажутся божественными по своему происхождению, другие — демоническими и злобными, третьи больше похожи на обман. Пенфей называл его «волшебником из далеких стран, искусным заклинателем»; возможно, он действительно был не более чем волшебником, но, так или иначе, он полностью контролировал вакханок, заставлял жителей Фив неистово танцевать на холмах и лишил Пенфея рассудка. Кроме того, он обладал еще более опасным даром мистического самоопьянения. Его ремесло или искусство также недоступно нашему пониманию, как и деятельность его «собратьев по профессии», тщательно избегающих полного понимания со стороны обычных людей. Суждения критиков о фигуре Диониса в *Вакханках* весьма напоминают суждения о магах их современников. Одни, увидев в одном месте обман, начинают видеть его

* Еврипид, там же, стр. 144.

** Дж. Норвуд, *Загадка вакханок*, Манчестер, 1908, стр. 66.

повсюду, используя явную софистику, чтобы «естественным» образом объяснить необъяснимые явления. Другие закрывают глаза на следы зла, которые Дионис оставляет после себя, и обращаются к «слепым силам природы», чтобы оправдать соединение святости и божественности с явно человеческой мелочной злобой и коварством. Другими словами, налицо все тот же трагический дуализм характера всех великих магов, с которым мы сталкиваемся и в случае с этим трудным, прекрасным и в то же время опасным и губительным существом.

Характер Пенфея вызывает у критиков столь же противоречивые оценки. Моральное осуждение его поступков сменяется преувеличенным одобрением или фрейдовской интерпретацией движимого сексуальным влечением ума героя-жертвы. Верраль (сегодня, кстати, непопулярный), предлагает, по-видимому, наиболее объективное описание: ... *Пенфей ошибается, и, по всем законам трагедии, обрекает себя, сам того не заслуживая, на печальный конец**.

Так или иначе, какими бы сильными ни были чувства жалости, страха, уважения или отвращения, вызываемые Пенфеем, наиболее поразительное впечатление в *новом измерении чувств*** при прочтении *Вакханок* оставляет знакомство с природой магии. В этой трагедии удивительным образом поддерживается баланс между величием, славой, ликующей красотой, чистотой, святостью и спокойствием од, исполняемых хором, и дикостью, коварством, злобой и бесчеловечным использованием силы во вред людям, характеризующими действие. Соперничество Моисея и фараона отличается, конечно, куда большими масштабами, однако оно достаточно односторонне с точки зрения симпатий автора и отражает относительно бесхитростное верование, в котором не приходится сомневаться. Борьба Диониса и Пенфея оставляет стороннего наблюдателя в гораздо большем эмоциональном смятении. Две короткие, емкие, зловещие сцены этой борьбы привлекают к себе особое внимание, требуя интерпретации и, одновременно, избегая ее. Мы видели мага за работой; мы стали свидетелями ее результатов; о том же, что произошло во дворце, нам ничего не известно, потому что этого мы узнать не в состоянии, так же как не можем мы проникнуть и в разум улыбчивого Незнакомца. Однако раз и навсегда нам были продемонстрированы возможности магической силы и последствия ее применения. Подобное могло произойти только в Золотой Век магии. Вспомните Фауста Гете или даже Фауста Марло, и

* А.В. Верраль, *Вакханки Еврипида*, Кембридж, 1910, стр. 56.

** Еврипид, там же, цитируя Джеймса Адама.

вы ощутите разницу между магами-практиками древности и их современными последователями.

Подобное крайнее выражение того, что Ницше называл «магией Диониса», вероятно, поразило зрителей своим мрачным реализмом и, пожалуй, повергло в ужас весь эллинский мир. Сознательное или неосознанное сопротивление подобным отвратительным культам, очевидно, способствовало развитию легенды о Пифагоре по вполне узнаваемому сценарию, характерному также для легенд об Аполлоне. И хотя до нас дошли лишь отдельные отрывки этой истории, терпение и мастерство ученых (высшим проявлением которых стали монографии Исидора Леви) позволили по кусочкам весьма правдоподобно восстановить легенды о Пифагоре, существовавшие в 4 веке до Р.Х., о которых Ямвлих и Порфирий уже в 3-ем веке от Р.Х. смогли дать лишь отрывочные сведения. Степень вероятности тех или иных гипотез, сделанных или заимствованных Леви, может остаться на уровне предположений, и не всякий, конечно, согласится с его революционными выводами, однако, по его мнению, утраченная легенда о Пифагоре стала прототипом всех последующих мифов о магах, и, следовательно, история, рассказанная в Евангелиях, и их доктрина обязаны своим происхождением Пифагору, структура истории которого отличается лишь меньшим содержанием еврейских элементов; или, используя фразеологию самого Леви, Пифагор из легенды покорил Восток и за счет этого весь мир через личность и учение Христа. Проблема приоритета в этом чрезвычайно сложном случае является еще одним примером, подтверждающим главный тезис моей работы: общее ритуальное происхождение всех мифов о магах неизбежно привело к их взаимному проникновению, усложнению и изменению. Их изучение можно сравнить с занятием человека, стоящего на мосту Пассау и наблюдающего, как реки Инн, Исар и Дунай сливаются в один бурлящий поток. Через сто метров от точки слияния они уже абсолютно неразличимы. Так или иначе, если Леви прав в одном из своих предположений, т.е. если *Жизнь Аполлония Тианского*, написанная Филостратом, представляет собой имитацию *Жизни Пифагора*, написанной Аполлонием и не дошедшей до наших дней, то мы также должны допустить, что легенда о Пифагоре оказала огромное влияние на развитие мифа о магах как на Ближнем Востоке, так и на Западе.

Источниками для реконструированной истории жизни Пифагора являются разрозненные упоминания об этом герое в работах греческих авторов, начиная с 5 века до Р.Х., биографические заметки Ямвлиха и

Порфирия, а также намеки, содержащиеся в весьма интересной египетской легенде об Озирисе, в которой главный конфликт истории Моисея и элементы жизни Пифагора как бы сливаются в одно фантастическое целое. Кроме того, для заполнения некоторых пробелов в развитии сюжета с определенными предосторожностями может использоваться и работа Филострата *Жизнь Аполлония Тианского*. Из этих самых разнообразных источников и компиляций мы узнаем, что рождение философа, жившего в 6 веке до Р.Х., было предсказано пифией его отцу Мнесарху. Последний узнал, что ребенок, которого в то время носила в чреве его жена, превзойдет по красоте и мудрости всех живших когда-либо людей. С того момента его мать Парфения стала называться Пифой, и это событие дало толчок для развития представления о бессмертном чувстве материнского долга.

*Пифа, о прекраснейшая из Самосского племени,
Зачала в объятьях Бога Дня
Прославленного Пифагора, друга Юпитера*.*

В ходе естественного развития мифа прекрасное дитя, сын Аполлона, стал самым богом — по одним источникам, Аполлоном Пифийским, по другим, Аполлоном Гиперборейским; встречаются также утверждения, что он был Пеоном, или одним из демонов, населяющих Луну, или неназванным богом с горы Олимп. Однако отождествление Пифагора с Аполлоном преобладало над всеми остальными версиями, что дало начало истории о том, как Абарис, жрец Аполлона Гиперборейского, узнал в Пифагоре бога, и последний наедине признался ему в том же, показав свое золотое бедро, чтобы подтвердить божественность своей миссии по отношению к человечеству. О нем также было сказано, что, *поднимаясь с места на Олимпийских играх, он показал свое золотое бедро***; к тому же пифагорейцы сами были настолько уверены в его божественном происхождении, что избегали называть его по имени, употребляя такие слова, как «сам» или «божественный». В детстве «длинноволосый житель острова Самос» отличался удивительной красотой и необычной для своего возраста мудростью. Престарелый философ Фалес провозгласил, что не может научить его ничему новому и отправил его в Египет, чтобы он познакомился с древней мистической мудростью той страны. Интересно, что матросы корабля, доставившего Пифагора в Египет, считали

* Ямвлих, *Жизнь Пифагора*, пер.Тейлора (1818), Лондон, 1926, стр. 2.

** Там же, стр. 98.

его одним из небожителей. Пифагор был принят и получил образование у египетских жрецов; захваченный в плен Камбисом, он был увезен в Вавилон, где он был посвящен в тайны халдеев и магов и узнал наиболее совершенный способ поклонения богам. Согласно Диогену Лаэртию (2–3 век от Р.Х.), он был учеником Заратустры, причем интересное соседство этих двух имен показывает, что греки верили, что пророк Ирана был старше Пифагора и в какой-то степени повлиял на будущую доктрину последнего. Получив наставления и очищение у этого мудреца, Пифагор вернулся в Грецию, в которой, согласно источникам, он не был сорок лет — необычно долгий период инициации, который, однако, в точности соответствует тому времени, что израильтяне провели в своих скитаниях по пустыне. Служение его началось в Самосе, однако на родной земле оно не увенчалось успехом, и он переехал в город Кротон в Италии. По утверждению Порфирия, именно во время этого путешествия он спускался в пещеру Иды на острове Крит. Леви, по всей вероятности, прав, интерпретируя этот эпизод как расплывчатый намек на *катабасис*, или путешествие в Гадес, которое (особенно если оно фигурирует в мифе о маге на середине жизненного пути героя) неизменно считается частью его посвящения в тайное знание, включающее в себя наставления о наградах и наказаниях в загробной жизни, описанные в поэме Вергилия *Энеида*. Прежде чем спуститься в пещеру, Пифагор прошел через очистительный ритуал, проведя утро у моря и ночь у реки, одетый в черное руно. Затем он отправился в подземелье и провел там двадцать семь дней, совершая обряды в честь Зевса и став свидетелем ежегодной церемонии возведения престола этого божества. Диоген Лаэртий подчеркивал, что в этом путешествии не было на самом деле ничего сверхъестественного, и хотя сам Пифагор заявлял, что спускался в Гадес, провел в подземном мире год и видел там множество чудес, в действительности он все это время просидел в пещере, а мать тайно приносила ему все необходимое и сообщала последние новости. В упомянутой книге Ямвлиха также ощущаются отголоски подобного скептического отношения, особенно в том эпизоде, когда враждебно настроенный собеседник насмехается над заявлениями Пифагора о подземном царстве и предлагает Пифагору захватить в Гадес письмо, адресованное его умершему отцу, и принести ответ. Однако на это Пифагор возражает насмешнику, что отец последнего при жизни своей был виновен в гибели множества людей, и он, Пифагор, не собирается спускаться в ту часть загробного мира, где обитают и подвергаются наказаниям души убийц. Все это лишний раз свиде-

тельствует о правильности мнения Леви, что *катабасис* был центральным элементом изначальной легенды о Пифагоре.

Продолжив свой путь после эпизода на горе Ида, Пифагор чудесным образом предсказал точное количество рыб в огромном улове, попросив за это рыбаков отпустить рыбу обратно в море и компенсировав им их потери. Затем он прибыл в Кротон, где провел серию публичных служб, на которых он обращал жителей города в последователей своей доктрины и идей. Среди пропагандируемых им верований и добродетелей можно назвать переселение душ, чистые жертвоприношения богам, целомудренная жизнь и аскетизм. Некоторые молодые люди отнеслись к этому с таким энтузиазмом, что под его руководством вступили в тайное общество, в котором все имущество было общим. Идеи, которые он прививал своим ученикам, носили эзотерический характер, и само общество по своей организации напоминало современные тайные общества. общество Пифагора было по сути первым тайным обществом, подробные сведения о котором дошли до наших дней. Кандидаты должны были пройти суровые испытания на послушание, выносливость и воздержание под пристальным наблюдением Пифагора. Затем их принимали на испытательный срок, и для них начинался пятилетний период молчания, на протяжении которого они слушали наставления Пифагора «из-за завесы», но не могли видеть его. Затем они проводили еще три года в качестве «эзотериков» и, наконец, допускались в его присутствие. За преступления против общества следовало немедленное исключение (тягчайшим из преступлений было разглашение тайной доктрины непосвященным). Исключенным выдавалось вдвое больше средств, чем они внесли в общество, и на территории общины им сооружалась гробница, ибо они считались умершими для Общества, и никто из его членов не узнавал их во внешнем мире. Община пифагорейцев вела монашеский, набожный и скромный образ жизни; их загадочные идеи

«хранились в глубочайшей тайне, никогда не записывались, а передавались их приверженцами из уст в уста, как будто это были тайны богов»*.

Кроме того, судя по истории об умирающем пифагорейце, рассказанной Ямвлихом, члены общества узнавали друг друга по тайным сигналам и символам и должны были при их предъявлении прийти друг другу на помощь. Завеса секретности, которой были окутаны идеи Пифагора, объясняет, вероятно, тот факт, что его учение было скорее глубоким по

* Ямвлих, в цитируемой работе, стр. 116.

содержанию подпольным движением, нежели культом или открытым вероучением. Послание, приписываемое ему, отличается великой духовностью и чистотой: в нем он говорит о бессмертии души, наградах и наказаниях после смерти, доктрине переселения душ, значении целомудрия, содержании алтарей в чистоте, замене кровавых жертвоприношений просом, хлебами, медом и фимиамом, необходимости избегать пищи, неугодной богам, *ибо она отдаляет нас от знакомства с богами**, о своем неприятии употребления животных в пищу (ибо убийство ведет к войне, а война есть главный источник, узаконивающий убийство**), о гадании, но не по внутренностям животных, а по числам, о презрении к мирской славе и богатству, защите слабых и осуждении жестокости и излишеств — вот некоторые из основных положений религии, которые вкуче с культом Орфея серьезно повлияли на идеи Платона, а также христианства.

Согласно источникам, полубог и учитель Пифагор, с именем которого эта религия связана, был вовлечен в борьбу не на жизнь, а на смерть со своим злым соперником, жестоким тираном Фаларисом. Когда и как Пифагор попал во власть Фалариса, источники не сообщают; тем не менее известно, что божественный герой был захвачен, брошен в темницу и приговорен к смерти. Его обвиняли в колдовстве, и даже несмотря на подоспевшую помощь со стороны Абариса, в какой-то момент положение было столь критическим, что жизни обоих находились под реальной угрозой. Однако Пифагор благодаря своим божественным качествам узнал, что ему не суждено погибнуть от рук Фалариса. Подобно Дионису в *Вакханках*, он не испугался, смело выступая против тирании, отрицая утверждение, что боги были источником зла, обвиняя во всех наших бедах человеческую же неводержанность и продолжая твердо придерживаться своей философии, *несмотря на свое тяжелое положение****.

«Однако главным последствием его деяний стало свержение тирании, ибо он в последний момент помешал тирану обречь людей на ужасные бедствия и освободил Сицилию от его жестокого и высокомерного правления... Ибо в тот же самый день, когда Фаларис угрожал жизни Пифагора и Абариса, он сам был убит с помощью военной хитрости****».

Хотя процитированные только что предложения и разделены в тек-

* Там же, стр. 98.

** Там же, стр. 57.

*** Ямвлих, в цитируемой работе, стр. 113.

**** Там же, стр. 114.

сте, они, по-видимому, указывают на то, что Пифагор придумал ту самую военную хитрость, которая привела к освобождению Сицилию, подобно тому как Дионис освободил Фивы от тирании Пенфея. Читая разрозненное и запутанное описание этого конфликта Ямвлихом, трудно не вспомнить страшные события, описанные в *Вакханках*. Однако Пифагор, в полном соответствии с предлагаемыми читателю представлениями о его характере, не был напрямую связан с убийством своего противника. За победой над врагом, обвинявшим его в колдовстве, последовали, как это нередко бывает в жизни магов, катастрофа и поражение. Богатый и влиятельный житель Кротона по имени Цилус, не принятый в свое время в общество пифагорейцев, отомстил секте, устроив поджог дома Милона, в котором собирались члены общества, в результате чего погибли сам Пифагор и сорок его учеников. Эта вторая *магофония*, встречающаяся во всех легендах о Пифагоре, по-видимому, отражает некое реальное восстание против братства пифагорейцев, сопровождавшееся гонениями со стороны властей, однако смерть их вождя в горящем здании признается далеко не всеми. Многие утверждали, что поджог произошел в отсутствие Пифагора, который в этот момент из-за преследований со стороны Цилуса покинул Кротон и находился в городе Метапонтум на Сицилии, где, предположительно, он впоследствии и умер. По крайней мере, именно на такой интригующей неопределенной ноте заканчивается описание его жизни в книге Ямвлиха. Последний, очевидно, так и не смог сделать выбор между противоречивыми рассказами других авторов. Диоген Лаэртский утверждал, что преследования Пифагора, начавшиеся в Кротоне, продолжились и в Метапонтуме. Философ попытался укрыться в Храме Муз, но храм подвергся осаде, и Пифагор умер там от голода спустя сорок дней. Согласно еще одной версии, спасаясь бегством от своих врагов, он остановился на краю цветущего бобового поля и отказался пересечь его, боясь погубить зарождавшиеся в растениях души, после чего преследователи настигли его и убили. Существуют также легенды, в которых утверждается, что Пифагор таинственным образом исчез в узкой теснине, был вознесен на небеса, а затем его вновь видели на земле. Итак, полная версия легенды о Пифагоре включает в себя пророчество о рождении героя, божественное происхождение, далекие путешествия, инициацию, путешествие в загробный мир, победу в соперничестве, преследование и мучительную или загадочную смерть, после которой, судя по книге *Жизнь Аполлония Тианского*, вероятно, были добавлены вознесение и воскресение. Единственным эле-

ментом традиционной структуры мифа о магах, который в этой истории отсутствует, являются опасности, которым обычно подвергается герой во младенчестве, и, кроме того, не хватает точного описания обстоятельств смерти. Представления Пифагора о реинкарнации вполне соответствуют упоминанию о его повторном появлении на земле, а сходство его соперничества с Фаларисом и описанного в *Вакханках* конфликта ясно говорит о присутствии в этой легенде сильного ритуального начала. Более того, магические деяния, приписываемые Пифагору, во многих случаях представляют собой менее жестокие версии чудес, о которых узнают менады в трагедии Еврипида, а также напоминают чудеса, сотворенные Орфеем. Пифагор, в частности, приручил дикого даунианского медведя, прошептав ему на ухо заклинание и заставив его связать себя клятвой никогда больше не убивать живое существо; он околдовал белого орла, парящего над горой Олимп, так что тот опустился ему на руку и позволил себя погладить; он ловил и отпускал, не причинив вреда, смертельно опасных ядовитых змей; он убедил вола не есть бобы (служившие символом души, ожидающей переселения); и он спас рыб из сказанного им улова от гибели на берегу, пока их пересчитывали, причем ни одна из них не погибла. Все эти истории демонстрируют его власть над животными, которая, подобно чудесам Диониса, основана на сочувствии, но которая, в отличие от последних, не испорчена яростью и злом. Природа сама приветствовала его через реку Несс, которая обратилась к Пифагору по имени; среди его прочих достоинств были

«способность безошибочно предсказывать землетрясения, эпидемии, ураганы; умение мгновенно останавливать град, успокаивать волны на морях и реках, чтобы его ученики могли их переплыть»*.

Данная цитата свидетельствует о власти Пифагора над силами природы, присущей обычно колдунам и знахарям; его же способность повелевать умами людей была доказана в результате долговременного, наэлектризовывавшего слушателей воздействия, которое оказывали на них проводимые Пифагором службы в Кротоне. Он также обладал даром исцеления, используя особые мелодии и магические заклинания для борьбы со страстями души и болезнями тела; кроме того, существуют многочисленные свидетельства, говорящие об его умении предсказывать будущие события. Однако наиболее выдающейся из его магических способностей были его познания в области переселения души. Пифагор прекрасно

* Ямвлих, в цит. раб., стр. 72.

помнил свои прежние жизни и жизни других; он упоминал, что сам был Ефорбом, убившим Патрокла, и что Миллий Кротонский был царем Мидасом; один из недоброжелателей Пифагора в насмешку рассказывал, что он однажды узнал в собаке своего прежнего друга, душа которого воплотилась в тело этой собаки. Эта поразительная и, более того, сенсационная способность уходит корнями в многовековую историю Древнего Востока, причем у некоторых людей она встречается и по сей день. Теория реинкарнации, лежащая в ее основе и традиционно приписываемая Пифагору, не только владела умами людей в том далеком прошлом, но и, пережив века, остается весьма популярной в современном западном мире. Как известно, доктрина реинкарнации зародилась на Востоке, и именно там, несомненно, с ней познакомился Пифагор, который, как считается, был первым из древнегреческих мудрецов, четко сформулировавшим ее в своих трудах. Геродот упоминает также о чрезвычайно интересном ответвлении этой доктрины. Он утверждал, что одной из самых необычных легенд, которые он когда-либо слышал, была история необычного «человека-призрака» по имени Аристий, которого все считали пифагорейцем. Этот человек заявлял, что душа его может покидать тело, когда ему заблагорассудится, и возвращаться назад по первому требованию. Говорили, что его тело после смерти исчезло, а затем через семь лет он появился вновь, написал поэму и снова исчез. В следующий раз его видели двести сорок лет спустя в Метапонтуме. Кроме того, он имел репутацию великого путешественника и целителя. Оставив после себя неизгладимое впечатление, он воскрес под другим именем уже в наши дни, которые, кстати, озаглавились возрождением тайных обществ, подобных братству пифагорейцев. Итак, представляется вполне очевидным, что Пифагору следует уделить центральное место в любой истории мифов о магах, развивавшейся на Западе, какой бы схематичной она ни была. И поскольку современная Европа в значительной степени находится под влиянием греческой мысли, не удивительно, что именно греческая модель мифа о магах проявляется во многих описаниях жизни волшебников более поздних исторических периодов.

Аполлоний Тианский

В работе Филострата *Жизнь Аполлония Тианского* все зловещие элементы магии, столь явно проявляющиеся в *Вакханках*, также были устранены; и вновь Аполлон, а не Дионис, играет главную роль на магической сцене. Ничем не нарушаемая безмятежность человека из Тианы весьма

существенно отличается от мистической славы Заратустры, духовной силы Моисея, ослепительного величия Соломона и опасного могущества Диониса. В истории магии он, по сути дела, представляет собой поразительный пример одного качества, которого так недоставало многим другим волшебникам: речь идет о спокойствии души, о победе сил Аполлона над могуществом Диониса. Поскольку Аполлоний Тианский воплощает в себе традиции пифагорейцев, я помещаю его в этой книге перед Христом, хотя работа Филострата была написана в начале 3-го века от Р.Х., а ее герой жил в первом веке от Р.Х., если допустить, что он действительно существовал (не сделать этого было бы, по-моему, проявлением излишнего скептицизма). Личность, совмещающая в себе святость с цивилизованным поведением, юмор с мудростью, силу духа с учтивостью и человечностью даже в самых тяжелых условиях, не часто встречается нам в повседневной жизни, а уж существование подобного человека среди магов кажется столь же невероятным, как и существование единорога. Но именно таким человеком был Аполлоний, преданный пифагорец, проповедовавший чистоту и аскетизм, говоривший о порочности кровавых жертвоприношений, распространявший доктрину о переселении души по модели Сократа и, что немаловажно, на собственном примере демонстрировавший все эти добродетели — другими словами, он не был обычным смертным. Согласно легенде, зачат он был богом Протеем, который предупредил его мать о грядущем рождении у нее самого Протея; и перед самым его рождением женщина эта увидела сон, в котором звучал призыв пойти на луг собирать цветы. Именно на лугу, в окружении поющих лебедей, младенец появился на свет, и раздавшийся в этот момент удар грома был истолкован не как угроза, а как указание на то, что ребенок возвысится над земными делами и приблизится к богам. Никакие опасности, ни дьявольские, ни мирские, не угрожали детству будущего мудреца. Его посвящение в тайны Пифагора началось с обета молчания, который продолжался пять лет, и завершилось визитом к индийским брахманам, где Аполлоний познакомился с их оккультной мудростью и искусством магии. Таким образом, Аполлоний дальше всех из магов древности продвинулся на Восток в поисках знаний, причем мудрость Египта имела в его биографии гораздо меньшее значение, чем мудрость Индии. Благодаря этому легенды о путешествиях Аполлония украсились такими фантастическими деталями географического характера, что приводили древних греков в восторг, ярким примером которого служит сочинение Эсхила *Прометей*. Аполлоний действительно был ве-

ликим путешественником; сначала в поисках истины, а затем распространяя ее, он побывал в Вавилонии, Индии, Египте, Греции, Италии и на Сицилии. Подобно Пифагору, он также спускался в пещеру, одним из названий которой было Гадес. Спускаясь «в интересах философии» в жилище бога Трофония в Ливадии (несмотря на то, что жрецы, почитавшие его волшебником, пытались помешать ему), он завернулся в особую философскую мантию и исчез из вида, причем последними его словами был вопрос: *Что, о Трофоний, ты считаешь самой совершенной и чистой философией?** Через семь дней он чудесным образом объявился в Авлиде, держа в руках сочинения Пифагора, которые стали ответом бога на его вопрос.

Смерть его была в высшей степени таинственна. Согласно одному из описаний, он вошел в храм Афины в Линде и так и не вышел обратно. Согласно другой, более подробной версии, он исчез в полночь в городе Диктинна на острове Крит. До этого жрецы не пустили его в храм и бросили в тюрьму, поскольку считали его грабителем, покушавшимся на их сокровища, а также волшебником, потому что злые сторожевые псы, охранявшие территорию храма, виляли перед ним хвостами. Однако Аполлонию удалось освободиться и, громко позвав своих тюремщиков, он побежал к дверям храма, которые распахнулись перед ним и закрылись, когда он вошел. В этот момент слышался хор женских голосов, которые пел: *Скорее с земли, скорее на небеса, скорее*** . Через некоторое время он вновь появился на земле, чтобы проповедовать доктрину бессмертия души одному сомневающемуся юноше, которого ему удалось полностью убедить. Вописк (Vopiscus) в своей книге *Жизнь Аврелиана* также упоминает, что этот император отказался от своего замысла сжечь дотла город Тиана благодаря появлению Аполлония, которого он узнал по его скульптурным изображениям и который приказал ему воздержаться от пролития невинной крови.

Главный конфликт жизни Аполлония, также как в случае с Соломоном, был двойственен по своей природе. Прежде всего, ему почти постоянно приходилось спорить со своими противниками в области философии, причем споры эти завершались победами Аполлония, а в его лице и представлений Пифагора. Для этой цели мудрец использовал своего первого ученика и, предположительно, первого биографа Дамиса. Этот его сторонник, лицо, возможно, вымышленное, использовался в книге Фи-

* Филострат *Жизнь Аполлония Тианского*, Лондон, 1917, т. 2, стр. 373.

** Там же, стр. 401.

лострата наряду с другими персонажами в качестве соперника в спорах, кульминацией которых стал полномасштабный диспут между Аполлонием и египетскими гимнософистами, побежденными в конечном итоге брахманскими идеями. Использование Аполлонием методов Сократа особенно проявляется в его диалогах с Дамисом, который часто делает глупые замечания, что дает его наставнику повод для проповедования доктрин Пифагора. Хотя Филострат был достаточно приятным и искусным рассказчиком, ему, конечно, далеко до Платона, и потому вряд ли стоит вспоминать последнего, читая рассуждения Аполлония о живописи, игре на флейте, поведении слонов и других подобных вещах. Однако в тех случаях, когда собеседники затрагивали серьезные этические вопросы, отчетливо проявлялось благородство ума Аполлония.

«Когда он подошел к изображению Колосса, Дамис спросил его, видел ли он что-нибудь более величественное, чем это, и Аполлоний ответил: Да, человека, любящего мудрость, здорового и чистого духом. Не смотрите на богатство, ибо чем оно лучше песка, принесенного неизвестно откуда... ибо золото утрачивает свой блеск и становится просто шлаком, если оно омыто людскими слезами... Ибо я глубоко проник в проблему развития искусства (философии), и я узнал, в чем его источник; я понял, что философия принадлежит людям выдающихся религиозных дарований, внимательно изучившим природу души человека, и источник их существования — в бессмертном и вечном... В основе всех моих поступков лежит стремление к спасению человечества»*.

Итак, в центре этого спора было соперничество между египетской мудростью, представляемой гимнософистами, и брахманской магией, в которую был посвящен Аполлоний, что можно назвать еще одной формой победы новой религии над старой, ведь греки в те времена были не так хорошо знакомы с индийской философией по сравнению с египетской школой мысли. Тем не менее, описанное выше соперничество было тесно связано с другой, пожалуй, более важной стороной главного конфликта жизни Аполлония, а именно, с его борьбой против человека по имени Ефрат, который завидовал Аполлонию Тианскому и решил погубить его, после того как Аполлоний опередил его в попытке добиться благосклонности Веспасиана. Искусный интриган, он начал распространять о философе нелицеприятные слухи, и именно он столкнул Аполлония с могущественными гимнософистами. Однако Аполлонию удалось и после диспута сохранить с ними достаточно терпимые отношения, выдержанные в духе вооруженного нейтралитета. До этого ему уже при-

* Там же, т. 1, стр. 509, 553, т. 2, стр. 43, 325.

ходилось выступать в роли обвиняемого в римском суде, когда он попал в руки Тигеллина по обвинению в неуважении к Нерону, но тогда ему удалось вселить в Тигеллина такой страх, что тот принял его за бога и отпустил. Однако обвинения Ефрата против Аполлония были гораздо более тяжкими. Он распространил слух, что Аполлоний вступил с Нервой в заговор против императора Домициана и изувечил юношу из Аркадии, чтобы с помощью гадания на его внутренностях предсказать дату вступления Нервы на престол. За это тягчайшее преступление, государственную измену вкупе с черной магией, полагался смертный приговор; и друг Аполлония, Демокрит, предупредил его, чтобы он любой ценой держался подальше от Рима, однако философу показалось недостойным скрываться, и он предпочел предстать перед судом и доказать свою невиновность. Аполлоний был брошен в тюрьму, где с ним обращались жестоко, а затем, после угроз и шантажа, он наконец предстал перед Домицианом, но его личность оказала на императора то же воздействие, что и на Тигеллина, причем это изменение в отношении Домициана напоминает изменение, произошедшее с Пенфеем после встречи с Дионисом.

«И когда император подошел к четвертому вопросу, относящемуся к Нерве и его друзьям, вместо того, чтобы прямо допросить обвиняемого, он допустил довольно долгую паузу, а затем, после длительных размышлений, и с видом человека, которому нехорошо, он задал вопрос в манере, которая удивила их всех; ибо... он просто ходил вокруг да около...»*

Аполлоний отвечал твердо, призвав на помощь надежных свидетелей, и вызвал в зале суда громкие овации, после чего был оправдан императором, который робко добавил, что философ должен остаться в Риме для частной с ним беседы.

«Аполлоний был ободрен этими словами и сказал: «Я благодарю Вас, мой повелитель, но я вынужден сказать Вам, что по милости этих негодяев города Ваши лежат в развалинах, острова полны ссыльными, повсюду слышен горестный плач, армии Ваши погязли в трусости, а сенат — во взаимном недоверии. Предоставьте и мне возможность выступить, если же Вы откажете мне, то пошлите кого-нибудь за моим телом, ибо душу мою Вам не заполучить. Нет, я не дам Вам даже свое тело, «ибо Вам не убить меня, потому что сказываю Вам, что я не простой смертный». И с этими словами он исчез из зала суда...»**

* Филострат, в цит. раб., т. 2, стр. 281.

** Там же, т. 2, стр. 283. Цитата из *Илиады*, XII, 13.

Причем помимо того, что он покинул суд *образом столь божественным и необъяснимым**, что поразил всех присутствующих, но и, покинув его еще до полудня, он уже к вечеру предстал в Дикаэрии перед Деметрием и Дамисом, и ему пришлось долго убеждать их, что он не призрак.

Несмотря на эффектность этой победы, сегодня она представляется менее выдающейся, чем написанная Аполлонием речь в свою защиту, которая ему так и не потребовалась. В ней встречаются отрывки, проникнутые пафосом, касательно обвинения в причастности к черной магии, против которого он намеревался представить алиби.

«Я никогда не совершал кровавых жертвоприношений, я не делаю этого и сейчас. Я никогда не прикасаюсь к крови, даже если она пролита на алтаре... Что же тогда я в действительности делал в ту ночь?... Филиск Мелосский, с которым мы вместе четыре года изучали философию, был в то время болен, и я ночевал в его доме, поскольку страдания его были столь ужасны, что он умер от своей болезни. Ах, если бы существовали заклинания, которые могли спасти его жизнь, я бы молил богов научить им меня. С радостью выучил бы я мелодии Орфея, если бы они могли возвращать умерших к жизни. Я даже думаю, что совершил бы паломничество и в загробный мир для своего друга, если бы это было возможно... То, сколь ничтожны основания для выдвинутого против меня обвинения, ясно доказывают свидетельства этих господ, ибо выясняется, что я находился не в предместье, а в городе, не за стеной, а в ее пределах, не с Нервой, а с Филиском, и при этом я не убивал, а молился за жизнь человека, размышляя о делах не государства, но философии, и я не выбирал революционера, чтобы свергнуть Вас, но старался спасти человека, подобного себе»**.

Во время этого суда Аполлоний заявлял, что его вдохновляют и ему помогают боги, а также утверждал, что не является смертным, однако процитированный только что отрывок указывает на невозможность его путешествия в подземный мир, а также воскрешения им умерших, хотя об этих его способностях сообщается в других местах его биографии. Следовательно, этот довольно длинный документ был написан ранее, чем *Жизнь Аполлония Тианского*, и является подлинным. Обвинение в черной магии, которое преследовало Аполлония всю его жизнь и даже после смерти — это стандартное обвинение против всех чудотворцев; лишь немногим из них удалось его избежать, поэтому открыто признава-

* Там же, т. 2, стр. 357.

** Там же, т. 2, со стр. 317.

емой целью написанной Филостратом биографии было очищение имени героя от этого обвинения. Тем не менее современному человеку кажется странным, что самому возвышенному и человеческому представителю всего людского племени пришлось специально опровергать подобные обвинения, тогда как у Моисея такие проблемы вообще не возникали. Загрязнение воды, отравление урожаем, мор скота, язвы и болезни, насланные на египтян, бури и грады, а также убийство перворожденных — все эти чудеса, направленные против злейших врагов израильтян, для последних может быть действительно олицетворяли белую магию; однако Аполлоний, человек высокоцивилизованный, никогда не согласился бы с такой точкой зрения, что следует из цитируемого ниже отрывка из его речи в свою защиту, в котором он говорит о чуме, предотвращенной им в Эфесе.

«Давайте предположим, что скифы или кельты, живущие по берегам рек Истер и Рейн, основали город, по своему значению похожий на Эфес в Ионии. Такая крепость, полная варваров, конечно, отказалась бы вам подчиниться; однако представьте себе, что все ее жители были на грани гибели от чумы, и что Аполлоний нашел средство предотвратить ее. Я думаю, что мудрый человек смог бы защититься даже от такого обвинения, если, конечно, мой повелитель просто напросто не хочет избавиться от своих врагов, но не с помощью оружия, а посредством болезни. Я же, мой повелитель, молюсь о том, чтобы ни один город не постигла подобная участь, будь то во благо мое или Ваше; и также не хочу я видеть в храмах болезнь, от которой заразившиеся ею умирают прямо на месте»*.

В этом и заключается *лейтмотив* всех приписываемых Аполлонию чудес; они отличались исключительным человеколюбием. Он уже не мог так искусно повелевать растениями и животными, как Заратустра, Моисей и Дионис. Волшебные пиры брахманов, их магические кубки и автоматические виночерпии свидетельствуют (как и легенды о Соломоне) о переходе от прагматичности к романтизму, который произошел в области воздействия первых волшебников на запасы пищи, как только благосостояние людей стало определяться количеством золота, а не плодами земли. Уже Эмпедокл хвастался безграничным богатством, которое может дать ему его магия. Соломон же превзошел в этом отношении всех прочих магов. Аполлоний Тианский, подобно Пифагору, презирал богатство, но он знал, где его можно найти. В следующей истории он предстает перед нами одновременно в качестве волшебника и искателя кладов. Тронутый до глубины души трудным положением отца, которому нужно было на-

* Филострат, в цит.раб., т.2, со стр.317.

кормить четырех дочерей, он убедил его вложить свой скромный капитал в покупку небольшой оливковой рощи с садом и пчелиными ульями. Оливковые деревья принесли небывалый урожай, хотя год для этого растения был неудачный, и оправдали вложение денег. Тем самым он выполнил свою функцию волшебника; но, кроме того, в земле этой рощи был найден клад, так что счастливый отец получил двойное вознаграждение, благодаря безмерной щедрости Аполлония.

Этот второй Пифагор, или полубог-учитель, обладал замечательным даром исцелять людей и изгонять злых духов. Обнаружение и предотвращение чумы в Эфесе (которое его враги объясняли колдовством) естественно стало сенсацией; ведь мудрец, узнав демона чумы в облики слепого старика-бродяги, убедил жителей города забить его камнями, и такими жестокими мерами спасти город от нежелательного гостя. Ритуальное умерщвление камнями и бичевание берут начало из практики первобытных колдунов-знахарей, тогда как воскрешение Аполлонием умерших заставляет вспомнить об Илии, Елисее и Эмпедокле. История о его способностях к воскрешению рассказывается с известной мерой осторожности, чтобы избежать расхождений с общей направленностью речи Аполлония в суде. Девушка, которую он вернул к жизни, умерла в день и час своего бракосочетания. По мнению Филострата, на самом деле она находилась в трансе, и Аполлоний, почувствовав это, оживил ее прикосновением своей руки и звуком своего голоса. Однако это событие можно считать чудом лишь условно. В обществе брахманов он излечил одержимого бесом юношу с помощью письма, которое он адресовал самому демону и которое содержало угрозы, по всей вероятности, в виде письменного заклинания. Он также вылечил хромого, слепого, парализованного и женщину, страдающую от тяжелых родов. Это последнее чудо было совершено с помощью древнего приема из области подражательной магии.

«Он убедил человека, жена которого должна была вскоре родить очередного ребенка, войти к ней в комнату, неся за пазухой живого зайца; затем он должен был обойти вокруг нее один раз и в тот же самый момент выпустить зайца...»*

Кроме того, он спас юношу, укушенного бешеной собакой и изгнал беса из молодого человека, известного своей безнравственностью, у которого никто не смог заподозрить одержимость, пока Аполлоний не почувствовал присутствие злого духа.

«И когда Аполлоний пристально посмотрел на юношу, демон внутри него

* Там же, т. 1, стр. 319.

начал кричать от страха и ярости, и крик его был похож на крик людей, которых пытаются раскаленным железом; и демон поклялся, что покинет молодого человека и никогда больше не вселится ни в кого другого. Но Аполлоний обратился к нему с гневом, как хозяин обращается к изворотливому, нечестному и бесстыдному рабу, и повелел ему немедленно покинуть молодого человека и показать видимый знак, доказывающий, что он сделал это. «Я уроню на землю вон ту статую», — сказал демон, указывая на одну из скульптур, украшавших галерею царя, где и развивались все эти события. И вот статуя начала едва заметно поворачиваться и упала на пол, после чего поднялся неописуемый переполох, и все присутствующие ошеломленно зааплодировали. А молодой человек протер глаза как бы после сна и... в будущей его жизни именно Аполлон служил ему образцом для подражания»*.

Кроме того, Аполлоний обратил в бегство домового, приручил вредно-го сатира, разоблачил и победил прекрасную женщину-вампира, охотившуюся за его учеником Мениппом, и все это говорит о его способности повелевать духами. Он также вызвал из загробного мира дух Ахиллеса, чтобы побеседовать с ним о Троянской войне. Вопреки принятой прежде традиции, он не стал рыть углубление, чтобы собрать кровь жертвы, якобы привлекающей души умерших. Вместо этого он обратился к Ахиллесе с молитвой, которой научили его брахманы, и великий герой прошлого явился ему. Аполлоний обладал и даром предвидения, предсказания будущего. В момент убийства императора Домициана он видел эту сцену своими глазами, хотя она происходила за много лиг от того места, где находился он сам. Вот как Филострат, защищая философа от обвинений в черной магии и колдовстве, комментирует этот эпизод:

«Колдуны, которых лично я считаю несчастнейшими из людей, претендуют на способность изменять ход судьбы с помощью попыток призраков, варварских жертвоприношений или различных заклинаний и мазей... Однако Аполлоний подчинялся велениям Судьбы и лишь предсказывал грядущие события; и предсказания его были основаны не на колдовстве, а на откровениях богов»**.

А вот что говорил о пророчествах сам Аполлоний:

«Ибо боги знают о том, что предстоит в будущем, люди видят происходящее перед их глазами, а мудрецы — то, что приближается»***.

Он помнил во всех подробностях свою предыдущую жизнь, в которой он был лощаном на египетском судне, и узнал в ручном льве, которого

* Там же, т. 1, со стр. 391.

** Там же, т. 1, стр. 489. Конибер переводит «[см. греч. фразу в тексте]» как «заблудший дух», что мне представляется излишним.

*** Там же, стр. 323.

вели на поводке, египетского царя Амасиса, и призвал окружающих обращаться к нему с почестями.

Для полного соответствия структуре мифа о магах легенде о Аполлонии не достает лишь угроз во младенчестве. Все прочие ее элементы здесь присутствуют. Он обладал всеми возможностями мага-практика: властью над умами и телами людей, а также силами природы (правда его способность повелевать последней проявлялась на практике очень редко), хорошо развитым умением гадать, способностью повелевать духами и призывать души умерших. По его собственному утверждению, он не стремился помочь какому-то конкретному племени, общине или государству — все его усилия были направлены на духовное возрождение человечества; причем сколько бы чудес Аполлоний ни совершал, они никогда не заслоняли собой твердой этической основы его биографии и учения. Поэтому неудивительно, что в умах людей он оставался примером для подражания и поклонения, которое оказывали богам. Вполне естественно, что именно его имя в начале 4-го века от Р.Х. Иерокл использовал для антихристианской полемики, утверждая, что философ из Тианы был, по крайней мере, не менее великим мудрецом, чудотворцем и повелителем духов, чем Христос. Что же касается Филострата, то в его книге *Жизнь Аполлония Тианского* такого отношения не чувствуется, и более того, у читателя возникает впечатление, что Филострат вообще ничего не знал о Евангелиях. Его единственной целью была защита героя от обвинений в причастности к черной магии и колдовству. Именно за эти обвинения ухватился в своем ответе Иероклу апологет христианства Евсевий и, подобно второму Ефрату, начал поливать мудреца грязью и насмехаться над ним. Евсевий считал Аполлония одновременно шарлатаном и колдуном, вступившим в союз со злым духом и с его помощью изгонявшим бесов. Ничего другого, как защитнику христианства, ему не оставалось, поскольку те времена ознаменовались последним и самым тяжелым этапом борьбы новой веры с язычеством, однако в трудах одного из авторов-христиан более раннего периода мы находим несколько иное отношение к Аполлонию:

«Если Бог есть создатель и повелитель всего сущего, почему талисманы Аполлония имеют власть над некоторыми частями творения? Ибо мы видим, что с их помощью останавливают штормы и ветры, предотвращают наступление диких животных и птиц»*.

* Псевд-Юстин, *Вопросы и ответы для истинного христианина*, дат. предположительно 150 г. от Р.Х., но возможно и позже. Цит.вопрос 24 по книге Глидоу, *Искусство магии и гадания*, Лондон, 1941, стр. 72.

Евсевий же, разъяренный сравнением Аполлония с Христом, не сомневался в своем ответе на подобный вопрос. Все чудеса философа объяснялись самой черной из всех черных магий. Однако репутация Аполлония выдержала эту атаку; и греческий чудотворец был по-прежнему бельмом на глазу для католической церкви, когда в 1625 году Науд написал книгу в защиту всех великих людей, когда-либо обвиненных в колдовстве. Однако, в отличие от прочих персонажей своей книги, Аполлония он защищать не стал, а напротив, попытался сделать из него глупца, поставив под сомнение само его существование и считая его не более чем второсортной имитацией Христа. В своей обличительной речи он перечислил все параллельные эпизоды из историй Аполлония и Христа, несколько преувеличив, тем самым, значение некоторых совпадений, но ничего не сказав о вопросе божественного происхождения тех или иных явлений:

1. Благовещение.
2. Поющие лебеди и трубящие ангелы.
3. Гром и звезда Вифлеема.
4. Царские письма Аполлонию со свидетельствами о почтении и поклонение волхвов Христу.
5. Рассуждение Аполлония в Храме Эскулапа и беседы Христа в Храме.
6. Вопросы Дамиса и других учеников к Аполлонию и вопросы апостолов к Христу.
7. Заступничество Аполлония за несчастного внука и Христа за падшую женщину.
8. Призрак, увиденный Аполлоном на горе Кавказ и Искушение Христа.
9. Недоверие Евсевия к Аполлонию и евреев к Христу.
10. Изгнание злых духов.
11. Воскрешение девушки Аполлоном и дочери Иаира Христом.

12. Неожданное появление Аполлония перед Дамисом и Деметрием после суда и явление Христа в Эммаусе.

13. Вознесение Аполлония, а также Илии и Еноха.

Подобно идее о божественном происхождении Аполлония, не было упомянуто и вознесение Христа, вероятно, потому что сопоставление этих эпизодов показалось Науду богохульственным; странно, тем не менее, что в этот список не попали сами сцены суда, хотя в нем есть

другие, гораздо менее примечательные параллели. Этот обманчивый список мог бы убедить любого незнакомого с книгой Филострата человека, что она была плагиатом с библейских Евангелий. По сути дела, на непредвзято настроенного человека лишь один эпизод из *Жизни Аполлония Тианского* мог бы произвести подобное впечатление — речь идет о разговоре Аполлония с Дамисом и Деметрием, когда друзья приняли философа за призрака после его возвращения из зала суда:

«Тогда Аполлоний вытянул вперед руку и сказал: «Коснись руки моей, и если не удастся тебе это, то значит я действительно призрак из царства Персефоны, подобно тем призракам, которых боги подземного мира являют тем, кто скорбит о потере близких. Но если ты почувствуешь прикосновение, то убеди и Дамиса, что я жив и не покинул тела своего». Все их сомнения окончательно рассеялись, они бросились ему на шею и стали целовать, задавая вопросы о прошедшем суде»*.

Во всем остальном гораздо более удовлетворительное объяснение несомненно параллельных эпизодов обеих историй лежит в общей традиции всех религиозных чудотворцев, совершенных ими чудес и их последствий. Характер Аполлония был, конечно, скопирован с образов Пифагора и Сократа, но Филострата никак нельзя обвинить в плагиате с Евангелий. Сходство обеих историй выявляется в результате скрупулезного анализа, и этот анализ показывает, что подобные сходства существуют и между всеми прочими легендами о магах, независимо от того, где, когда и как они были созданы.

* Филострат, в цит. раб., т. 2, стр. 261.

ГЛАВА IV

ПЕРИОД УПАДКА МАГИИ

Христос

Конец античного периода ознаменовался серьезным упадком в области магии, вызванным прежде всего появлением Иисуса Христа. Когда старые боги были повержены, они утянули за собой в забвение и ссылку всех своих смертных и наполовину бессмертных представителей: пророков, жрецов и магов. Крушение это объясняется не только религиозными причинами. Евангельская история была настолько хорошо рассказана, что просто не могла не затмить собой, а в некоторых случаях и полностью предотвратить, любые последующие имитации. Как богочеловек и герой мистической легенды, Христос явил собой некий предел, через который человеческое воображение в своих попытках усовершенствовать миф о магах так и не смогло переступить. Привычная структура мифа не выдержала такого напора и разлетелась на мелкие осколки. Столь же медленно, но верно весь пестрый спектр религий-мистерий и отдельных культов был либо поглощен доминирующей религией, либо загнан в подполье. После смерти Христа и до начала эпохи Средневековья религиозная жизнь в Европе вполне напоминала Пенджаб, «страну пяти рек», которые все текут в одном направлении по своему естественному руслу, перетекая одна в другую, пока наконец ни сливаются в тот могучий поток, который носит название Инд.

Хотя жизнь Христа, как она рассказана в Евангелиях, достаточно хорошо всем известна и не требует детального пересказа, не лишним будет перечислить имеющиеся в ней элементы мифа и легенды: божественное происхождение и чудесное рождение; благовещение и различные предзнаменования, предшествовавшие рождению; угроза жизни героя во младенчестве; инициация Иоанном Крестителем, в которой прослеживаются элементы *агона*, или главного конфликта, поскольку Креститель, подобно Абарису в истории Пифагора, признал Христа выше себя. Однако подлинным конфликтом в жизни Иисуса была его борьба с Сатаной, в которой старый бог и волшебник был побежден

духовной силой Иисуса. Это соперничество, как и в истории Заратустры, приняло форму искушения, причем приманкой в данном случае служила слава и власть над миром. Христос одержал победу в борьбе, которой, как, опять же, и в случае с Заратустрой, предшествовал длительный пост в уединении. Интересной и весьма символической чертой искушения Христа стал его отказ использовать магию для доказательства своей божественности. Это стало, по сути дела, своеобразным пророчеством того, что магии на земле места нет, и почти наверняка утверждением, что магия дается человеку от дьявола. И в то же время Христос использовал ее на практике, поскольку его чудеса не отличались от подобных подвигов его предшественников и последователей. Тайная вечеря, или причастие, стала прекрасным олицетворением жертвенных пиров, на которых поклонники той или иной религии в символической форме съедали своего бога-спасителя; суд над Христом и последующее распятие со всеми ритуальными насмешками, истязанием и избиванием также берут свое начало с похожих традиций. Исчезновение тела из гробницы упоминается в легендах об Аристее; путешествие в ад (впервые упомянутое в Послании к Ефесянам), воскресение и вознесение также были основаны на соответствующих ритуалах. Каноническая жизнь Христа весьма схожа с *Вакханками* Еврипида в том отношении, что также является сплавом истории и ритуала и читается почти как драматическая мистерия, трансформированная в эпическую форму, тогда как жизнь Аполлония Тианского больше напоминает исторический роман. Кроме того, история Христа является наиболее полным из сохранившихся до наших дней описанием обрядовых особенностей прошлого. Элемент дальних путешествий представлен в ней бегством в Египет, а также скитаниями Христа по Палестине в период служения. Даже без проповедуемого в ней учения история Христа, рассказанная просто и выразительно, без каких бы то ни было экстравагантных, фантастических или невероятных приемов изложения, неизбежно должна была произвести впечатление благодаря особому трагическому концу. Мы уже отмечали, что загадочная и мучительная смерть является одной из основных черт мифов о магах; однако в данном случае подлинная трагедия умирающего бога изображена с незабываемыми и впечатляющими подробностями. Кроме того, во всей истории Христос представлен как «человек, познавший горе и печали». Подобное наделение бога человеческими свойствами в отличии от легенд об Озирисе и Дионисе, которые были лишь божественными мистериями, сделало жертву Христа, потрясшую весь мир, иск-

лючительно реальной. Более того, подлинный герой того, что впоследствии стало великой мифологической религией, по-видимому, действительно был поразительной личностью:

«Пророк из Назарета не отличался по темпераменту и характеру от других благородных пророков древности. Как и они, он проповедовал религию сердца; как и они, он критиковал официальные законы; как и они, он предлагал утешение бедным; как и они, он обличал правителей и богачей... Если мы рассматриваем Иисуса только через призму его отношений с теми, чьи несчастные и тяжелые жизни он очистил от зла и осветил радостями идеалов, то можно поверить, что он был совершенным типом кроткого и страдающего святого. Но его характер имел две стороны, и мы должны помнить об этом... Иисус не имел возможности продемонстрировать дух гонителя в своих делах, но он ясно выразил его в своих словах. Веря, что в его власти было осуждать своих собратьев на вечные муки, он заранее осудил на них всех богатых и почти всех образованных евреев»*.

Такой дуализм природы великого пророка, по-видимому, повлиял на более поздние описания его младенчества. Сами по себе апокрифические писания о Христе весьма поучительны, поскольку на их примере мы имеем возможность наблюдать процесс мифотворчества, начатый еще в Евангелиях. В книге Иакова, или Протевангелиуме, упоминается чудесное рождение девы Марии и ее ранняя жизнь в храме, что отодвигает границы сверхъестественного происхождения будущего бога еще дальше в прошлое, как это было и с Заратустрой. Затем в этой книге описываются непорочное зачатие Иисуса, сомнения Иосифа, благовещение Гавриила и чудеса, сопровождавшие рождение Христа с добавлением некоторых новых черт. Так, например, согласно этой апокрифической книге, все творение замерло в тот момент, когда младенец Иисус появился на свет:

«... и вот, светящееся облако нашло на пещеру... и сразу же облако покинуло пещеру, и из нее заструился свет настолько яркий, что глаза наши не могли его вынести. Мало-помалу этот свет ослабевал, пока мы не увидели младенца: и он взял грудь матери своей Марии»**.

Сходство этого эпизода со Славой Заратустры поразительно; и хотя о Моисее также рассказывали, что еще во младенчестве прикосновение к нему излечивало людей, автор Евангелия от Фомы, превративший детство Христа в героическую сагу, делает в развитии легенды довольно

* Винвуд Рид, *Мученики человечества*, со стр. 176.

** *Апокрифический Новый Завет*, Оксфорд, 1926, стр. 46.

неожиданный поворот. В его интерпретации история Христа имеет, конечно, много общего с легендами о других богах, но в то же время затмевает их все, потому что автор, по-видимому, хорошо разбирался в детях, а также сумел подметить определенные качества уже взрослого героя Евангелия. Беспокойный ребенок, изображенный Фомой, ведет себя в точности так, как ведут себя все резвые и необычайно одаренные дети, однако к удивлению и ужасу окружающих слова этого ребенка не расходились с делом, и те, кому случалось разгневать его, погибали. По сравнению с этим беспокойные во младенчестве Кришна, Геракл и Зигфрид могут показаться кроткими ягнятами; недаром он получил оскорбительное прозвище «одаренный маленький забияка». Интересно, что сверхъестественные способности и особый менталитет в любом ребенке приводят к подобному поведению, что мы видим на примере считавшейся в детстве вундеркиндом и в то же время ужасным ребенком Елены Петровны Блаватской.

Согласно Евангелию от Фомы, в детских играх Иисуса соединялись элементы, основанные на воображении, и самая настоящая магия: так, например, он делал из глины воробьев и наделял их способностью летать, или заставлял потоки воды после дождя собираться в лужи, делая это, вероятно, с самыми серьезными намерениями, например, для ирригации полей, потому что, когда однажды приятель Иисуса попытался вмешаться, тот наслал на него болезнь. Возможно, у него были на то причины, поскольку урожаем обычно погибал, если волшебники не заботились об орошении полей, однако в тех случаях, когда большинство детей выразили бы свое недовольство угрюмым взглядом или словом, этот ребенок мог запросто убить. Он также летал вдоль солнечного луча, как будто это было проще простого, а другие дети, следуя за ним, падали на землю и калечились, хотя после этого он милостиво вылечивал их, чего нельзя сказать о кувшинах, которые приятели Иисуса в подражание ему пытались повесить на солнечные лучи — они безнадежно разбивались. Кувшин же Иисуса преспокойно висел на солнечном луче, но даже если бы этот кувшин разбился, Иисуса вряд ли бы ругали дома, ведь, уронив однажды кувшин по дороге к колодезю, он принес домой воду в собственном плаще, подобно героине индийских легенд Ренуке, матери Рамы, ежедневно совершавшей подобные чудеса. В отличии от своих товарищей Иисус не терпел над собой никаких шуток, без колебаний убивал любого, кто нападал на него, ослепляя затем тех неразумных взрослых, которые пытались обвинить его в убийстве, хотя с другой стороны, он

всегда был готов вернуть им зрение, если они приходили с покаянием. Обладая такими способностями, он приобрел дурную репутацию, и иной раз его обвиняли в несчастных случаях, к которым он не имел никакого отношения. Так, например, однажды ребенок случайно или с чьей-то помощью упал с крыши двухэтажного дома и разбился насмерть. Иисуса по ошибке обвинили в убийстве. Маленький бог с видом оскорбленной невинности спрыгнул с крыши и оживил мальчика, чтобы тот мог свидетельствовать в его защиту. Он превращал жизнь своих учителей и наставников в кошмар, потому что был гораздо умнее их и охотно этим пользовался. С другой стороны, он был неоценимым помощником для своей семьи, легко справляясь с любой работой, связанной с жатвой и севом, т.е. обладал даром, который, вероятно, унаследовал от него герой русских сказок Илья Муромец. В детстве Иисус мог похвастаться силой Самсона или Геракла и помогал своему отцу Иосифу двигать огромные бревна; он вылечил своего брата Иакова от змеиного укуса, подобно Кришне, который совершил такой же поступок в детстве. Но когда он был с другими детьми, опасные для окружающих черты характера часто одерживали над ним верх. Приятели Иисуса, по-видимому, жили в постоянном страхе, и однажды они убежали от него и спрятались в пещере или погребу. Женщины, сидевшие у входа, попытались обмануть Христа, заявив, что внутрь заходили только козлы, и тогда по команде Иисуса из пещеры действительно вышло стадо козлов. Вняв мольбам пораженных женщин, он вновь вернул детям человеческий облик, *и с тех пор они больше не убегали от Иисуса**.

Конечно, подобное поведение не кажется справедливым, но магия действительно довольно часто весьма далека от идеалов справедливости; всем участникам этих событий еще повезло, что, несмотря на легкую возбудимость и раздражительность, юный Христос не отличался мстительностью. Он всегда вылечивал и воскрешал тех, кого покалечил или убил, а также помогал жертвам несчастных случаев; и когда он однажды печально испортил одежду, присланную красильщику, уронив ее в черную краску, потребовалось лишь вмешательство его матери, чтобы убедить его исправить положение, после чего он придал одежде тот цвет, который называл красильщик. Эта последняя легенда свидетельствует о том, что все его выходки, даже самые неприятные для окружающих, были в основе своей детскими шалостями. Чудеса, связанные с убийствами и воскрешениями, говорят о мечтах ребенка о всемогуществе. При

* Апокрифический Новый Завет, стр. 68.

соответствующем настроении последствия любого совершенного им поступка могли быть исправлены мгновенно. Такая убежденность в неприкосновенности богов характерна для детского сознания, и апокрифическая сага о детстве Христа лишь подтверждает эту психологическую теорию. В соответствии с ней любой ребенок-полубог в своем поведении полагается прежде всего на свои капризы, если бог вообще может быть ребенком. Более того, Фома, сознательно или неосознанно, указал на наличие в юном Иисусе таких качеств, которые затем проявились в уже взрослом герое канонических Евангелий. Нетерпимость к материнскому контролю, бессмысленный гнев на смоковницу за то, что она не принесла плодов в период плодоношения, вылившийся в губительное проклятие, жестокое отношение к своим врагам, которые все были осуждены на адские муки, вспышка ярости и физического насилия по отношению к торговцам и менялам в Храме — все эти поступки Иисуса заставляют нас вспомнить о том неисправимом ребенке из Евангелия от Фомы, нетерпевшем пререканий. Однако сияние маленького бога, катающегося по солнечному лучу, уже померкло. В Апокрифах служение Иисуса было дополнено лишь немногими новыми деталями, однако в сохранившемся до наших дней фрагменте коптского текста конфликт между Иисусом и Сатаной представлен в несколько новом свете. Дьявол бросил вызов своему сопернику, забрасывая сети и рыболовные крюки в пустыне и хвастаясь при этом:

«В воде поймать рыбу нетрудно, а вот поймай-ка ты ее здесь, в пустыне»*.

И хотя поначалу Сатане удалась его уловка, он так и не превзошел улов Христа (причем в данном случае улов рыбы символизировал улов душ), и его затея закончилась катастрофой. Когда Иисус приказал ему повторить то же самое, он согласился и был окружен огромным облаком дыма, в котором сила его исчезла.

Страсти Господни неизбежно привлекали особое внимание мифотворцев, которые с готовностью приукрашивали описания страданий Христа в Евангелиях, и особенно сцены суда. В Деяниях Пилата суду уделяется даже больше внимания, чем распятию, и сама сцена суда обогащена различными чудесами и отличается сильной антисемитской направленностью, следствием которой стало стремление автора снять вину с Понтия Пилата. Главными обвинениями, выдвинутыми евреями против Мессии, были осквернение субботы, заявления Христа, что он есть Сын Божий, рождение Христа от внебрачной связи, а также его причастность к черной магии и

* Там же, стр. 149.

связь с бесами, которых он якобы изгонял с помощью Веельзевула, их повелителя. Обвинения чудотворцев в черной магии упоминались и в Евангелиях, правда не во время суда, поэтому в дальнейшем авторы различных легенд о Христе не могли не включить их в полномасштабную и весьма драматичную сцену, написанную для того, чтобы посеять ненависть против обвинителей Христа и опровергнуть нелюбимые слухи, поставив божественность героя вне всяких сомнений. Стремление достичь этой последней цели способствовало появлению подробного описания сцены воскресения так называемыми свидетелями, которые среди всего прочего подтвердили, что евреями предпринимались попытки доказать, будто тело Иисуса было всего-навсего украдено. Попытки противодействовать скептическим и рационалистическим объяснениям чуда воскресения, явственно проявляющиеся уже в канонических Евангелиях, были с удвоенной энергией возобновлены в апокрифических легендах о страстях Господних. Попытки эти, надо сказать, не отличались убедительностью. Что же касается распятия Христа, то с его интерпретацией в Апокрифах дело обстоит несколько легче, ведь горькое восклицание Иисуса на кресте в Евангелии от Петра: *Сила Моя, Сила Моя! Для чего ты покинула меня** напоминает огромную волну, обрушивающуюся из моря легенды на берег реальной жизни. В этом описании гораздо больше эмоциональной истины, чем в душераздирающих стенаниях канонических писаний, ведь кто-то действительно должен был произнести эти слова, ибо ни один писатель, даже гениальный, не мог бы их придумать. Совершенно иное впечатление производят на читателя Деяния Пилата и Евангелие от Варфоломея, в которых описывается путешествие Христа в ад. В них главная роль в формировании легенды принадлежит литературе. Весь этот эпизод написан чрезвычайно волнующе и изобилует подлинно драматическими поворотами событий: перед нами проходят ликование пророков, когда они узнают о приближении Спасителя, ужасы ада и Сатаны, паническое собрание сил тьмы и их тщетные попытки сопротивляться Спасителю, торжествующий голос, обладателю которого после всех этих веков предоставилась возможность воскликнуть словами из псалмов Давидовых:

«И вот, раздался голос снаружи: Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимите, двери вечные, и войдет Царь славы! И услышав голос тот чистый, силы зла и Сатана спросили: Кто сей Царь славы? И чудный голос отвечал им: Господь Сил, Он — Царь славы. И вот, внезапно ад затрясся...»**

* Там же, стр. 91.

** Апокрифический Новый Завет, со стр. 133, Деяния Пилата.

Предвзято настроенный поэт не стал бы сочинять такую сцену и вкладывать строки из Псалтыря в уста Христа и сил зла; никому не пришлось бы в голову описать вступление в рай вора со своим крестом. Однако именно поэт, а не просто летописец, увидел и подчеркнул символическое значение древа Христа, побеждающего сатанинское древо греха и познания. Это наиболее памятная метаморфоза, произошедшая с сущностью растения, перешедшего из одного состояния в другое. Легенда об Орфее и Эвридике, может быть, более прекрасна, однако она не идет ни в какое сравнение с описанием путешествия в ад Христа.

Искушение Заратустры, соперничество между Моисеем и фараоном, а также между Дионисом и Пенфеем, величие Соломона, чистота Пифагора, речь Аполлония в свою защиту, распятие и *катабасис* Христа — все эти выдающиеся элементы древних легенд действительно оправдывают название первой части настоящей книги о магии: «Золотой Век», и, возможно, способны утешить тех, кому не нравится, что Христос был помещен в один ряд с волшебниками прошлого. Ибо магия в те дни была неотъемлемой частью природы божественного. Все великие боги были магами, и все великие маги, по мнению окружающих, несли в себе частицу божественного. Христос из Апокрифов и канонических Евангелий не был исключением из этого правила. Описанные в Апокрифах подвиги Христа, связанные с севом и сбором урожая, канонические описания чудес с хлебами и рыбами, сверхъестественным уловом, смоковницей и превращением воды в вино, свидетельствуют о таком же отношении Иисуса к запасам пищи, какое было характерно для магов, законодателей и богов первобытных народов и древних легенд. В тесной связи с этой способностью находится и власть над первичными стихиями, которую Эмпедокл считал частью искусства воздействия на урожай. В случае с Христом его власть над земными стихиями проявилась в способности юного Иисуса управлять огнем, в прекращении шторма и хождении по воде. Еще более очевидна связь Иисуса с древними знахарями и целителями. С самого детства, ослепив, покалечив или убив разозливших его людей, он с той же легкостью возвращал им здоровье и жизнь, если к нему должным образом обращались. Уже будучи взрослым, он излечивал сумасшедших, парализованных, прокаженных, немых, слепых, калек, одержимых демонами, а также останавливал кровотечения. При лечении он использовал как экзорцизм, так и методы, основанные на вере. Случаи воскрешения людей из мертвых, которые Иисус совершал в юном и зрелом возрасте, уже имели прецеденты в еврейских традици-

ях. Монета, найденная по совету Иисуса в пасти у рыбы, подобно кладу, предсказанному Аполлоном, стала указанием на то, что в будущем от магов будут требовать уже не урожай, а золото. Иисус предвидел приближение своего конца, но в конечном итоге он ошибся относительно более глобального вопроса о конце света. Единственным методом магической практики, который он в своей деятельности не использовал, является некромантия, или предсказание с помощью душ умерших. Однако появление Моисея и Илии при его преображении говорит о применении им своего реального дара в целях магической демонстрации, а освобождение из ада душ праведников связывает некромантию с орфической легендой и апокалиптическими снами. Его власть над умами людей действительно впечатляет, поскольку она не ослабевает вот уже две тысячи лет, и одним из примеров действия этой власти стало постепенное отрицание представления о существовании множества дорог к истине и множества богов и магов как «указательных столбов» вдоль этих дорог.

Симон Маг

Историю о волшебнике Симоне можно считать первой законченной легендой о судьбе черного мага, или, другими словами, соперника положительных героев во время ритуалов, который на этот раз является главным действующим лицом. Мы уже отмечали, что Моисей и Дионис использовали нечистые магические приемы, однако оба они выходили победителями в борьбе, и это оправдывало их нелицеприятные поступки. Несчастному Симону повезло меньше, и вокруг его легендарной фигуры были сосредоточены все наиболее темные представления о магии, сдобренные богатым воображением первых христианских борцов против ереси. Считающийся основателем гностицизма, Симон был возведен в ранг первейшего и злейшего еретика, виновного в духовном грехе против Святого Духа, за который нет прощения. Он подвергся таким же яростным нападкам, как в свое время Аполлоний Тианский. Его обвиняли одновременно в шарлатанстве и причастности к черной магии, причем налицо явное противоречие этих двух обвинений. Ведь Отец Лжи считался прежде всего мастером обмана и иллюзий и не был способен на многое в сфере чудес. Хотя ни одно деяние, совершенное Симоном, не может сравниться по своим трагическим последствиям с поступками Моисея, его преступления, как и преступления Соломона, внушали людям суеверный ужас, и имя его было предано анафеме, потому что он осмелился поставить себя на один уровень с Христом.

Многие великие маги прошлого заявляли или намекали на свое божественное происхождение, незаметно переходящее в божественную сущность. В этом отношении Симон не отставал от своих предшественников, утверждая, что он был трансцендентальным богом гностического космоса, а иногда называя себя Спасителем. Интересно, что гностицизм, подобно зороастризму, был основан на принципах дуализма.

«Из этой гипотезы вытекало следующее: (1) что материя по сути своей порождение зла и принадлежит низшему миру, который противопоставляется миру высшему, т.е. месту, куда стремится человеческая душа; (2) что душа прежде пребывала в высшем мире, а затем в результате какой-то космической катастрофы еще до своего сознательного существования оказалась в низшем мире; (3) что душа может быть спасена только божественным вмешательством, поскольку ее развитие безнадежно задерживается оковами материи. Идеи, ставшие таким образом основой гностического мышления, были выдвинуты и разработаны с точки зрения мифологии. Было принято за истину, что божественная природа человека берет начало от некоего божественного существа, которое пало из царства света в мир тьмы. Процесс освобождения этого существа предполагал, прежде всего, его возрождение, которое в свою очередь было невозможно без добровольного появления на земле другого божественного существа, равного или превосходящего первое по рангу. Именно вокруг этих двух существ, Падшего бога и Спасителя, развивалась во всем ее разнообразии гностическая мифология... в результате слияния высшего принципа с низшим из хаоса возникает космос. Агентом творения в гностицизме считается Демиург, который... управляет созданным им миром, считая себя Всевышним Богом... Интересной особенностью гностицизма является отождествление этого низшего Бога с Богом Ветхого Завета... Его, конечно... не сравнивали с Сатаной, но он был наделен качествами низшего порядка, и сфера его деятельности была ограничена одним лишь слепым сотворением мира»*.

«Главный символический смысл, вложенный в миф о Симоне и Елене его создателями, относится к сфере звезд, поэтому символами Логоса и его Мысли, Мировой Души, стали Солнце (Симон) и Луна (Селена, Елена). Что же касается микрокосма, Елена олицетворяла в нем человеческую душу, скованную материей, а Симон — ум, ведущий ее к спасению»**.

Вот на таком мистическом фоне Симону Магу пришлось сыграть свою легендарную и скорбную роль в истории магии. Его заявления о своей миссии спасителя, конечно же, навлекли на него обвинение в

* Гастингс, *Энциклопедия религий и этики*, статья «Гностицизм».

** Г.Р.С. Мид, *Осколки забытой веры*, Лондон, 1900, стр. 168. Еще одним именем падшего Эона, или Силы, было София.

богохульстве, и поскольку этому слабому человеку пришлось соперничать со всемогущим, как доказала история, противником, его жизнь, развивавшаяся в общем-то по традиционной модели, неизбежно стала, пользуясь терминами фотографии, негативом уже сделанных отпечатков, на котором белое выглядит черным, а черное — белым. Согласно различным источникам, Симон Маг познакомился с магией в Египте и был принят в секту Досифея, которая состояла из 29 мужчин и женщины по имени Елена. Досифей считался проявлением высшего принципа гнозиса еще до появления в секте Симона. Симон вступил с Досифеем в магическую борьбу за власть и одержал победу. Когда последний пытался поразить бунтовщика своим посохом, посох прошел через его тело, как сквозь дым. После этого Досифей признал Симона верховным вождем секты, уступил ему власть и вскоре умер. Однако это было лишь началом подлинного конфликта. В соответствии с историей, рассказанной в библейских Деяниях Апостолов, Симону Магу в Самарии поклонялись как богу, но вскоре он обнаружил, что его чудеса не могли соперничать с чудесами Филиппа. Это настолько поразило местного волшебника, что он уверовал в Христа и крестился. Затем он пришел в еще большее изумление, когда увидел, как Дух Святой дается людям после возложения на них рук апостолов. Тут он совершил весьма неразумный поступок, попытавшись за деньги купить такую же власть. После того, как Петр осудил Симона за это, последний, судя по всему, воспринял эти упреки как должное и раскаялся в своем грехе. Но борцы против ереси не могли удовлетвориться таким благоприятным концом для пресловутого основателя гностицизма, опасные идеи которого были частично заимствованы самим апостолом Павлом. В самом деле, Баур и его последователи, пораженные удивительным сходством основных аспектов противоречий между Симонам и Петром, с одной стороны, и Петром и Павлом, с другой, считают Симона Мага лишь мифическим символом Павла. Однако, даже если это и так, этот символ ожил, и какой бы вымышленной ни была фигура Симона Мага, его жизнь в легенде протекала весьма интенсивно. По описаниям в Апокрифах и трудах псевдо Клементия, он был слишком тщеславен, чтобы удовлетвориться ролью второй скрипки в магическом оркестре. Напряжение духа, неистово стремящегося превзойти самого себя, вылилось во враждебные описания его действий и высказываний, что вызывает лишь мучительную жалость, но не приводит к желаемым Симонам результатам. Постепенно читатель начинает принимать сторо-

ну волхва, чья слава превращалась в бесславное поражение всякий раз, когда он сталкивался с Петром, ибо последний постоянно следовал за ним по пятам со своими обвинениями. Эта тяжелая и утомительная борьба была полна превратностей судьбы весьма неприятного характера. Нервы Симона начали сдавать, что неудивительно, ведь даже его собственная собака свидетельствовала против него, а семимесячный младенец с той же целью был даже наделен способностью говорить голосом взрослого. В панике Симон выбросил свои магические книги в море, чтобы Петр не смог добраться до них и обвинить его в колдовстве, и бежал в Рим, император и жители которого по-прежнему верили в его божественность и, конечно, защитили бы его от неумолимого врага.

Петр в сопровождении своего бывшего врага, а ныне друга Павла, преследовал его по пятам; в результате несчастному Симону пришлось публично в присутствии Петра и Павла доказывать Нерону свою состоятельность. Петр предложил Симону очень простое испытание: волхв должен был прочесть его мысли и рассказать всем, что Петр только что сказал Нерону и каковы были результаты их разговора.

«Нерон сказал: 'Неужели вы хотите, чтобы я поверил, что Симон не знает всего этого, Симон, который воскресил умершего и сам воскрес на третий день после обезглавливания, и который всегда делал все, что обещал?' И Петр ответил: 'Я этого всего не видел'»*.

Вот оказывается в чем состояла суть дела, и этот эпизод заставляет вспомнить предсказания гадалки об отношениях между Антонием и Цезарем:

*Твой демон, то есть твой дух, тебя хранящий,
И храбр, и благороден, и силен,
А между тем, о духе Цезаря подобного не скажешь, но рядом
с ним твой ангел
Испытывает страх, как будто перед силой грозной, и потому
Держись ты от него подальше**.*

Подобное же знание о том, что его сила исчезает в присутствии Петра, заставила Симона увильнуть от испытания и предложить Петру сделать то же самое, способствуя тем самым очередному успеху сво-

* П.М.Пальмер и Р.П.Мор, *Источники легенд о Фаусте*, Нью-Йорк, 1906, со стр.30; цитируется из *Деяний святых апостолов Петра и Павла*.

** Шекспир, *Антоний и Клеопатра*, акт II, сцена III.

его соперника. Петру, конечно же, не сложно было предугадать ход мыслей Симона, и поскольку последний только что угрожал наслать своих ангелов на Петра и отомстить ему, Петр знал, чего ожидать, и подготовился к возможным неприятностям. Вне себя от ярости, Симон воскликнул:

«Пусть появятся огромные псы и съедят его перед Цезарем». И внезапно появились огромные псы и бросились на Петра, но Петр, вытянув руки в молитвенном жесте, показал псам хлеб, который он благословил, и псы исчезли. После этого Петр сказал Нерону: «Смотри, я продемонстрировал тебе, что знал мысли Симона, но не на словах, а на деле, ибо он, угрожая призвать ангелов против меня, натравил псов, чтобы показать, что ангелы его не бого-, а собакоподобны»^{*}.

В этой угрожающей ситуации Симон все поставил на магический прием, или трюк, который уже однажды сделал его знаменитым. Он провозгласил, что на следующий день он вознесется на небеса. Он, очевидно, действительно надеялся подняться в небо и исчезнуть, как это ему не раз удавалось в прошлом. Нерон охотно приказал возвести высокую башню на Марсовом поле и пригласил на спектакль весь народ и почетных гостей:

«Тогда Симон взошел перед всеми на вершину башни, и голова его была увенчана лавровым венком. Он вытянул вперед руки и полетел. Когда Нерон увидел это, он сказал Петру: 'Симон доказал нам свою силу, а ты и Павел обманщики'. На это Петр ответил: 'Сейчас ты увидишь, что мы есть истинные ученики Христа, а он не Христос, но злодей и волшебник'. Нерон спросил: 'Почему ты упорствуешь, ведь ты видишь, что он поднимается на небеса...' И тогда Петр, пристально глядя на Симона, сказал: 'Я заклинаю вас, о ангелы Сатаны, поднявшие его в воздух, чтобы обмануть сердца неверующих, заклинаю именем Бога, создавшего все сущее, и Иисуса Христа, которого на третий день Он воскресил из мертвых, более не поддерживать его в воздухе, а отпустить'. И сразу же после этих слов Симон упал на землю в то место, которое называется *Sacra via*, т.е. святой путь, и разбился, причем тело его разделилось на четыре части. Вот такая злая судьба подстерегала Симона Мага»^{**}.

Описание этого неудавшегося вознесения мага, который рискнул последовать примеру Икара, может служить наглядным образцом пропаганды, направленной против магии как силы, противостоящей подлин-

^{*} Пальмер и Мор, в цит. раб., стр. 31; цитируется из того же источника.

^{**} Пальмер и Мор, в цит. раб., со стр. 33. В *Деяниях Петра* Симон при падении сломал ногу в трех местах и умер через некоторое время после этого. Ср. *Апокрифический Новый Завет*, со стр. 331.

ным чудесам. Филострат в своих работах пытался четко разделить эти две сферы, но у Отцов христианской церкви были и свои непогрешимые методы их различения: чудеса, творимые во имя Христа, были от Бога, все остальные — от дьявола. Симон Маг, между тем, постоянно заявлял, что сам является Сыном Божиим. Его падение символизирует упадок целой огромной касты. После Симона акт вознесения как апофеоз карьеры перестал играть важную роль в жизни магов. Он утратил свое ритуальное значение и драматическую функцию кульминации действия, превратившись в один из многих подвигов, на которые должны были быть способны волшебники. Ковер-самолет царя Соломона был средневековым аналогом античного богоявления. Волшебные летающие кони, волшебные плащи, метлы ведьм, феи — все они остаются поблекшими отпечатками тех дней, когда герои, полубоги и пророки возносились на небеса, и когда мудрецы исчезали в храмах или на вершинах гор. Великий классический век магии закончился в тот момент, когда Симон Маг упал на Святой Путь и разбился.

Напомню, что неудачному вознесению Симона якобы предшествовало его воскресение, которое он на самом деле устроил с помощью магического фокуса. Он заколдовал барана, придав ему собственный облик, после чего баран был обезглавлен «в темном месте»; палач же, обнаружив обман, не осмелился доложить о нем Нерону, который был несказанно удивлен, увидев Симона живым и здоровым через три дня. Действительно, любому в такой ситуации могло показаться, что он был и в самом деле Сыном Божиим. Идею использовать замену человека на барана создатели легенды почерпнули, вероятно, из легенды об Аврааме и Исааке, которая была весьма правдоподобна интерпретирована как символ перехода от человеческих жертвоприношений к животным. Чудесный подвиг Симона, оказавшийся на самом деле обманом, имел тем не менее далеко идущие последствия. Конечно, было бы в высшей степени неразумно утверждать, что та или иная легенда или исторический эпизод стал первым подобным событием в истории человечества. Инсценированные смерти, в том числе и через обезглавливание, были непременным элементом ритуалов и до Симона. Однако это первый лично мне известный случай, когда магу якобы отрубают голову, а затем он вновь оживает. Можно вспомнить также отрывок из книги Филострата *Жизнь Аполлония Тианского*, в котором упоминается, что однажды враждебно настроенный трибун предложил мудрецу из Тиана добровольно согласиться на обезглавливание, чтобы доказать оправданность своих притя-

заний на божественное происхождение. В исламской традиции существует история одного еврея по имени Батруни, отрубившего человеку голову, а затем вернувшего его к жизни одним прикосновением своего меча; в 13 веке европейские маги, судя по различным источникам, также совершали подобные чудеса, а в 16 веке, если не раньше, получил широкое распространение трюк фокусников, который Реджинальд Скот назвал обезглавливанием Иоанна Крестителя. Начало ему было, вероятно, положено в этой истории о Симоне Маге, соединяющей в себе элементы магии и мошенничества. По крайней мере, эта история стала поворотной точкой в мифической жизни волшебников. Их воскресение, также как и их вознесение, перестало быть чем-то особенным и превратилось в периодически совершаемый заурядный подвиг.

Прежде чем переходить к анализу чудес, приписываемых Симону Магу, следует подчеркнуть, что как в апокрифических писаниях, так и в документах Клементия эти чудеса объяснялись, прежде всего, его способностью обманывать человеческий разум, которая неизменно подвела его при появлении одного из апостолов.

«В обеденные залы он запускал духов, которые были лишь видимостью и на самом деле не существовали... Он устраивал так, что всем какое-то время казалось, будто хромы ходят, слепые видят и даже мертвецы оживают и двигаются, как в случае с Никостратом. Но Петр повсюду следовал за ним и разоблачал его обман»*.

«Тогда Симон неохотно приблизился к умершему, и они поставили носилки с телом перед ним; он посмотрел направо, налево, наверх, произнося при этом какие-то слова. Некоторые из них он говорил громко и вслух, а другие шепотом, так, чтобы никто не услышал. Затем он некоторое время ждал, и ничего не происходило, умерший по-прежнему лежал на носилках... А потом подошел Симон Цефас, и по его слову умерший ожил и поднялся с носилок»**.

Поскольку труды, критикующие деятельность Симона, были также в значительной степени направлены и против всей магии в целом, мы можем утверждать, что чудеса, приписываемые волхву, вероятно, относятся к той категории деяний, с проявлениями которых апостолам приходилось бороться даже в их собственной среде. Симон действительно обладал великой властью над умами людей, потому что многие

* Апокрифический Новый Завет, стр.331, Деяния Петра.

** Пальмер и Мор, в цит. раб., со стр.34, Деяния святых апостолов Петра и Павла.

почитали его за бога. Ему приписывались чудеса по исцелению и даже воскрешению людей. Считалось также, что ему подчиняются духи, главным образом злые. Он сам хвастался, что может обращать камни в хлеб, заставлять деревья и травы мгновенно расти, расцветать и давать плоды, что он может приказать серпу жать, и серп этот будет жать в десять раз быстрее, чем в руках крестьянина. Нет оснований сомневаться, что в жилах его текла кровь первобытных знахарей и колдунов. Необходимо отметить, что этот злой волшебник не стеснялся совершать чудеса, которыми Сатана искушал Христа. Он заявлял, что может, например, спрыгнуть с горы и не разбиться, он также обладал даром делаться невидимым, мог летать и превращаться во что угодно. Огонь не наносил ему никакого вреда, он мог проходить сквозь тюремные решетки и легко избавлялся от оков, он проходил через скалы и горы, как будто они были сделаны из глины. По крайней мере, так он сам о себе хвастливо утверждал, и многие враги подтверждали его способность к превращению. Он также утверждал, что может оживлять статуи, заставлять их смеяться и танцевать, и прославился тем, что заставил двигаться медную змею. Конечно, история магии знала такие примеры и до Симона. Брахманы, у которых Аполлоний побывал в гостях, пользовались «роботами-виночерпиями», но греческий мудрец, хоть и одобрительно относился к этим и подобным чудесам, сам не проявлял желания их повторить; мифотворцы наделили престол Соломона живыми и говорящими металлическими изображениями различных людей, зверей и птиц; в средние века были также известны работы Дедала, статуя Мемнона, древние говорящие головы и живые люди из глины из легенды о Прометее. Утверждения же Симона Мага, по-видимому, привлекли внимание средневековых магов и авторов легенд к изготовлению роботов. Этот созидательный аспект их деятельности практически совсем не встречается в жизни древних магов; по сути, сделанные юным Христом воробьи из глины являются первым упоминанием о нем, поскольку престол Соломона описывается в более поздних текстах. Однако движущиеся статуи Симона Мага никак нельзя назвать самым важным из его творческих нововведений.

Совершенно очевидно, что с точки зрения доктрины он играл роль антихриста, т.е. гностического спасителя, пришедшего, чтобы освободить души людей. Среди всего прочего он говорил следующее:

«Воскресение плоти не существует, есть только воскресение духа, и тело человеческое не сотворено Богом. И также о мире могу сказать, что Бог не

сотворил его, и Он не знает его, и Иисус Христос не был распят, ибо распятие его было *кажущимся*, и рожден он был не от Марии и не от семени Давида*.

Бог в этом отрывке — это трансцендентальный Бог гностического космоса; из процитированного выше утверждения вытекает, что душа человека была выше существа, сотворившего мир.

«Я хочу, чтобы вы знали, что душа человеческая занимает место следом за Богом, когда освобождается от тьмы тела. При этом она сразу же обретает дар предвидения, и, следовательно, вовлекается в некромантию...»**

Душа, которая никогда не находилась в человеческом теле, представляет тем не менее гораздо большую ценность для магии, чем освобожденная и очищенная душа. Вот что говорит Симон далее:

«Я сотворил душу мальчика, невинного и жестоко убиенного, и с помощью непроницаемых заклинаний призвал его помогать мне; душа эта делает все, что я ей прикажу... Я, способный силой своей обращать воздух в воду, воду в кровь, а кровь в плоть, создал новое человеческое существо, мальчика, и творение мое более благородно, чем творение Бога Создателя. Ибо Он сотворил человека из земли, а я — из воздуха, что гораздо труднее, и затем я вновь уничтожил его, превратив в воздух, но прежде я поместил его портрет в своей опочивальне в доказательство и на память о проделанном мною труде»***.

Типично гностический поворот Симона Мага к искусству некромантии, создание им более чистой души, чем души обычных смертных, уходит корнями в критическое отношение гностиков к Богу Творцу. Верование, разделяемое, кстати, и Павлом, что материя по сути своей греховна, естественным образом привело к размышлениям о природе божества, создавшего ее, и в результате этому божеству было отдано одно из низших мест в небесной иерархии. Оно также усилило недовольство человечеством как таковым и желание улучшить его, которое вообще характерно для всех развивающихся религий. Попытка Симона очистить человека с помощью существа, созданного из чистых элементов, была сделана в интересах магии, и в частности, в интересах науки о предсказании. Она, по-видимому, стала отправной точкой бесчисленного множества попыток средневековых магов и философов-натурали-

* Апокрифический Новый Завет, стр. 288, Деяния Павла.

** Пальмер и Мор, в цит. раб., стр. 16; Признания Клементия.

*** Там же, стр. 18.

стов произвести на свет живые организмы без использования обычных методов производства потомства. Апостол Павел, резко осуждавший половое сношение, заложил основы монашества. Средневековые алхимики, в свою очередь, задавались целью раскрыть тайны природы, и некоторые из них верили, что этого можно достичь путем выведения в лаборатории мужского и женского *гомункулов* из человеческой крови*. Чрезвычайно сложным экспериментам такого рода посвящали себя многие одаренные, образованные и не вполне здравые умы. В качестве примера можно назвать Парацельса. Экспериментаторы при этом жили вечной, никогда не ослабевающей надеждой обрести способность к предвидению.

Еще одним аспектом гностицизма, проявившимся в легендах о Симоне, стала его связь с женщиной по имени Елена, или с падшим божеством, также известным под именем София.

«И Мудрость попала в плен к порожденным ею Силам и ангелам. И она пострадала от их рук, ибо они пытались предотвратить ее возвращение к Отцу и заключить ее в человеческое тело... И вот, ей пришлось переходить из тела в тело, продолжая терпеть унижения, и в конце концов она оказалась даже в публичном доме; и воистину, она была 'овцой заблудшей'»**.

Этот миф помогает объяснить насмешки врагов Симона, которые утверждали, что эта женщина была обыкновенной проституткой из Тира. Однако существовали и более поэтичные ее образы:

«...принесена была из высших сфер... Мудрость, мать всего сущего, к которой... стремились греки и варвары и смогли в какой-то степени увидеть ее образ, однако о ней как она есть в действительности, как о спутнице первого и единственного Бога они совершенно ничего не ведали»***.

Хотя единственное, что известно об этой таинственной спутнице, это то, что ее видели однажды множество людей выглядывающей одновременно из всех окон башни; тот факт, что ее звали Елена, а также Луна и Селена, и что Симон из работ Клементия отождествлял ее с троянской Еленой, направляет тускнеющую славу греческой мифологии на фигуру несчастного еретика, который отдал свое имя «греху симонии», восстал против Христа и встретил ужасный конец. Если он и

* Е.Шайбле, *Das Kloster*, Штутгарт, 1845, т. 3, со стр. 524; в книге *Magia Divina* (Божественная магия) помещено описание этого процесса.

** Мид, *Осколки забытой веры*, стр. 169.

*** Пальмер и Мор, в цит. раб., стр.15; *Признания Клементия*.

был первым в длинном ряду злых волшебников, неудачно пытавшихся соперничать с бледным галилеянином, он также безусловно был первым и долгое время последним из магов, олицетворявшим красоту, но только с точки зрения темных сил.

ЧАСТЬ II. ТЕМНЫЕ ВЕКА

ГЛАВА I ПОД СЕНЬЮ ХРИСТИАНСТВА

Киприан

«Во времена Христа, его апостолов и их первых учеников в поддержку проповедуемого ими учения было совершено огромное количество чудес. Хромые ходили, слепые видели, больные выздоравливали, мертвые возвращались к жизни, демоны изгонялись, а законы природы нередко нарушались во имя церкви»*.

«Если мы от периода раннего христианства перейдем к эпохе средневековья, то попадем в атмосферу, густо насыщенную сверхъестественными явлениями и персонажами. Спрос на чудеса был огромен, и предложение вполне ему соответствовало. Люди, отличавшиеся необычайной святостью, естественным и привычным образом наделялись способностью творить чудеса, и жизнь их была полна достижений в этой области, которые были подтверждены высочайшей властью Церкви. В те времена вознесение святого над полом в момент молитвы или визит к нему Девы Марии и ангела считались вполне ordinарным событием. Едва ли можно назвать город в средневековой Европе, в котором не было бы той или иной реликвии, излечивающей больных, или иконы с изображением святого, который закрывал и открывал глаза или кивал головой истовому верующему. Немного необычным, но ни в коем случае не чрезвычайным, считался, например, эпизод, когда рыбы выбросились на берег, чтобы послушать проповедь святого Антония. Никого особо не удивлял тот факт, что волосы на изображении распятого Христа в Бургасе приходилось раз в месяц подстригать, а Богородица из храма в Сарагосе, вняв молитве одного из верующих, вернула ему ампутированную ногу. Люди, заразившиеся, казалось бы, неизлечимой болезнью, после прикосновения к мощам Христа или Богородицы мгновенно выздоравливали... Прекрасные видения направляли их путешествия, и ангелы переносили их по воздуху. Если миссионерам случалось попадать к язычникам, особые знаки свыше расстраивали планы их врагов и заставляли силы тьмы бежать прочь. Когда христианский правитель обнажал свой меч за дело церкви, все

* Э.Гиббон, *Упадок и разрушение Римской империи*, Лондон, 1897, со стр. 69.

знали, что к его армии присоединятся апостолы и с помощью чудес разобьют врагов»^{*}.

Именно под таким плотным покровом свидетельств о наделении Церкви сверхъестественной силой робко пытались существовать обыкновенные маги. Мифология сначала превратилась в теологию, а затем оказалась безвозвратно расколота на ангелологию и демонологию, которые были представлены соответственно святыми и грешниками ранней и средневековой христианской церкви. Эти стереотипные участники конфликта между добром и злом были практически неразличимы на фоне поля битвы, по которому прокатывались воюющие силы, сражение которых всегда заканчивалось одинаково; что же касается чудес, то они стали настолько доступными, что на них даже не стоило тратить усилий. Как мог простой волшебник надеяться добиться чего-то в мире, в котором сонмы святых могли без особого напряжения превзойти его в его собственном деле? Единственным путем, открытым для такого мага, был путь, по которому когда-то попытался пойти Симон волхв, а именно, вступление в лоно Церкви.

Среди множества раскаявшихся грешников, возведенных в ранг святых, о которых мы читаем на страницах *Золотой легенды*, в период с четвертого по пятнадцатый века особой популярностью пользовались святые Киприан и Юстина. И хотя я не вижу оснований считать Киприана предтечей появившегося в шестнадцатом веке образа доктора Фауста, легенда о его жизни тесно связана с существовавшими в те времена представлениями и иллюстрирует быстроту, с которой после Симона волхва магия скатывалась вниз, ибо, хотя Калдерон впоследствии и освятил Киприана (которого он считал удивительным волшебником) печатью своего гения, даже в этом свете он не выглядел тем, кем когда-то считался. Перед обращением в христианство магическим способностям Киприана все же была отдана дань уважения, но лишь затем, чтобы сделать само обращение более впечатляющим и продемонстрировать, что Киприан Антиохский (который почти наверняка является вымышленным персонажем) стал настоящей наградой для церкви. Рано познакомившись с мистическими религиями Аполлона, Митры, Деметры и Диониса, он много путешествовал и изучал магию в Египте и Халдее. В *Золотой легенде* его инициации были истолкованы как акт обращения к дьяволу, совершенный его родителями, когда ему было

^{*} У.Э.Г.Лекки, *История происхождения и распространения духа рационализма в Европе*, Лондон, 1865, т. 1, со стр. 153.

всего семь лет. Он считался повелителем первичных стихий, знатоком демонологии, пророчеств и злых духов. Он мог превращать себя и других в птиц и зверей и занимался некромантией; ему также приписывались расправы над жертвами и вспарывание животов беременным женщинам, что наводит на мысль, что он был вовлечен и в нигромантию. Молитва о дожде, приписанная ему после обращения, стала недостающим звеном в цепи, связывающей колдуна и христианского священника.

Такой могущественный человек, каким был Киприан, конечно, не мог отказать в помощи своему другу Акладию, который попросил его смягчить сердце девы Юстины, чьей руки он добивался. Однако Юстина приняла христианство и решила посвятить себя целомудренной жизни. Это обстоятельство дало ей такую огромную силу, что однажды, осенив себя крестом, она, следуя примеру Девы Теклы, сильно избила своего поклонника. Последнему, естественно, была необходима помощь сверхъестественного характера, и Киприан воспользовался своими магическими способностями сначала в интересах своего друга, а затем и в своих собственных. Он призвал демона, изложил ему суть дела и принял завешения последнего в скорейшем осуществлении задуманного.

«Я отступился от Бога, — хвастался злой дух, — подчинившись воле своего отца. Я учинил смятение на небесах, я сбрасывал вниз ангелов, я обманул Еву, я лишил Адама радостей Царства Небесного, я подговорил Каина убить своего брата, я испачкал землю кровью, я сотворил колючий кустарник, я придумал театры, я являюсь причиной супружеских измен, я научил людей сделать золотого тельца, я убедил их распять Иисуса, я стирал в пыль стены и города, я разделял семьи. После всего этого неужели ты думаешь, что я уступлю ей? Потому возьми это приворотное зелье и обрызгай дом девы снаружи, а я войду внутрь и вселю в нее дух своего отца, и она сразу же послушает тебя»*.

Однако демон просчитался, а с ним попал впросак и Киприан, *не знавший, бедняга, что сила Христа непобедима***.

Деве с помощью длинных молитв и крестных знамений удалось не только справиться со всеми уловками и изощрениями одного демона за другим, но и в конце концов победить самого их правителя. Автор *Золотой легенды* постарался придать определенное драматическое содержание этому заранее предreshенному концу и описал страдания, которые пришлось перенести не только Юстине, но и всем жителям Антиоха.

* Пальмер и Мор, *Источники образа Фауста*, со стр. 45; цитируется по греческой версии книги *Обращение святой Юстины и святого Киприана*.

** Там же, стр. 45.

«Затем на долю Юстины выпало новое испытание. Дьявол погубил множество людей и животных, а после этого объявил через своих приспешников, что, если Юстина не согласится выйти замуж, он найдет мор на жителей Антиоха. И тогда все больные жители города собрались у ворот отца Юстины и ее друзей, требуя, чтобы она вышла замуж и спасла город от гибели, но Юстина не соглашалась, и все начали угрожать ей. И на шестой год этого мора она молилась о них и тем избавила город от мора»*.

Наверняка, успевшим умереть за это время было очень жаль, что она не начала молиться в самом начале эпидемии. Отчаянные попытки Киприана и Акладия проникнуть к деве в женском или даже птичьем облике были, конечно, обречены на провал, также как и стремление дьявола внушить Киприану, будто он одержал над девой победу, появившись перед неистовым влюбленным в ее образе. Как только Киприан произнес имя девы, потенциальный суккуб растаял в воздухе. В конечном итоге все это привело к выяснению отношений между магом и демоном.

«Пристыженный демон появился перед Киприаном. Киприан сказал ему: «Ты был побежден одной лишь девой. От кого была сила ее?» Демон отвечал ему так: «Я не могу сказать тебе этого. Я увидел знамение, затрепетал от страха и потому отступил. Но если ты хочешь знать, то поклянись в верности мне и я скажу тебе». Киприан спросил: «Чем я должен поклясться?» Демон ответил: «Великой силой моей». И тогда Киприан провозгласил: «Великой силой твоей клянусь, что не покину тебя». Демон, набравшись храбрости, сказал: «Я видел знамение Распятого на Кресте, и меня охватил страх». И Киприан спросил: «Значит, Распятый на Кресте сильнее тебя?» И демон ответил: «Он сильнее всех. Ибо за все ошибки и поступки свои, совершаемые здесь, мы ответим в мире грядущем. Ибо существуют медные вилы, которые раскаляют докрасна и надевают на шею грешников, будь то духов или людей. И так ангелы Распятого на Кресте, изрыгая пламя, ведут грешников на суд и воздают каждому по делам его». И Киприан сказал: «Значит я тоже должен поторопиться стать другом Распятого на Кресте, чтобы не подвергнуться осуждению». Но демон возразил: «Ты что, забыл, что клялся в верности мне и собираешься нарушить свою клятву?» На что Киприан ответил: «Я презираю тебя и не боюсь силы твоей»**.

Таким образом Киприан был обращен в христианство, сжег свои магические книги и, если верить некоторым источникам, возвысился вместе с Юстиной в святости, закончив свою жизнь епископом, а Юстина — настоятельницей монастыря; по другим версиям, оба они были брошены в темницу и после пыток обезглавлены как христиане.

* Пальмер и Мор, в цит. раб., стр. 55; цитируется по переводу *Золотой легенды*, сделанному Кекстоном.

** Там же, стр. 49; *Обращение святой Юстины и святого Киприана*.

Но несмотря на венцы мучеников над головами, их вряд ли можно считать образцами для подражания с точки зрения христианства. Киприан совершенно отчетливо осознавал, какая сторона его духовного бутерброда намазана маслом, когда бесцеремонно разорвал свой союз с демоном, предварительно поклявшись ему в верности. Более того, мы видим, что подразумевавшийся космический конфликт в этой истории является на самом деле дешевой и вульгарной историей соблазнения с ее неизбежным атрибутом в виде любовного эликсира. Все трагические мотивы уступают в данном случае любовному интересу, причем это явление можно образно назвать Головой Короля Карла западно-европейской литературы. А любовный интерес, в свою очередь, превращается в сделку, которую апостол Павел осудил и покрыл позором на основе своих представлений о целомудрии:

«И дьявол сказал ей: Что же Бог имел в виду, когда повелел людям плодиться и размножаться и наполнять землю? Ведь если сохраним невинность, о прекрасная сестра моя, я сомневаюсь, что нам удастся исполнить сие повеление Божье...»*

Феофил

Несмотря на то, что фигура Киприана не добавила магам славы, волшебник с его традиционными возможностями по-прежнему оставался популярным персонажем легенд. Однако даже в этом звании было отказано Феофилу Аданскому, миф о котором покорял воображение всех жителей христианского мира с шестого по шестнадцатый века от Р.Х. И, подобно легенде о Киприане, миф этот нашел отражение в большинстве европейских языков и был включен в сборник под названием *Золотая легенда*. Его наиболее знаменитым литературным выражением стала драматическая мистерия, написанная в тринадцатом столетии Рутебефом. Ее главный герой, преданный, но слабый духом управляющий церкви, навлек на себя неприятности, отказавшись от сана епископа и в результате став жертвой преследований со стороны человека, занявшего его место и даже лишившего его возможности продолжать вести церковное хозяйство. Поначалу Феофил стойко сносил эту несправедливость; но сил его было недостаточно, чтобы справиться со свалившимися на него бедами; горечь и жалость к самому себе охватила его душу. Находясь в состоянии смятения, он отправился к

* Там же, стр. 54. *Золотая легенда*.

«одному злобному еврею, который занимался черной магией и уже обрек множество людей на вечные муки своими антихристианскими советами»*.

В тот период времени все волшебники считались евреями и, что еще хуже, все евреи подозревались в колдовстве. Плодами ядовитого древа антисемитизма стали ужасные рассказы, в которых говорилось, будто они убивают христианских младенцев и используют их кровь в своих ужасных ритуалах. Эти или подобные слухи в свое время распространяли про христиан язычники, ведь распространение слухов — это один из множества уродливых способов борьбы с враждебными культами. «Мерзкий еврей» согласился помочь Феофилу, предупредив его, что ему не следует бояться ничего из того, что он может увидеть или услышать, и что он ни в коем случае не должен осенять себя крестом. После этого в полночь маг отвел Феофила в городской коллизей и

«...показал ему внезапно появившихся существ в белых одеждах с тысячами зажженных свечей, которые издавали громкие крики, и среди них был их правитель. Это был сам дьявол и его любимцы. Злополучный еврей взял церковного управляющего за руку и подвел его к нечестивой толпе. И когда дьявол спросил его: «Зачем ты привел нам этого человека?», он ответил: «Мой повелитель, я привел его, потому что он был незаслуженно обижен епископом и просил твоей помощи». На это дьявол сказал: «Как я могу ему помочь, если он служит своему Богу? Вот если он станет моим слугой и вступит в наши ряды, я помогу ему, и он возвысится над всеми, даже над епископом». Тогда совращенный дьяволом еврей сказал Феофилу: «Разве ты не слышал, что он предложил тебе?» А Феофил отвечал: «Да, и пока он будет помогать мне, я сделаю все, что он пожелает». И он пал к ногам принца тьмы и, целуя их, стал умолять его помочь ему. Дьявол сказал еврею: «Пусть он отречется от Сына Марии и от того, что было сделано против меня, и пусть он даст письменную клятву в том, что безоговорочно отрекается от своей веры, и тогда получит от меня все, что пожелает». Затем Сатана вошел в Феофила, и тот сказал: «Я отрекаюсь от Христа и Богородицы». После этого Феофил написал письменную клятву и, залив ее воском, поставил на воске печать своим личным кольцом, и силы зла возрадовались такому падению»**.

За этим эпизодом последовали легко предсказуемые события. С помощью Сатаны Феофил был восстановлен в своей прежней должности, а затем занял и гораздо более высокие посты. Однако страх перед

* Там же, стр. 62; *Чудо Богородицы по отношению к кающемуся Феофилу*, ав. Евтихий.

** Пальмер и Мор, в цит. раб., со стр. 62; Уже в драме Рутебефа упоминается, что договор этот был подписан кровью Феофила.

пламенем ада начал грызть его совесть, если допустить, что она у него вообще существовала, и он разразился жалобными и длительными стенаниями, в которых в равной степени смешивались раскаяние и ужас. Крики его были такими громкими, что их услышала Богородица. Разгневавшись сначала на него за содеянное, она в конце концов не бросила его в беде. После нескольких бесед с ним, во время которых она проверяла искренность его раскаяния, ему было даровано божественное прощение и чудесное возвращение в лоно истинно верующих. Феофил публично покался в своем ужасном грехе перед епископом и другими прихожанами; его договор с дьяволом был сожжен, а через три дня грешника ожидал поучительный конец в том самом месте, где ему явилось видение Девы Марии.

В то же время настоящего мага, отвратительного еврея, ожидал печальный конец, потому что он предстал перед судом и был осужден. Однако его судьба не имеет в данном случае решающего значения. Опустившись до положения отверженного, он стал в этой истории всего лишь посредником, но ни в коем случае не главным героем. В легенде о Феофиле античный маг предстает перед читателями в самой низшей точке своего падения. Никто уже не упоминал о божественном происхождении и святости Киприана, а еврей не имел даже имени и не мог похвастаться ни одним полноценным чудом. Следы изначальной традиции все же витают над фигурой Феофила, который никогда, собственно, и не был магом. Его инициацией стал злосчастный акт поклонения Сатане. Его отчаянные обращения к Деве Марии с мольбой о помощи и прощении можно назвать лишь слабым и лишенным подлинного драматизма отражением того решающего суда, перед которым прежде представляли волшебники. А заключительная сцена в дополнение к мученичеству Киприана приняла форму исповеди, за которой последовало празднование мессы и преобразование внешности кающегося. Однако вовсе не Феофил принимал участие в главном конфликте этой истории. Борьба в данном случае велась за его душу, и участвовали в ней Бог и Сатана. Самого Феофила на поле битвы почти и не видно, он лишь ползет по ступеням церкви, стараясь спрятаться от тени нависшего над ним Аполлиона. Затем его озаряет слава Богородицы, но и в свете ее славы его фигура не кажется значительной.

И все же, как бы парадоксально это ни звучало, средневековые маги без Феофила окончательно бы потерялись, хотя последний не был даже волшебником. Ибо он привнес в их стремительно угасающую жизнь

драматический элемент. Ситуация, в которой он оказался и из которой его вызволила Богородица, в дальнейшем стала стандартной ситуацией в сфере магии: речь идет о борьбе между демонами и волшебниками вокруг заключаемого ими соглашения. Еще древние маги могли вызывать духов и повелевать ими, за что их нередко обвиняли в союзе с дьяволом; что же касается идеи о скреплении этого союза кровью, то она нашла отражение в еврейской магической литературе еще до рождения Христа. Однако Киприану, несмотря на его союз с Сатаной, удалось избавиться от него, просто нарушив данное им слово. Представление о формальном объединении с дьяволом, о котором упоминали святой Августин и другие отцы Церкви, вошло в структуру легенд вместе с историей о некоем Протерие, который был освобожден от подобного обязательства святым Василием во времена правления Юлиана Отступника. С появлением легенды о Феофиле идея о формальном соглашении с дьяволом получила еще большее распространение. Подписанный кровью договор об отречении от христианства в обмен на услуги, ценой которых была душа одного из участников, стал таким же неотъемлемым атрибутом жизни мага, как книга, волшебная палочка или кольцо. Вокруг подобного договора создавалось бесчисленное множество различных ситуаций, которые были вариациями одной и той же темы. Уловки дьявола, направленные на «официальное» оформление договора, его коварные ухищрения по поводу места и времени вступления договора в силу, хитрость его противника, стремящегося оставить себе какую-то лазейку, с помощью которой можно было бы отказаться от договора, отчаянные попытки завладеть документом до истечения срока его действия, нередко удачные вмешательства *deus* или *dea ex machina* на стороне мага, ритуалы, необходимые для заключения договора и исправления ситуации, копии договора, неминуемое слияние этой идеи с параллельным потоком колдовства и неповиновения — все эти элементы уже сами по себе образуют историю, которая богато украшена ужасающими иллюстрациями из жизни тех средневековых магистров, кого в дальнейшем ожидала слава известных мифических персонажей.

Герберт

Скандалные легенды о римских папах, занимающихся нигромантией, начали появляться главным образом в конце 14 и 15-ом веках. Источником их появления стали схизматические круги духовенства, к которым позднее добавились лютеранские авторы. Появление этих легенд свиде-

тельствоvalo о постепенном снижении духовного престижа Римской католической церкви, хотя сами по себе они не были особенно интересными. Бенно, кардинал-раскольник, бывший, по-видимому, одним из наиболее злостных клеветников, утверждал, что восемнадцать пап, имевших отношение к черной магии, сменяли друг друга в неразрывной дьявольской последовательности, начиная от Иоанна XII (965–972 гг.) и до Григория VII (1073–1085 гг.). К этому списку позже были добавлены новые имена, включая, конечно же, Иоанну и Александра VI (1492–1503 гг.), который, по всеобщему мнению, превзошел в нечестивости всех своих предшественников. Варфоломей Платина, помощник библиотекаря Ватикана, приложил руку к созданию многих подобных легенд в своей работе *Opus in Vitas Summorum Pontificum*, 1479, а в шестнадцатом веке эта идея окончательно получила всеобщее распространение. Между тем, легенды о Герберте, ставшем впоследствии Сильвестром II (999–1003 гг.), имели в своей основе несколько иной набор представлений, поскольку некоторые из них были рассказаны Вильгельмом из Мальмзбери (1095–1142 гг.). Римский папа Сильвестр II имел репутацию волшебника по двум причинам. Во-первых, он был необычайно одаренным и образованным человеком, и, во-вторых, он, по-видимому, учился в Испании, в Толедо или Кордове, а Испания, находившаяся в то время под властью сарацинов, или мавров, считалась европейской наследницей мудрости и магии Востока.

Среди испанских язычников, признанных мастеров магического искусства, был один человек, в доме которого жил Герберт. Этот человек владел магической книгой, которой не было равных в области подчинения дьявола воле хозяина. Герберт решил завладеть этим сокровищем, но арабский философ не захотел расстаться с ним и по ночам прятал книгу под подушкой. Герберт обнаружил тайник, когда занимался любовью с прекрасной дочерью сарацина. После этого ему оставалось только подползти своего хозяина, похитить книгу и бежать. Однако маг стал преследовать его и, будучи знатоком астрологии, имел возможность с помощью звезд обнаружить местонахождение Герберта на земле или на море. На какое-то время Герберту удалось сбить его с толку, скрываясь под мостом таким образом, что он не касался ни земли, ни воды, и в конечном итоге беглец благополучно добрался до морского берега. Поспешно открыв книгу, он вызвал главного демона с помощью содержащихся в ней могущественных заклинаний, и дух легко перенес его на противоположный берег. С этого момента Герберту больше не пришлось

оглядываться назад. Он одержал победу над сильным соперником и теперь нацелился на папский престол. Для достижения этой цели он продал свою душу дьяволу, и тот сделал его римским папой. Сильвестру, который с удовольствием использовал свои полномочия в личных целях, естественно, хотелось узнать, как долго он сможет оставаться на своем высоком посту. Оказалось, что до тех пор, пока он воздерживался от служения божественной мессы в Иерусалиме, ему нечего было опасаться. Кто предостережен, тот вооружен, и потому Сильвестру II ничего не стоило издать указ, запрещающий ему посещать святую землю, после чего он полностью посвятил себя роскошной и порочной жизни. Но тому, кто ужинает с дьяволом, нужна длинная ложка. Выполняя обряд причастия в одной незнакомой римской церкви, порочный папа вдруг почувствовал, что его сила быстро угасает, и понял, что со всех сторон окружен демонами. Узнав, что церковь та называлась Святой Крест Иерусалима, он понял, что его обманули и дни его сочтены. Пережитый шок серьезно подорвал его уверенность в себе. Он стал публично исповедоваться в своем грехе и выражал самые торжественные и трогательные предупреждения против союза со злыми духами. Затем он приказал, чтобы его тело разрубили на куски, и чтобы после его смерти его поместили на носилки зеленого дерева, которые должны были везти две лошади, не знавшие жеребцов, белая и черная. Лошадей следовало отпустить, и то место, где они бы остановились, нужно было сделать его могилой. Можно себе представить, каковы были чувства окружающих, когда такая странная похоронная процессия подошла к лютеранской церкви и когда из гроба раздались громкие крики и стелания. Затем наступила мертвая тишина, и Сильвестр II был похоронен в этом соборе. Однако нельзя сказать, что его дух покоился с миром, поскольку он был обречен вести жизнь призрака, стоны которого предвещают смерть. При приближении последних дней каждого следующего папы из его могилы доносились стоны, а кости его при этом гремели, громко ударяясь друг о друга. Тем не менее, вряд ли он был осужден на вечные муки, ведь наверняка именно Божье провидение привело лошадей с его останками к святому месту. Реальный Герберт, о котором рассказывали эту ужасную историю, был, по всей видимости, выдающимся философом и математиком. Подобные необычные способности с их сверхъестественной аурой почти автоматически приписывались действию магии. Но к тому времени, когда Золотой Век магии уже закончился, образованность и науку стали относить к явлениям греховным. По утверждениям современни-

ков, Герберт вступил в плотский союз с дьяволом, и его повсюду сопровождал дух в облике лохматой черной собаки. Считалось, что он мог ослеплять своих врагов и угадывать местонахождение спрятанных сокровищ с помощью некромантии. Такова была темная сторона его деятельности. Согласно традиции, он также первым ввел в употребление арабские цифры в Северной и Западной Европе, а также принимал участие в повсеместном распространении часов. Из последнего скромного утверждения можно сделать вывод, что он на самом деле их изобрел. Говорили, что прекрасные часы, построенные им в Магдебурге, регистрировали все движения небес, а также время восхода и захода солнца. Совершенно очевидно, что астрономия наряду с ее родной сестрой астрологией были среди наук, которые Герберт изучал в Кардове, где они особенно процветали. То было время великих открытий в области механики, и Вильгельм из Малмзбери отмечает, что Герберт также построил в Рейме чудесные гидравлические машины, которые с помощью воды исполняли симфонии и завораживающие арии. Этот историк далее рассказывает о своем собственном визите в волшебный подземный дворец, который выглядел так, как в то время, когда Герберт его построил, но исчезал при малейшем прикосновении. Более того, этот необычный папа, прямой потомок Симона Мага, по-видимому, стал первым из средневековых магов, который незаконными методами изготовил говорящие бронзовые головы. Эти головы могли ответить на любой вопрос и, к тому же, предсказывали будущее. Однако, подобно предсказаниям оракулов прошлого, которых они должны были заменить, их высказывания были достаточно двусмысленными. Именно говорящая бронзовая голова, сделанная Гербертом, привела его в церковь с названием Иерусалим, что неудивительно, поскольку изготовлена она была с помощью дьявола. Во всех прочих отношениях отыскать зло в приписываемых Сильвестру II хитроумных изобретениях довольно сложно. Такой отвратительной репутацией он, по-видимому, обязан, прежде всего, своему неординарному уму. Но если он действительно был одним из представителей духовного зла, которые, по всеобщему мнению, занимали в то время высокие посты, то он также был и вполне типичным образцом легендарного черного мага тех дней.

ГЛАВА II

ОТГОЛОСКИ ЯЗЫЧЕСТВА

Вергилий

Начиная с раннего средневековья, христианские авторы с их ограниченным мировоззрением постепенно трансформировали мифы о магах в истории поучительные: о покаянии, обращении в христианство и спасении, или истории предостерегающие: о греховности и осуждении, подобные тем легендам о грешниках и святых, о которых шла речь в предыдущей главе. Таким образом, мифы, созданные на основе еще доисторических ритуалов и впоследствии успешно адаптировавшиеся к изменяющимся условиям жизни людей, их традициям и верованиям, облачились в «униформу» религиозного единообразия. Этот естественный процесс, сознательно поддерживаемый христианством, всячески (христианством же) ограничивался и подчищался; развитие легенд происходило как бы в жаркой теплице религиозного развития, и они буйно разрастались в этой искусственной, душающей атмосфере набожности и благочестия. Если бы все человечество в целом могло быть полностью поработлено той или иной духовной тиранией, то все легенды о волшебниках с этого момента и до начала эпохи Просвещения были бы просто замысловатым орнаментом на страницах религиозных книг, и именно так можно было в действительности охарактеризовать развитие мифологической литературы как до, так и после Реформации. Но, тем не менее, полностью искоренить в умах людей языческие представления о магии апологетам новой религии так и не удалось. Они сумели сохраниться в своеобразном подполье человеческого сознания, причем некоторые из них не были затронуты требованиями господствующей веры; они выстояли и продолжили свое неустанное воздействие на людские умы; правда, образно выражаясь, свет, который они отбрасывали на легенды и литературу того времени, можно было сравнить скорее с ночными светлячками или блуждающими болотными огнями, но никак не со сверкающими звездами.

Устойчивость верования в могущественных людей, наделенных сверхъестественными способностями и обладающих определенным, пусть и постоянно сокращающимся, религиозным значением, объясняет любопыт-

ный факт появления в начале 11 века легенды о Вергилии, выступившем на этот раз в роли мага. Сам по себе промежуток в тысячу лет между смертью римского поэта Вергилия и его магическим возрождением представляется достаточно удивительным событием, не говоря уже о той неожиданной форме, которая была придана вновь появившейся легенде. Интересно, что если не его жизнь, то, по крайней мере, поэтические произведения действительно могли бы в какой-то мере стать оправданием его превращения в средневекового волшебника, ведь известно, что гений Вергилия уже приводил ранее к его обожествлению в Риме и использованию его поэм в гадании. Книга *Sortes Virgilianae*, пользовавшаяся популярностью во времена династии Антонинов (96–192 от Р.Х.), продолжала использоваться вплоть до начала эпохи Возрождения, о чем, в частности, упоминает Рабле*.

С учетом всего вышеизложенного, а также красоты и величия путешествия в ад из *Энеиды*, магических погребальных обрядов Дидоны, любовных заклинаний, описанных в восьмой эклоге и «пророчества» о Христе в четвертой, можно было ожидать, что содержание легенды окажется сравнимым с величественным присутствием Вергилия в *Божественной комедии* Данте. Однако все было далеко не так. В средневековом мифе, сохранившем все же некоторые отдаленные черты сходства с подлинной жизнью героя, была забыта *Sortes Virgilianae* и не использовались ни путешествие в ад, ни обращение Дидоны к силам тьмы. Естественно, что с «пророчеством» о пришествии Христа дело обстояло несколько лучше. В облики волшебника Вергилий фигурировал в нескольких версиях легенды и положил начало целому ряду пьес-мистерий, в которых его иногда сопровождала, а иногда и замещала Сивилла из Кимы, древнегреческой колонии в Италии. Так или иначе, его имя стало тем самым своеобразным магнитом, к которому притягиваются разрозненные истории — в данном случае фантастические и нередко весьма легкомысленные легенды из восточного фольклора, напоминающие *Сказки тысяча и одной ночи*.

Подобное почти полное безразличие к историческому и литературному значению героя, поэтическое прошлое которого даже не упоминается, свидетельствует о народном происхождении мифа. Компаретти, в его исследованиях средневековых легенд о Вергилии, удалось установить, что истории, рассказанные в двенадцатом веке и позже Конрадом Кверфуртским, Гервазием Тилбурским, Александром Некамом, Джоном из

* *Гаргантюа и Пантагрюэль*, Книга III, Глава X.

Солсбери и другими, уходят корнями в местный неаполитанский фольклор. Ореол суеверий и фантазий, окружавший могилу поэта, пережил воспоминания о его реальной жизни на многие столетия и постепенно, за счет любопытства и вопросов приезжих, стал включать в себя и другие местные достопримечательности. В результате все эти мифы попали в литературу и развивались за счет сращения, пока наконец к шестнадцатому веку не стали представлять собой более или менее единое целое. Биографические детали в данном случае играли лишь роль связующих элементов между чудесами и ритуальными аспектами легенды, связанными с именем Вергилия, и не являлись следствием ее органического развития. Божественное происхождение, на которое претендовали маги древности и которое отсутствовало в урезанных мифах о Киприане, Феофиле, Герберте и других, вновь вышло на первый план в некоторых легендах о Вергилии, согласно которым он был сыном царя Бугии в Ливии. Не были забыты и необычные обстоятельства, связанные с его рождением, ибо в этот момент Рим содрогнулся. Будущий маг очень быстро развивался. Его инициация в оккультной науке произошла случайно. Согласно одной из популярных версий, он наткнулся на злого духа, заключенного в заколоченной досками норе, который предложил за свое освобождение волшебную книгу Соломона или Демона Завуллона. Вергилий сначала согласился с подобной взяткой, но затем, испугавшись размеров и могущества выпущенного им духа, он вновь, совсем как в *Тысяче и одной ночи*, заманил его в ловушку. Подобное неджентльменское поведение по отношению к заключенному договору заставило, наверно, его тезку-поэта перевернуться в могиле. Но (как уже ранее было установлено Киприаном и многими другими людьми) в сделках с демонами нельзя позволять себе роскошь придаваться угрызениям совести. Вскоре Вергилию понадобилась помощь магии в полном объеме в борьбе против римского императора, который несправедливо лишил его мать всей собственности. И каким бы прозаическим ни был подобный повод для объявления войны (основанный, вероятно, на автобиографическом эпизоде из первой эклоги), он превратился в полномасштабное магическое соперничество, в котором также участвовал придворный маг императора. Отомстив сначала с помощью магии узурпаторам своей собственности, Вергилий затем защитил свой замок от нападения с помощью непреодолимой стены воздуха. Ему также удалось противостоять заклятью, наложенному на защитников крепости вражеским магом, который попытался их усыпить. Вергилий смог внушить нападавшим, что они окружены океан-

скими водами, парализовав тем самым целую армию и одержав окончательную победу. Хотя гибель египтян в водах Красного моря могла послужить образцом для этого последнего подвига, фантастический *агон* легенды начисто лишен как мрачной атмосферы истории Моисея, так и какого бы то ни было человеческого интереса.

В умах современников Вергилий был также героем многочисленных любовных походов, ни одно из которых не способствовало улучшению репутации как представительниц слабого и прекрасного пола, так и (с современной точки зрения) самого героя. На первом месте по распространению стояла легенда о Фебилле, целиком взятая из *фаблы* и известная в средневековой литературе задолго до того, как ее стали связывать с именем Вергилия. Коварная молодая женщина притворилась, что уступает ухаживанию мага, тогда как на самом деле она хотела выставить его дураком, подвесив его в корзине на середине пути к окну ее спальни, чтобы на следующее утро весь город, придя на рынок, мог посмеяться над ним. Но волшебник, которому не удалось ни предвидеть обман, ни избежать западни, использовал свое могущество для беспощадной и довольно неприятной мести. Он с помощью своего искусства лишил весь город огня и устроил так, что его можно было добыть только между ног Фебиллы, подвешенной на строительных лесах в одном исподнем. После этого он сбежал, а наказание Фебиллы продолжалось еще три дня.

Затем он оказался участником длинного любовного романа с дочерью вавилонского султана, навещая ее и доставляя ее к себе в Неаполь с помощью волшебного воздушного моста. В конечном итоге он построил для нее прекрасный дворец, но, отказавшись жениться на ней сам, выдал ее замуж за одного из своих рыцарей. Его подлинный брак, последовавший сразу за восточными амурными похождениями, не был, очевидно, особо удачным, судя по его отношению к женщинам в будущем. Это отношение отражало достаточно точно характерные для того времени представления, состоявшие из смеси христианства и рыцарства:

«...никогда больше в истории женщины не подвергались большему унижению, насмешкам и осуждению, чем в средние века... Количество анекдотов, банальных или пошлых, в которых женщин поливали грязью, превысило всякие границы»*.

Подобная бессмысленность и тривиальность жизни Вергилия в леген-

* Г.Компаретти, *Вергилий в средние века*, пер. на англ. Бенеке, Лондон, 1908, стр. 326.

де помогает ощутить разницу между средневековыми магами и волхвами древности, которую лишь слегка уменьшили различные описания его смерти. Те авторы легенд, которые попытались объединить в одном персонаже волшебника с пророком Христа, позволили ему покаяться в его греховных поступках перед смертью. Согласно подобным легендам, совершив публичное признание в обращении к христианской вере на прощальном пиру, он умер самым поучительным образом, сидя на кресле, покрытом резными изображениями персонажей из Нового Завета, и с богословской книгой в руках. Этой же школе мысли принадлежит история о том, как святой Павел занимался поисками тела языческого пророка, которое он обнаружил в подземной камере сидящим между двумя свечами и окруженным книгами. Особый механизм цепов защищал нетронутые временем останки, и когда святой Павел отключил это устройство, чтобы приблизиться к телу, все на его глазах рассыпалось в прах.

Тем не менее, случаи христианизации легенд о Вергилии можно считать единичными. Согласно другим источникам, он таинственным образом исчез в море во время шторма, или неправильно истолковав предупреждение своего бронзового оракула, получил солнечный удар и умер. Это говорит о том, что реальная жизнь Вергилия все же принималась во внимание, и заставляет вспомнить о судьбе Герберта, также обманутого словами созданной им говорящей головы. Говорящее устройство Вергилия посоветовало ему заботиться о голове, но он воспринял это как просьбу охранять самого оракула. Однако версией, которая в конечном итоге доминировала над всеми остальными, стала ужасная история о неудавшемся омоложении. С приближением старости Вергилий решил обмануть смерть и вернуть себе молодость. Для этого он использовал самые страшные и опасные средства, заимствованные, по всей вероятности, из сказок о деяниях Медеи по отношению к Эсону, Ясону и Пелию. Он приказал преданному слуге разрезать своего хозяина на мелкие кусочки и положить их в сосуд, наполненный солью на девять дней, на протяжении которых лампа, висящая над этим сосудом, должна была ежедневно наполняться маслом. Успех эксперимента зависел от того, насколько сосуд с останками Вергилия удалось бы сохранить в неприкосновенности. К несчастью, император, к тому времени сильно привязавшийся к магу, спустя семь дней начал по нему скучать и, узнав о происшедшем от слуги, он заставил его отключить защитный механизм, охраняющий замок, и провести его к сосуду с телом Вергилия. Он разворошил его содержимое, узнал голову Вергилия и убил несчастного слу-

гу. После этого он и его свита увидели обнаженного мальчика, который трижды обежал вокруг сосуда и с криком: *Будь проклят тот момент, когда ты появился здесь** растворился в воздухе и больше его никогда не видели.

Обнаженный мальчик стал средневековым дополнением к принадлежавшему Медее «котлу апофеоза» и в дальнейшем фигурировал в легендарном мифе о конце Парацельса, который, кстати, упоминал в своих работах о Вергилие-маге. Упомянутый эпизод является напоминанием о забытой к тому времени традиции включать в мифы о магах описание их воскресения или возрождения, а его трагический конец, как и в случае с Симоном Магом, вероятно, свидетельствует о том, что простой волшебник, не имеющий отношения к христианству, уже не был способен на подобное чудо. Так или иначе, попытка омоложения Вергилия остается наиболее интересным элементом истории; в дополнение ко всему, его праху приписывалась способность противостоять тлению, и потому он использовался для защиты города Неаполя от врагов, вызывая при извлечении его из гробницы сильную бурю.

В Неаполе Вергилия в основном почитали как защитника города, способного творить чудеса защитного и наступательного плана, пассивные или активные по своей природе. Традиционная забота магов о запахах пищи проявилась в том эпизоде, когда он с помощью волшебства перенес вражеский урожай в свое поместье. Он также владел волшебным садом, защищенным стеной воздуха, так что птицы не могли из него улететь, а дождь повредить деревья. Вергилий хвастался, что деревья в этом саду плодоносили трижды в год, и что его духи крали блюда для его пиршеств из вражеских обеденных залов. Тем не менее, все эти чудеса были мелочами по сравнению с его приспособлениями для защиты Неаполя от зла. Бронзовая муха и золотая пиявка защищали город от нашествия этих вредителей, а бронзовая лошадь, созданная его магическим искусством, спасала всех коней в городе, как бы сильно они ни были нагружены, от повреждений спины**.

Устроенные им в ПUTEОЛЕ лечебные ванны помогали от всех болезней, известных людям, поэтому его можно считать и честным лекарем своего народа. С другой стороны, статуя, сдерживающая сексуальное влечение неаполитанских женщин и дважды свергаемая за это его женой, свидетельствует о том, что он, скорее, препятствовал размножению,

* Романтизм в ранней английской прозе, Лондон, 1858, ii, стр. 58.

** Способность изготавливать подобные талисманы приписывалась и Аполлонию Тианскому.

чем способствовал ему. И хотя это его качество нельзя отнести к арсеналу белого мага, оно полностью соответствует все той же извращенной традиции, которая сделала из Юстины святую. Современные женщины, наверное, простили бы Вергилия, если бы узнали, что он был изобретателем холодильника, или волшебного ящика мясника, в котором мясо сохранялось от порчи неопределенно долго.

Все эти и подобные им хитроумные приспособления оказались забытыми на фоне созданных им чудесных автоматов, предвосхитивших сегодняшних роботов. Механические всадники на механических конях охраняли по ночам город от воров, бродяг и убийц, а устрашающая *bossa della verita* (известная и ранее, но теперь приписываемая ему) еще больше способствовала благопристойному поведению женщин, нежели неодушевленная статуя. Дело в том, что это страшная мраморная голова автоматически откусывала руку женщины, которая, положив ее между беспощадных челюстей, клялась в верности своему мужу и лгала при этом. Тем не менее, однажды женская хитрость сумела превзойти это страшное устройство для проверки целомудрия, что вызвало бессильный гнев Вергилия. Другое его изобретение, *salvatio Romae*, было менее ужасным и угрожало только врагам Рима. Оно состояло из искусного механизма, возведенного в Капитолии, с помощью которого статуя, соответствующая провинции или царству, которое замышляло предательство против вечного города, звонила в колокол и указывала в том направлении, откуда ожидалась угроза. Эта изобретение, обязанное, вероятно, своим происхождением легенде о спасших Рим гусях, было в конечном итоге уничтожено коварными карфагенянами. Вражеские шпионы притворились, что ищут под Капитолием золото, и разрушили механизм; аналогичная судьба ожидала и другие талисманы Вергилия после его смерти. История о его чудесных изобретениях и магических способностях, конечно, не исчерпывается приведенными мною несколькими примерами. Однако хорошенького понемножку. Этот Соломон средневековья также возводил прекрасные дворцы и был лучшим строителем того времени, значительно превзойдя в этом отношении Герберта. Тем не менее, все это исчезло, потому что фантастическая фигура удивительного мага не была подкреплена ни реальностью, ни религиозным, историческим или политическим материалом.

Мерлин

Совершенно иное впечатление производит фигура Мерлина, самого, пожалуй, известного из средневековых магов. Переход от цветущей жизни и оптимистичных занятий Вергилия к мрачному, таинственному волшебнику с диким и одновременно грустным взглядом, каким он предстает перед читателем в книге *Жизнь Мерлина*, напоминает путешествие в другой мир. Эта латинская поэма, приписываемая, по общему согласию, Гальфриду Монмутскому и написанная примерно в 1148 году, отражает стремление людей к эмоциональной, если не исторической истине; благодаря прямым или косвенным заимствованиям она обязана своим происхождением, по всей вероятности, реальной исторической личности, уэльскому барду шестого века от Р.Х. Мирддхину Уилту, или Мерлину Безумному. Согласно традиции, этот несчастный поэт потерял рассудок во время сражения, не вынеся потери своих друзей. Говорили, что в какой-то момент битвы его ослепил невыносимо яркий свет, разум его померк, и чей-то голос громко сказал, что он виновен в пролитой крови и потому должен жить в лесу среди диких зверей. Его трагической фигуре посвящены уэльские поэмы двенадцатого века, некоторые из которых воспроизводят диалоги между Мирддхином и Таллиесином, а также Мирддхином и его сестрой Гвендиддой. Несмотря на то, что из этих поэм можно почерпнуть лишь весьма туманные и расплывчатые сведения, они, несомненно, вносят свой вклад в создание образа печального поэта, преследуемого сожалением и угрызениями совести, живущего в уединении, оплакивающего свою былую славу, общающегося с духами и в состоянии экстаза произносящего странные пророчества:

*Пятьдесят лет, подобно игрушке в руках незнающих закона,
Скитался я в печали среди эльфов и фей*.*

В поэме Гальфрида кельтский бард, обладающий необычным даром предвидения и пророчества, вновь обретает разум, выпив воды из магического источника, а о смерти его, как и о рождении, ничего не упоминается. Однако в своей *Истории британских королей*, 1135–47, Гальфрид Монмутский рассказывает о Мерлине более подробно и с

* Из уэльской поэмы *Avallenau*, приписываемой Мирддхину; ср. книгу Гальфрида Монмутского *Жизнь Мерлина* в издании Перри, в сборнике *Статьи по языкознанию и литературе университета штата Иллинойс*, Иллинойс, 1925, стр. 129.

несколько иных позиций, характерных, скорее, для авторов появившихся вскоре рыцарских романов. Источником для его *Истории* стала *Historia Britonum* Ненния, который описал короля-пророка Амвросия, рожденного без отца; однако сам Амвросий утверждал, что является сыном римского консула. Гальфрид отождествил Амвросия с Мерлином, рожденного, по его мнению, от демона-отца, который соблазнил монахиню. Позже самого Сатану объявили отцом пророка, совершившего этот шаг, чтобы выполнить решение совета демонов произвести на свет с помощью такой контр-инкарнации Антихриста в противовес Иисусу Христу. Мать ребенка, однако, раскаялась и исповедалась в этом грехе; младенец же был крещен св. Власием и, сохранив свои магические способности, избежал греховного зла; чудесное спасение его матери в момент родов стало первым откровением о его сверхъестественном происхождении. Так или иначе, какими бы ни были действительные обстоятельства его рождения, отец Мерлина явно не был обычным простолюдином, и этот факт нашел отражение в литературе. В общем и целом Мерлин из *Истории британских королей*, в которой, кстати, упоминался и целый ряд пророчеств, превзошел Мерлина из книги *Жизнь Мерлина* по количеству написанных о нем поэм и романов, а также книг из цикла о короле Артуре, в которых он также время от времени упоминается. Подобная ситуация вполне соответствовала духу времени, ведь люди тогда предпочитали чудеса, а не мистерии и меланхолию. Романы, главным героем которых стал Мерлин, иногда отличаются излишней многословностью и тягучестью, но это ни в коей мере не умаляет его неопишемого обаяния, которым его с помощью Гальфрида наделило кельтское воображение и которое было отмечено печатью таланта таких поэтов как Мэлори, Спенсер, Теннисон и Суинберн. Не существовало, пожалуй, мага, более прославленного в литературе. Вообще, великие волшебники мира после смерти оставляют яркий след в невероятном количестве самых разнообразных литературных жанров; следы Мерлина ведут в наводненный призраками лес Броселианда, где магия освобождена от пут ритуала, необходимости поклоняться религии и не отягощена ношей моральных или философских проблем, т.е. где волшебство царит безраздельно.

Появившись на свет сверхъестественным образом, Мерлин не нуждался и не проходил через какую-либо особую инициацию в таинства своего искусства; продемонстрировать свой характер ему пришлось уже в самом раннем возрасте в борьбе с магами короля Вортигерна. Эти

господа, совершенно не способные предотвратить беды, которые король Британии терпел от рук саксов под предводительством Хенгиста, посоветовали монарху построить в Уэльсе крепость, чтобы поставить противника в безвыходное положение. Хотя местом постройки должна была стать вершина холма, земля сразу же поглотила заложенный фундамент. Барды и волшебники, призванные объяснить это непонятное событие, терялись в догадках, но не горели желанием демонстрировать королю свою нерешительность. Вместо этого они провозгласили, что камни не будут лежать на этом месте и строительство не начнется, пока сюда не будет принесена кровь мальчика, родившегося от смертной, но не имевшего среди смертных отца. Поиски такого чуда закончились тем, что Мерлина и его мать заманили в замок Вортигерна, пообещав щедро их вознаградить. Когда король увидел мальчика, он повел себя точно так же, как столетия назад повел себя Астиаг при виде Кира, приведенного в его присутствие. Тронутый величием, красотой и благородством ребенка, он не смог заставить себя умертвить его. Вместо того чтобы приговорить его к смерти, он изложил ему суть дела и попросил совета.

«На что... Мерлин... отвечал ему так: 'Ваше Величество, барды Ваши были слепы, маги — лишены ума, а предсказатели — примитивны и глупы; они показали свое невежество и полное незнание тайн природы, ведь на самом деле под этим холмом находится огромный водоем, глубокий пруд, который и поглотил камни фундамента. Прикажите углубить траншеи и Вы найдете озеро, на дне которого лежат два плоских камня, скрывающие двух спящих драконов...!»*

Пророчество его оказалось верным; более того, когда эти драконы были обнаружены, они вступили друг с другом в смертельную схватку, причем белый дракон, символ саксов, победил красного, олицетворявшего Вортигерна. Начав, таким образом, свою карьеру в качестве провидца, Мерлин продолжал служить своими магическими способностями и советами Вортигерну, Утеру Пендрагону и Артуру. С развитием мифа о Мерлине бард постепенно отошел в тень, уступив место волшебнику, что неизбежно означало для него загадочный или трагический конец. На этот счет существовало множество слухов. Одни говорили,

* Т. Хейвуд, *Жизнь Мерлина*, Лондон, 1813, стр. 40. Первое издание 1641 г. Хейвуд, использовавший в своей работе *Жизнь Мерлина* Гальфрида, основывал на ней пророчества относительно истории Англии, причем в данном случае он практически не отходит от текста своего источника.

что он вошел в Стекланный Дом в Бардси с девятью бардами, неся с собой тринадцать сокровищ Британии, и после этого его больше никогда никто не видел. Другие утверждают, что он удалился в построенный им самим дом, *Эсплумеор*, и пропал, подобно Моисею, Пифагору, Эмпедоклу и Аполлонию Тианскому. Однако самой распространенной версией стало представление о его романтической и фатальной любви, а также ритуальная традиция обреченности перед лицом враждебного и более могущественного духа. Но если история о Вергилие, подвешенном в корзине под окном возлюбленной, оставляет неприятное впечатление о его «галантном» отношении к женщинам, легенда о Мерлине и Ниневе, тоже основанная на женском коварстве и предательстве, кажется грустной и прекрасной. С другой точки зрения, она представляет собой вариант истории о волшебнике и заключенном в бутылку духе, только рассказанной наоборот. Вергилий встретил такого демона в самом начале своей карьеры, перехитрил его и снова посадил в заключение. Мерлин, уже в конце своей жизни, сам попался на такого рода хитрость. Ниневу, или Вивиану, (имя это, вероятно, происходит от имени нимфы Квимбианы из валлийской легенды) одни источники считали королевской дочерью, другие — водной феей, а Мэлори называл ее одной из Владычиц Озер. Кем бы эта женщина ни была, она полюбила великого волшебника и безнадежно его околдовала; чтобы сохранить свою власть над ним, она выудила у него секрет волшебной гробницы, вырубленной в скале, заманила его туда и навечно там заперла, так что Мерлин был еще жив, но полностью отрезан от мира. Это печальное событие вместе с элементами *пафоса* и *катабасиса* заставляет вспомнить о традиционном бессмертии или воскресении магов. В некоторых других имеющихся описаниях говорится, что тюрьма эта была сделана из воздуха, так что Мерлин мог видеть и слышать все, происходящее поблизости, и даже заговаривать с прохожими, как в случае с Гавейном, но его никто видеть не мог. Спенсер, по-видимому, был первым и уж точно величайшим из поэтов, приписавших Мерлину подвиг, с помощью которого Соломон в свое время добился того, чтобы работа над Храмом была продолжена после его смерти.

*Тотчас они в тряпицы облачились,
Чтоб их никто не смог узнать,
И отправились к Маридунуму,
Который ныне зовется Кайр-Мердин:
Там (говорят) жил мудрый Мерлин,*

*Глубоко под землей, в пещере,
Не видя света дня.
И никто из живущих не мог его отыскать,
Когда он держал совет со служившими ему духами.*

*И если, путник, ты когда-нибудь в тех краях
Окажешься, дойди до этого страшного места,
Это (говорят) ужасная, огромная пещера,
Под Скалой, что стоит совсем недалеко
От бурного потока Барри, пробивающей
Себе дорогу между холмов Диневоура:
Однако ни в коем случае не должен ты
Спускаться в эту пещеру Боур,
Потому что злые демоны нападут и поглотят тебя.*

*Но если ты останешься стоять на вершине скалы,
То услышишь ужасный шум гремящих железных цепей
И медных котлов, которыми заправляют тысячи духов,
И шум этот поразит твой кроткий разум.
Нередко можно там услышать стоны и стенания,
И жалобы на тяжкий труд,
И часто слышатся там звон и звук ударов,
Которые, отражаясь от Скалы, разносятся вокруг.*

*И говорят, что это объясняется вот чем:
Перед смертью Мерлин решил построить
Бронзовую стену, чтобы она окружала
Кайрмардин, и приказал всем этим духам
Довести начатое до конца;
Но во время этой работы Владычица Озер,
Которую Мерлин любил, позвала его,
И он, покидая своих работников, приказал
Им не прекращать работу до своего возвращения.*

*Тем временем, ловки коварных Владычиц Озер
Заманили Мерлина в ловушку,
И он уже не сможет вернуться к строителям;
Но демоны не властны прекратить работу,*

*Так велик их страх перед приказом Мерлина,
И потому они день и ночь трудятся,
Пока не возведут бронзовую стену;
Ведь Мерлин разбирался в Магии лучше,
Чем кто бы то ни было до и после него*.*

Великий валлиец даже превзошел Соломона в этом отношении, поскольку, чтобы заставить демонов продолжить работу, требовалось личное присутствие последнего, тогда как Мерлину, чтобы добиться послушания духов, достаточно было лишь дать им приказание. Легенда о Мерлине в целом обнаруживает немало особенностей, характерных еще для Золотого Века магии: сверхъестественное происхождение героя, чудеса, связанные с его рождением; опасность, которой он подвергался в детстве, соперничество с враждебными магами, следовавшее высшее испытание (эпизод с Ниневой), таинственная смерть, сопряженная с чем-то вроде путешествия в загробный мир, в котором его жизнь незримо продолжалась — из десяти основных элементов мифа о магах отсутствуют только инициация, дальние странствия и прощальная сцена; однако в историях многих волшебников этих элементов еще меньше, а в случае с Мерлином все, что блестит — золото. Его легенда родилась из поэзии и в поэзию же вернулась.

Главным качеством волшебника-барда можно считать дар пророчества. И действительно, ему не было равных среди средневековых прорицателей, пока не появился Нострадамус.

*Сивилла предсказывает грядущие события —
Золотой посох бесценный будет дан
За храбрость славным победителям драконов;
Источник славы победит язычников и невежд,
Перед дитем решительным, подобно солнцу на небесах,
Саксы будут уничтожены, а барды будут процветать**.*

Сначала Гальфрид опубликовал книгу пророчеств Мерлина, а затем включил их в свою *Историю*, причем популярность этого и прочих подобных собраний можно подтвердить тем обстоятельством, что Трентским собором (1545–1563 гг.) они были включены в список запрещенных книг. Хейвуд также в немалой степени способствовал изве-

* Подстрочный перевод отрывка из поэмы Эдмунда Спенсера *Королева фей*, книга III, песнь 3.

** *The Avalleuau*, изд. книги *Жизнь Мерлина* под ред. Перри, стр.129.

стности Мерлина-предсказателя, включив большое количество его пророчеств *soi-disant* в рифмованные куплеты 1641 года. Его имя встречалось в альманахах вплоть до восемнадцатого века с тем же постоянством, с каким сегодня мы видим в них имя старины Мура. Но кроме дара предвидения, Мерлин обладал и многими другими талантами. Спенсер утверждал, что Мерлин мог изменять путь Солнца и Луны, превращать ночь в день, сушу в море и наоборот; на этом примере мы видим способность мага повелевать силами природы и таким образом контролировать запас пищи. После этого мы уже без всякого удивления узнаем из работ Хейвуда, что с помощью Мерлина король Вортигерн мог в любой момент получить все, что пожелает. В своей деятельности целителя он использовал музыку, разогнав однажды меланхолию Вортигерна с помощью сладостных звуков, издаваемых невидимым музыкантом. Некоторые утверждали, что именно с помощью музыки ему удалось перенести монолитные глыбы Стоунхенджа из Ирландии к тому месту неподалеку от Солсбери, где их можно увидеть сегодня. Многие валлийские волшебники обладали аналогическими способностями, подобно греческим Амфиону и Орфею, и это неудивительно, потому что кельты всегда славилась своей музыкальностью. Как и Симон Маг до него, Мерлин прекрасно владел искусством превращений. Так, например, он придал Утеру Пендрагону обличье Горлейса, мужа Игерны, благодаря чему Утеру удалась с ней любовная связь (примерно то же самое Зевс проделал с Алкменой), а Горлейс в это время (как и Урия) был убит в бою. Но это единственный непристойный фокус, связанный с именем Мерлина. Обычно этот маг, председательствовавший за Круглым Столом короля Артура, самым знаменитым магическим кругом в истории, использовал свою силу для защиты друзей. Он заколдовал Пеллинора, когда тот был готов убить Артура, настав на него транс и одновременно сделав Артура невидимым. Он также мог сотворить армию призраков и обнаружить или изготовить волшебный меч. По способностям ремесленника он, пожалуй, не уступал Вергилию. В валлийской легенде рассказывается о том, как он сделал волшебное зеркало, которое, согласно Спенсеру, сыграло решающую роль в спасении короля Ринса.

*Мерлин сделал стеклянный шар
И дал его королю Ринсу для защиты,
И когда враги его королевства собирались напасть,
Он знал об их планах еще до того,*

*Как к нему приходили известия о готовящемся нападении.
Это был знаменитый дар правителю,
Достойный хорошей награды,
Ведь он помогал предотвратить измену и победить врагов,
Да прославится его царство, и да процветает оно вечно*.*

Валлийцы также упоминали о стеклянном доме, который он построил вокруг одной дамы, и эпизод этот, возможно, лег в основу истории Ниневы, заключившей Мерлина в воздушную тюрьму, что, в свою очередь, заставляет вспомнить о воздушной стене, которой Вергилий окружил свой замок и волшебный сад; был еще и мост из книги *Смерть Артура*, по которому не мог пройти ни один рыцарь, замысливший предательство или какое-то злодеяние, и который можно считать аналогом *bocca della verita*. Хейвуд даже приписал Мерлину изобретение, с которым мы уже встречались на улицах Неаполя.

*Ничто не скроется от бронзового человека,
Возвышающегося на своем медном коне,
И днем и ночью под охраной ворота Лондона,
И люди могут беззаботно гулять и спать**.*

Тем не менее, несмотря на все эти сходства или даже заимствования, образы Вергилия и Мерлина абсолютно противоположны. Великий римский поэт, один из величайших поэтов всех времен и народов, превратился в волшебника-шарлатана, чьи хитроумные изобретения и любовные поражения достойны страниц бульварного романа. Загадочный валлийский бард, со своей стороны, который, возможно, даже никогда не существовал, проживает в легендах жизнь, овеянную поэзией, но у него нет под ногами твердой опоры. Именно утрата им чувства реальности олицетворяет упадок магии после пришествия Христа даже больше, чем духовная и интеллектуальная деградация. Киприан и Феофил являются лишь плодом набожного воображения; реальный Герберт исчез за маской черного мага подобно тому, как реальный Вергилий ушел в тень своего средневекового тезки; Мерлин же, несмотря на все его благородные намерения и цели, остается лишь плодом творчества Гальфрида Монмутского. Даже у мифического Заратустры было больше связи с реальностью, чем у этих отголосков язычества. К этому моменту назрела необходимость в появлении настоящего мага-практика

* Королева фей, книга III, песнь 2.

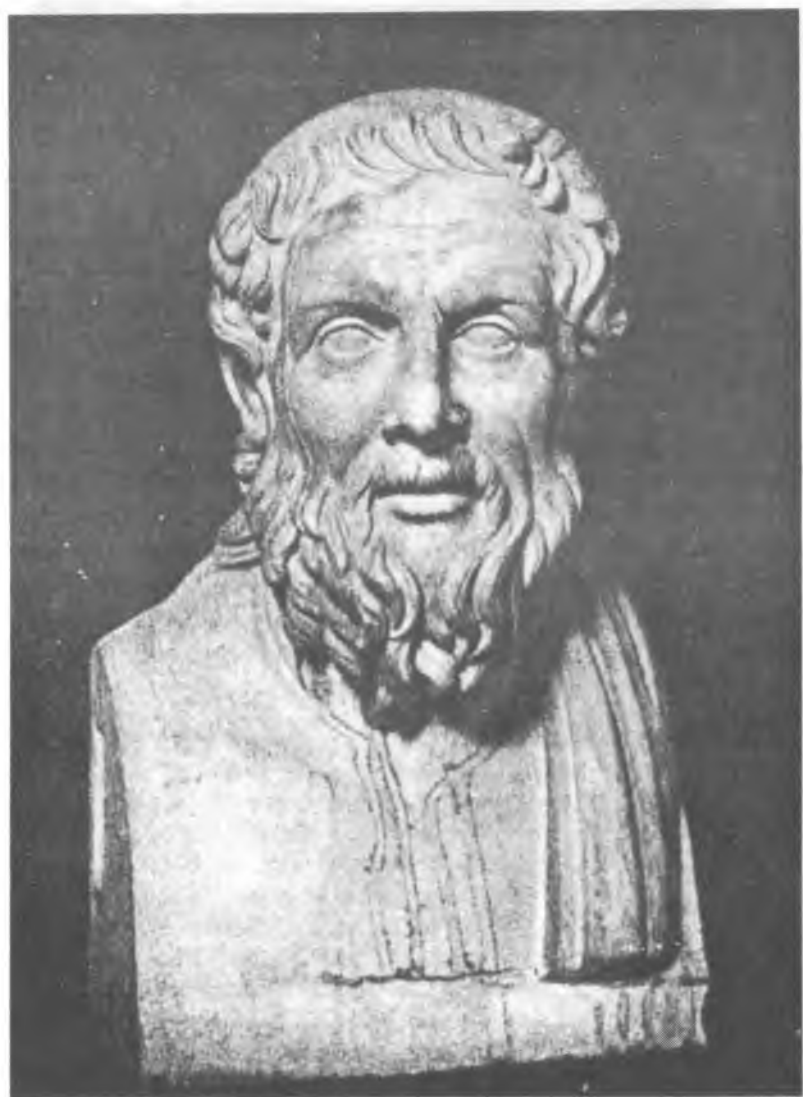
** Хейвуд, в цит. раб., стр. 75.

во плоти и крови, и вот все условия для такого появления были созданы.

*Идеализированное изображение со скульптуры,
предположительно представляющей Заратустру*

Аполлоний Тианский

«Смерть Сакко и Гуальтеро». Беноччо Гоззоли

Чудо Теофила

Мерлин

Doctor Faustus
nach Rembrandt.

«Доктор Фауст». С гравюры Рембранта

Доктор Джон Ди

(A)

Domine magisterque huius se Deum meum et
 meumque agnosce et polliceri tibi servit et obedi-
 quare Deo videri et remanere assensum Deum
 et ipsum Christum et alios sanctos atque sanctas et
 ceteras apostolicas et omnes et ceteras ipsius
 sanctas et ceteras. Et omnes nationes et regiones quib-
 uet possit impendere pro me. Et tibi polliceri quod
 paravi quicquid malum Deo et ecclesie ad mala
 Deum et abstinentio et ipsa et baptizati et
 omnia iudicia Christi et ipsa sanctos et
 et Deo tua servitute et adoratiui et si non ob-
 laetum me ipsius sergio et quoque die tibi do-
 vitam meum sunt laus.

fieri hoc cum te die. v.

a.

Extraction ex interis.

(B)

Пакт Грандье

Махатма Курт Хуми

Карикатура на Распутина — «Російскій Привязцій Домъ»

ГЛАВА III ПОД ЧЕРНЫМ СОЛНЦЕМ

Зито

Конечно, в средние века настоящие маги-практики все же встречались, ведь представители этого искусства всегда существовали и будут существовать. Их жизнь, тем не менее, была покрыта завесой тайны, следы их были сокрыты и древним своим ремеслом они занимались большей частью скрытно, не выдавая себя. Некоторым из них удавалось получить покровительство и защиту при дворах некоторых суеверных дворян или принцев. Среди этих немногих фаворитов был и богемский волшебник Зито, наиболее знаменитый маг конца четырнадцатого столетия, заслуживший признание своими необычными подвигами и фокусами. О его происхождении сегодня ничего неизвестно, да и о всей его жизни, согласно слухам, можно лишь предположить, что в его распоряжении был Шотек, или знакомый дух, и что в конечном итоге маг был похищен дьяволом. Этот зловещий персонаж одновременно исполнял обязанности шута и волшебника при дворе Вацлава IV, короля Богемии, причем его часто можно было видеть в обществе палача, также члена королевской свиты. Положение Зито, давая ему определенные привилегии, все же было достаточно шатким, и однажды ему пришлось доказывать свое право оставаться придворным магом в борьбе с магом-соперником. Согласно летописцу Дубравиию, это произошло летом 1389 года, во время празднеств, связанных со свадьбой Вацлава и его второй жены, Софии Баварской. Отец ее, герцог Иоанн, прекрасно зная, что его будущий родственник любит магические представления, привез в Прагу на праздник целую повозку фокусников и чародеев. Вокруг помоста, на котором они выступали, собралась толпа, и все люди удивлялись и аплодировали увиденным чудесам: приезжие маги делали веревки из песка, поглощали огонь и превращались в различных монстров; вместе с тем росло и раздражение Зито, который на фоне гастролеров быстро терял престиж в глазах переменчивой публики. В какой-то момент он больше не мог этого выносить и попросил разрешение у Вацлава преподать чужестранцам урок. Подойдя к их лидеру Гуину и растянув пошире рот, он проглотил его вместе со всей одеж-

дой, отказавшись только от туфель, которые были слишком грязными на его вкус, подобно тому как гора Этна отказалась поглотить сандалии Эмпедокла. Вдох одобрения в толпе сменился настоящим ревом, когда после увещаний герцога Иоанна он изрыгнул несчастного соперника в лохань с водой. В связи с этим эпизодом сразу вспоминаются Иона и кит, а также раса великанов-людоедов во главе с Полифемом, олицетворяющие жертвенное символическое или реальное поглощение бога во время ритуала. Именно согласно этой древней традиции развивался конфликт между Зито и Гуином, при этом освобождение Гуина можно считать средневековой версией ритуального воскресения. К тому же после того, как Зито изрыгнул, казалось бы, безвозвратно потерянного для окружающих врага, его можно причислить к той сравнительно редкой категории магов, которые были способны воскрешать умерших. Если описанное чудо и было совершено в целях самозащиты, то этого никак нельзя сказать о многочисленных колкостях и розыгрышах, с помощью которых богемский волшебник подшучивал над другими придворными. Иногда, конечно, они тоже были вызваны необходимостью ответить ударом на удар, и многие из них были известны еще в глубокой древности. Так, однажды он отомстил своим насмешникам тем, что закричал: Пожар! Пожар! — и когда они высунули головы из окон, чтобы посмотреть, где горит, он посредством магии украсил их лбы оленьими рогами, так что они не могли пролезть обратно в комнаты. Человек-олень эпохи палеолита, один из наиболее впечатляющих образов рогатого существа того времени, является очевидным доказательством существования связи между магией и превращением людей в животных, которая была по-прежнему актуальна в Англии седьмого века от Р.Х., когда Теодор, архиепископ Кентберийский (668 — 690гг.), издал указ, согласно которому

«на всякого, принявшего облик быка или оленя, то есть, на всякого, превратившегося в зверя дикого или домашнего, или надевающего голову животного, налагается епитимья на три года, ибо искусство сие — от дьявола»*.

Дьявольской придворные, конечно, посчитали и шутку Зито, которую он сыграл над ними семь столетий спустя, причем их вовсе не утешила древность ее происхождения, так же как не радовало их внезапное превращение рук в копыта во время обедов, так что они не могли

* Из книги *Liber Poenitentialis*, цит. Мюрреем в работе *Бог ведьм*, Лондон, стр. 22.

наслаждаться пищей, и Зито жадно поглощал все один. Возможно, Зито действительно поражал Вацлава своими способностями, но придворные, конечно же, его не любили и боялись, ведь он мог заставить их замереть на месте и лишит голоса при малейшей провокации с их стороны, превратив их, тем самым, в беззащитных существ. Свести с ним счеты было невозможно, как убедился на собственном опыте один крестьянин, купивший у мага свиней. Он пренебрег, что, в общем, неудивительно, предупреждением не заводить свиней в воду, и в результате они оказались заколдованными пучками соломы, не способными противостоять воздействию воды. Разгневанный двуличностью мага, крестьянин вернулся на постоялый двор, где была заключена сделка, чтобы расквитаться с обманщиком. Он застал Зито погруженным в глубокий сон и, чтобы разбудить его, грубо дернул его за ногу. Каково же было его удивление, когда нога осталась в его руках, а сам он чуть не упал. Это неприятное переживание оказалось к тому же дорогостоящим, потому что не успел крестьянин заплатить Зито компенсацию за оторванную ногу, как она тут же приросла обратно.

Как явствует из характера почти всех приписываемых Зито чудес, он был непревзойденным мастером иллюзии. Все окружающие только рты пораскрывали от удивления, когда он запряг петуха и заставил его без видимых усилий протащить по улице огромное бревно. В то же время девушка-служанка, которой случилось проходить мимо со счастливым клевером из четырех лепестков в корзине, вдруг громко закричала, что на самом деле петух тащит за собой всего лишь соломинку. Зито наказал ее за разоблачение его хитрости, настав на нее поток воды, который заставил девушку высоко поднять юбку, чтобы ее не замочить, к всеобщему удовольствию зевак, которые никакого потока не видели, потому что это была иллюзия. Почему счастливый клевер, по-прежнему лежавший в ее корзине, не сработал на этот раз, история умалчивает. Когда цыган называют богемцами, это, вероятно, вовсе не значит, что они родом из Богемии, ибо, судя по их языку, они, скорее всего, пришли в Европу из Индии; и, тем не менее, история Зито с его способностью к обманам и мистификациям наводит меня на мысль, что предки его были цыганами. Всем известно умение цыган одурачить тех, кто не относится к их племени; и легенда, рассказанная Вальтером Скоттом об одном цыгане, конечно, не является простым совпадением:

«Этот цыган околдовал немало людей в Хаддингтоне, которым показывал обыкновенного навозного петуха, тащившего за собой... массивное дубовое брев-

но. Тем временем мимо проходил старик с тележкой клевера. Он остановился и взял цветок клевера с четырьмя лепестками; глаза зрителей раскрылись, и дубовое бревно оказалось всего лишь палочкой камыша.

Четырехлистник, благодаря своей крестообразной форме, выступил в роли могучего противоядия колдовству. Более того, увидев этот знак креста, цыган перестал заниматься тем греховным искусством*.

Язык и внешность цыган свидетельствуют об их родстве с индийцами, а приведенное выше описание иллюзии, которая в случае с Зито не подействовала на одного человека, обнаруживает черты сходства с мифом об индийском фокусе с веревкой. На последний, кстати, обратила внимание еще Елена Блаватская в своей книге *Разоблаченная Изида*, заимствовав его, вероятно, из работы Виера *De Praestigiis daemonum*. Практически во всех описаниях этого легендарного трюка присутствует персонаж либо не поддающийся гипнозу, либо находящийся слишком далеко, либо слишком высоко над головой мага, чтобы попасть в поле действия его чар. Такой человек в чуде с веревкой не видит ничего, кроме изумленной толпы. Этот элемент настолько часто присутствует в рассказах о фокусе с веревкой, что в 1890 году одному американскому журналисту из *Чикаго Трибьюн* удалось заработать на этом капитал, опубликовав описание такого представления, во время которого сам журналист фотографировал, а его друг зарисовывал происходящее. Рисунки запечатлели весь процесс целиком, тогда как на фотографиях были видны лишь жестикулирующий факир и взволнованная аудитория. Статья эта стала настоящей сенсацией; и потому Ходжсон, проницательный член Общества психиатрических исследований, который тщетно пытался стать свидетелем аналогичного представления в Индии, написал письмо автору статьи, интересуюсь деталями. Последнему пришлось признать, что все это событие было плодом его воображения и самой заурядной мистификацией, которую он подписал все объясняющим псевдонимом S.Ellmore (англ. sell more — продать больше). Это знаменитая легенда о веревке в наши дни столь же сказочна, как и единорог, однако она не вымерла в отличии от птицы дронг. В гораздо менее сенсационной форме Зито сыграл роль факира в эпизоде с петухом и цветком клевера. Этот эпизод свидетельствует о том, что он действительно занимался гипнозом, хотя теория массового гипноза в данном случае вряд ли подходит. По сути дела, он обладал именно той властью над умами людей, без которой не

* Эта цитата из Вальтера Скотта и примечание к ней взяты из *Энциклопедии оккультизма* Льюиса Спенса, Лондон, 1920, статья «Цыгане» Дэвида Макритчи.

может обойтись ни один маг. Следует, однако, помнить, что магия — это искусство, требующее сотрудничества артиста и публики. Вопрос о том, вовлечено ли в магию какое-либо иное сотрудничество, будь то с силами небес или ада, навсегда останется спорным, и даже описываемые ниже случаи едва ли помогут дать на него однозначный ответ.

Жанна и Жиль

Какие бы преувеличения и мифические элементы не содержались в легендах о Зито, он все же был реальной исторической личностью, служа магом при королевском дворе. Для короля Вацлава он был прежде всего шутом, что еще раз показывает, как низко пал статус магии в период средневековья; тем не менее, пока его шутки развлекали государя, это приносило пользу как окружающим, так и ему самому. В те моменты, когда в его магических трюках одерживали верх мстительность и злоба, он предстал перед другими придворными скорее как черный маг. По всей вероятности, этот злостный проказник уже отошел в мир иной, когда во Франции свой ужасный конец встретили две совершенно иные жертвы черной магии: Жанна д'Арк в 1431 году и Жиль де Рейс по прозвищу Синяя Борода в 1440. Первая умерла мученической смертью, потому что любая форма магии, не применяющаяся официальной церковью, считалась дьявольской; второго ожидал похожий конец, потому что он был вовлечен в наиболее злое аспекты черной магии. Как святая, так и грешник заплатили одинаковую цену за то, что жили под черным солнцем магии, затемнявшим в то время христианские небеса.

Несмотря на то, что белая магия отделена от черной настоящей бездонной пропастью, эти два человека были друзьями и товарищами по оружию в славные дни триумфа Жанны д'Арк; и даже сегодня они связаны некими мистическими узами, как лицевая и обратная стороны одной медали. По мнению мисс Мюррей, высказанному в ее важнейшей антропологической работе по изучению колдовства, Жанна и Жиль стали как бы божественными или королевскими жертвами примитивных языческих культов, по-прежнему распространенных в Европе как в те времена, так и значительно позже. Эта интересная теория позволяет разгадать многие загадки из истории колдовства и потому вызывает если не полное доверие, то по крайней мере желание активно использовать ее в качестве весьма полезной гипотезы. Она значительно упрощает проблему судов над ведьмами, столь распространенных в период с 15 по 18

век и ставших настоящей духовной эпидемией, не имеющей себе равных в истории. Суды эти сопровождались массовой истерией, массовым самообманом и даже, возможно, массовыми волнениями невероятных масштабов. Если они были своего рода предсмертной агонией религии *in extremis*, то весь случай кажется менее трудным, чем его представляет мисс Мюррей:

«Единственным объяснением огромного числа ведьм, которые подверглись официальному суду и были приговорены к смерти в Западной Европе, является то обстоятельство, что речь шла о религии, которая была распространена по всему континенту, и в рядах ее последователей были представители всех слоев общества, от высшего до низшего»*.

Некоторое время считалось, что колдовство в его истинной форме является пережитком языческих представлений и ритуалов, неверно истолкованным его противниками и даже его приверженцами. Мисс Мюррей, однако, утверждает, хотя и не подкрепив свои выкладки достаточно убедительными доказательствами, что колдовство даже в пятнадцатом веке было организованной религией, открытой для простого народа, и тайным пороком среди образованных слоев, который нещадно преследовался официальной церковью. Ужасное клеймо ереси, которым была отмечена магия, и чудовищные истории о ней объяснялись духом Церкви Воинствующей, вдохновляющей судей и демонологов на борьбу с враждебным учением. Что ж, это объяснение кажется вполне вероятным. Несколько труднее поверить в истинность утверждений мисс Мюррей о том, что традиция время от времени заявлять о божественной жертве или ее замене все еще существовала в те времена в Западной Европе. На основе этой гипотезы она делает некоторые вполне правдоподобные выводы, одним из которых можно считать ее интерпретацию суда и казни святой Жанны.

Жанна д'Арк, фигура столь же таинственная сегодня, как и во времена ее короткой и трагической жизни, была, вероятно, героическим прототипом всех тех несчастных, называемых ведьмами, к которым она в конечном итоге была причислена, и которые сотнями и тысячами подвергались пыткам и мучительной смерти за своего бога и свою веру. Однако есть между ними и одно отличие, ведь, если последние были просто мученицами, Жанна была избранной жертвой. Вот почему никто во всей Франции не шевельнул пальцем, чтобы ее спасти, и, если мисс

* М.Мюррей, *Бог ведьм*, стр. 48.

Мюррей права, действия христианских судей по отношению к Жанне были с их точки зрения оправданны, ведь она вновь и вновь отказывалась признать власть церкви. И все же вопрос был осложнен ее несомненной набожностью и теми голосами святых, которые она могла пробуждать; поэтому, с другой стороны, оправданна и ее канонизация. В действительности, она, возможно, не была ни «ведьмой», ни «божественной жертвой», ни святой, а являлась редчайшим из редчайших явлений, а именно, подлинным магом. Она, несомненно, прошла через обычную в таких случаях инициацию, победоносное соперничество, преследование, суд, мучительную смерть и личное, пусть и весьма сомнительное, воскресение в лице Жанны де Арму. Как бы ни интерпретировались имеющиеся факты, сами факты сомнения не вызывают и полностью соответствуют обстоятельствам, упоминающимся в легенде. Человека, заявляющего о своих сверхъестественных способностях и совершающего, по-видимому, чудесные подвиги, ожидает традиционно трагический конец, отраженный также участниками примитивных ритуалов и жертвоприношений — это судьба бога во плоти, удел царя-мага-жреца. Если теория мисс Мюррей соответствует истине, то старый бог, олицетворяемый девушкой, которой не было еще и двадцати, в этом конкретном историческом случае терпит поражение от бога нового. Читая ее историю сегодня (даже несмотря на ослепляющий свет здравого смысла, пролитый Шоу в его предисловии к *Святой Жанне*), нельзя удержаться от мысли, что в какой-то момент в ней проявляется действие подлинной магии: как всегда, двусмысленной, как всегда, мимолетной и гарантирующей самому магу печальный конец. Девушке, очевидно, были дарованы сверхъестественные или, по крайней мере, необычные способности. Шоу называет их гениальностью, я же предпочитаю слово *мана*; то есть, нечто само по себе ни плохое и ни хорошее; могущественное, редкое, обманчивое и ненадежное; постоянно бросающее своего приверженца в беду: *Сила моя, сила моя! Для чего ты покинула меня*, — вспомните этот горестный крик, эхом распространившийся в веках.

Жанна умерла слишком молодой, чтобы успеть развить в себе более спорные качества, порождаемые *маной*; ее избранный защитник в бою, Жиль де Рейс, пэр и маршал Франции, стал, если верить его собственному признанию, человеком чрезвычайно испорченным и развращенным. Хотя Жиль, как и вся Франция, не предпринял никаких усилий, чтобы спасти Орлеанскую деву, он все же принял ее судьбу достаточно близко к сердцу, потому что он написал в ее честь пьесу *Тайна Орлеана*, которую сам

же с невиданным блеском поставил и в которой исполнял роль самого себя, маршала Жилия де Рейса. Его воинская доблесть в мирное время превратилась в стремление всюду продемонстрировать свое величие, богатство и экстравагантность. Описания его образа жизни как во Франции, так и во время поездок за границу, поражают воображение и свидетельствуют об огромном, безумном тщеславии, если не о чем-то более опасном. За его неистовым расточительством действительно могло скрываться худшее; с другой стороны, суд против него вполне мог быть организован исключительно ради того, чтобы сохранить для его настойчивых предполагаемых наследников хотя бы часть состояния; в этом случае суд над Жилем де Рейсом скорее напоминает процесс против тамплиеров.

О Синей Бороде начали распространяться чудовищные слухи (подкрепленные фактами или необоснованные — этого мы не знаем), будто он похищает и убивает младенцев, занимается черной магией и творит ужасные жестокости. Естественно, что после такой лавины обвинений суд, как гражданский, так и церковный, был неизбежен. Самонадеянный и бесцеремонный со своими судьями поначалу, Жиль был потрясен, когда его собственные домочадцы стали давать против него показания, обвиняя самих себя в причастности к его преступлениям; когда ему пригрозили отлучением от церкви, он резко переменялся и начал жалобно умолять судей отменить этот приговор, однако он не признавался в приписываемых ему преступлениях до тех пор, пока перед ним ни возникла угроза пыток. После этого слова полились из него сплошным потоком, раскрывая такую глубину деградации, такие неопишуемые зверства, такую бесчеловечную жестокость, что епископ Нантский встал и закрыл покровом распятие, висевшее над судьями. Раскаяние Жилия вместе со всей его сенсационностью было столь неподдельным и искренним, что смерть его была героической и весьма поучительной, причем он утешал двух своих сообщников обещаниями Царства Небесного до самого последнего момента, прежде чем он был повешен, а затем сожжен. Смерть эта воистину была похожа на смерть святого, и потому неудивительно, что на месте его казни был впоследствии сооружен храм; интересно, что по странному повороту судьбы храм этот любили посещать кормящие матери, чтобы обеспечить запас молока для своих детей, тогда как Жиль обвинялся при жизни в похищении и убийстве младенцев. Хотя его «внезапное» признание, сделанное под угрозой пыток вызывает вполне естественные подозрения, описанные в нем попытки достичь согласия с дьяволом вполне убедительны, потому что, как бы часто и истово он ни совершал церемо-

ний черной магии, он никогда не видел и не слышал ничего сверхъестественного. Сам Жиль объяснял этот факт милостью Божьей; однако скорее всего итальянский волшебник Прелати, который рисовал дьявольские круги, осуществлял жертвоприношения и сообщал об успехах Жилю, все это время обманывал его своими сказками о духе по имени Баррон, который никогда не проявлял себя в присутствии Жилия. Сам Синяя Борода никогда не был магом, хотя он использовал их и участвовал в буйных церемониях, которые они проводили в его честь. В этом аспекте он напоминает Феофила, но заметьте, каким безобидным выглядит тот безвольный святой по сравнению с Жилем де Рейсом. Последний, возможно, действительно был безумен, поскольку количество совершенных им преступлений и их невероятный садизм потрясают воображение, представить которые помогают нам Бухенвальд и Бельзен. И все же, несмотря на его собственное признание и признания его сообщников, несмотря на косвенные улики и правдоподобные описания его обращения к дьяволу, тот факт, что всем этим откровениям предшествовала угроза пыток, ставит под сомнение их обоснованность. Ужасный документ, который зачитывался на процессе Синей Бороды, мог быть написан им самим или кем-то еще. Ибо в этом легендарном документе воплотились все темные мечты, пленявшие умы людей на протяжении многих столетий, которые начали овладевать обществом со времен так называемых разоблачений ритуалов тамплиеров. Был он, по сути дела, плодом чрезвычайно извращенного воображения, независимо от того, был ли он описанием фактов или вымыслом. Ибо тот факт, что чей-то ум смог придумать такие чудовищные извращения, является столь же серьезным симптомом нравственного и умственного расстройства, как и тот факт, что кто-то смог осуществить их. И Жиль де Рейс или кто-то другой, несущий ответственность за его «внезапное» признание, представили миф о черной магии в еще более зловещем и мрачном свете. С точки зрения истории волшебников, это обстоятельство имеет большее значение, чем его возможный статус божественной жертвы, признающийся в вымышленных грехах, чтобы подвергнуться казни. Его история не соответствует интерпретации мисс Мюррей столь же полно, как история Жанны д'Арк. Жанна действительно время от времени провоцировала свою собственную судьбу во время процесса. Она уклонялась от вопросов, связанных с верой, она явно что-то скрывала. Жиль заявлял, что, несмотря на все «уступки», которые он собирался проявить по отношению к дьяволу, подписав договор собственной кровью, он всегда оставлял себе «свою жизнь и душу» и был столь же ортодоксален, как и его

судьи. Это делает его преступления, если это действительно были преступления, еще более чудовищными. Его более позднее отождествление с Синей Бородой из народных сказок было весьма горячо поддержано Леви; тем не менее, известная сказка Шарля Перро и документы процесса над Жилем имеют очень мало общего, за исключением, может быть, атмосферы ужаса и запаха крови. Так или иначе, темный, двусмысленный образ Синей Бороды из Орлеана продолжает будоражить умы людей. Книга Гюйсмана *La-bas* и весьма поэтичное описание из работы Чарльза Уильямса о колдовстве лишней раз доказывают справедливость этого утверждения.

Если Жанна обладала *маной*, то Жиль обнаруживал признаки *панаци*. Оба они познали прелести славы, оба они проявили храбрость и мужество на поле боя, оба они подверглись суду по обвинению в колдовстве, оба они были признаны виновными и казнены. Жанна, возможно, все же была колдуньей, но светящейся и невинной; Жиль, отчаянный преступник, волшебником не был. И тем не менее, между этими двумя персонажами существует какая-то связь, ибо оба они сумели преодолеть некоторые ограничения человеческой природы. И потому они, оставаясь явно историческими лицами, не принадлежат до конца к миру обычных людей.

Доктор Фауст

Знаменательно, что для того повседневного мира самых низов общества, к которому принадлежал реальный Фауст, он был подвержен привязанности к немецким гостиницам, которым Эразм придал такие живые тона. Наполненные до удушья, шумные и грязные, они были тем местом, куда стекалась та часть общества, которой была незнакома вежливость и учтивость: угрюмые и замкнутые перед едой, склонные к скандалам и грубым развлечениям после того как заканчивались запасы вина, обманщики, шарлатаны и трюкачи всех мастей чувствовали себя как рыба в воде в этой атмосфере — идеального места для грубого плутовства и тех мошеннических фокусов, отождествляемых с реальным Фаустом, слава о котором, вероятно бы, рассыпалась сразу же на том месте, где она возникла, если бы он действительно был таким бессовестным хвастуном. У будущего персонажа Марлоу, Гете и других бесчисленных поэтов было громкое имя в области магического искусства только благодаря его собственной оценке самого себя. Его глупые хвастовства «разъедали» и даже иногда приводили к безумию известных современников-гуманистов, сами

которые, будучи подвержены (в той или иной степени) оккультным спекуляциям и опытам, знали о нелепом характере его заявлений. Тритгейм (о котором ходили многочисленные слухи, что он был некромантом) говорил о Фаусте почти со злобой, с сардонизмом при этом замечая, что последний в спешке покинул Гельнхаузен из опасений встречи с ним, когда до него донесся слух, что он тоже находится в этом же городе. Руфус, Камерариус и Меланктон немного знали Фауста и также испытывали к нему крайнее презрение. Все же он продолжал публиковаться как источник некромантии и глава астрологов, как наиболее известный алхимик всех времен, а также маг, хиромант и созерцатель магических кристаллов, как наиболее известный философ. По его же собственным заявлениям, чудесные деяния Христа для него равным счетом ничего не значили и что он сам может превзойти восстановление Ездрой утерянных Писаний путем воспроизведения всех работ Платона и Аристотеля, которые должны быть преданы забвению и, вдобавок ко всему прочему, откорректированы. Поэтому не стоит удивляться, что его часто сопровождали такие эпитеты, как хвостун и сплетник, плут и глупец.

Трюки, которые он исполнял, носили, как представляется, до такой степени жульнический и мошеннический характер, до которой было развито его бесстыдство. Из дошедших до нас записей современников Фауста можно отметить, что они характеризовали его как незначительного и посредственного:

«Этот убогий заключенный из Батенбурга на Маасе, что неподалеку от границы с Гельдерном, во время отсутствия барона Германа, был снисходительно вылечен его капелланом Йоханом Дорстением по той причине, что первый представился как человек добрый, но проницательный, знаток многих вещей и различных искусств. С того самого времени доктор Дорстений продолжал того поить вином (к которому Фауст был очень неравнодушен), пока не кончились его запасы. После того как Фауст узнал это и услышал от капеллана, что тот уезжает в Грейв и хотел бы сбрить свою бороду, то пообещал тому удалить его бороду, не пользуясь при этом бритвой, если бы тот смог предоставить ему — Фаусту — еще вина. Когда же условие было принято, Фауст посоветовал ему начать энергично втирать в бороду мышьяк, хотя и без упоминания рецепта его приготовления. После применения этого снадобья последовало такое сильное возгорание бороды, что выгорели волосы, а кожа получила ожоги. «Жертва» сама неоднократно с негодованием рассказывала мне об этом злодействе»*.

* Пальмер и Мор, *Истоки традиции Фауста*, стр. 106; перевод из 4-го издания Йоханиса Виера, *De Praestigis Daemonum*.

Минимум знания в фармацевтике применялся с максимумом злого умысла: вот что лежало в основе будущей магической славы Фауста, которая реально существовала, судя по фрагментам истории его жизни, собранных и тщательным образом составленных. Вследствие этого возникает неразрешимая дилемма по поводу того, был ли Фауст один или же их было двое — хороший и плохой. С точки зрения легенды, он нематериален, но я временами испытываю сомнение, когда думаю — а не были ли Джордж (произносится Йорг) и Джон братьями и, что вероятно, близнецами. Редкие и часто скандальные факты об этой кажущейся схожести не исключают такую версию, хотя они никоим образом и не требуют этого.

В 1507г. человек, который сам себя называл Джорджем Сабеликусом, Фаустом младшим, начинателем некромантии и др., еще до окончания обучения в университете получил должность директора школы в Креузнахе. Это случилось благодаря влиянию знаменитого Франца фон Сикенгена, «человека, который был чрезвычайно увлечен мистическим знанием». Его *протеже*, однако, сильно злоупотреблял этим, будучи привержен *наиболее подлому виду похотливости с мальчиками**. Он сумел избежать наказания после того, как его грехи стали известны. Спустя два года, 15 января 1509г., некому Йохансону Фаусту была присуждена степень бакалавра искусств на факультете теологии в гейдельбергском университете — первому в списке из 15 — со своевременной выплатой его авторских гонораров. Кажется в высшей степени неправдоподобным, что этим ученым был Джордж; но следующая ссылка предполагает, что такое было возможно: в октябре 1513г. Джордж Фауст «Гельметий Гедебергенсис» (Гемитей Гедельбергенсис, полубог Гейдельберг) был услышан гуманитарием Руфусом, когда тот хвастался в эрфуртской гостинице. В воскресенье 12 февраля 1520г. он получил 10 гульденов за составление гороскопа для епископа бамбергского; о Джордже Фаусте из Гельмштадта слышали, когда он провозгласил 5 июня 1528г., что пророки рождаются во время нахождения в одном созвездии Солнца и Юпитера и что он является никем иным, как предводителем и наставником рыцарей св. Джона в Халлештайне, что на границе с Каринтией. 10 днями позже, 15 июня 1528г., д-р Джордж Фауст из Гейдельберга был изгнан как прорицатель из города Ингольштадта; а также д-р Фауст, «известный содомит (гомосексуалист) и некромант», получил отказ как медиум в г. Нюрмберге 10 мая 1532г. 25 июня 1535г.

* Там же, стр. 86, Тритгейм в письме к Йохансу Вирдунгу в 1507г.

«известный некромант д-р Фауст» был в Мюнстере, где он удачно предсказал, что епископ вновь займет город тем самым вечером. И в 1540г. «философ Фауст» точно предопределил «очень плохой год» для европейских войск в Венесуэле*.

Скандалная супружеская неверность и хорошая теологическая степень (если допустить, что Джордж и Джон являются одним и тем же лицом), безудержное хвастовство и зловещая репутация, астрологические прогнозы и предсказания будущего, все это вкупе со старым трюком, сыгранным им над Дорстением, является тем, что в общем-то нам известно об историческом Фаусте. Но едва ли он перестал бы посещать привычные места до тех пор, пока не стали ходить слухи самого сенсационного характера. Репутация, которой его наделили другие, придала новое дыхание его хвальбе. Они приписали ему «многие чудеса, о которых специально был написан трактат»**, в котором он объявлялся «самым известным колдуном, который только мог быть найден в германских землях в наше время»***. И было обнаружено, что он приобрел «такую известность среди простых людей, что вряд ли мог быть найден кто-либо, неспособный привести какой-нибудь пример, касающийся его искусства»****. Он и сам лил воду на ту же мельницу; но он, должно быть, наверняка также исполнял (по крайней мере, перед «простыми смертными») некоторые фокусы в более напыщенной манере, чем просто удаление бороды путем сжигания. Но одна вещь, кажется, остается определенной при условии, что мы должны поверить Виеру, являющемуся непредвзятым репортером: и что именно Фауст пустил слух о том, что он вступил в сделку с дьяволом:

«Когда другой мой знакомый, с черной бородой и довольно смуглым лицом, проявлявший признаки меланхолии (вследствие болезни селезенки или своего сердитого характера), приблизился к Фаусту, то последний воскликнул: «Я действительно поверил, что вы мой сводный брат, поэтому-то я и взглянул на ваши ноги, чтобы обнаружить выступающие кривые когти»; сравнив его таким образом с дьяволом, который, как он подумал, зашел и которого он привык называть сводным братом»*****.

* Ср. по этим подробностям Пальмер и Мор, стр. 87–96.

** Там же, стр. 103; из *Zimmersche Chronic* 16-го столетия.

*** Там же, стр. 104.

**** Там же, стр. 123; из *Operae Horarum Subcisivarum* Филиппа Камерария, сына Йохима.

***** Пальмер и Мор, стр. 106; из Виера.

Эта плохая шутка навряд ли могла быть не воспринята буквально в одержимом бесовством 16-м столетии. Швейцарский протестантский священник, Йоганс Гаст, действительно однажды имел трапезу с пресловутым некромантом; поэтому, когда он описал в популярной проповеди каким образом Фауст был окончательно задушен дьяволом и как (страшно рассказывать) труп перевернулся лицом вниз, когда не более чем 5 минут назад он лежал на спине, это придало характер складывающейся легенде о нем. Этот и без того страшный конец был усугублен сопровождающими его ужасами в сплетнях и печати: предчувствие жертвы; потрясение дома в полночь; обнаружение трупа с вывернутой назад головой на следующее утро рядом с постелью. Гаст также сообщал, что во время его совместной трапезы с Фаустом в Бастле чародей утверждал, что сопровождавшие его лошадь и собака были демонами, «готовыми на все». И в самом деле, священнослужителю рассказали, что собака часто принимала вид слуги и обслуживала принимающих трапезу. Хуже того, этот злонамеренный чародей отомстил монахам «одного очень богатого монастыря» (за то, что те дали ему адское вино) тем, что наслал на них *полтергейст*, который и поразил их всех чумой. Этот дух оказался таким гневным, что монахи в конце концов вынуждены были покинуть монастырь с передачей его под протекцию графа Палатина. Согласно виттенбергской традиции, сообщалось, что подобную месть получил Меланктон, чтобы склонить его поклоняться ему.

Фауст отвечал: «Сэр, вы постоянно посылаете в мою стороны злобные упреки. В один из дней, когда вы соберетесь к столу, я сделаю так, что все горшки в вашей кухне вылетят наружу через дымовую трубу и вам вместе с вашими гостями нечего будет есть». На что Меланктон заметил: «Лучше бы вы этого не делали. Оставьте ваши фокусы. Никакой Фауст не исполнит своей угрозы: дьявол не сможет проникнуть на кухню безгрешного человека...»*

Рассказы, вошедшие в обиход не без помощи Гаста, строились на высказываниях и поступках самого Фауста, интерпретированных в духе своего времени. Они имели такую силу, какую могли иметь слова проповедников, подкрепленные к тому же застольным знакомством с некромантом. Еще большую популярность имели анекдоты Меланктона, коллеги и сподвижника Лютера по Реформации. Он пустил слух, что Фауст проглотил соперника-колдуна в Вене, причем последний был обнаружен несколькими днями позже в пещере (тени Зито); что Фауст пытался

* Пальмер и Мор, стр. 122; из А. Лерчеймер, *Christlich bedencken und errinnerung von Zaubery*, Гейдельберг 1585г.

летать в Венеции, но был «сброшен на землю» (тени Симону Магу). Два подлинных свидетельства Лютера о его застольных разговорах с Фаустом также являются свидетельством того, что если гуманисты пытались всеми силами развеять утверждения чародея, то реформенное духовенство всячески подтверждало их. И это было мифопоэтическим веянием, а не разумным противостоянием, которое все же со временем взяло свое.

Личность Фауста и, возможно, его поступки обусловили возникновение 5 историй о нем в хогельской *Erfurt Cyronicle* — перепечатки 17-го столетия из источника 16-го века, который в наше время утерян. Истории, о которых идет речь, также были найдены *verbatim* в издании 1589 г. *Фаустбука* Спайса. Они кажутся настолько вымышленными на первый взгляд, что вполне естественно приписать их на счет фантазии. Навряд ли они могут быть каким-либо образом доказаны, но отражают такое количество черт Фауста, что, возможно, они были основаны на реальных фактах. Демонстрация им своих познаний и неординарного тщеславия, приверженность к веселью и мошенничеству, его черствое сердце — все это, как в анекдоте, переходит из одной истории о нем в другую. Даже первая история, относимая к античности, не согласуется с той точкой зрения, что Фауст воспользовался традицией. Во время своего пребывания в Эрфурте, как гласит история, чародей не переставал хвалиться о том, что ему было выдано разрешение прочесть курс лекций о Гомере эрфуртским студентам. Во время этих выступлений, он так сильно «подогрел» их аппетит, что они просили его воспроизвести героев гомеровских поэм во плоти. Определив время для этого действия, Фауст стал фактически вызывать одного за другим античных греческих персонажей, каждый из которых входил отдельно от других, качал своей головой публике таким образом, как если бы он присутствовал при осаде Трои, и некоторое время спустя удалялся. Последний из них — одноглазый великан Полифем — имел ужасающую наружность, с пылающей красной бородой и выглядывающими из его пасти ногами какого-то человека. Оказалось, что этого монстра оказалось вызвать легче, чем избавиться от него и что в его планы входило намерение съесть пару студентов; пригвожденный к полу огромным железным шампуром, он вселял ужас в сердца до тех пор, пока его не принудили удалиться. При этом «основатель некромантии» сделал себе хорошую рекламу и казался вторым Одиссеем. Действительно, классическая некромантия, пробуждение интереса к греческой поэзии уже началось в Италии в 15-м столетии; о Джоне Франциске, племяннике Пико де ла Мирандолы, сообща-

лось, что он вызывал Ахиллеса и Гектора с помощью колдуна, который также показал осаду Трои и был затем унесен дьяволом. До этого Фауст только следовал тропой своего предшественника, хотя и дополнив его гротескным случаем с Полифемом.

Приняв во внимание тот факт, что истории подобного рода были распространены в то время, то что же могло удержать Фауста от постановки вышеуказанного действия при помощи помощников. Он имел время, чтобы подготовиться, а также не испытывающую сомнения аудиторию, предрасположенную к такому представлению. Это может быть отнесено на счет прозаичного стиля хроники того времени, но когда описание вызывания совпадает с читаемым в сцене из *Тупого Крамбо* и, в особенности, с выходом Полифема, то начинает закрадываться чувство сомнения. Но, по крайней мере, разрешение на чтение лекций о Гомере, «выжатое» от властей, возможно, было из ряда достоверных фактов.

Следующая история о Фаусте касается работ Платона и Аристотеля. На банкете, проводимом в честь выступления мастеров в Эрфурте, присутствующие теологи и члены городского совета сожалели о потерянных комедиях Плавта и Теренция. Фауст предложил сыграть их полностью через несколько часов, на протяжении которых они должны были быть спешным образом скопированы группой студентов и переписчиков. Опасаясь, что дьявол мог внести порчу в такого рода тексты, отцы города и теологи отклонили это выгодное предложение. Но если бы этого не произошло, несомненно, что-нибудь произошло бы с клерками-переписчиками. Но что?

Третья история поддается естественному объяснению: сговор с хозяином гостиницы и его сыном. Во время веселья в гостинице Анкор в Эрфурте, компания друзей Фауста сожалела о его отсутствии и расспрашивала хозяина о его местонахождении, который объявил, что он пребывает в Праге. Один из этой группы в шутку позвал Фауста присоединиться к ним и, о чудо, он тут же появился на *soi-disant* волшебном коне. После того как в честь чародея были сказаны щедрые тосты, он угостил компанию Рхейнфала и Малмси по их просьбе испанским и французским вином путем сверления дыр в столе, затем забивая их и после этого сливая через них вино. Этот трюк, который можно списать на счет выдумки Гете, естественно является одним из наиболее распространенных «коньков» колдуна. Я видел несколько его вариаций и мог бы даже объяснить его. Присутствие какой-либо магии при этом иск-

лючалось. Закадычные друзья Фауста, теперь заметно оживившиеся, «видели» Фауста верхом на лошади, которая подняла его в воздух и перенесла в Прагу. Интересно, сколько же из них были под столом к тому времени?

Четвертая, которая должна была иметь весьма интересное продолжение, заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью.

«По прошествии нескольких недель он вновь возвращается из Праги в Эрфурт с великолепными дарами, которые были ему там преподнесены, и приглашает тех же людей составить ему компанию и погостить в его поместье св. Михаила. Они прибывают и размещаются по комнатам, но не обнаруживают каких-либо признаков приготовления к своему приезду. Но тут Фауст стучит ножом по столу. Некоторое время спустя кто-то входит и говорит: «Сэр, что вам угодно?», тогда Фауст спрашивает: «Насколько ты быстр?», в ответ: «Как стрела». Фауст говорит: «Нет, ты мне не подходишь. Возвращайся туда, откуда ты пришел». Затем он стучит вновь. Входит другой слуга и в ответ на вопрос отвечает, что он быстр как ветер — на что Фауст замечает: «Это уже что-то». Однако Фауст также отсылает его обратно. Но когда он стучит в третий раз, то входит третий слуга и его ответом на заданный Фаустом вопрос был: «Как человеческие мысли». «Хорошо, — сказал д-р Фауст, — ты мне подходишь». Затем он вышел с ним, дал ему указания, вернулся к своим гостям и велел им вымыть руки и рассесться. Вскоре слуга с двумя своими помощниками внесли каждый по три накрытых (каждое в отдельности) блюда. И так произошло четыре раза. Были поданы тридцать шесть блюд с дичью, овощами, мясными пирогами и прочими яствами, и это не считая фруктов, сладостей, пирожных и пр. Все кубки, рюмки и кружки стояли на столе. Вскоре д-р Фауст спросил каждого, что бы тот желал испробовать из пивных и винных напитков, после этого поставил кубки за окно и вскоре забрал их обратно, каждый из которых был наполнен тем напитком, который был заказан. Музыка, которую исполнял один из слуг, была такая зачаровывающая, что гости никогда ранее не слышали ничего подобного, и была настолько удивительной, что складывалось впечатление самой гармоничной игры ансамбля, состоящего из лютен, арф, труб и т.п. Поэтому гости и развлекались в течение дня»*.

Несомненно, это был роскошный банкет, даже по меркам 16-го столетия, но вряд ли был даже намек на присутствие магии. Вначале небольшая игра, немного ловкости рук во время использования окна в качестве люка, королевское угощение и чарующая музыка. Представляется интересным только то, каким образом Фауст мог себе все это позволить, но, вероятно, великолепие было преувеличено. Наверное, в этой истории было

* Пальмер и Мор, стр. 114; из *Erfurt Chronicle* Хогеля.

мало чего удивительного, поскольку ее обошли вниманием в *Фаустбуке* Спайса от 1589г. и далее в течение почти ста лет. Но когда Фауст был представлен широкой германской публике, то начали обнаруживаться скрытые возможности самодовольных личностей из числа местного населения. Их начали возводить в ранг друзей, и такое действо стало излюбленной сценой кукольных спектаклей во всевозможных вариациях и нашло себе место на страницах Черных Книг. Насколько мне известно, этот случай сам по себе является скорее исключением для Фауста; так же как и история о Плавте и Теренции, приписываемая Ездру. С течением жизни Фауста она приобретала ритуальную окраску в традиционных очертаниях, как и все феномены, приписываемые ему позднее во-вторых, в-третьих, в-четвертых и т.д.

Пятый эпизод в *Erfurt Chronicle* относится скорее не к анекдотической сфере, а биографии Фауста. Вероятно, было разъяснение касательно слухов о его совместном обеде с Меланктоном или, может быть, приукрашиванию того, что действительно произошло в Эрфурте. Определенно, совсем нет ничего необычного во вмешательстве францисканского монаха по имени д-р Клинг, с подачи властей пытавшегося наставить Фауста на путь истинный, чтобы он не вводил в искушение молодежь Эрфурта и «других симплтонов». Разговор между ними дается в большинстве случаев в форме диалога, при этом Клинг увещевал, хотя и безуспешно, некроманта покаяться. Последний при этом утверждал, что он заключил с дьяволом кровавый договор, в совсем невежливой форме отвергая точку зрения монаха, заключающуюся в том, что еще пока не поздно исправиться и получить прощение Господа, особенно если месса по нему будет отслужена во францисканском монастыре:

«Месса здесь, месса там, — заметил Фауст, — Мое обязательство очень крепко держит меня. Я рьяно отверг Бога, стал клятвопреступником и потерял свою веру к нему. Я поверил в дьявола и продал ему свою душу. Поэтому я не могу ни прийти к Господу, ни получить какое-либо удовлетворение от его милости, которой я поплатился. Помимо этого, как уже говорилось, это не сделало бы мне чести, если я бы нарушил данную мной клятву и обязательство, которые закреплены моей собственной кровью. Дьявол в точности выполняет данное им обещание, поэтому и я честно выполняю договор, заключенный между нами»*.

Смелое, но вводящее в заблуждение заявление. Здесь, возможно, и находится «соль» ситуации, которая должна была стать самой сутью

* Пальмер и Мор, стр. 117 ; *Erfurt Chronicle*. Возникло предположение, что своим происхождением этот эпизод обязан *Исповедям* св. Августина.

Фаустбука. Этот случай закоренелого грешника, который не желает раскаиваться и не делает этого. Если этот разговор имел биографический генезис, то Фауст самолично несет ответственность за эту легенду о своей закоснелости; и это может быть биографическим эпизодом поскольку его предшественники либо искали покаяние, либо они обрекались на вечную смерть. В *Erfurt Chronicle* приводится выдержка из первой *Фаустбук* (1587г.), содержащая первое ясное упоминание о договоре с дьяволом, в которой Фауст еще раз фигурирует как творец своей посмертной легенды. Однако, что тоже может быть, все началось с легкомысленной, но зловещей ссылки на «сводного брата», сделанной другу Виера, из-за которой его стали вплетать в мрачную ткань магии 16-го столетия. Он был пойман в паутину, окутавшую его с головы до пят, постепенно скрывшую черты реального человека до тех пор, пока он ни превратился в стереотип в «пухлом» варианте современной мифологии преисподней. Это стало превалировать при помощи порочных спутников, сопровождающих когорты обреченных и проклятых к распахнутым воротам ада. Навряд ли он этого заслужил. Он не был ни слишком высокомерным, ни слишком злым. Он не был Жилем де Рейсом. Он всего лишь «набросил» себе немного веса, занимался разыгрыванием глупых трюков и говорил о различных весьма дурацких вещах. Но он вступил в союз с дьяволом (в то время как Синяя Борода никогда ничего подобного не совершал, и даже если бы он и сделал это, то никогда бы не продал свою жизнь и душу).

Изучающий магию без большого удивления обнаруживает тот факт, что Фауст в действительности играет очень маленькую роль в истории и теории искусства. Демонологи современности уделяют ему немного внимания. Виер его презирал, Бодин даже не упомянул о нем в своем исчерпывающем труде *De la demonomanie des sorciers*, 1580г. Труды Лаватэра, Гондорфа, Рейнольда Скотта и Гуаззо содержат только небольшие случайные ссылки на Фауста. Фактически, только Лерчеймер уделит немного место Фаусту в своей защите ведьм, при помощи которых он нападал на колдунов, среди которых был и Фауст. Время шло и имя Фауста можно было обнаружить только в некоторых работах по магии. Бертон, в обильно документированном труде *Отвлечение на Духов в Анатомии Меланхолии* не упомянул о нем ни разу. Наудэ, естественно, не поставил его в один ряд с великими людьми, которым предъявлялись ложные обвинения в магии, пренебрежительно сославшись лишь на истории-сказки о нем. Когда Францис Баррет попытался реабилитировать

магические искусства в *Маге* в 1801г., он полностью игнорировал Фауста не только в основной части книги, но и не включил его даже в биографическое приложение. У Элифаса Леви не нашлось ничего, чтобы сказать о нем в своей исчерпывающей *Истории Магии* в 50-х годах прошлого столетия. Сакс Рохмер не нашел причины, по которой он мог бы упомянуть о Фаусте в своей ярко написанной монографии *Роман о колдовстве*, 1914г. И он был прав. Изучающие оккультные искусства по-прежнему обращаются к жизнеописаниям и работам Трисмегиста, Соломона, Нострадамуса, Парацельса, Агриппы, Роджера Бэкона, Джона Ди для исследования традиции или обнаружения магических секретов. Никто из сегодняшних студентов не горел бы желанием получить свет знания от Фауста, хотя Черные Книги, содержащие на него ссылки, и имели определенную популярность среди магической «мелюзги» в Германии в 17–18 столетиях. Но в сравнении с *Ключом Соломона* вряд ли это имеет какое-либо значение.

Экспертное заключение никогда не составлялось Фаустом. И он попусту не взывал к общественному сознанию как своего, так и грядущего времен. В течение всей своей жизни он ухитрился представить себя некоторому числу образованных людей в качестве астролога, обладающего способностью предсказывать события. Епископ бамбергский хорошо оплатил гороскоп; известный классический филолог Иоахим Камерариус, когда он высмеивал фаустовские «плутовские проделки», на одном дыхании предположил, что и ему с успехом могло быть предсказано будущее. Что же касается университетских студентов, могло бы показаться, что они все до единого были его людьми. В течение всего времени увлечения магией и разыгрывания фокусов они хранили воспоминания о нем после его ухода, повторяя и приукрашивая истории, связанные с ним и другими, и сохраняя их в письменном виде. Позднее они были легко соединены воедино на псевдобιοграфической основе в *Wolffenbittel Manuscript*, предвосхитившей первую *Фаустбук*. Истории имели ту же самую «начинку», которая передавалась от одного поколения другому и была теперь собрана под именем Фауста. Компиляция грубейшего вида была поэтому одной из составляющих *Фаустбук* Спайса, увидевшей свет в 1587г. Ее автор привнес в нее определенное количество книжного знания, заимствованного у Виера, Лерчеймера и других, где должны были быть найдены дополнительные истории как о герое и его книге, так и о его знакомых чародеях. Казалось, что все было прелестным образом подобрано в духе Вергилия 16 столетия. Но автор биографии

имел серьезные намерения при составлении этого труда. Он был глубоко религиозным человеком лютеранского вероисповедания, настолько религиозным, что его вера привнесла в его воспаленное воображение угрюмый штрих поэзии. Это явилось следствием того, что Фауст, включенный в *Wolffenbittel Manuscript* под влиянием своей же собственной известности, должен был «проскользнуть» сквозь блистающие врата поэзии раньше, чем вы могли бы прийти в себя. Елизаветинские проза и стих оказались теми двумя порталами, через которые он проложил себе дорогу к бессмертию и, вне сомнения, нет такого представителя рода человеческого, который заслужил бы эти почести меньше, чем Фауст. Я оставляю этот аспект его посмертного существования для особого рассмотрения. В данное время моей главной задачей является показ того места в традиции магии, которое в ней занимал Фауст.

Спайс* говорил, что Фауст был скромного, хотя и благородного происхождения, но стал так быстро уметь, что состоятельный родственник усыновил его и оплачивал его занятия в школе и университете. Тени Моисея и Фараона ушли в прошлое и уступили дорогу честолюбивому, надменному и испорченному сознанию, отвернувшему свое лицо от теологии и обратившего его в сторону черной магии. «Наступление» Фауста в этом неосвещенном искусстве произошло очень быстро, и вскоре он начал отслеживать магический круг и вызывать злых духов. Всего лишь несколькими ночами позже он вступил в соглашение с Ним, скрепив его своей собственной кровью, и отрекся от христианства в обмен на знание и силу. Поэтому он хорошо «вписался в колею», проторенную до него Протерием и Феофилом и утопанную многочисленной армией духовенства, и сделанную в наши дни более скользкой благодаря некоторым черным магам, один из которых — Вильям де Лайн — был приговорен к смертной казни 1453 г. за свое магическое действие. Материализации духа перед кругом предшествовали гротескные и ужасающие явления. Они произошли не как следствие изобретательности автора, а как воплощение мышления того времени, прекрасным образом описанного Бенвенуто Челлини. Определенно, присутствовало еще одно новшество. Это было собственное имя дьявола или знакомого духа. Мефостофиль, который не был Мефистофелем до 18-го столетия. Это имя замечательно своей благозвучностью и кажущейся значимостью; хотя никто еще не обнаружил, что же именно оно означает и даже какой

* Спайс являлся издателем первой *Фаустбук*, которая вышла анонимно с написанным им предисловием.

язык стал основой для его происхождения — персидский, древнееврейский или греческий. Зловещая двусмысленность появляется в слогах и, как кажется, дразнится такими словосочетаниями как: 'у света нет друзей' (Мефотифиль), 'у Фауста нет спутников' (Мефаустофил) или 'лгун-разрушитель' (Мефиз-Тофель). Но в то же время оно превосходит те варварские и бессмысленные имена, которые придумывались в угоду составляемым в наше время перечням иерархии преисподней. С одной стороны, это было новой чертой, необходимой для придания имени знакомому духу черных магов; крещение, данное Спайсом, придало демону более реалистичный характер и способствовало возникновению довольно интересного порыва наградить его индивидуальностью. Такой психологический подход к магу и его покровителю, каким бы эмбриональным он ни казался, явился важным фактором в возрождении легенды. Поэтому что-то изношенное и титаническое присутствует сейчас в герое и что-то ужасное и безжалостное в дьяволе.

Стремление Фауста к полному знанию сыграло значительную роль в предъявлении ему обвинений в подписании договора с дьяволом — последнего акта инициации. Боязнь и раскаяние внесли свой вклад в те удручающие и рано или поздно возникающие вопросы о рае и аде, об отвергнутых и проклятых, на которые Мефистофель дал такие отвратительные и внушающие отчаяние ответы в первой главе книги. Стремление к абсолютному знанию было ключевым пунктом легендарной жизни Соломона. В той же самой традиции присутствуют как путешествия на небо, так и в царство ада, что при помощи географических компиляций явилось выполнением долга перед миром (землей) во II части. Мечты об аде являются гротескной версией *катабасиса*. В вопросах и ответах главный *агон* извечно находился между героем и злым духом в состоянии войны; входя в приступ гнева при возникновении у Фауста желания вступить в брак, покаяться или стремлении покаяться, как он сделал это довольно нерешительно после увещаний доброго старика (очевидно, д-ра Клинже из *Erfurt Chronicle*). Но в одной из историй о своих магических подвигах (по причине того, что основная их часть была собрана воедино в III части биографии) можно найти следы более ранней формы — спора с конкурирующим магом, истоки чего можно проследить в аляповатой истории смерти и воскрешения мага Симона. Поэтому это является некоторым подобием широко сейчас распространенной истории об обезглавливании. Полагали, что кельтские герои Кучулайн и Гавайн встретили во время своих странствий путника, на-

стоятельно потребовавшего от них обезглавить его. После того, как они исполнили его просьбу, он ушел, держа свою голову, и вновь появился позднее, причем не чувствуя себя хуже. Еврейский чародей по имени Зедекиас был приведен к суду Луиса де Пиуса (814–849 гг.); о Мастере Теодо и Йоханнисе Тевтоникусе в 13-м столетии также говорили, что они были адептами в этом специфичном виде искусства. Лерчеймер поведал подробную историю о некоем А.ф.Т. в его собственный день. Этот чародей убедил молодых «новобранцев» в гостинице, что он остановился в ней для того, чтобы подвергнуть себя этому опасному и деликатному эксперименту. Когда же он подошел к пункту замены головы, то он оказался неспособным сделать это, потому что кто-то из аудитории сильно мешал ему посредством противодействующей магии. После двух торжественных предупреждений незнакомцу о том, чтобы он воздержался от подобных действий, маг чудесным образом заставил вырасти из стола, на котором он сидел, лилию (цветок кого-то из присутствующих) и отсек у нее бутон. Сразу же после этого один из присутствующих упал обезглавленный со скамьи и тогда у А.ф.Т. появилась возможность оживить «новобранцев». В германском фольклоре лилия является символом бессмертной души, которая и является причиной ее появления здесь. «Буйные» моралисты, вероятно, почувствуют, что злой чародей получил по заслугам, и все согласятся, что это было счастливым исходом для бедных маленьких «новобранцев». Спайс принял эту историю в таком виде, хотя немного дополнив ее и приписав ее Фаусту. Но, однако, не удовлетворившись этим, он придумал другую, более ужасную.

«Доктор Фауст появился на франкфуртской ярмарке во время поста. Его дух Мефостофель сказал ему, что в гостинице, расположенной на еврейском проспекте, находятся 4 мага, которые отрезают головы друг у друга и отсылают их к цирюльнику, причем свидетелями этого было большое количество людей. Разъяренный Фауст, который считал себя единственным петухом в корзине у дьявола, отправился в эту гостиницу с той целью, чтобы увидеть все это своими собственными глазами. Все 4 мага находились в гостинице, готовые к тому, чтобы отчленить у себя головы, при них же присутствовал и цирюльник. Но на столе у них находился стеклянный сосуд с дистиллированной водой и один из них — главный чародей, вызвал появление лилии и ее расцветание в этом сосуде; при этом он называл ее корнем жизни. После этого явления он провел «операцию» над головой одного из присутствующих магов и позволил мастеру побрить ее. Затем он водрузил ее обратно на подходящее ей место. Лилия исчезла, и голова, в целости и сохранности, вновь была на

плечах... Когда же очередь дошла и до главного мага, то лилия вновь начала расти и распускаться в воде, затем его голова была отделена от тела. Пока она обрабатывалась брадобреем, то у присутствующего при этом Фауста, вместе с чувством надменной гордости к главному магу, начала пробуждаться обида от столь вопиющего мошенничества, который так нечестиво и смехотворно позволил отчленить свою голову. Фауст подошел к столу с находившимся на нем сосудом с водой и срезал цветок, отрезав стебель, что не было никем замечено. И когда другие маги осознали порчу, то все их умение свелось на нет, и они оказались неспособными восстановить голову их товарища на подобающем ей месте. Таким образом, тому порочному человеку пришлось непрощенным отойти в другой мир вместе со своими грехами потому, что в действительности дьявол разделяется со своими слугами и предоставляет им в конце их жизни такую кончину. Но никто из магов не знал, каким образом стебель был срезан и не имели понятия о том, что это сделал Фауст*.

Эта дьявольская смесь порочного намерения и ханжества ставят этот спор особняком в истории колдовства. Это не было даже самозащитой, не было сделано открыто, и это не было пробой магического мастерства. Любой мог отделить стебель. Однако не существует прецедента в конфликтах, возникающих в среде магов по поводу чего-либо, подобно такому неуместному и жалкому, как этот. Зито целиком проглотил угрожавшего ему соперника, но вернул обратно после возражения его хозяина. Мерлин был доволен разоблачением в неведении и глупости магов Вортигерна, хотя они и составили заговор против него; Вергилий разбил своих врагов в открытом поле, а после покинул его. Симон Петр, несомненно, имел натянутые отношения с Симоном Магом и подвел его к смерти, но это произошло во имя торжества правды. Аполлоний Тианский привел в замешательство своих оппонентов и исчез с глаз долой; Заратустра поверг кигов и карапов, но и они пытались сделать то же самое с ним и были врагами света. Только Дионис и Моисей честно могут быть названы злобными. Но не представляется возможности упомянуть о них и их устрашающей безжалостности, одновременно с упоминанием об этом злобном и маленьком маге, имя которому — Фауст.

Эта история является всего лишь эпизодом из жизни Фауста, которая представляется весьма и весьма туманной и в которой победа над магом-соперником может выглядеть как самый выдающийся эпизод его карьеры. В действительности же спорный вопрос был куда глубже: борьба

* Шейбле, *Das Kloster*, II, стр.1043. Спайс, вероятно, отыскал готовую историю, которой и не преминул воспользоваться. Однако это выглядит так, как будто бы он самодично придумал ее, взяв при этом за основу рассказ Лерчеймера.

за обладание душой Фауста. Кульминационным пунктом явился момент, когда колдун пытался покаяться после своего разговора со стариком. Терзаемый разгневанным дьяволом, он подписал второй договор, обязавший его еще более, чем первый. После чего пути назад уже не было. Он погружался все глубже и глубже в грех, получив посредством добрых услуг со стороны Мефистофеля целый гарем смертных женщин, которые сожительствовали с ним (тени Соломона), а также, помимо этого, большое число суккубов и среди них духа, который, по его мнению, был Еленой Троянской.

Одно время в век, в котором правили женщины, герои Гомера были объектом некромантических заклинаний (что было неизбежно). Так что несравненной Елене надлежало появиться вместе с ними из долгого забвения греческих богов, которые начали теперь возрождаться. Они вернулись посредством двусмысленной магической силы, гневной и ужасной, поэтому-то они и имели облик дьяволов. Нигромант в *Истории* Ханса Сачса (отождествляемый Лерчеймером с Тритгеймом) произвел Марию Бургундскую для Максимилиана I и вызвал Елену Троянскую для имперского наставления. Очевидно, что в ней существовала необходимость; *Фаустбук* Спайса представил дальнейшее усложнение посредством ее общения с Фаустом. Явление, когда вызывалась ее тень, происходило не впервые и имело своей целью внести свежую струю в земную любовь. Греки полагали, что она и Ахилл проживали совместно на острове Фера, после чего оставили земную жизнь. И Симоном Магом был предложен более очевидный прецедент посредством опознания гностической Елены, сопровождавшей его вместе с Еленой Троянской, и представлением ее описания в памятных словах. Спайс не был на высоте от идеи, которую он заново открыл и преподнес, и не «руководил» темой с тем серьезным напряжением, которое поэты средневековья расточали на зависимость Транхаузера от фрау Хелле (ее другое имя — Венера). Этот поразительный поэтический символ заливающего очарования языческой красоты, радости и опустошения, которые он мог привнести, находится на много более высокой плоскости поэзии, чем Елена из *Фаустбука*. Почти полностью описанная в уменьшительном тоне (как будто бы она была красивой куклой с озорным взглядом шалуньи), она в настоящее время не пробуждает чувств. Но это неадекватное представление чарующего дьявола, переведенное в английскую прозу, возбудило воображение Марлоу. Она также зажгла такую страсть в Фаусте, что он был не в состоянии потерять ее из виду. От этого странного союза произошел

ребенок, названный Юстасом Фаустом и обладавший способностями к предсказанию (такие же были до этого и у Мерлин); он был подобен тому загадочному мальчику, сделанному Симоном Магом для мантических целей. Оба они — мать и сын — исчезли из вида после смерти мага.

Поэтому с «барахтаньем» (говоря словами его первого биографа) в любом виде распутства со своими любовницами и суккубами, жизнь Фауста близилась к своему предопределенному концу, и чем более он приближался, тем чаще Фауст начинал предаваться тоске. Когда ему пришлось целый месяц бегать перед тем, как его договор с сатаной вступил в силу, причитания и завывания стали у него нормой дня. Эти жалкие скрежетания зубов стали привычными для него. Жалобы сводили Мефистофеля с ума (что могло бы произойти), и он парировал их при помощи контробвинения, в котором он говорил (и никоим образом не впервые), подобно самому великому Реформатору. Голос этот был голосом Мефистофеля, но слова его были словами Лютера. В той колоритной, нервной, распространенной идиоме, основанной главным образом на поговорках и пословицах того времени, с которыми Лютер имел обыкновение отправляться домой; с той же буйной живостью, такими же безжалостными моральными оценками, с тем же гневом он дал оценку своему слабовольному простаку за его отступничество от Господа и несправедливым образом прожитую жизнь. Теперь, высказав это в таком непреклонном и высокомерном тоне, позволим позать ему посеянный им прежде урожай. «Бог является Повелителем, но дьявол — всего лишь аббатом и монахом».

Резкое неприятие Мефистофелем брака, насмешки над обетом безбрачия монахов и монахинь, пренебрежительное отношение к Папе, а также тот факт, что злой дух помогал Фаусту под видом монаха, всегда приводилось в качестве свидетельства антикатолической направленности книги. Это представляется в достаточной мере правдоподобным, хотя и выглядит пустяком в сравнении с великой вдохновляющей силой, временами очевидной и исходившей напрямую от Лютера. Это добавляло жару в споре двух антагонистов, в то же время оставляя его полностью безнадежным. Для Лютера, а также всех тех бесчисленных умов, которых он увлек, понятие мощи и злого нрава дьявола относится на счет наваждения. Что слишком далеко перешло границы предлагавшихся ранее концепций, которые все еще жили в популярной литературе в форме комических или глупых бесов. Лютеру надлежало все это изменить и приоткрыть обескураживающие перспективы зловещей и страшной жиз-

ни, отягощенной хитрыми происками и ловушками дьявола, которых было почти невозможно обойти.

Под этим самым черным из всех черных солнц навряд ли всерьез мог возникнуть вопрос возможности спасения некроманта. Спайс на славу постарался ради того, чтобы показать, что власть Мефистофеля над разумом своей жертвы была такой, чтобы отвести ее от поиска божественного прощения и милости. Как правило, более терпимо обращались с теми колдунами, которые поклонялись Деве Марии; в качестве свидетельства, приводят легенды о Феофиле и держащемся в тени его последователе Милитарии, которого не смогли заставить отречься от Блаженной Девы и таким образом избежать вечной смерти. Но проклятие, наложенное на Фауста и его современников-коллег по черной магии, является даже более чистой формой служения дьяволу: этому противостоит лютеранская вера в почти неограниченные возможности Сатаны.

Тем не менее, в первом издании *Фаустбука* можно было заметить слабобразличающиеся устные предания католической традиции. Их можно слышать в речах старика, хотя злой дух «укоротил» мечты, которые были у него. Тем не менее, довольно неосознанным образом двойственность пробралась в финал истории о Фаусте, который довольно сильно напоминает финал Герберта. О последнем будут помнить по тому факту, что он завещал изувечить свое тело до и после смерти и что похороны его должны были состояться на том месте, где станут лошади, которые будут тянуть похоронные дроги с его телом. Когда они встали рядом с лютеранской церковью, то могло показаться, что он получил прощение и душа его теперь будет спасена: некоторые разделяли данную точку зрения. Но никто и никогда не сомневался в том, что Фауст был обречен на вечное проклятие, или хотя бы задумывался об изменении легенды о нем, пока это не было сделано Лессингом в характерной для него форме. Все же за последней ночью Фауста, проведенной им на Земле, последовал прецедент, появившийся благодаря Герберту. Совместный ужин со своими единомышленниками-студентами в окрестностях Виттенберга побудил несчастного мага открыть им свое сердце. Он рассказал им о своей порочной жизни, о договоре с дьяволом и приближающемся конце. Подобно Герберту и Жилю де Рейсу, он предостерегал их в довольно трогательных выражениях избежать его участи. Отказавшись от всех надежд и увещаний, он попросил их отправляться спать и не обращать внимания на шум, который мог дойти до них, но, если поутру они обна-

ружат его бездыханное тело — придать его земле. Свою речь он закончил следующими словами:

«Я покидаю этот мир одновременно как плохой и как хороший христианин. Хороший, потому что я проникнут чувством раскаяния и в сердце своем не перестаю просить снисхождения к себе, поэтому моя душа, возможно, еще и получит спасение. И плохой из-за того, что я осознаю, что дьявол будет распоряжаться моим телом и с готовностью отдам его, если он оставит в покое мою душу. Поэтому я умоляю вас отправляться спать и желаю вам спокойной ночи, но себе — ужасной»*.

И его желание было удовлетворено. Между полночью и часом поднялся сильный ветер (который, как казалось, готов был разрушить дом) и донесся вселяющий страх свист и шипение, будто бы здание начало заполняться гадюками и прочими ужасными тварями. Дверь в комнату Фауста распахнулась и ошеломленные студенты услышали крик: «Помогите! Убивают!» Однако вскоре все стихло. На следующее утро рядом с навозной кучей во дворе было найдено искромсанное тело. Комната, в которой он находился прошедшей ночью, была полна крови, мозгов и зубов; глаза обнаружили прилепленными к стене. Несомненно, дьявол завладел этим телом. А как же душа? Может быть, изувечивание тела Фауста явилось той лазейкой, посредством которой душа и сумела избежать кары? Возможно, студенты, которым удалось выхлопотать разрешение на его похороны, лелеяли какие-то мечты об этом. Но они, должно быть, жестоко разочаровались, когда ночью Вагнеру явился призрак покойного и сделал ужасающие откровения. Находящиеся в доме также видели его из своих окон.

Хотя проклятие, наложенное на Фауста, не является текстуально очевидным, но все же, несмотря на смирение, сквозившее в его последних словах, нельзя с полной уверенностью утверждать, что его кончина имела нравоучительный характер. Он упорствовал в своих злодеяниях до одиннадцати часов и, уже «разложив» своего слугу Вагнера, он не только оставил ему все свои книги по магии, но и сделал указания для этой испорченной молодежи, каким образом унаследовать его знания по колдовству и занять каждому своего духа, которым они (молодежь) будут служить после смерти его хозяина. Презренная помощь в наставлении других проклятому мастерству и цена этих раздирающих душу рыданий, которые он выдавливал из себя, когда страх перед вечными муками начал колебать его убеждения. Он был безжалостен в час своей мощи и

* Шейбле, опус II, стр. 1066.

испытывал к себе жалость, когда наступил судный день. Зито, не показавшись до самого конца, был унесен с банкета дьяволом. Традиция не сообщает каким образом он вел себя во время этого происшествия. Роберт нормандский, по прозвищу Дьявол, отданный Сатане его матерью еще до своего рождения, был демоном, который «заведовал» резней и убийствами во время своей прошлой инкарнации. Ему «вернулся рассудок» после того, как он осознал, что все люди избегают его. Он начал засыпать свою мать вопросами и ему была открыта ужасающая правда. В большом душевном смятении он прибыл в Рим, исповедовался перед Папой и ему были отпущены грехи при условии выполнения наиболее страшных епитимий. Он мужественно перенес все эти испытания и получил спасение, хотя безжалостные люди и отрицали это. Вергилий, в соответствии с христианской трактовкой легенды, покался в своих грехах и перед смертью предсказал приход Христа. Мерлин, Антихрист, отказался от своих убеждений после того, как он получил крещение. Гербет, чья смерть была схожа с кончиной Фауста, кажется, испытывал искренние угрызения совести, когда его час пробил. Киприан был обращен в другую веру. Жиль де Рейс взывал к смерти и мужественно принял ее. Все те, кому предъявлялись обвинения в грехе, отвергли выгоды от их порочных союзов ради того, чтобы заключить мир с Господом. Фауст, к сожаленью, занимал выжидательную позицию до тех пор, пока не стало слишком поздно. Его слезливый и малодушный уход резко контрастирует с его польским двойником Твардовским. Последний — чей договор с Сатаной не подлежал заключению в никаком другом месте, за исключением Рима — оказался вовлеченным, подобно Герберту, в гостиницу с тем же названием в Польше. Он рьяно готовился к тому, чтобы изгнать нечистую силу, пока ни появился дьявол и ни призвал того соблюдать данное им слово польского джентльмена. Твардовский тотчас уступил тому. Его смерть представляется той благополучно завершившейся (в числе немногих) кончиной мага, которая имела место в постхристианский период. Двумя же наиболее трагическими являются смерти Симона Мага, павшего подобно Люциферу с небес, и Жанны д'Арк, принявшей на распятии смерть Бога-Спасителя.

Весь ход жизни Фауста, обходившегося без сверхъестественного происхождения, знамений и опасностей при рождении, имеет все другие атрибуты мага-мифа, включая подробным образом расписанный уход. Вся эта часть, исключая путешествия как на небо, так и в преисподнюю, написана одновременно со страшным осуждением и страшным интересом

к состоянию ума колдуна и природе того, что придает этому вопросу эмоциональную реальность. Иначе дело обстоит с описанием подвигов Фауста. Из-за того, что большая их часть свалена в кучу в III-й части биографии, повествовании о них в явной форме и небрежной их классификации, то возникает желание взяться за ножницы и клей. Но даже в таком виде, в каком они были представлены, они обнаруживают все знакомые черты. Магическая сила над вещами и явлениями (элементами), в особенности над дождем из-за необходимости в нем, стала, по большей части в средневековых повествованиях, поводом к мистификации. Призрачное наводнение, придуманное Зито и Вергилием, было вызвано на одном пиршестве, чтобы заставить присутствующих дам поднимать их юбки и обнажить свои прелестные ножки мужским взорам; те же в свою очередь никак не могли понять, по какой же причине им оказывается такая благосклонность. Чарующий летний сад, волшебным образом перенесенный в холодные глубины зимы, был напоминанием об истории, обстоятельным образом рассказанной об Альберте Магне — следующей софистикации влияния дождя на урожай, вызываемого посредством заклинания, а также магических банкетов, вызываемых всего лишь одним миганием глаза, в чем признавались все средневековые маги. Только один Фауст во время своей деятельности вызывал не менее семи подобных торжеств, обставленных редчайшими и изысканными блюдами, плодами, которые были не в сезон, и винами утонченного вкуса. Его отдаленное родство со старым знахарем проявлялось в очаровании и энергии при оказании помощи «неудобным» для общества людям: временно слепым, глухим или парализованным. Как и в истории с Зито, остатки ритуала воскрешения перекликаются с историей о дерзких юных «новобранцах», коих чародей проглотил заживо и затем вернул обратно под лестницу в промокшем состоянии. Подобно Герберту, он воздвигнул ослепительно красивый дворец, и, подобно Симону Магу, он нес ответственность за пророческого эльфа — своего сына Юстаса Фауста. Многочисленные подвиги кажущейся трансформации также были отнесены на его счет. Он ввел в заблуждение собрание подвыпивших студентов по поводу того, что их носы на самом деле являются гроздьями винограда и вывел их из иллюзии только после того, как они уже были готовы оборвать их. Он повторил шутки Зито с оленьими рогами и копытами сена под видом свиньи, разлагающейся в воде, и неудачным ляганием простофили. Он мог сделать себя невидимым по собственному желанию и с успехом сделал это в Ватикане, выхватывая вкусные блюда и кубки с

вином у ошеломленного его Высочества. Он также окружил султанский гарем в Константинополе непроглядной тьмой, во время которой он, в облике Магомета, предавался утехам. У него были волшебные конь и плащ, а также лесенка для того, чтобы путешествовать по воздуху. По слухам он вызывал полчища призраков, подобно Мерлину, и предсказывал будущее при помощи астрологических наблюдений. Он добавил к этим многим и различным проявлениям своей силы способность проглатывать что-либо целиком: «новобранцев», упомянутых выше, копну сена и ломовую лошадь с повозкой.

Из-за различных заимствований чудес, указанных выше, автор первого *Фаустбука* обвинялся в плагиате. Его герой фактически является самой настоящей галкой, облаченной в павлиньи перья. Все истории о магии по своей природе являются носителями традиций. Но в случае истории Фауста происшествие за происшествием извлекались из других книг и переписывались *verbatim* всего лишь с изменением имени героя. Это ставит акцент над тем фактом, что за спиной этой подставной личности существовала какая-то небольшая ценная фигура. К примеру, отталкивающая часть еврейской приманки, кажущейся оригинальной, на самом деле оказывается заимствованной из истории, рассказанной Хондорфом о колдуне в 1274г. Этот человек (а вслед за ним и Фауст) одурачил еврейского кредитора, притворившись отпиливающим свою ногу и уговорив принять ее в качестве залога за долги. Еврей, без задних мыслей, вышвырнул ее прочь как ненужную. Некоторое время спустя Фауст потребовал вернуть ее обратно, при этом он утверждал, что в состоянии заплатить за нее выкуп. Бедному еврею пришлось тогда заплатить носом за фунт плоти, которую он никогда в действительности не получал. История о носах и винограде, которая (благодаря Гете) кажется теперь исключительно фаустовской, была первоначально заимствована у Лерчеймера, который рассказал ее о ком-то другом. Более того, некоторые из этих любопытных историй своеобразно переделаны, в то время как наиболее важные, затрагивающие некромантию, очевидным образом относятся к Мефистофилю. Когда император Чарльз V изъявил желание видеть Александра Великого, то Фауст, посоветовавшись со своим духом, торжественно предостерег императора о том, чтобы тот не обращался к привидениям и не отвечал ни на какие вопросы. Причина же, по искреннему признанию Фауста (как и любого другого лютеранина тех времен), заключалась в том, что Чарльз имеет намерение свидетельствовать о том, что являлось дьяволическим воплощением:

«Но Ваше Преосвященство должно знать, что их смертные тела не могут воскреснуть из мертвых, ни присутствовать среди нас. Это невозможно. Но первобытные духи, которые видели Александра и его супругу, могут принимать их вид и воплощаться в них. Эти духи и покажут вашему Преосвященству подлинный характер Александра»*.

Камнем преткновения в некромантии, начиная со времен Аэндорской ведьмы, был вопрос о воскресших духах. Ритуал исполнялся по мантическим соображениям и поэтому преследовал серьезные намерения. Он выродился в обыкновенное шоу в *Тупом Крамбо* так же, как и в эрфуртской истории. Первоначальный же смысл этого ритуала утерян. Более того, он представлял искаженную реплику лерчеймеровского описания воскрешения Тритгеймом всех великих язычников и императоров для того, чтобы привести в восхищение Максимилиана I. Под занавес этого действия был вызван образ его усопшей супруги — Марии Бургундской. Неутешный вдовец, при внимательном ее обозрении, заметил на ее шее крошечную черную родинку, после чего его сомнения рассеялись. Спайс «наградил» умершую большой черной бородавкой на шее супруги Александра, о которой ранее читал или слышал Фауст. Небольшое темное пятнышко своим появлением добавило пафосу всей этой истории. Гиперболизированная в уродливую бородавку, она выглядит чрезвычайно недепо на затылке женщины, которая, возможно, никогда и не имела ее. Но не было ничего глупее известного случая с наглой головой, которую заставили появиться Герберт и Вергилий — неуместно и без каких-либо объяснений — не призывая оракулов, не вызывая наводнения, которые прежде являлись причиной больших неудобств для дам. Это не содержит ни малейшего смысла, независимо от того, где это происходит. Это могло продолжаться намного дольше, являясь источником неумных примеров плагиата. Но, вероятно, достаточно упомянуть о том, что, пробираясь сквозь дебри историй и отслеживая близкие и отдаленные источники их происхождения, только инцидент с бородой капеллана можно отнести на счет Фауста. Он «усовершенствовал» трюк с обезглавливанием, сожительствовал с Еленой Троянской и был причиной появления Юстаса Фауста, обойдя таким образом Симона Мага. Помимо этого, он заставил отвалиться 4 колеса у телеги крестьянина, который отказался подвезти его, и заставил укатиться их к 4 городским воротам. Но что это за подвиг в сравнении с Мерлином и монолитами Стоунхенджа?

* Шейбле, опус II, стр. 1012.

Общее впечатление, оставляемое Фаустом как от колдуна, представляет собой жалкий вид. Это происходит вследствие того, что, с одной стороны, традиционные подвиги стали мелкими и избитыми, а с другой — действительные заимствования стали осуществляться менее искусно и начали представлять колдуна в неприглядном свете и придавать ему вид озлобленной и несогласной персоны. На деле истории проявлений колдовства образовали нижний пласт в биографии Фауста. Были бы они единственной составляющей базиса, лежащего в основе книги, то ее герой не сумел бы столь долго просуществовать в анналах истории 16-го столетия. Однако сильная религиозная окраска биографических выдержек придала конфликту космическую природу и реальность жизни колдуна и его знакомых. Это и явилось причиной их перехватывающего дыхание «вторжения» в елизаветинскую драму, а вслед за ней и в другие, дошедшие до нас через века.

Сам по себе Фауст, представляя из себя довольно бледный персонаж, является ярким симптомом тех времен и того сильного изменения к худшему, которое оказало христианство на облик магов. Но все же основы их жизней все еще остаются непоколебимыми, хотя многое из того, что было «надстроено» над ними, подверглось разрушению. Божественное происхождение, с сопутствующими ему предзнаменованиями и опасностями, было легко различимо в истории Вергилия и с трудом просматривалось у мерлинского отца-демона. Дальние странствия канули в лету после Киприана и появились вновь с приходом Фауста. Адский договор символизировал собой инициацию; борьба между Добром и Злом выставлялась напоказ даже более, чем покорение старого божества новым или совершение жертвоприношения. Тем не менее, спорадические столкновения между соперниками по магии свидетельствуют о живучести первоначальной традиции в историях Вергилия, Мерлина, Зито и Фауста. Суд и преследование по большей части сливались с главным конфликтом между героем и злым духом; но последняя сцена, часто принимающая вид откровенной исповеди — в случае с Фаустом происшедшая во время последнего ужина (и Зито был унесен прочь с банкета) — подчеркнула греховную природу колдуна как такового. *Пафос* придал более уродливый облик насильственному расчленению в конце историй с Гербертом, Вергилием и Фаустом так же, как он сделал это в случае мученической кончины Киприана; финал Мерлина оказался же более поэтическим и загадочным. Спуск в Ад был представлен в виде вечных страданий в преисподней, хотя Фауст также предпринял мыслен-

ное путешествие в эти области небытия, возрождая таким образом *катабасис*. Воскресение было теперь сведено к причитаниям и жалобам и стало романтически воспринимается как бессмертие для Мерлина, в то время как Жанна д'Арк, по предположению некоторых, сумела избежать сожжения. Какие бы элементы ни упускались, какие бы ни оставались или добавлялись, но миф о маге (в спайсовском пересказе) представлял теперь из себя неприглядные жалкие останки с весьма плохо восстановленными частями и общим видом готического уныния. Только носящие дурной умысел могли бы почувствовать себя как дома в его окрестностях. Это является одной из причин, по которым истории древней магии сконцентрировались на исходе средневековья вокруг Фауста, а не рядом с Жанной д'Арк — святой, принесенной в жертву — и не поблизости с Мартином Лютером — поучающим богом тех времен. Необходимо всего лишь рассмотреть ситуацию с данной позиции для того, чтобы до конца понять, по какой же причине поблекла вся концепция; из-за чего св. Иоанн и Лютер стали бы великими магами античности. Они не были бы ими в наши дни частично благодаря их доброму нраву, частично (и даже в основном) вследствие своей известности. Только самые низкие и презренные из живущих могли представлять магию в 16-м столетии.

Дух столетия поэтому предпочел Фауста его более выдающимся предшественникам и современникам. Легенды были, по крайней мере, созданы об Альберте Магне, Фоме Аквинском и Петре Апонском в 13-м столетии, но они не превратились в мифы. Тритгейм, Агриппа, Парацельс и Нострадамус в 16-м столетии имели более широкую известность, чем Фауст, и получили такую же зловещую репутацию; однако они никогда не были мифологизированы. Подразумевается, что мифологический процесс состоит из множества элементов, однако является правдой и то, что обстоятельства не способствуют этому. К примеру, Магомет, хотя его имя окружено множеством легенд и традиция начала превращать его в Заратустру или Моисея, сопротивлялся полной трансформации, потому что его реальная жизнь происходила на виду у всех и была хорошо известна. Тот же самый вопрос можно отнести и к жизнеописанию Лютера. Он дал своим врагам повод (из-за того, что он признавался в частых нападениях со стороны дьявола) приклеить к нему ярлык «Антихрист» в ответ на его комплимент Папе — самые разнообразные легендарные истории повествовали об этом. Однако его жизнь была прожита слишком уж на виду для того, чтобы способствовать возникновению коррективного мифа. И даже если бы она протекала по-другому, то он был

слишком выдающейся личностью для того, чтобы стать магом в тот период, когда магия потеряла точку опоры.

Отстраняясь от современных модных увлечений, можно было бы заметить, что мысль Гете, высказанная им однажды по отношению к поэзии, применима и к мифологии — производным является неполное знание. Маги должны быть или же окутаны мраком неизвестности и пеленой загадки во время своей жизни или принадлежать времени, которое предается забвению прежде, чем истории о них найдут свое воплощение в мифах. Вергилий, Мерлин и Фауст являются тому подтверждением. Подобным образом поступает и человек, чье имя вплоть до наших дней должно быть произвольно «резало слух» — англичанин Роджер Бэкон.

Фриер Бэкон

Хотя Бэкон жил в 18-м столетии, он вошел в историю как герой легенды 16-го столетия, и его личность надлежит рассматривать как современника Фауста в истории магического искусства. Это представляется неизбежным вследствие распространенной версии его жизни и его поступков, которые кажутся произвольным ответом на плачевную историю о нем, описанную Спайсом, — почти как если бы дух Англии воспрял против магии Германии ради поддержки национального авторитета. Тем не менее биографическая дата, как представляется, указывает на диаметрально противоположное направление. Комедия Грина *Почтенная история Фриера Бэкона и Фриера Бангэя*, которая указывает на абсолютно выверенное направление, вышла в свет в феврале 1592г. По всей вероятности, она была основана на прозаической версии легенды. Но ранее существовавшее издание (перепечатанное в первом томе *Раннего английского романа-прозы* Томса) не могло бы быть опубликованным ранее 1597г., с тех пор цитаты берутся из бэконовского *Послания о тайных действиях искусства и природы и ничтожестве магии*, впервые переложенного с латыни на английский в том же году. С другой стороны, *Трагическая история д-ра Фауста* Марлоу была написана после мая 1592г., времени, когда впервые увидела свет первая английская *Фауст-бук*. По этой причине в данный момент общепринятым является мнение рассматривать его в качестве единственного источника. Грин поэтому имел приоритет перед Марлоу, и создается впечатление, как если бы бэконовская легенда, вероятно, была напечатана перед появлением первой легенды о Фаусте в этой стране. Все же обе они живут в увлекательной

литературе и театре (хотя в последнем менее заметно) и оказывают неясное, но перманентное влияние, выраженное в том, что Бэкон оказался вовлеченным в игру в роли фаустовского антипода. Если взглянуть под другим углом зрения, то как Спайс, так и его английский интерпретатор — П.Ф. — показывают слабые признаки своей осведомленности о бэконовской легенде. В то же время, внимание того, кто бы ни являлся автором *Знаменитой истории Фриера Бэкона*, кажется поглощенным Фаустом. И, вероятно, существует оправдание тому, что такое же поглощение внимания присутствовало в источнике Грина, потому что это оживило его комедию и явилось одной из составляющих заметной антигерманской направленности. Какой бы странной, безответственной и расстроенной ни казалась бы связь между фаустовской и бэконовской легендами, но тем не менее она возникла и, как кажется, существует. Поскольку она неочевидна, поэтому Фауст никогда не упоминается в бэконовской легенде. Контраст, возможно, сделан неумышленно, а может быть из-за того, что реальный Бэкон был полным антитезисом реального Фауста.

Роджер Бэкон (?1214 — ?1292) был довольно выдающимся человеком и остается таковым до сих пор. Во многих отношениях он опередил свое время и подвергался преследованиям из-за своих убеждений. Во время расцвета схоластизма в своих выступлениях он выступал против него, в открытую затрагивая самую его сердцевину: урегулирование всех спорных вопросов посредством апелляций к власти предержащим зачастую шло не из первых или даже не из вторых рук, нередко при полнейшем неведении об языке авторов, с помощью которого и выражались эти апелляции. Знание греческого, древнееврейского и арабского было одним из его постоянно повторяющихся требований, опиравшихся на компиляцию грамматических трактатов. С еще большим рвением он отстаивал процесс поиска истины при помощи экспериментальной науки и наметил контуры ее методологии. Спустя три столетия его однофамилец Франц был более удачлив в убеждении своих соотечественников в важности данного подхода к знанию. Роджер, ставший в свое время студентом оксфордского университета в обычном для того времени возрасте — 12 лет (или что-то около этого), закончил его, а позднее читал в нем лекции. Затем он переехал в Париж, согласно сложившейся в то время традиции. В какой именно период он вступил во францисканский орден и стал Фриером — неизвестно, но он попал в немилость у его Преосвященства и был помещен под строгое наблюдение в Париже, написав так о своем отношении к Папе Клименту IV:

«... прелаты и фриеры держали меня без пищи в тесном заточении и не испытывали угрызений совести от того, что никто не мог меня посетить. Они опасались, как бы мои писания не попали к кому бы то ни было, за исключением Папы и них самих»*.

В 1267г. (удачным образом для Бэкона) Гай де Фаулкис, бывший перед этим папским посланником в Англии, а потом и Папой с 1266 г., отослал Фриеру послание, в котором выказал пожелание получить от того отчет о научных теориях. Бэкон через весьма короткое время отправил свои *Опус Маджус*, *Опус Минус* и, возможно, *Опус Тertiум* (1267—1268гг.). Клемент, почивший в 1268г., навряд ли читал их, однако Бэкон был выпущен на свободу из тюремного заключения и возвращен в Оксфорд в 1268г. 10 годами позднее он вновь стал неугоден, потому что на него пало подозрение в введении «новшеств» в свои писания. Это заключение, опять в Париже, отличалось еще большей суровостью и более жесткими условиями содержания, чем первое. Теперь оно продолжалось с 1278 по 1292г., когда после своего освобождения он вернулся в Оксфорд, где и скончался.

В то время ходили слухи, в которых содержалась та определенная доля истины, что действительной причиной его преследований было увлечение магией, несмотря на заявление о ее «ничтожестве» в его эссе о чудесах, производимых искусством и природой, было написано:

«... Имеет место более порочная практика, когда люди, презрев правила философии, неверно обращаются за помощью к злым Духам, полагая, что они обладают энергией, способной удовлетворить их желания, что представляет очень большую ошибку. Такие люди полагают, что они обладают некоторой властью над Духами, которых можно принудить сделать что-либо, на что совсем неспособен человек, т.к. человеческая энергия, или власть, много слабее той, которой обладают Духи. Помимо этого, они допускают еще более страшную ошибку, когда считают, что такие обычные инструменты, какими они пользуются в повседневной жизни, обладают способностями, при помощи которых они получают способность вызывать или отгонять злых Духов. И люди продолжают совершать ошибки, прибегая к заклинаниям, проклятиям и приношениям для того, чтобы умиловить Духов в целях их благосклонного расположения. Вне всяких сомнений, этот способ несравненно более легок для того, чтобы овладеть любой вещью, которая надлежит обладанию богоугодным человеком, нежели чем прибегающего к услугам злых Духов. Что же касается вещей, которые неудобны для людей, то злые Духи не могут более принимать

* Выдержка из предисловия к Роджеру Бэкону, *Лечение старого века* ..., тр. Р.Брауни, Лондон, 1863г.

помощь (тогда они принимают на себя право на отпуск грехов человеческих сынов) от того Бога, который управляет и руководит всеми человеческими делами»*.

«При рассмотрении тех секретов, которые раскрыты в писаниях магов и содержат некоторую долю истины (хотя в этом отношении непреклонные истины оказываются облаченными в некоторое количество вымысла), не представляется простым вопрос о выборе между правдой и ложью, и все они должны быть справедливо отвергнуты. Не следует доверяться тем, кто будет уверять нас, что Соломон или кто-либо другой из наших мудрых предшественников были авторами таких книг по той причине, что такие книги не отвергаются как церковной властью, так и всеми здравомыслящими людьми, за исключением разве что небольшой группы болтунов, которые утверждают обратное. Мой собственный опыт подтверждает тот факт, что они составляют и основывают свои собственные труды и открытия в возвышенных колоритных выражениях и чем в более напыщенной форме ложь проникает под этим текстовым «соусом» — предпосылки к некоторым особым названиям — тем легче их оттенять, бесстыдно приписывая такие подделки знаменитым авторам»**.

Хотя Бэкон продолжал тогда показывать, что чудеса в искусстве и природе далеко превосходят все, что может быть произведено при помощи магии, но тем не менее будет замечено, что он исследовал ее беспристрастно и пришел к заключению, что в этом что-то присутствовало. Он, к примеру, совсем не был уверен в том, что в заклинаниях и чарах не существовало какой-либо силы потому, что он был осведомлен об обратном. *Все чудеса с начала сотворения мира производятся посредством слов*, — так однажды он сказал. Кроме того, также как и все его современники, он включил астрологию в предмет изучения астрономии и полагал, что определенные склонности в характерах людей обязаны своим происхождением расположению планет в момент их рождения, но он настаивал на свободном волеизъявлении каждого индивидуума и осудил ту астрологию, которая

«... узурпирует рассмотрение небесных тел тем, что мешает этому наличию символов, заклинаний, сверхъестественных практик и различного рода магии»***.

* Фриер Бэкон, *Его открытие чудес искусства, природы и магии*. Достоверный перевод копии д-ра Ди, выполненный Т.М. и никогда ранее не перелаванный на английский, Лондон, 1629г., стр. 3. [Существовал более ранний перевод 1597г., который не попадался мне на глаза.]

** Там же, стр. 6.

*** В.Винтроп, *Роджер Бэкон*, Лондон, стр. 108; из Опуса Маджус.

Его *Зеркало Алхимии* отражает ту же позицию. Он рассматривал это в качестве поля для экспериментов — как один из способов проникновения в секреты природы и искусства, к которым у него всегда наблюдался повышенный интерес. Искусство, выступающее, вне всякого сомнения, за изобретения и открытия (в области механики и пр.), совершающиеся в тесном соприкосновении с природой. Разделяя вместе со своим веком сильную уверенность в приходе Антихриста, он также верил, что злой дух непременно узнает и воспользуется всеми скрытыми силами природы и искусства для внесения перелома как в устройство мира, так и в магические науки.

«И все же истинно то, что эти изумительные науки, посредством которых может совершаться как большая доброта, так и великое зло, должны быть доступны только ограниченному кругу лиц с папского дозволения ... так, чтобы церковь во время своих несчастий могла к ним прибегнуть и в конце Антихрист со своими последователями будет встречен — когда чудеса, производимые им, будут выполнены верующими — и показать, что он не является Богом, но его преследованию будут мешать, и оно будет смягчаться во многих отношениях»*.

Этот отрывок, вероятно, датированный более поздним числом, чем *Открытия*, кажется, ссылается на чудеса, которые производятся при помощи магии, и создается ощущение, что они оказывали значимое впечатление на Бэкона; но он все еще рассматривался ими как особенно «нехороший» с тех самых пор, когда он не переставал говорить, что Антихрист также будет пользоваться открытиями в областях механики, математики и геометрии, в которых отсутствует магия и которые проявляют худшие свои качества и буйство магических сил по отношению к этим областям природы и искусства.

«... сжигающие стекла, которые могут действовать на любом удобном нам расстоянии: все то, что представляет нам угрозу, может быть уничтожено — замок, армия, город или что-нибудь еще. Летающая машина и навигационная машина, посредством которой всего лишь один человек может управлять кораблем, заполненным вооруженными людьми, с невероятной скоростью. Оборудованные косами машины, на которых вооруженные люди перемещаются вместе с этими удивительными машинами, обходясь без помощи тяглового скота, круша и преодолевая на своем пути все препятствия»**.

* А.Г. Литл, *Роджер Бэкон, Труды британской академии*, Лондон 1928г., XIV, стр. 289; из *Опус Третиум*.

** А.Г. Литл, стр. 290, выдержка из *Опус Третиум*.

Здесь, как и в *Открытии*, Бэкон прозорливо предсказал грядущий век механизации. Он с успехом описал отравляющий газ, костюмы для нахождения под водой и другие изобретения, часто утверждая, что он отыскал их у более раннего автора. Был ли он точен или нет в этих научных предсказаниях, но он обладал даром предвидения и, несомненно, проводил эксперименты с увеличительными стеклами, театральными биноклями и телескопами. Некоторое время до 1571г. Леонард Диггис соорудил отражающий телескоп в соответствии с указаниями, найденными им в «одной старой рукописной книге, повествующей о рассказанных Бэконом экспериментах». Он, как могло бы показаться, не был первым, кто открыл ружейный порох, но, очевидно, он наткнулся на формулу его приготовления независимо от других и, как представляется, зашифровал ее в алхимических статьях в конце *Открытия*. Все же более впечатляющим представляется отрывок из его работы по географии, включенный кардиналом Пьером д'Али в его *Imago Mundi* и оказавший такое впечатление на Колумба, что полностью аннотировал его в письме к Фердинанду и Изабелле. Так что *Онус Магус* (который содержит работу по географии) стал помимо этого одной из тех сил, которые вдохновили Колумба предпринять его великое путешествие. О предложении Бэкона по изменению календаря (сделанное позднее д-ром Ди), основанное на астрономических наблюдениях, говорили, что оно оказало влияние на Коперника через медиума Поля де Мидлбурга.

Не подлежащие сомнению выдающиеся качества Роджера Бэкона как мыслителя, провидца и открывателя в области экспериментальной науки, кажется, состоят в хорошем сочетании с благородством ума.

«Власти могут принудить вас к вере, но не в состоянии просветить ваше понимание, — сказал он однажды, и — Конец всей истинной философии должен наступить в познании Творца через познание созданного им мира».

Удивительный мыслитель провел жизнь и написал свои работы на территории двух известных университетов: в тихих камерах Минорита и в течение более чем десятилетия в жестких тюремных условиях. Атмосфера, окружавшая его прилежную жизнь, представляется отличной от той репутации, которая «приклеилась» к реальному Фаусту, несмотря на его позднее традиционное отождествление с виттенбургским университетом. И хотя Фауст, подобно Бэкону, имел некоторый опыт общения с тюремными стенами, то как же отличительно он провел свое время за ними, если, конечно же, верить виеровскому повест-

вованию! С одной стороны, в Англии 13 столетия — преследуемый приверженец науки и познания; а с другой — в Германии того же времени — бахвальный шарлатан и в придачу — злонамеренный человек

Вероятно, существует небольшая тень сомнения, что бэконовские эксперименты не вызвали ни малейшего отклика в его дни и были причиной незавидной репутации педанта от магии и имели такие печальные результаты. Менее чем через столетие после его кончины легенды о нем начали принимать вполне отчетливые очертания. В 1385г. Питер Троский написал так о нем из Зары в Долматин:

«Естественной конденсацией [воздуха] он временами создавал мост длиной в 30 миль через море от Континента в Англию и, в сохранности пройдя через него со всей своей свитой, разрушал его разрезением естественными приемами»*.

Бэкон не выказывал своего возражения понапрасну, потому что описываемые им чудеса вызывались посредством природных сил. Не может быть также выдвинуто обвинение против схожего поступка Вергилия. Бэконовский мост, по другую сторону, без проблем делает возможным доступ через Красное море к его разуму. Его оптические эксперименты, однако, несомненно вдохновили на написание следующей истории:

«Он ... сделал два зеркала в оксфордском университете: при помощи одного из них он мог в любое время суток зажечь свечу; в другом же вы могли видеть, чем занимаются люди в любом месте земного шара. Экспериментируя с первым, студенты потратили больше времени на воспламенение свечи, чем на изучение книг; отношения между ними умирали или, покрытые сомнениями, чахли, когда они смотрелись во второе и впадали в привычку спускаться к университетским развалинам. Поэтому, с общего согласия университета, оба зеркала были разбиты»**.

По этой причине эта легенда играла значительную роль в литературе 16-го столетия, в течение которого представляется вероятным, что различные истории о Бэконе были вначале собраны и сплетены воедино в то, что, по мнению Томса, носит название роман-проза. С биографической точки зрения это не является органической частью чего-либо, подобного *Фаустбуку* Спайса. Обращает внимание отсутствие ядра, вокруг которого вращалась жизнь Фауста, поэтому-то в истории жизни Бэкона и отсут-

* Винтроп, стр. 14.

** Там же, со стр. 14.

ствует его договор с дьяволом. Это упущение, как кажется, допущено по случайности. Поэтому существовала традиция, утверждавшая, что Бэкон вступил в соглашение такого рода, пообещав дьяволу отдать свою душу, основанное на том, что он никогда ни умрет ни в церкви, ни за ее пределами. Это было похоже на происки Сатаны. Но Бэкон перехитрил его, проделав ячейку в церковной стене, где и встретил свою смерть — ни внутри, ни снаружи. Ни комедия Грина, ни история, поведенная Томсом, не пользуются этой софистикацией, хотя легенда-проза, описанная Спайсом, показывает Бэкона, приносящего этот дар другому и случайно сыгравшего роль эрфуртского монаха д-ра Клинке и старика в попытке сыграть за Фауста. Несчастный джентльмен, погрязший в долгах, безоговорочно пообещал свои услуги архидьяволу (хитро замаскировавшегося под ростовщика), если тот освободит его от его финансовых обязательств. Договор должен был быть заключен после выплаты всех денег; и какой же страх мог бы испытать этот несчастный должник после открытия того, что он самолично невольно продал свою душу дьяволу. Отстраняясь от него и его прозрачных объяснений, он избавился от угрожавшего ему духа и собирался покончить жизнь самоубийством, когда Фриер Бэкон случайно прошел мимо и вынудил его отказаться от совершения этого греха:

«Сэр, следовало ли мне оставить вас с этим умышленным проклятьем? Я оказался бы неподходящим для того, чтобы носить или прикасаться к одежде, принадлежащей святому ордену, одним из братьев которого был бы и я: вы знаете (я не сомневаюсь), что церковь облечена правом отпустить грехи просящим покаяния. Не позволяйте вашим амбициям покидать вас, но наоборот — дозвоьте себе получить выгоду от этого: свободно исповедуйтесь (умоляю вас) мне и не испытывайте сомнения, а я со своей стороны дам вашему отягощенному сознанию облегчение: Отец (сказал этот джентльмен), я знаю, что все, о чем вы говорили — истина. Я сам много раз получал удовлетворение от матери-церкви (не осмеливаюсь сказать нашей, потому что я опасюсь, что она никогда не примет меня как ребенка). Я не принимаю участия в ее благословении, все же, с тех самых пор как вы так настойчиво потребовали узнать причину, то я скажу вам — страх и трепет. Впоследствии вы поймете, что я сам отдал себя в руки дьявола из-за своего незавидного положения, и он завтра, в этом лесу, собирается овладеть мной: а теперь я делюсь с вами этой печалью, но я не знаю как получить удовлетворение. Это покажется странным (цитирую Фриера Бэкона), но слезы кающегося приносят его и могут сделать мно-

гое. Вскоре я посету вас в вашем доме и доставлю вам удовольствие тем (я смею надеяться), что я вновь приведу вас к Божьей Матери. Джентльмен получил какое-то удовлетворение от этих слов и отправился домой. Ночью Фриер Бэкон пришел к нему и застал того в слезах, в раскаяниях за свои прегрешения, полагая при этом, что его слезы дадут ему надежду получить прощение...»*

В *Erfurt Chronicle*, Фауст раздражительно «отослал» д-ра Клинже с его делом. В спайсовском *Фаустбуке* он начал было каяться, однако Мефистофель отогнал начавшее было приходить раскаяние и вынудил того подписать второй договор. Бэконовский *протеже*, принеся искреннее раскаяние, получил спасение при помощи казуистики. Все трое пришли на следующий день. К Бэкону, как к «случайному» прохожему, обратились за помощью спорящие стороны и пришли к следующему заключению: пока расточительный джентльмен был все еще в долгу перед дьяволом, его душа будет залогом за невыплаченный им денежный долг. Это аккуратное решение находится в гармонии со светом и почти солнечным тоном, преобладающим повсюду. Вечно подстерегающая опасность, которая придает *Фаустбуку* такую эмоциональную окраску, здесь абсолютно отсутствует. Станным верчением колеса легенды непрощенный и раскаивающийся мошенник был трансформирован в обреченную душу; в то время как образ благородного и гонимого Бэкона был сведен к рамкам благосклонного, изысканного и удачливого чародея, делающего добрые поступки и позволяющего себе как самое большее случайную проделку со злоумышленниками. Более того, его человеколюбие было таковым, что в конечном счете явилось причиной его абсолютного отказа от магии. Он был уже почти в удручающем настроении, подавленный новостью об ужасной кончине его близкого друга Бангэя (по причине, которая будет ясна позднее), когда два юнца попросили у него разрешения взглянуть в его магическое зеркало — знаменитое «стекло будущего» — с целью узнать, как поживают их отцы. К их несчастью, оказалось, что их родители выясняют свои отношения на дуэли. Между сыновьями возникла перепалка, и они, вынуженные шпаги, в итоге закололи друг друга. Убитый горем и печалью, Бэкон закрыл свое «стекло». Затем он, собрав в одном месте всех своих друзей и знакомых исследователей, обратился к ним с такой нравоучительной речью:

* Знаменитая история Фриера Бэкона, под ред. Томса, *Ранний английский роман-проза*, Лондон 1858г., I, стр. 202.

«Добрые мои друзья и ученики, вам неведомо, каким образом я посредством своего искусства достиг такого, что видели лишь немногие из живущих: о чудесах, мною произведенных, говорит вся Англия — начиная с короля и заканчивая простым смертным. Я открыл секрет искусства и природы и предоставил миру возможность увидеть все это, что прежде было скрыто от людей со времен смерти Гермеса — исключительного и глубокого философа. При помощи своих исследований я проник в секреты звезд; книги, составленные по ним, служат главным из наших известнейших докторов, что является доказательством высокой оценки сведений, в них содержащихся. Схожим образом я открыл секреты деревьев, растений и камней с несколькими способами их использования. Тем не менее все это принадлежащее мне знание я оцениваю как недостаточно полновесное, и мне хотелось бы думать, что я несведущ и оно (знание) ничтожно: потому что знание этих вещей (как я достоверно уяснил) служит не столько божественному началу в человеке, но утверждению его гордости и сомнения. Но что же принесло мне мои знания всех секретов природы? Только потерю лучших знаний, потерю божественных излучений, которые очищают темную часть человеческой души. Я выяснил, что мое знание было прежде тяжкой ношей, которое давило на мои добрые побуждения. Но я уничтожу эту причину — эти книги, и потому я намерен придать их огню». Все они начали убеждать его сохранить книги из-за того, что в них содержались вещи, которые (спустя несколько веков) могли бы принести много пользы. Однако он не внял их увещаниям и бросил книги в огонь, который проглотил величайшее знание, существовавшее в мире... что было причиной того, что впоследствии он проделал в церковной стене ячейку, в которой он заперся и оставался в ней до самой своей кончины. Все это время он провел в молитвах, размышлениях и таких божественных практиках, которые отстраняют человека от занятий магией. Таким образом он провел около двух лет в этом заточении, не выходя наружу: мясо и питье он получал через окно и через него же он беседовал с теми, кто приходил к нему. Могила для себя он выкопал собственными руками, куда и был опущен после кончины»*.

Нельзя не вспомнить легенду, повествующую о том, как Соломон перед кончиной сжег все свои книги. И в самом деле, в Бэконе присутствует многое от Соломона: его мудрость, знание и находчивость, не упуская того факта, что одно из соломоновских суждений в *Gesta Romanorum* было отнесено к английскому магу в прозе-романе. Еще более заметным является контраст по сравнению с этим закоренелым грешником Фаустом, завещавшим все свои книги по магии Вагнеру и направившим устремления своего преемника на тропу зла, предварительно прожитую им самим; и навряд ли кому-нибудь в голову придет мысль

* Томс, I, стр. 248–50.

сравнить бэконовскую прощальную речь к своим друзьям и студентам с обращением подобным Фауста к аудитории — нельзя не заметить существующий между ними контраст. Красной нитью проходит он через все истории о Бэконе в его трудах, многие из которых заимствованы из более ранних источников. Но многие из них подобраны, как кажется, из-за их человеческого, даже гуманного характера. Сейчас это, в самом деле, далеко от того, чтобы быть елизаветинской характеристикой, когда литература того периода отличалась изысканным красноречием и временами обескураживающими признаниями. Моральная цель изданной Томсом *Истории* — не подлежит сомнению. Временами угнетающая, она не является или, по крайней мере, не находится в тесной связи с причиной, вызвавшей конфликт между Бэконом и Бангэем, с одной стороны, и немецким колдуном Вандермастом, с другой. Бэкон преуспел естественным путем (фактически, с помощью своего знаменитого «сжигающего стекла») в уменьшении протяженности осажденного города, что во Франции, по просьбе английского короля. Последний проявил тогда к покоренным такое милосердие (опять милосердие), что французский посол организовал для того чудное развлечение в знак выражения своей благодарности, и Вандермаст — известный немецкий волшебник — должен был сыграть на нем не последнюю роль. Тот факт, что он был немцем, совсем не обязывает к предположению, что у автора на уме был Фауст. Как полагал Херфорд, для среднего англичанина того времени Германия была известна только как земля магов и колдунов, как местожительство Альберта и Агриппы, Парацельса, Тритгейма и д-ра Фауста*. Любой континентальный колдун обладал поэтому еще и возможностью быть представленным как имеющий немецкое происхождение. Английский король, тем не менее, не имел возражений против того, чтобы видеть свою страну в свете магии, а не под покровом войны, и в частном порядке дал указание Фриеру Бэкону и его неразлучному другу Фриеру Бангэю пристально наблюдать за происходящим в Англии. С высокого дозволения начал Вандермаст и начал прекрасно, произведя Помпею в таком виде, как если бы она готовилась к фарсалийскому сражению, чем вызвал у всех удивление. Бэкон, однако, затем вызвал дух Цезаря, который занял Помпею, и безвозвратно «растворил» его, как того, очевидно, хотел английский монарх.

«Мой лорд и посол, — сказал король, — полагает, что мой англичанин

* Херфорд, *Исследования литературных отношений Англии и Германии в 16-м столетии*, Кембридж, 1886 г., стр. 165.

положил вашего немца: был ли он хитрее его?» «Да, — ответил Вандермаст, — ваша честь увидит, что я положу вашего англичанина на то самое место, от которого вы подошли. Фриер поэтому из всех сил готовится к тому, чтобы противостоять мне»*.

Бэкон беспечно предложил немцу вначале вступить в состязание с Бангэем; и последний, показалось, вступил на путь германской виктории, вызвав дерево Гесперид, увешанное золотыми яблоками и охраняемое драконом. Это было детской игрой для соперничающего с ним мага, который в свою очередь вызвал призрак Геракла из царства теней и позволил тому вновь совершить его традиционный бесстрашный подвиг. Но как только он собрался нарвать плодов, Бэкон махнул своей палочкой и тень Геракла начала колебаться. Под угрозами мук, исходивших со стороны немца, он проявил большую слабость и малодушие:

«Я не могу, не осмеливаюсь выступать против Бэкона, чьи чары намного превосходят мои, и должен повиноваться ему, Вандермаст». При этом Вандермаст слал угрозы и проклятья в сторону Бэкона: но тот лишь смеялся и не выказывал своего раздражения, говоря, что его путешествие окончено. «Видя, — сказал он, — что Геракл не повинуется вашим указаниям, я обяжу его оказать какую-либо услугу для вас в моем присутствии». С этими словами он позволил Гераклу отнести его домой — в Германию. Дьявол подчинился ему и, посадив того на спину, ушел с ним у всех на виду. «Держите Фриера! — вскричал посол, — я не упущу Вандермаста и с половины моей земли». «Успокойтесь, мой лорд, — ответил Фриер Бэкон, — я отпустил его домой повидаться с женой, и он может пока еще вернуться назад»**.

Во всех конфликтах, возникающих между магами, духи, с которыми они состояли в союзе и которые помогали им, были причиной (даже если и в неявной форме) этих столкновений магических сил. Это, очевидно, прежде всего является свидетельством дальнейшего развития вопроса о представлении соперничающих духов. Явление некромантии было здесь превращено в ритуальное столкновение, делая ее более захватывающей и драматичной, в то же время отвлекаясь от ее величественности. Мы должны вспомнить о Моисее до Фараона или о Симоне Петре, повергающего Симона Мага, хотя бы только по той причине, что это дает возможность осознать глубину падения от античной к средневековой магии. Духовное великолепие и величие ранних столкновений изобличают игривость Бэкона, насмешливое отношение к Вандермасту и

* Томс, I, стр. 218.

** Томс, I, стр. 219.

всему псевдо-классическому дивертисменту ради того развлекающего нонсенса, каковым они по сути и являются. С одной стороны, безобидность бэконовской победы находится в приятном контрасте с недоброжелательностью, оказанной Фаустом по отношению к своему неудачному сопернику в сцене с обезглавливанием. Можно ли отнести только лишь на счет случая тот факт, что Вандермаста изображают в качестве стороны, подвергшейся нападению? Красуясь этим подвигом, он решил отомстить за себя смертью Бэкона. И с этой целью он за сто крон нанял солдата для того, чтобы тот переправился в Англию и прикончил его ненавистного соперника. По счастливому стечению обстоятельств, из своих книг Фриер получил известие о надвигающейся опасности и был наготове, когда перед ним с обнаженным клинком в руках предстал наемный убийца. Обнаружив, что этот человек был неверующим, Бэкон вызвал дух Юлиана Отступника, чтобы с его помощью переубедить пришедшего к нему человека. Юлиан появился с пылающим телом, покрытым многочисленными ранами, и признался в том, что он испытывает такие муки из-за своего отступничества. Столкнувшись с этим ужасающим примером, этот солдат тут же был обращен в христианство, а затем он поспешно ретировался в качестве крестоносца на Священную войну, где он и принял смерть истинного верующего. Здесь мораль почти очевидна, но у автора не было желания оставлять никакого места случаю и поэтому был добавлен следующий эпизод. Полагая, что Бэкон мертв, Вандермаст перебрался в Англию для того, чтобы посостязаться с Бангэем. После различных трюков, разыгранных ими друг над другом (под наблюдением тени Зито-Фауста), Вандермаст бросил вызов Бангэю померяться силами в магическом состязании, и они отпраздновали в поле.

«Там они оба расставили свои круги на расстоянии около сотни шагов друг от друга. После выполнения определенных церемониалов начал Вандермаст: прибегнув к своим чарам, он вызвал злобного дракона, который начал кружиться вокруг Фриера Бангэя, опаливая его своим жаром так, что тот был готов был расплавиться. Фриер Бангэем мучил Вандермаста следующим образом: он вызвал морского дракона, поверженного Персеем, когда тот избавлял белокурую Андромеду. Этот морской дракон стал описывать круги вокруг Вандермаста и такие свинцовые тучи начали выплывать из его широкой пасти, что Вандермаст, казалось, вот-вот утонет. Затем Фриер Бангэем вызвал духа, похожего на Джорджа, который вступил в схватку с драконом и убил его. Вандермаст (следуя его примеру) поднял Персея, который также сразился с морским драконом и убил его. Таким образом оба избежали гро-

жившей им опасности. Они, в продолжение своего спора, продолжили демонстрацию своих знаний посредством заклинаний и каждый из них вызвал своего духа. Бангэей велел своему духу помочь ему при помощи той великой силы, которой он обладал и которая помогла бы ему одолеть Вандермаста. Дьявол поведал тому, что он сделает это, если тот даст ему из своей левой руки три капли крови; но если бы тот отказался сделать это, то Вандермаст нашел бы силу над ним сделать это (подобно тому, как сказал Вандермасту его Дьявол). Они согласились с этим требованием духов, полагая, что каждый из них одолеет другого, однако Дьявол поверг их обоих.

Они, отдав Дьяволу свою кровь (о которой говорилось ранее), вновь прибегли к своим заклинаниям: вначале Бангэей вызвал Ахилла с его греками, начавшего вокруг него шествие с угрозами в его адрес. Затем Вандермаст поднял Гектора с его троянцами, защитившим его от Ахилла и греков. Затем началось великое сражение между греками и троянцами, которое продолжалось довольно длительное время. В конце концов Гектор был убит, а троянцы — повержены. Некоторое время спустя поднялась большая буря, сопровождаемая громом и молниями, да такая, что у обоих колдунов возникло желание быть как можно подальше от этого места. Но эти пожелания были напрасны: пробил час, когда Дьявол потребовал от них оплаты за знания, которыми он наградил их ранее и которую не желал более ждать, но затем они были подняты на высоту их безнравственности, где и были лишены своих жизней.

Когда закончилась буря (которая сильно потрепала города, расположенные в том районе), городские жители нашли этих двух людей ... бездыханными и загадочным образом обожженными огнем. Один был предан земле по христианскому обычаю ради своего ордена, другой — потому что был чужеземец*.

Джон Франц Бэкон, племянник Пико де ля Мирандолы, поведал историю о волшебнике, показавшим сражение между Гектором и Ахиллом в 15-ом столетии и унесенного Дьяволом за свои старания. При этом еще один некромантический подвиг был добавлен к магическому спору, трагически завершившемуся для обоих соперников — они оба вступили в договор с Дьяволом, закрепив его своей кровью. Бангэей, о котором слышали только с плохой стороны, сыграл роль козла отпущения в бэконовской истории. Шаг, который Бэкон презирал сделать, был зловеще освещен бангэевским грехом и был искуплен его подвигом. Таким образом, у автора появилась возможность поймать двух зайцев: изобразить ужасный конец, который ожидает колдунов и сохранить нетронутой бэконовскую «девственность». Также представля-

* Томс, 1, стр. 242-4.

ется вероятным то, что причиной показа огромного образа Гомера был вызов Бэконом Елены. Но даже если эти предположения и носят гиперболический характер (даже если Бэкон не был бы склонен быть анти-Фаустом и Вандермаст не подразумевался бы как его осмеиватель), то антигерманский уклон в истории этого спора, тем не менее, остается и даже был еще более усилен Гринном.

Такая негативная разновидность патриотизма была уравновешена положительной любовью Англии, что инспирировало возникновение легенды, посредством которой Бэкон все еще остается наиболее известной личностью для последующих поколений. Фаустовский самый главный и знаменитый подвиг — вызов Елены Троянской — хотя и не несет на себе символической славы, но тем не менее возвращается к вопросу о разновидностях мечтаний, которые всегда были свойственны реальному Бэкону, и по своей природе являются взывающими к нашему глубоко порочному веку, когда войны и сплетни о войнах являются постоянной чертой нашей повседневности. Сильным стремлением Бэкона-легенды была идея окружить Англию медной стеной и таким образом отгородить ее от экспансий. Вся его мысль работала на выполнение этой почетной задачи. Осознав, однако, что эта цель недосыгаема с точки зрения осуществления ее обычными средствами (как бы признал это покойный министр обороны), он прибегнул к излюбленному средству тех времен как человек, попавший в затруднительное положение или терзаемый сомнениями: сооружение говорящей медной головы, отвечающей на его вопросы. Сильвестр II и Вергилий сделали для своих нужд по такой голове. Что касается Альберта Магна, другого современника, то он в действительности сделал говорящего металлического Андроида, ужасно раздражавшего Фому Аквинского так, что последний, устав от его бесконечной болтовни, разбил того вдребезги. Фауст тоже, кажется, имел нужду в медной голове до того, как он научился вызывать воображаемые потоки воды в землях замка Анхальт, которые доставляли столько неприятностей женскому полу. В самом деле, эти медные головы были настолько привычным явлением, что люди начинали верить, что в этом нет ничего сверхъестественного.

«В некоторых сообщениях указывается, что он сделал из меди голову, которая умела говорить и делала это не без помощи Дьявола. Альберт Магна и Бетий сделали то же самое скорее при помощи обычных средств, нежели магических. Кассиодор так пишет в своем письме к Бетиу: 'С вашим даром

искусства металлы рыкают, медная змея шипит и имитируются птицы; вещи, не имеющие своего голоса, наделяются способностью к мелодичному пению'»*.

Бэкон из легенды, тем не менее, при помощи Фриера Бэкона сотворил-таки медную голову со всеми внутренними и внешними особенностями ее человеческого прототипа, но не мог заставить ее говорить.

«Многие книги гласят, хотя и не выражают особой радости по поводу того, что они в конце концов решили вызвать дух и узнать от него то, что не могли получить при помощи своих исследований. Для осуществления этого они приготовили все необходимое и одним вечером направились к лесу, где после проведения определенных церемоний промолвили слова-заклинание, по произнесении которых перед ними предстал Дьявол и спросил, что они желают. «Знаешь, — сказал Фриер Бэкон, — мы сделали искусственную голову, которую хотели заставить говорить. С этой целью мы вызвали тебя и не отпустим до тех пор, пока ты не сделаешь так, чтобы она заговорила». На что Дьявол ответил, что он не обладает такой силой. «Ты лжешь, — ответил Бэкон, — рассказывай нам побыстрее или в противном случае мы задержим тебя здесь для удовлетворения наших прихотей». В ответ на эти угрозы дьявол согласился им помочь и поведал, что после продолжительных окуриваний, исходящих от тления шести лекарственных трав, голова придет в движение, еще через месяц она начнет говорить: время (месяц или день), когда это произойдет, он не знает. Он также сказал им, что если они не слышали до этого, как говорила голова, то все их усилия будут потрачены впустую. Услышав это, они, удовлетворенные, разрешили духу удалиться»**.

Это несомненно зловещий диалог не подразумевает существование какого-либо соглашения между Бэконом и Дьяволом, а поиск и наполненное завистью стремление к силе без ущерба для тела и духа заклинателя — силе, которой могли обладать действительно только великие чародеи. Это не имело большого значения как в этом случае, так и во многих других. И мы по-прежнему находимся во власти нападения со стороны взморья по причине того, что в нем находилась ловушка. Измученные непрерывным бдением в продолжение трех бессонных недель, два Фриера, оставив на страже бэконовского слугу Майлса, решили немного отдохнуть, наказав ему перед этим разбудить их, когда начнет говорить голова. Развеселый простак Майлс (герой наиболее очаровательных историй в саге) испортил все представление тем, что он доверился собственным заключениям и игнорировал данные ему инструкции.

* Роджер Бэкон, *Лечение старого века* ..., тр. Р.Брауни, Лондон, 1863г.

** Томс, I, стр. 205.

Поэтому, услышав голос головы: «Время наступило» и, немного погодя: «Время уходит», Майлс был уверен, что его хозяин не пожелает быть разбуженным только лишь для того, чтобы слушать подобные глупости. Он продолжил свои насмешливые замечания и бесстыдные, но ласкающие слух песни. Минуты безвозвратно были упущены. Фриеры продолжали спать, а Майлс — отпускать смешки и петь песни. Прошло еще полчаса и голова сказала неумолимую фразу: «Время прошло», — раздался оглушительный шум и показался страшный столб дыма. Это служит напоминанием бэконовского изобретения пороха, а также практическим примером хитрой природы оракулов.

Приспособления для ведения войны (созданные как для обороны, так и для нападения) часто встречаются в реальных работах о Бэконе и ассоциация наглой головы с защитной стеной, сделанной из меди, была, очевидно, сделана произвольно. Более того, речь Фриера, произнесенная английскому королю перед тем как воспользоваться своим сжигающим стеклом с целью уменьшения осажденного французского города, была заимствована *verbatim* из перевода 1957 г. труда *Открытие Чудес в Искусстве, Природе и Магии*. Автор истории также использует «стеклянную перспективу» с большим эффектом и повсюду показывает свою осведомленность об историческом персонаже. Связь с Оксфордом, ассоциация с Фриером Бангэем*, последние годы, проведенные им в камере — все эти подробности основаны на реальных фактах. Действительная жизнь и работы этого великого человека необычайно окрасили его легендарное существование. Это представляется странным: был упущен из виду его серьезный конфликт с орденом, в котором он состоял, вместе со значимостью бэконовской жизни. На этой почве и вырос очень причудливый и в целом фривольный спор с соперничающим германским чародеем, «притянутый» для поднятия престижа и могущества английского победителя. И в то время как подозрение в магических практиках принесло трагедию в бэконовскую реальную жизнь. В легенде это не принесло ему ничего, кроме как повсеместного восхищения и уважения. Эти светлые тона, привнесенные в весьма унылую историю (о которой автор навряд ли был неосведомлен), находятся с упорной решимостью на равных началах для того, чтобы подчеркнуть высоконравственный характер своего героя. Это придает Бэкону особое положение среди чародеев

* Томас, или Джон де Бангэй, был видным членом группы францисканских ученых, дававших лекции и занимавшихся исследованиями в Оксфорде в 13 столетии, и верным спутником Бэкона в изысканиях последнего.

христианской эры. В самом деле, что касается учтивости и филантропии, только Аполлона Тианского можно поставить вровень с ним. Фриер Бэкон был достаточно далек от утонченности греческого мудреца, но он выделяется среди средневековых коллег своей человечностью и способностью соглашаться. В ряду прочих отступников от магии он один покался в том, что он причинял другим вред. Киприан, Теофил, Герберт и Жиль де Рейс сделали подобное ради самих себя. Это произошло, вероятно, благодаря разнице, существующей между христианским и гуманистическим мировоззрениями по отношению к жизни. Но складывается подозрение, что в основе легенды о Фриере Бэконе лежит скрытый мотив. Это, вероятно, было попыткой реабилитации этого человека, усилением по его освобождению от одиозности, сопровождавшей его в 13-м столетии. Возможно, это было скрытым выпадом в сторону Фауста, наполненного национальными и патриотическими чувствами. Но, каким бы ни было это намерение, английский католический Фриер Бэкон встретился с германским протестантом доктором Фаустом и одержал нравственную победу над знаменитым эстетичным врагом.

ГЛАВА IV ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Ди и Келли

В 16-м веке легенды о Вергилии, Мерлине и Бэконе едва ли основывались на реальных фактах, и в рассказах Томса о Вергилии и Бэконе достоверным можно считать лишь упоминание о смерти Бэкона. Спайс, напротив, был истинно верующим. Его религиозные чувства нашли отражение в поэзии. Цепочка ритуалов, берущая начало от зороастризма и предшествовавшей ему религии, в 16 веке прервалась, и миф о маге остался в прошлом — такой вывод можно сделать из биографии Спайса. Мифы о магах и Фаусте явились плодородной почвой, на которой взрастали прекрасные цветы поэзии. Однако, как производная основа для новых мифов, эта тема исчерпала себя. Джон Ди, 1527—1608 гг., никогда и не пытался окружить себя ореолом тайны. Он вел личный и спиритический дневники, написал несколько автобиографических трактатов, многое о Ди стало известно из писем и из упоминаний о нем в книгах современных ему писателей. Помимо этого, с изобретением книгопечатания, с развитием образования и просвещения, с усовершенствованием средств сообщения становилось практически невозможным заниматься оккультными науками. При свете дня сложно было оставаться в тени легенды. Позже оккультисты нашли выход из такой ситуации, но Ди не входил в их число. Его жизнь, полную загадок и противоречий, следует рассматривать скорее с психологической точки зрения, а не с позиций соблюдения определенных ритуалов.

Я не буду подробно рассказывать историю жизни Джона Ди, отмечу лишь наиболее важные факты его биографии*. Это был в высшей степени эрудированный человек, выдающийся математик и астролог своего времени. Он написал предисловие к первому изданию работ Евклида на английском языке. Именно ему поручили сделать необходимые расчеты для создания нового календаря. В то время, когда в умах бытовали псевдонаучные идеи, Ди не мог не быть и астрологом. Изучая естественные науки, он занимался также и алхимией, пытаясь найти способ пре-

* См. работу Шарлотты Фелл-Смит, *Джон Ди*, Лондон, 1909.

вращать металлы в золото. Эта не приносящая плодов наука способствовала развитию экспериментальных методов. С другой стороны, алхимия привлекала колдунов, мошенников и людей сомнительной репутации; астрология была не менее престижным занятием в такой среде. Более того, ореол древности, окружавший алхимиков, притягивал оккультистов: по поверьям, существовали два способа достижения абсолютного знания. Они считались тайными и высоко почитались; происходили они от самого великого Гермеса (египетского бога Тота). По сути, эти способы были запретными для непосвященных, а потому считались священными. Именно это и привлекло сначала Джона Ди, хотя позже он стал заниматься алхимией, исходя из чисто практических соображений. Но юноша, который учился по 18 часов в сутки, будучи студентом колледжа св. Иоанна в Кембридже, стал зрелым человеком, жаждущим знания, подобно Фаусту Гете, но — ради иных целей. Корнелий Агриппа, Парацельс и Ди относились к тому типу людей, которые далеко опережали своих современников в научном знании, однако в поисках истины следовали путями, которые лишь на первый взгляд казались прямой дорогой к истинному знанию, а на самом деле заводили в тупик. Вполне возможно, что потомки скажут то же самое об ученых нынешнего времени и будут сожалеть о напрасно растраченных ими усилиях. Человечество, как правило, отвергает одни ценности лишь для того, чтобы принять другие. С точки зрения современного цивилизованного человека, поиск эликсира жизни или панацеи на порядок выше изобретения ядовитых газов и прочих средств массового уничтожения. Алхимики, как правило, проводили свою жизнь в бесплодных поисках философского камня, но они не причиняли вреда другим. Однако, чтобы они там ни делали, результаты всей их деятельности превращаются в ничто по сравнению с разрушениями, вызванными взрывом одной атомной бомбы.

Джон Ди был одним из тех, кто не сделал ничего дурного никому, кроме себя и своей семьи в своем неудержимом стремлении к знанию. Тем не менее, с самого начала о нем распространились слухи как об адепте черной магии. В 1546 г., будучи членом Братства в колледже Троицы, изучая греческий язык, он собрал великолепный летательный аппарат для студенческой постановки произведения Аристофана *Мир*. В наше время этот аппарат сочли бы довольно примитивным, но тогда все решили, что он был создан не без вмешательства демонических сил. Ди так и не смог доказать, что аппарат создан лишь благодаря его незаурядному уму. Подозрение не ослабело даже тогда, когда Ди стал королевс-

ким астрологом при дворе королевы Марии. Он имел неосторожность составить гороскоп Елизаветы и позволить сестрам сравнить предначертанное им, в результате чего был обвинен в измене и покушении на жизнь Марии посредством колдовства. Ди бросили в темницу; через некоторое время он предстал перед судом. Однако ему удалось оправдаться, и в 1555 г. он был освобожден. Когда на трон взошла Елизавета, прекрасная и властная королева, Ди стал значительной фигурой среди придворных, и всю свою жизнь, полную невзгод и опасностей, он оставался фаворитом и пользовался ее покровительством — правда, не очень щедрым. В начале правления королевы Елизаветы доктор Ди, как его называли тогда, был на вершине счастья и славы: *persona grata* при дворе, признание в Европе, приглашение в университеты Парижа, Оксфорда и Кембриджа. К тому времени он уже был автором нескольких научных трудов. Чего еще можно было желать? Но Ди не был удовлетворен, он жаждал абсолютного знания. Прошли годы, но он ни на шаг не приблизился к нему. Он поселился в деревне Мортлейк на Темзе в доме своей матери, женился, после смерти первой жены стал мужем нежной и терпеливой Джейн Фромонд. Ди имел хорошую библиотеку и прекрасную лабораторию, часто удостоивался чести видеть королеву. Но этого было мало. Средневековый ученый не мог ограничить себя рамками обычной жизни и стремился к чему-то большему. Ди блуждал в лабиринтах мистических чисел, беспрестанно вглядывался в глубины магического кристалла, слышал таинственные голоса и видел загадочные сны и, наконец, 25 мая 1581 г. с благоговением записал в своем дневнике: *Я долго вглядывался в кристалл — и наконец увидел**.

Хотя магические кристаллы, подобно алхимии и астрологии, появились много веков назад, Ди смог вырваться из мира гороскопов и волшебных порошков и войти в современный ему спиритический кружок. Но общение с душами умерших не было его целью. Ди устремил свои помыслы еще выше:

«Это я искал многие годы, в разных землях, далеких и близких; я прочитал множество книг и выучил множество языков, я общался с разными людьми, я много трудился, чтобы увидеть хотя бы лучик истинного знания... и, увидев, я прочел в Твоих книгах... что Ты волею своей ниспослал ангелов Аврааму, Исааку, Якову, Иисусу, Даниилу и многим другим, чтобы наставлять их и помогать им... Увидев это, я осознал, что мудрость не может быть достигнута усилиями человека, но лишь по Твоей воле (о Господь)***».

* Дневник д-ра Джона Ди, Лондон, 1842, стр. 11.

** Фелл-Смит, в цит. раб., со стр. 84.

Ди достиг большего, чем хотел, и если принять во внимание этот факт и людей, с которыми он общался, окажется, что между ним и современниками много общего. Подобно многим неутомимым искателям истины, Ди не обладал даром ясновидения, несмотря на видение, явившееся ему 25 мая. Ему нужен был ясновидящий, и медиум по имени Барнаби Саул работал с Ди несколько месяцев в 1582 году. Но скоро ему пришлось признать, что *все это время он не общался ни с одной душой**. У Саула были неприятности с властями; он отрицал наличие у себя экстрасенсорных способностей, оклеветал доктора Ди — одним словом, показал полное отсутствие положительных моральных качеств, как это часто бывает у медиумов. Но тот, кто появился через несколько дней после исчезновения Саула, был еще хуже. Эдварда Келли, человека весьма сомнительной репутации (на 27 лет моложе Ди), можно считать или величайшим из когда-либо живших медиумов, или законченным негодяем. Безусловно, он не был святым, о чем свидетельствовало отсутствие ушей, отрезанных, как утверждали, в наказание за мошенничество. Черная шапочка, которую тот никогда не снимал, подтверждала слухи. Говорили также, что он выкапывает из могил только что похороненных мертвецов и с помощью заклинаний заставляет их предсказывать будущее. Он и сам признавался в связи с темными силами и своей власти над ними. Слухи содержат мало достоверной информации, но наверняка известно одно: Келли безоговорочно верил трактату по алхимии — *Книге Святого Дунстана* и пользовался двумя «философскими камнями», которые он, якобы, нашел в окрестностях аббатства Гластонбери. Верил в их могущество и Ди, чьи познания в области сложной науки алхимии были так же недоступны для Келли, как и способности к медитации для Ди. Сотрудничество этих двух людей было довольно сложным. Ди писал в дневнике: *Его злоба и ложь теперь очевидны для меня. Господи, спаси меня!*** Что касается Келли, тот старался уклониться от выполнения своих обязанностей. Это расценивалось как притворство, но если внимательно перечитать *Истинную дружбу*, становится понятным, что Келли ненавидел свое занятие. Возможно, оно не интересовало его, возможно, не давало возможности полностью раскрыть свои творческие способности, или, может быть, он верил в то, что кристалл вызывал силы зла — об этом он часто говорил. Любой из этих причин вполне достаточно, чтобы объяснить неожиданные нервные срывы и угрозы,

* Дневник, стр. 14, запись от 6 марта 1582 года.

** Дневник, стр. 29, сентябрь 1588 года.

которые несчастный доктор безропотно терпел. Если бы Келли обманывал Ди в течение всего времени их сотрудничества, обвинения и угрозы оставить ученого можно было бы расценивать как всплеск долго сдерживаемых эмоций. Скука проявилась бы точно так же, как и страх перед духами, с которыми он общался. Но Келли зашел слишком далеко, чтобы разорвать связь с Ди. «Ангельские» голоса и видения возникали сразу же, как только медиум заглядывал в кристалл. Ди сидел в стороне, делая записи, иногда видел и слышал сам, но во многом зависел от Келли. Иногда его одолевали сомнения, и он с поразительным упрямством снова и снова устраивал спиритические сеансы, хотя Келли и пытался помешать ему:

«Я обнаружил, что в отчетах о спиритических сеансах, проведенных Э.К. без моего участия, очень много искажений и неточностей [писал Ди незадолго до того, как перестал сотрудничать с Келли]. Но я думаю, что при дальнейшем их изучении я найду нечто, более похожее на правду, ведь его могли искушать злые силы, и память могла подвести его... Сегодня Э.К. посещали видения в его комнате, он слышал наставления, но не считал их важными. Он плохо отзывался о духах и сказал, что больше не желает говорить с ними»*.

Однако, автор данной книги склонен считать, что Келли был жертвой в большей степени, чем Ди, хотя невозможно сказать, был ли он жертвой собственного обмана или духов. Тот факт, что Ди безропотно терпел все выходки своего партнера, можно объяснить тем, что между медиумом и ученым что-то произошло, причем сразу после начала их сотрудничества. Но случилось это не во время сеанса за «рабочим столом», где находился кристалл и прочие принадлежности, вызывающие видения. Едва ли Келли присутствовал вообще, если только не прятался специально. Это произошло на закате в ноябре 1582 года; Ди увидел в западном окне своей лаборатории ребенка-ангела, Uriel, духа света. В его руке был «камень ангела», «величиной с яйцо, прозрачный и переливающийся всеми цветами радуги». Потом появился Михаил с огненным мечом и приказал Ди: *Иди и возьми его, но пусть более ни одна живая душа не прикаснется к нему***.

* Истинная и преданная дружба, на протяжении многих лет существовавшая между д-ром Джоном Ди и некоторыми духами..., под редакцией Касаубона, Лондон, 1659, Actio Tertia, стр. 13; апрель 1587 года.

** Фелл-Смит, в цит. раб., со стр. 86; из начальных глав *Спиритического Дневника*, найденного в рукописной форме после появления публикации Касаубона. До этого Михаил появился во время сеанса с Келли 14 марта 1582 года и дал Ди перстень и печать.

Бесполезно строить предположения о том, что вызвало такое видение; но становится понятным, почему Ди так часто проводил спиритические сеансы. Совершенно очевидно, что «техника» Келли, а возможно, и Саула, какой бы обманной она ни была, открывала новую эпоху в кристалломагии. Обычно в кристаллах ожидали увидеть прошлое или будущее, или даже духов. Келли «видел» все это, и ортодоксальным способом, расплывчато и длинно описывал самые фантастические видения. Во многих книгах по черной магии упоминается довольно распространенный в Англии ритуал «заточения» духов в кристалл с тем, чтобы использовать их в своих целях. Полагали, что у Петра Афонского было семь пленников, заключенных в кристаллические сосуды. «Рабочий стол» Келли, подобно кабинету спиритов, был идеальным местом для материализации духов, которые во множестве появлялись и в кристалле, и вне его, по утверждению Келли. Беседы, которые духи вели с Ди посредством медиума, были такими длинными, скучными и благочестивыми, бессодержательными и высокопарными, настолько явно воспроизводили текст Библии и проповедей, что при их прочтении невольно вспоминается современный язык «духов», учитывая, разумеется, различие стилей. Возникает ощущение, что взятый за основу авторитетный, но не содержащий умных мыслей источник каждый раз интерпретируется по-новому. Иногда дух говорил на непонятном языке (Ди считал, что это был Адам), время от времени слышались «веселящиеся голоса», беда всех серьезных спиритистов, и сквернословием своим приводили доктора в бешенство. На точно сформулированные вопросы давались расплывчатые ответы, пророчества не сбывались. Однако, во всем этом угадывалась определенная система, построенная не без участия Келли. После бессодержательного разговора с духом, который болтал всякую чепуху, называя себя Мадими, появился еще один повод продолжать подобные сеансы. Мадими рассказала про книгу о благородных дамах и пыталась доказать происхождение графа Ласки из династии Плантагенетов.

В обществе спиритистов появился польский князь Аласко Сирадийский. Почитатель Доктора Ди, человек с огромным состоянием, он был гостем королевы Елизаветы в 1583 г. Ситуация сложилась следующая: Ди и Келли добились значительных успехов в изготовлении порошков, способных превратить любой металл в золото, но они отчаянно нуждались в деньгах, поскольку алхимические опыты, как и все другие, поглощали все их сбережения. Духи не могли дать им мудрого совета.

Это очевидно из беседы с Мадими, хотя разговоры с другими духами и даже ангелами ненамного отличались от нижеследующего:

«Ди: Госпожа Мадими, я приветствую Вас именем Господа. Какова причина Вашего появления?»

Мад.: Узнать, как у Вас идут дела. [Только что произошла ссора с Келли из-за жены].

Ди: Я знаю, Вы можете видеть меня всегда, а я Вас — только силой веры и воображения.

Мад.: ...[Указывая на Э.К.]. Этот выглядит лучше, чем тот.

Ди: О Мадими, сколько мне сносить еще эти злые насмешки?

Мад.: Отвратительные жены и дьяволы — плохие друзья.

Ди: Во имя Казначея, Секретаря и Мистера Роули, умоляю Вас, какого успокоения мне искать? Кроме того, что я верую в Бога.

Мад.: ...Сумасшедшие будут клеветать; злые будут оскорблять, но будет легко оскорбить их.

Ди: Оскорбленные озлобятся, чтобы наказать тех, кто их оскорбил.

Мад.: ...Иначе их не называли бы злыми.

Ди: Насчет Альберта Ласки и его генеалогии. Вы сказали, Ваша сестра расскажет все.

Мад.: ...Я и так рассказала больше, чем может рассказать любой из знатоков родословных.

Ди: Вы говорили об Уильяме Ласки и его брате сэре Ричарде Ласки. Уильям отправился во Францию, затем в Данию. Он женился в Польше, где и родился Альберт Ласки, ныне паладин Сорадии, и т.д.

Мад.: ...Эти двое лезут не в свое дело. Когда Вы помиритесь, я завершу начатое.

Э.К.: МАДИМИ, НЕ ОДОЛЖИТЕ ЛИ ВЫ МНЕ СОТНЮ ФУНТОВ НА ПАРУ НЕДЕЛЬ?

Мад.: ...Я выбросила все свои деньги.

Ди: Деньги появятся у нас, когда будет угодно Господу.

Мад.: ...Послушай, что я скажу. Господь — частица всех вещей. Любовь — частица прихожан (я говорю о настоящей и совершенной любви). Мир был сотворен из любви Отца нашего. Вы были спасены любовью Отца и Сына. Дух Господа — это любовь Церкви*.

И далее в том же духе — елейная проповедь о любви, перемежающаяся упреками в адрес Келли. В то же время, о Ласки духи говорили нечто более определенное. Галвах, например, предсказал, что тот станет королем Польши и займется переустройством мира:

«Я пророчествую: его имя — в Книге Жизни; еще Солнце не совершит

* Касаубон, *Истинная дружба*, стр. 31, июль 1583 года.

полный оборот вокруг Земли, как он будет королем. Его правление *изменит лицо государства*, а может быть, и всего мира»*.

Подобное повторялось неоднократно; похоже, что Келли старался привлечь внимание Ласки к алхимии, подыгрывая его тщеславию. Человеку, который станет переделывать мир, понадобится много золота. Так или иначе, Ласки поверил предсказанию, отчасти благодаря авторитету Ди. Было решено, что доктор с семьей и Келли с женой последуют за ним в Польшу. Переезд состоялся осенью 1585 года; в дороге спиритические сеансы продолжались, духи делали самые разные предсказания относительно будущего графа, в то время как алхимические опыты поглощали все новые и новые средства. Ди и Келли с упорством проводили сеансы, пока одна из материализаций, названная Келли искушением злого духа, не заставила их прекратить свою деятельность:

«Э.К.: ПОЯВИЛСЯ НЕКТО ОЧЕНЬ ХРАБРЫЙ; ПОХОЖ НА СВЯЩЕННИКА. МНЕ КАЖЕТСЯ, ЭТО ЗЛОЙ ДУХ.

Ди: *Benedictus qui venit in nomine Domini.*

Э.К.: ОН НИЧЕГО НЕ ОТВЕЧАЕТ, ДАЖЕ АМИНЬ НЕ ПРОИЗНЕС.

...: Неужто Вы настолько глупы, что думаете, будто власть Господа безгранична?... Что может быть хуже, чем безграничная вера в то, что ангелы господни могут снизойти в такое ужасное место, как этот лживый кристалл?

Ди: Кто просил тебя приходить сюда?

...: Твоя глупость. ... Альберт Ласки будет низвергнут, а Вы оба станете жалкими попрошайками. Он вступил в сделку со слугами зла, духами-лгунами. Бойся темноты, бойся темноты, бойся темноты»**.

Поскольку другие духи называли предыдущего искусителем, Ди ничего не стоило забыть о его приказе «сжечь богохульные книги». Не имея в мыслях ничего дурного, Ди продолжал сеансы; Келли, становившийся день ото дня все более беспокойным, неохотно помогал ему. В это время ученый и медиум много путешествовали. Из Польши они поехали в Прагу, во дворец императора Рудольфа II, затем вернулись назад, ко двору короля Стефана, а через некоторое время снова уехали в Прагу, где их принял в своем замке в Требоне в Богемии влиятельный и богатый дворянин Розенберг. При бесконечных переездах жены и дети не всегда сопровождали двух алхимиков, но куда бы ни направ-

* Там же, стр. 17, 1583 год.

** Касаубон, в цит. раб. со стр. 53; Любек, ноябрь 1583 года. Пророчество о том, что Ди превратится в несчастного бродягу, исполнилось.

лялся Ди, Келли обязательно следовал за ним. Они будто слились воедино, но помимо спиритических сеансов, к которым доктор пристрастился как к наркотикам, их объединяла алхимия. И снова Келли, хотя и знания его были не столь обширными, превосходил Ди. В любых обстоятельствах он мог убедить кого угодно в том, что умеет получать золото. За свои заслуги Келли был посвящен в рыцари. Очевидец рассказывает об этом так:

«В 1585 году они находились в Праге, столице алхимии, куда съезжались отовсюду знатоки в этой области. У Эдварда Келли и его спутника денег было более чем достаточно — владелец *Hermaic Benediction* не скрывал свою «находку» и могущество, сорил деньгами, строил планы на будущее для себя и своих друзей, как и для многих других знатных людей, искавших встречи с ним. Его старания не пропали даром. Об опытах Келли рассказывают несколько писателей, в том числе и Газендус. По свидетельству Фегье, самым наглядным и замечательным был тот опыт, который проводился в доме личного врача императора, Тадеуша Хазека, когда с помощью одной капли красного масла Келли превратил фунт ртути в самое настоящее золото, при этом капля масла превратилась в маленький рубин[!]. Доктор Николас Бернард, помощник Хазека, автор немногих, но очень ценных работ по алхимии, видел это чудо и через некоторое время сам получил драгоценный металл, *the desire desire*, при содействии Келли»*.

Достижение Келли было настолько очевидным, что лорд Барлей неоднократно посылал ему письма с просьбой вернуться в Англию и служить королеве:

«Тебя щедро наградят. Ты можешь сделать свою королеву счастливой, поскольку никто не сравнится с тобой в мастерстве. Добрый Рыцарь, пусть мое письмо убедит тебя, во имя Господа, не скрывать свой талант от страны своей и помочь ее Величеству в борьбе с врагами Господа и ее собственными»**.

К сожалению, не в силах Келли было ответить на это письмо, посланное скорее всего в 1591г., поскольку Ди уже два года как вернулся в Англию. Келли приобрел слишком большую известность. Многие хотели узнать его тайну. Он должен был не только продолжать превращать металлы в золото, но и открыть состав философского камня. Однако как ни старались Ди и Келли, они не могли этого сделать. Но хуже всего было то (по рассказам Уэйта, которые могут быть недостоверными), что Келли уже растратил весь свой запас «камня» и не мог больше получать

* А.Э. Уэйт, *Жизнь философов-алхимиков*, Лондон, 1888, со стр. 155. «Наградой» были, конечно, знаменитые порошки.

** Фелл-Смит, в цит. раб. со стр. 206.

золото. Это сочли за неподчинение властям, и Келли оказался в темнице. Через некоторое время его освободили, чтобы тот под надзором продолжал свои опыты. Келли в приступе бешенства убил своего надзирателя, после чего снова был заключен под стражу. В тюрьме он писал трактат о философском камне. Не в силах больше жить в заточении, Келли в 1595 году совершил побег. Он связал вместе несколько простыней и попытался спуститься по ним из окна, но простыни не выдержали, и он разбился насмерть. Такова версия о смерти Келли, возможно, достаточно банальная, но все это действительно случилось в 1595 году за пределами Англии. Келли был слишком уж умен; великий медиум или гениальный лжец, а скорее всего, и то, и другое; доктор Ди пишет о нем в своем *Спиритическом Дневнике*, что это был человек, который мучился сам и мучил других, и, как многие люди этого типа, умер трагичной смертью. Но достижения Келли в области спиритизма и алхимии не могли оказаться незамеченными.

В своих занятиях Ди во многом зависел от Келли, и после смерти последнего пребывал в растерянности. Во время их пребывания в Европе Келли говорил, что духи хотят, чтобы у них были общие жены; но в то же время утверждал, что эти духи имеют связь с дьяволами (об этом медиум говорил постоянно), и что он не хочет больше вызывать их. Это было прикрытой лицемерием непристойностью с его стороны. Но автор настоящей книги полагает, что это была отчаянная попытка навсегда отказаться от роли посредника между Ди и кристаллом и заняться только алхимией. Как бы то ни было, у Ди были сомнения на этот счет.*

Когда Келли уехал, его заменил восьмилетний Артур Ди. По традиции, ребенку разрешалось принимать участие в сеансах. Но это не помогло. Артур, обладавший экстрасенсорными способностями, как это называют в наши дни, не видел ничего значительного и не слышал голосов, исходящих из кристалла. Когда Келли вернулся, Ди радушно встретил его, после чего вновь приступил к своим обязанностям. В конце концов Ди стал снова выполнять все наставления духов, в том числе и Мадими, которая воплотилась в женщину и являлась обнаженной. Этот случай говорит о том, что Ди делал все для того, чтобы удержать Келли, и что его общение с духами стало манией, от которой невозможно было избавиться. Он вернулся в Англию осенью 1589 года, напрасно прождав Келли несколько месяцев в Стейде. Он никогда не видел больше своего вспылчивого партнера. В смятении Ди колесил по Европе, однако, с тех

* См. выше, со стр. 164.

пор начал подавлять в себе эмоции. Перед отъездом из Богемии ученый отдал Келли все необходимое для проведения опытов, но ценный кристалл — «камень ангела», который хранился сначала у Гораса Уолпола, а ныне находится в коллекции Британского Музея, увез с собой. При нем был и *Спиритический Дневник*, который он подразумевал, говоря об ужасном сне, в котором Келли отнимал у меня книгу*.

Другие его книги, великолепная библиотека в Мортлейке и лаборатория были уничтожены в тот год, когда он покинул Англию — так толпа расправилась с отсутствующим «колдуном». Таков был грустный конец жизни Ди. Он так и не смог найти достойную замену Келли. Кроме того, бедность, всю жизнь преследовавшая ученого, стала его постоянным спутником. Время от времени Елизавета давала ему небольшие суммы денег; она милостиво послала в Мортлейк двух своих представителей послушать печальный и не совсем «краткий» рассказ *Compendious Rehearsal* о достоинствах и недостатках, о преследованиях, о взлетах и падениях его жизни, где ни разу не упоминается о кристалле и действиях, с ним связанных. Королева даже назначила его главой Колледжа Христа в Манчестере в 1595 году (в год смерти Келли). Но это едва ли можно назвать милостью. Ди так и остался бедным, только к этому добавились обязанности по службе и косые взгляды Братьев. Он подал в отставку в 1603 году и вернулся в Мортлейк, где перебивался составлением гороскопов и предсказанием судеб. До конца жизни люди считали Ди человеком, «водящим дружбу с дьяволом, колдуном, вызывающим злых духов». Яков I не пожелал помочь ему и отклонил нижайшую просьбу престарелого ученого:

«Слуга умоляет Его Высочество очистить имя его от грязных сплетен, на протяжении многих лет преследующих его в королевстве, распространяемых и устно, и на бумаге, обвиняющих его в общении с дьяволами»**.

Какими бы ни были по своей сути духи, вызываемые Келли, в конце концов они довели Ди, как и предсказывал один из них, до «унизительного попрошайничества». Ученый и медиум положили начало новой черной магии — смеси святости, обмана и слабоумия, что характерно и для сегодняшнего спиритизма.

* *Дневник*, стр. 31; август 1589 года.

** Фелл-Смит, в цит. бар. стр. 293. Жалобу на «дьявольское отродье» встречаем и в Предисловии к Евклиду.

Гауфриди и Грандые

Жизнь Ди, посвященная магии, и длительный конфликт с Келли говорят о том, что на долю магов выпадает хотя бы малая толика побед и преследований, приписываемых им легендами, поскольку легенды возникают из обрядов, а обряд — отражение жизни. В мифологии, однако, четко проведены грани между черным и белым, и маги предстают либо добрыми, либо злыми, в то время как люди, творящие чудеса, на самом деле — многогранные натуры. Иногда реальность бывает до такой степени искажена, что о магии и чуде не может идти и речи. Это можно сказать о 17 веке, на протяжении которого не появилось ни одного имени, которое вошло бы в историю магии, хотя существовало огромное количество авторитетных ученых, таких, например, как доктор Ламб и Уильям Лилли в Англии. Но они и их иногда нечестивые дела ничтожны по сравнению с деяниями одержимых монахинь из монастырей St.Baume, Loudum и Louviers, и действиями Ла Вузена и мадам де Монтеспа, направленными против Людовика XIV. Эти страшные рассказы о кровавых обрядах относят их скорее к колдовству, чем к магии, и не имеют ничего общего с мифами о магах, поэтому автор не считает нужным пересказывать их. То же можно было бы сказать и о монашках, если бы не тот факт, что несчастные должны были отвечать за свои действия; после пыток их сожгли как ведьм: Гауфриди в 1611 году, Грандые — в 1634 году, мертвую Пикар и живую Буле — в 1647. Гауфриди и Грандые не были святыми, но и магией они не занимались. Они стали жертвой врагов церкви, которые сфабриковали дело так, что в то время оно не могло не привлечь внимания и, к тому же, гарантировало суровое наказание. Несчастная Гауфриди под пытками созналась в связи с Люцифером, участии в шабаше ведьм и в служении Черной Мессы. Урбан Грандые стойко выдержал все пытки, утверждая, что непричастен к колдовству; кажется, он был единственным здравомыслящим человеком в Вифлееме:

«Несчастный Грандые был отдан в руки не просто злодеев, а хищных мажнжков, которые, будучи чрезвычайно честными, обнародовали судебный процесс. Никогда еще церковь не была вовлечена в подобный скандал — оружие, корчащиеся монашки, делающие самые непристойные жесты, сквернословящие, кидались на Грандые, как вакханки на Орфея; священные предметы втаптываются в грязь — и Грандые среди хаоса, пожимающий плечами, с достоинством защищающий себя; бледные, измученные, доведенные до безумия судьи; Лобардемон в красной мантии парил над всем этим как стервятник, ждущий добычи — таким был суд над Урбаном Грандые... он оставался тверд, споко-

ен; он ни в чем не признался... Чтобы скрыть свои чувства, обвинители произносили обличительные речи; палачи не могли сдерживать слез. Трое монашек в момент просветления рассудка упали на колени перед трибуналом с криками о том, что Грандье невиновен. Но судьи посчитали, что дьявол говорит их устами, и это только ускорило конец... Главные священники, изгоняющие дьявола, окончили жизнь трагически: отцы Транкий и Лактанс умерли в припадке бешенства вскоре после окончания процесса; отец Сурэн стал слабоумным; Манури, хирург, присутствовавший при пытках, умер от преследовавших его видений... монашки остались идиотками. Очевидно, это была странная и заразная болезнь рассудка, вызываемая ложным рвением и ложной верой»*.

Заключительная фраза приведенного выше описания соответствует действительности; но Леви не заметил, что истерия была откровенным обманом, о чем писал Питава в 1747 году, анализируя документы того времени; этого же мнения придерживаются и в наши дни. Скорее всего, благодаря своей личности и шарму Грандье стал известен многим после своей смерти. Колин де Планси в 1826 г. в *Dictionarie Infernal* приводит копию договора, составленную на двух языках. По убеждению последнего, этот договор был заключен между духами ада и Грандье:

«Мой господин Люцифер, я признаю тебя верховным богом и владыкой, клянусь подчиняться тебе и служить тебе всю свою жизнь; я отрекаюсь от Господа, Иисуса Христа, всех святых и католической церкви, от ее символов и молитв, которыми верующие будут молиться за меня. Обещаю творить только зло. Я отрекаюсь от священного помазания и крещения, от деяний Иисуса Христа и святых. И если я не буду служить тебе, и почитать тебя и не пущу тебя под кров мой трижды в день, имеешь право забрать мою душу.

Подписано сего дня сего года, Урбан Грандье.

Обязательства другой стороны:

Мы, всемогущий Люцифер, в присутствии Сатаны, Вельзевула, Левиафана, Астарты и прочих, подписываем договор с Урбаном Грандье. В свою очередь, Мы гарантируем ему покорность женщин, самых прекрасных дев, почитание монашек, все возможные достоинства, отличия, удовольствия и богатства. Каждые три дня он будет блудить, будет постоянно пьян, раз в год будет подтверждать верность Нам своей кровью. Он должен издеваться над святыми и молиться Нам. По условиям договора он будет наслаждаться всеми земными радостями 20 лет, после чего войдет в Наше царство, чтобы богохульствовать вместе с Нами.

Составлено в Аду советом дьяволов.

Подписи: Люцифер, Вельзевул, Сатана, Элими, Левиафан, Астарта.

Место для подписи и печати повелителя дьяволов и владыки демонов.

* Э. Леви, *История магии*, со стр. 370.

Вторая подпись: Ваал, секретарь»*.

Немало огорчений испытывает разум человека, когда сталкивается с такими вещами, как «признание» Жили де Рея, *Спиритический Дневник* доктора Ди и поддельный договор Урбана Грандые. Вмешательство извращенного воображения в магию всегда порождает злую и глупую ложь. Потому ли сила мудрецов античности кажется нам такой значительной, что они жили очень давно? Или потому, что они жили просто в другое время? Вот с такими мыслями мы подошли к 18-му веку.

* Шейбле, *Монастырь*, III, со стр. 876. Со стр. 878 начинается разбор Питавалом судебного процесса Грандые.

ЧАСТЬ III. ВОЗВРАЩЕНИЕ МАГОВ

ГЛАВА I

АРИСТЕАС РЕДИВИВУС

После укрепления христианства в Европе существовало несколько форм как белой, так и черной магии. Протестантизм окончательно утвердил свои позиции. Время от времени Европу потрясали волнения, вызванные Реформацией, которая существенно поколебала веру, в то же время освободив разум. В результате великие католические обряды утратили свою силу, даже в пределах сферы влияния католицизма, и ничем более не сдерживаемые чувства восстали. Но протеста было недостаточно, требовалось создать нечто новое. Еще прежде, чем возникла такая потребность, тайные общества, о которых ходили разного рода слухи, стали альтернативой религии. Как известно, они существовали продолжительное время и исчислялись сотнями. Людей в этих обществах привлекали тайные ритуалы, считавшиеся очень древними — веское основание для их существования, даже если наложить официальный запрет на их исполнение. То, что говорили о себе масоны, относится и к другим тайным обществам:

«... у истинного мастерства, как и у древних таинств, только одна цель — познание природы, где все мы рождаемся, умираем и духовно возрождаемся»*.

Три ступени — рождение, смерть, духовное возрождение — восходят к простым древним обрядам. Таким образом, миф о магах возникает вновь.

Развитие теоретического масонства из практического, происходившее в период с 14-го по 18-й века, имело огромное значение, и, возможно, предшествовало зарождению остальных обществ; однако, это всего лишь предположение, поскольку существуют различные мнения и гипотезы по этому вопросу; порой они весьма противоречивы. По крайней мере, наверняка известно, что 1717 год был поворотным в истории магии, поскольку именно тогда произошло слияние Лондонской и Вестминстерской ма-

* Цитируется по книге Рэгона *След змеи*, Лондон, 1936, стр. 84. Автор называет себя псевдонимом «Загляни Внутрь (себя)».

сонских лож в Великую Ложу Англии. С распространением масонства в Европе возникла легенда о Соломоне, маге, жившем в эпоху античности. Существует миф о Хираме, архитекторе, строившем храм Соломона, и убитом тремя помощниками, которые хотели завладеть тайным словом, наделившим Хирама мастерством. В одном из вариантов мифа тело должно быть найдено через определенное время; в другом — убитого нашли, и Хирам воскрес в качестве Великого Хранителя Порядка. Если проследить развитие масонства со времен Адама до Вавилонского столпотворения и далее от строительства храма Соломона до пришествия Христа и рыцарей-тамплиеров, окажется, что у этого общества богатые традиции и огромное наследие. Масонам не нужны были особые таинства, символы и впечатляющие церемонии, чтобы привлечь в свои ложи новых магов. Мифы и древние ритуалы притягивали их сами по себе.

Добровольное вступление в ложу было обычным для того времени явлением, и оно же является единственным объяснением того загадочного порядка, установившегося по неясным причинам за сто лет до того, как масоны появились и встретились в лондонской таверне «Яблоня». Полагают, что это общество было создано в 14-м веке, но заявило о своем существовании лишь в 1614—1615 годах, выпустив анонимный манифест; о нем слагались легенды. Название общества было символичным, возбуждающим воображение — братство Розы и Креста. Его основатель, члены и место собраний (Дом Святого Духа) наверняка реально не существовали; но в этом всем был определенный смысл, порожденный общественным сознанием в эпоху тайн и проецирующий теософские, каббалистические и алхимические фантазии на общество посвященных. Многие мистики и поэты 18-го века молились Розе и Кресту, а не Распятию. Гете, например, стал членом масонской ложи и даже начал писать (но не окончил) религиозно-эпическое произведение, которое имеет много общего с легендой о Кристиане Розенкрейце, основателе легендарного братства. Путешествуя с запада на восток в поисках оккультных магических знаний, этот маг шел по стопам Пифагора, Аполлония, Киприана и многих других, чьи поездки по разным странам и нелегкое проникновение в тайные знания во многом походили на жизнь известных магов прошлого. Почтенный возраст, до которого дожил Кристиан Розенкрейц, его смерть, похожая более на переход в мир иной, его тело, найденное через сотню лет, «нетронутое тлением» — благодаря всему этому имя его не только вошло в историю магии, но и было покрыто славой.

То же самое можно сказать и о тайных обществах в целом. Они не

только восстановили престиж магов, но и побудили их к новой деятельности. Возрождение ритуалов вызвало новый подъем магии. Ритуалы колдовских обществ с использованием символических предметов и легенды об этих обществах увековечивали имена людей, проживших наполненную смыслом жизнь, двигаясь по определенному пути. Спиритические, мистические или псевдо-оккультные идеи братств поражали вступающих в их ряды новичков и были понятны адептам. Ритуал, таинство и чудо составили новую псевдорелигиозную структуру.

По всей Европе ритуалы развивались в теоретическом русле, что характерно для 18-го века — эпохи сенсуализма, наполненной великолепием и тайнами, которые при описании ничего не теряют. Действительно, многие такие описания испытывают влияние сказок *Тысяча и одной ночи* и фантазий маркиза де Люче, который скорее всего выдумал послание неизвестного из Вены некоему М. Роллигу:

«Благодаря Вам я завел интересное знакомство с М.Н.З. Он, кажется, был осведомлен о моем приезде либо Вами, либо кем-то еще. Он одобрил губную гармошку. Говорил о каких-то специальных испытаниях, но я не уловил смысла... Вчера вечером он показал мне свою усадьбу. Все прекрасно спланировано, особенно сад. Башенки, гроты, фонтаны, лабиринты, пещеры — все это радует глаз. Одно только мне не понравилось: высокая стена окружает усадьбу и закрывает прекрасный вид. Меня попросили только взять с собой гармошку, чтобы сыграть по просьбе М.Н.З. Между тем... он провел меня в комнату в передней части дома и ушел, сказав, что приготовления к танцам и освещение требуют его присутствия. Было поздно, и я почти засыпал, когда подъехали несколько экипажей. Я открыл окно, но не мог ничего разглядеть; не удалось мне и что-либо понять в тихом шепоте вновь прибывших. Мной овладел сон, и через час пришел слуга и попросил взять инструмент и следовать за ним. В то время как слуга шел очень быстро, а я, напротив, медленно, я сумел (любопытство разбирало меня) расслышать приглушенные звуки труб, доносящиеся из глубины пещеры.

Представьте мое изумление, когда, спустившись вниз на несколько пролетов лестницы, я увидел нишу, куда под звуки похоронной мелодии опускали гроб с телом. Рядом стоял человек в белом, но весь в крови; рука его была перевязана. За исключением тех, кто помогал ему, все были в длинных черных плащах, с обнаженными шпагами. У входа в нишу я увидел кучу человеческих скелетов. Помещение освещалось светильниками, заправленными, похоже, винным спиртом. Все это наводило на меня ужас, я поспешил наверх, чтобы не потерять своего провожатого. Он как раз проходил через садовые ворота, когда я догнал его. Он схватил меня за руку и потащил за собой. Никогда еще я не видел ничего подобного. Ворота в сад казались мне сказочными. Все было ярко освещено;

множество китайских фонариков, приглушенный шум фонтанов, пение искусственных соловьев, ароматный воздух, который я вдыхал — все было чудесно. Мне указали место в зеленом гроте, божественно украшенном. Вскоре туда принесли человека, которого я видел в гробу в подземелье, и мне подали знак играть. Поскольку я был занят музыкой, я пропустил большее из того, что происходило вокруг; но я заметил, что человек пришел в себя через минуту и с удивлением спросил: «Где я? Что за голос я слышу?» Ему ответили взрывы смеха и звуки труб и цимбал. Люди взялись за руки и направились в центр сада, и я потерял их из виду*.

Будучи скорее всего выдумкой, это письмо содержит характерные черты рассказов о тайных обрядах и, пусть и очень красочно, повествует о сути церемонии посвящения с незапамятных времен — инсценировании смерти и воскрешения.

Считалось, что участники такого таинства могут бесконечно продлевать себе таким образом жизнь. Особенно веру в это поддерживали действительные или мнимые члены братства розенкрейцеров. Трудно судить, кем были эти загадочные люди, поскольку деятельность общества была запрещена, но время от времени многие известные люди становились членами братства: Роджер Бэкон, Роберт Флуд, Томас Вагэн и Фрэнсис Бэкон. Причастность последнего к деятельности розенкрейцеров породила предположение о том, что он является настоящим автором пьес Шекспира. Кем бы ни были члены общества, в их среде существовал обычай бесплатно лечить больных — но только при помощи эликсира жизни. Бессмертие самих целителей подталкивало к определенным выводам и послужило поводом для создания легенд. Одной из самых распространенных была легенда о сеньоре Гуальди, «Мрачном Сеньоре», прямом потомке Аристеес Пифагорейского:

«В 1687 году в *Венеции* произошло странное событие, наделавшее много шума, и которое я хочу сейчас напомнить. Всем знакома та легкость и свобода, с какой живут в этом городе приезжие. Поэтому не вызывает удивления то, что незнакомец по имени *Гуальди*, произведший в *Венеции* благоприятное впечатление, был принят в хорошую компанию, хотя никто ничего о нем не знал. Он пробыл в *Венеции* несколько месяцев, и в его поведении заметили три странности. Во-первых, у него была небольшая коллекция картин, которую он охотно показывал всем. Во-вторых, он был сведущ в искусстве и науках и мог говорить на любую тему свободно и с охотой, чем озадачивал собеседников. И, наконец, он никогда не писал и не получал писем, не просил кредита, всегда платил

* [Маркиз де Люше], *Essai sur la secte des Illumines*, Париж, 1789, стр. 221—224.

наличными и жил в достатке, но не роскошно. Однажды этот сеньор встретил в кофейне венецианского дворянина, хорошо разбирающегося в живописи. Он был наслышан о коллекции *Гуальди* и пожелал увидеть ее. Посмотрев картины, он выразил свое восхищение, сказав, что не видел ничего лучше. Случайно он взглянул на дверь и увидел там портрет *Гуальди*. *Венецианец* сказал ему: «Это Ваш портрет. На вид Вам не больше пятидесяти, но я знаю, что это кисть *Тициана*, который умер тридцать лет назад; как же это может быть?» «Нельзя знать все, что бывает на свете, — ответил *Гуальди*, — но нет моей вины в том, что я выгляжу не старше портрета *Тициана*». Из ответа *Гуальди* венецианец понял, что обидел его, и поспешил уйти. Он не смог удержаться и рассказал обо всем своим друзьям, и те решили тоже взглянуть на портрет. Чтобы получить приглашение, они отправились в кофейню, надеясь найти там *Гуальди*, но тот не пришел, и тогда господа пришли к нему домой и узнали, что тот уже час как уехал из *Венеции*. Это была шумевшая история, о которой писали в газетах»*.

Был ли *Гуальди* розенкрейцером или нет, он был причислен к этому обществу скорее всего из-за сходства с портретом *Тициана*, что говорит о том, что стали появляться маги, обладающие тайной бессмертия:

«... владеющие знанием должны скрываться для своей же безопасности, и ... обладая силой не только продлевать себе жизнь, но и омолаживать тело, должны пользоваться этим очень осторожно. Вместо того, чтобы рассказать всем об этом чуде, эти люди должны хранить тайну, поскольку мир еще не сможет воспринять ее. Поэтому даже если у мага больше золота, чем на приисках в *Перу*, он должен вести скромный образ жизни, чтобы тем самым не выдать себя, до тех пор, пока что-нибудь не изменится»**.

Теперь читателю уже достаточно известно про таких волшебников, как *Зито* и *Фауст*, и самое время поговорить о *Сен-Жермене*.

* *Hermippus Redivivus: или победа мудреца над старостью и смертью*, 2-е изд., Лондон, 1749 год, со стр. 160. 1-е изд. - 1744 год. Перевод на англ. Джона Кэмпбелла. Более подробный рассказ о *Гуальди* см. в книге Харгрейва Дженнигса *Розенкрейцеры, их ритуалы и мистерии*.

** В цит. раб. стр. 162.

ГЛАВА II

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК (?1710 — ?1784)

«Меня не удивляет то, что никто ничего не знает об этом человеке в Англии, где нет тайной полиции; но что действительно странно, так это то, что во Франции о нем тоже ничего неизвестно»*.

«Я не уверен, что о нем упоминается в официальных документах; об этом человеке рассказывают лишь легенды. Иногда имя его проскальзывает в мемуарах 18-го века. Но каждый раз, когда Вы думаете, что попали на его след, Вы разочаровываетесь»**.

«Наполеон III, заинтересовавшись таинственным Сен-Жерменом, приказал своему библиотекарю собрать о нем все имеющиеся сведения из архивов и документов второй половины 18-го века. Через некоторое время солидное досье поступило в архив префектуры полиции. В период франко-прусской войны и Коммуны та часть здания, где хранилась информация о Сен-Жермене, была сожжена. Это еще раз говорит о том, что жизнь мага всегда окружена тайной»***.

Однако, решение истого верующего и тщательный розыск, предпринятый его подчиненным-скептиком, приподняли завесу тайны. До сих пор неизвестно, кем был Сен-Жермен, зато мы знаем, чем он занимался — хотя надо признать, что правда в этом случае неотделима от вымысла. До тех пор, пока в 20-х годах 19 века не появилась работа Густава Бертольда Вольца, граф Сен-Жермен был для всех загадочной личностью, о которой Фридрих Великий упоминал в *Истории Семилетней войны*; «самым таинственным человеком 18-го века», как называл его Грилло де Живри в то же время****. И сейчас еще нельзя ничего сказать об этом человеке с уверенностью. Фанк-Бретано, изучив легенду о Железной Маске, развенчал мифического героя, брата-близнеца Людовика XIX, заявив, что он был всего лишь итальянским монахом Матьоли, носившим черную бархат-

* И. Купер-Оукли, *Граф де Сен-Жермен*, Лондон, 1927, стр. 209. Из записок Бентинка ван Руна от 18 апреля 1760 года.

** Эндрю Ланг, *Исторические мистери*, Лондон, 1904, стр. 259, 276.

*** М. Магре, *Возвращение магов*, пер. на англ. Мертона, Лондон, 1931 год, стр. 233.

**** Грилло де Живри, *Колдовство, магия и алхимия*, пер. Куртене Локе, Лондон, 1931, стр. 365.

ную маску. То же самое сделал и Вольц, принизив величие одного из первых магов нового времени. Трудно поверить в величие человека, если судить о нем по мнению других. Однако, слагатели легенд слишком преданы Сен-Жермену (и остается только позавидовать им), чтобы принимать во внимание слова Вольца.

Тем не менее, именно такого рода человек, миссис Купер-Оукли, начала разрушать иллюзии о Сен-Жермене, а Вольц завершил этот процесс. Не имея возможности встретиться со своим героем и зная, что он еще жив, она собирала всю информацию о нем, где только могла и преуспела там, где сдался Эндрю Ланг. Вольц работал параллельно с ней, и они нашли записи о Сен-Жермене во Французском Национальном Архиве, французском архиве иностранных дел, датских дворцовых архивах, в английском архиве, в бумагах Митчелла, в архиве секретной службы в Берлине, во дворцовых и государственных архивах в Вене и государственном архиве в Копенгагене. Мэгре ошибался по поводу древних законов, как оказалось, — но лучше бы он оказался прав.

Люди, посвятившие себя магии, и те, что только готовятся к этому, всегда должны помнить о разочарованиях, поджидающих за каждым поворотом на пути постижения этой науки. Следовало бы знать об этом с самого начала, поскольку история изобилует такими примерами. Но обычно опыты с умиранием и воскрешением, о которых упоминалось иногда, считались просто забавами пресыщенного гения, а не основным занятием. Считалось, что исследователи находили едва заметные следы деятельности мудреца; но теперь известно, что это были следы химика-экспериментатора, путешествовавшего по Европе со своими снадобьями и знающего, как продать свой товар. Магия, ритуалы и романтика исчезли под напором науки, промышленности и торговли. Таким образом, уникального человека, Сен-Жермена, причислили к шарлатанам, колдунам, мошенникам и просто искателям приключений (пожалуй, он был самым выдающимся из них), процветавшим во 2-й половине 18-го века. Из этой среды вышли Джон Ло, д'Этон, барон Ньюгоф, Калиостро, Трэнк и Казанова. Все вышеперечисленные люди любили приключения, достигли головокружительных высот славы и могущества, но жизнь их завершилась трагически. Неужели Сен-Жермен был таким же?

Вольц не сумел открыть тайну его рождения. Более того, подвергнув сомнению заявление Сен-Жермена о том, что он является старшим сыном князя Ракоши из Трансильвании, исследователь еще больше запутал дело. Наследник престола уже скончался в 1700 году. Если это мнение верно,

то оно объясняет тот факт, почему Сен-Жермен умалчивал о своем происхождении, особенно если бы хотел возвратить трон, от которого его отец вынужден был отречься в пользу Австрийской империи после длительной и тяжелой борьбы. Объяснило бы это и происхождение огромного состояния, которым владел Сен-Жермен, когда стал известен, его аристократические манеры и благосклонность сильных мира сего. Более того, существует определенное сходство между портретами князя Франциска II Ракосци и его самозваного сына. Двое других сыновей князя смирились со своей судьбой и жили открыто, и вполне возможно, что был просто пущен слух о смерти наследника. Как бы то ни было, еще меньше оснований считать Сен-Жермена внебрачным сыном короля Португалии или вдовствующей королевы Испании. Не стоит верить и утверждению Казановы и некоторых других, что он на самом деле был каталанским скрипачом — несмотря на то, что Сен-Жермен недурно играл. Заявление Жозеля о том, что Сен-Жермен был португальским евреем, так же необоснованно, как и порожденные злобой истории о сборщике налогов из Сен-Германо (Савоя) по имени Ротондо, или о еврейском священнике Вольфе, занимавшимся медициной в Альсатье. Вряд ли в наше время кто-нибудь поверит сказке об арабской принцессе и джине (или саламандре), от союза которых родился граф Сен-Жермен. Но с психологической точки зрения вполне приемлемо предположение о том, что он был Вечным Жидом. Особа королевской крови, музыкальный гений, простолюдин, сверхъестественное существо — выбирайте, что Вам нравится.

Не меньше было и прозвищ у человека, в совершенстве владеющего несколькими европейскими языками и свободно говорящего на остальных; однако, он был чужестранцем везде, куда бы ни приезжал. «Сен-Жерменом» называли его в аристократических кругах Парижа; «Маркиз Черного Креста» звучало благородно и таинственно для жителей Лондона; прозвище «Сюрмонт» как нельзя лучше подходило владельцу Уббергена в Голландии. Разве могли называть в Италии этого человека иначе, чем «Граф Белламар»? (*Mare nostral*) Прозвище «Маркиз де Монферра» поражало воображение венецианцев, так же как «Шевалье Шеннинг» — жителей Пизы. «Генерал Салтыков» — так называли Сен-Жермена в Генуе во время русско-турецкой войны; и разве не романтично звучало прозвище «Граф Умница»? И, наконец, прозвище «Цароги» — легко различимая анаграмма от Ракосци, подготовило умы «защитников» Сен-Жермена к восприятию его как «настоящего» наследника трона.

Настоящие факты об истинной жизни Сен-Жермена следует располо-

жить в хронологическом порядке, перечеркнув легенды, которые из них выросли. Написанное им самим письмо от 22 ноября 1735 года, хранящееся в Британском Музее, подтверждает лишь тот факт, что он находился тогда в Гааге — но не более того. Морин, секретарь барона фон Гляйшен-на, свидетельствует о том, что встречался с ним в Голландии в 1739 г. Считается, что Сен-Жермен жил 2 года в Лондоне, и Горас Уолпол 9 декабря 1745 года подтвердил этот факт. Он объявился во время восстания Чарльза Эдуарда, юного наследника трона:

«Человек, ревновавший его к одной женщине [по всей вероятности, это был Фредерик Луис, Принц Уэльский], подложил ему в карман фальшивое письмо, якобы от юного наследника (с благодарностью за оказанные услуги и желанием продолжать связь с ним). Сразу же после этого он был арестован. Его невиновность выяснилась во время допроса, и он был выпущен из-под стражи — после чего лорд Н. пригласил его на обед»*.

Уолпол комментирует этот случай так:

«На днях был арестован странный человек, назвавшийся графом Сен-Жерменом. Он жил здесь уже два года, и признался, что Сен-Жермен — настоящее его имя. Он поет, прекрасно играет на скрипке, пишет музыку — и он не совсем в своем уме... Принц Уэльский пытался разузнать что-либо о нем, но безуспешно»**.

Недостаток здравого смысла, заставивший Уолпола приписать ниже, что Сен-Жермен не является джентльменом, следовал из легкости, с которой последний воспринял свой арест. Его богатство злые языки приписывали браку по расчету, заключенному в Мексике, откуда он бежал в Константинополь, прихватив драгоценности жены. Его принимали за итальянца, испанца, поляка, священника, уличного скрипача, аристократа. Таким предстает словесный портрет этого человека, сделанный английскими сплетниками — единственный за двенадцатилетний период. По словам самого Сен-Жермена, он после 1745 года дважды бывал в Индии. В своем письме от 1773 г. он описывает второе из этих путешествий — в обществе Уотсона и Клайва в 1755 г. Это было пустое и хвастливое послание, где упоминается о сыне, про которого впоследствии никто никогда не слышал. В нем не было сказано ничего интересного об Индии (в отличие от устных рассказов Сен-Жермена). Три следующих письма ясно показали, что среди многочисленных его талантов дар литератора начисто

* Купер-Оукли, в цит. раб., стр. 35; из *Лондон Кроникл*, 13-15 мая 1760 года. Автор цитирует объявление по другой газете.

** *Письма Гораса Уолпола*, ред. Тойнби, Оксфорд, 1903, III, стр. 161.

отсутствовал. С другой стороны, по свидетельству Ласельса Раксала, Сен-Жермен находился в Вене в период 1745—1755 гг., пользуясь дурной славой, и много общался с графами Зобором, Лобковицем, Ломбером, и особенно — с маршалом Франции де Бейль-Айлом, который взял его с собой во Францию*.

Приехав в Париж, возможно, в 1757 году, Сен-Жермен был принят при дворе, очаровав и заинтриговав всех своим инкогнито, таинственными намеками и отказом продемонстрировать свою магическую силу, своей загадочностью. Он был блестящим собеседником, много путешествовал, много читал, много знал, был таким общительным, вежливым и щедрым — в общем, таким замечательным — что сиял ярче своих бриллиантов. Он не только добился признания, славы и власти, беспрецедентных в этом циничном, критичном и утонченном обществе, но и удержался на вершине целых три года, несмотря на угрозу, нависшую над королевским двором. Попав в сети очарования мадам де Помпадур, он стал соперником короля благодаря врожденной способности очаровывать, развлекать и убеждать. Людовика XV, постоянно скучавшего, трудно было чем-то развлечь или удивить, но даже он был поражен тем, что этот новичок при дворе превратил один из его бриллиантов с трещинкой в безупречный камень, ценной в три раза выше первоначальной. Это был бескорыстный волшебник. Подобные чудеса повторялись часто. Одним из секретов успеха Сен-Жермена было умение занять разум своих покровителей в такой же степени, в какой поразить чувства. Он стал для них учителем. Людовик XV убивал свою скуку, пропадая в лаборатории, специально оборудованной в Трианоне. Подобно всем остальным, принимавшим участие в таинственных экспериментах Сен-Жермена, он был убежден в том, что они являются перспективными и их следует финансировать. Он выделил изобретателю помещения в замке Шамбор, дабы он усовершенствовал свои изобретения с целью поднять французскую красильную промышленность и принести прибыль казне, обедневшей в тот период. Ослепительная звезда при дворе, Сен-Жермен был допущен в покои короля и в личные апартаменты фаворитов; блестящий ученый, который должен был произвести революцию в промышленности и поправить состояние финансов; великий мудрец,

* *Удивительные приключения и нераскрытые тайны*, Лондон, 1863 год, I, стр. 140. Клайв не был с адмиралом Уотсоном на *Стретхэме*, когда Уотсон отплыл из Англии в 1755 году, а присоединился к нему в Бомбее. Вдвоем они руководили экспедицией, которая опустошила и разграбила Чериах в 1756 году. Если с ними был и Сен-Жермен, ему могла достаться доля в их богатой добыче. Некий М. де Сен-Жермен был губернатором Ченгалалута в 1752 году.

владеющий секретом вечной молодости, способный подарить ее немногим избранным; обладающий, помимо всего (это было известно и то время), немалой политической властью. Не один из французских министров советовался с ним по различным государственным делам и следовал его советам. Считалось, что Сен-Жермен ответственен за смещение главного финансового инспектора Этьена де Силуэтта в 1759 г. Сен-Жермен, насколько можно судить, проводил антиавстрийскую политику; его целью был разрыв франко-австрийского альянса — если он был Ракосци, это было вполне понятно. Он кстати и некстати превозносил Фридриха Великого, обвинял французских министров в том, что они почти не поддерживали с ним отношения во время англо-французских колониальных войн. Он верно предсказал, что поражение, которое нанесли русские монарху Пруссии в Кее и Кенесдорфе, обернется победой. Некоторые его слова возбуждали подозрения в том, что он является прусским шпионом. Однако более вероятно, что он просто высказывал мнение маршала де Бейль-Айла, который поддерживал Пруссию. Эта антиавстрийская линия, проходившая через всю его деятельность, никак не могла принести ему особой любви герцога Жозеля, министра иностранных дел, который стоял за союз с Австрией. Возможно, что именно последний причастен к последовавшей опале Сен-Жермена.

Сен-Жермену достаточно доверяли, чтобы послать его с секретной миссией в Гаагу в 1760 г. с целью заключения мира с Англией — тогда это был наболевший вопрос. Часть кабинета министров добивалась сепаратного мира; Англия в лице Питта не желала слышать о мире до тех пор, пока в договор не будут включены ее союзники, в т.ч. Пруссия. Положение было сложным, ситуация располагала к тайной дипломатии. Людовик XV особенно в этом преуспел, действуя через своих шпионов, таких как шева-лье д'Эон, работавший за спинами ничего не подозревающих министров и зачастую имевший приказы саботировать их деятельность, *распуская за ночь ткань, которую министры Людовика XV соткали за день**.

Людовик XV, слабый и нерешительный, его военный министр, маршал де Бейль-Айл, влиятельный граф Луи Клермонт, принц Бурбон-Конде (обладавший большой властью при дворе) и мадам де Помпадур, — все они дергали за веревочки и все они причастны к заключению мира или по крайней мере к зондированию почвы. Но кое-кто из французских министров, особенно герцог Жозель, был за продолжение войны. Сторонники

* Эндрю Ланг, в цит. раб. стр. 240. См. также Дюк де Брогли, *Le Secret du Roi*, Париж, 1888.

заклучения мира решили послать Сен-Жермена в Гаагу, якобы с целью взять для Франции заем у датского правительства, а на самом деле попытаться повлиять на генерала Йорка, английского посла в Гааге, на предмет заключения мира между Англией и Францией. Казанова в это же время находился в Голландии тоже с целью взять заем. Они, по словам Казановы, жили в одном отеле «Принц Оранский». У венецианца было рекомендательное письмо от Жозеля к д'Аффри, французскому послу в Гааге, который был обеспокоен присутствием Сен-Жермена и ужасался при одной мысли о том, что ему придется принять Казанову — последний уже бывал в Гааге и завоевал себе не слишком хорошую репутацию. При встрече посол спросил у Казановы про Сен-Жермена, и тот описал его как темную и опасную личность — они соперничали за благосклонность маркизы д'Юрфе. Встретившись с Сен-Жерменом, Казанова постарался подложить свинью амстердамскому банкиру 'М.д'О'. Заем денег не удался, дипломатическая миссия тоже оказалась невыполненной. Сен-Жермен продемонстрировал Йорку письма от маршала де Бейль-Айла и графа Клермонта, убедив генерала в том, что он является тайным агентом Людовика XV. Георг II и Фридрих Великий сочли это весьма вероятным. Сен-Жермен прекрасно подходил для выполнения этой деликатной миссии, хотя и не был дипломатом. Его присутствие в Гааге якобы с финансовыми целями не вызвало бы подозрений у представителей других государств. Он вращался в высшем обществе, знал подноготную нескольких королевских дворов Европы и проявил себя дипломатом в Версале. Но, к сожалению, у него были и другие качества. Даже те, кто любили его, признавали за ним тщеславие и хвастливость. Он всегда старался рассуждать о своих знаниях, силах, происхождении — пусть даже завуалированно. Он умел и по обыкновению укутывал себя завесой тайны, которой придавал большое значение. Но иногда он делал недвусмысленные намеки, изредка приподнимая завесу тайны — для саморекламы. Человеку, который мог заявить о себе такое, нельзя было доверять настоящую тайну, если огласка ее могла добавить ему престижа:

«Природа в моих руках, и, подобно тому, как Бог создал мир, я тоже могу создать все, что захочу, из пустоты»*.

* Г.Б. Вольц, *Граф Сен-Жермен*, Дрезден, 1923, стр. 316. Этот перевод на немецкий язык был сделан Опфельном-Брониковски. Сам автор, как я полагаю, был голландцем, и его книга появилась после опубликования мемуаров Купера-Оукли в 1912 году. Цитата взята из письма Альвенслебена, прусского посла в Дрездене, Фридриху Великому. Письмо это датируется 25 июня 1777 года.

Этот человек, конечно же, был очень самоуверен и, кроме того, полон энтузиазма по поводу своей миссии, обладал сильной волей и безрассудством прирожденного авантюриста, привыкшего к быстрым победам. Все эти качества привели к тому, что он был слишком поспешен в делах с Йорком и, что еще хуже, стал разбалтывать свои тайны сразу же по приезду в Гаагу. Каудербах, саксонский резидент, не поверил своим ушам, когда Сен-Жермен рассказал ему о своей миссии и открыто высказал свое мнение по поводу слабости королевской власти во Франции и ее коррумпированных чиновников. Каудербах пришел к выводу, что Сен-Жермен слишком самонадеян и неосторожен для выполнения такого рода секретного поручения, и что он вряд ли с ним справится. Тем временем д'Аффри, полномочный посол в Гааге, был крайне раздражен слухами о переговорах, которые вел Сен-Жермен. Несмотря на то, что он сначала побаивался Сен-Жермена и был практически уверен в его магической силе, д'Аффри все же сумел сообщить Жозелю о положении дел. Последний действовал быстро. Он или припугнул мадам де Помпадур и заставил ее отдать один из полуофициальных докладов Сен-Жермена, или (как полагалось впоследствии) украл его. Затем он ознакомил короля и министров с его содержанием и отправил д'Аффри следующие указания:

«Сир, пересылаю Вам письмо от М. де Сен-Жермена к маркизе де Помпадур, которого вполне достаточно для разъяснения всей нелепости этой фигуры. Он — самый настоящий авантюрист, причем, весьма глупый, как я имел случай убедиться. Я прошу Вас немедленно по получении этого письма вызвать его к себе и передать ему от меня следующее... Вам приказано предупредить его: если я узнаю о том, что он лезет в политику — неважно где, неважно, в какой степени — я гарантирую, что по приказу короля по возвращении во Францию он будет арестован и проведет остаток жизни в подземной тюрьме! ... После этого потребуйте от него никогда больше не приходить к Вам. Я жду от Вас, что Вы затем поставите всех министров иностранных дел и амстердамских банкиров в известность о том, что Вам поручено утихомирить этого несносного искателя приключений»*.

Но это было еще не все. Жозель уговорил Людовика XV принять жесткие меры по отношению к его бывшему фавориту. Примерно три недели спустя д'Аффри получил приказ содействовать аресту Сен-Жермена и его отправке во Францию. Шпиону-неудачнику повезло: его

* Купер-Оукли, в цит. раб., со стр. 170. Письмо герцога Шуазеля д'Аффру из Версаля от 19 марта 1760 года.

датский покровитель, Бентинх фон Рун (обладавший в Голландии большим влиянием), вовремя узнал об этом. Он убедил скептически настроенную жертву тайной дипломатии в том, что опасность на самом деле реальна; уговорил его перебраться в Англию и помог скрыться от гнева д'Аффри. Однако Англия, зная, насколько упрочилась позиция Жозеля, отказалась принять его:

«... поскольку очевидно, что он действовал от своего имени, несмотря на то, что он ссыался на кое-кого из французских министров, и поскольку присутствие его здесь бесполезно и, более того, могло привести к нежелательным последствиям, решено было арестовать его сразу же по прибытию. Допрос не принес ощутимых результатов. Он увиливал от прямых ответов и вел себя очень странно.

Решено было не задерживать его больше в Англии, и он отплыл суббота-м утром с целью найти убежище в одном из государств прусского доминиона, сомневаясь в том, что он сможет находиться в безопасности в Голландии. Находясь под стражей, он настойчиво добивался встречи с бароном Книфхаузенем (прусским послом в Лондоне). Барон выполнил его просьбу, но ни один из представителей французских властей не встречался с Сен-Жерменом»*.

Слишком крутые меры Жозеля по отношению к Сен-Жермену, его злобные выпады, очевидная ревность и ненависть д'Аффри говорят о том, что они боялись этого человека. Те же, кто были в курсе, верили в успех его дела.

«Если бы граф Сен-Жермен проявил столько же благоразумия, сколько усердия, я думаю, он быстро добился бы заключения мира. Но он больше полагался на себя и слишком доверял людям, с которыми вел дела»**.

«Что бы там граф ни натворил, это привело к развитию сложившихся между Англией и Пруссией отношений»***.

«Очевидно одно: поведение графа Сен-Жермена привело к тому, что герцог Жозель не мог больше противиться подписанию мирного договора»****.

«В связи с этим я заметил, что герцог Жозель настойчиво преследовал

* Купер-Оукли, в цит. раб. со стр. 125. Письмо госсекретаря г-ну Митчеллу (послу Англии в Пруссии); отправлено из Уайтхолла и датировано 6 мая 1760 года.

** Там же, стр. 212. Из записок Бентинка ван Руна, 18 апреля 1760 года.

*** Вольц, в цит. раб. стр. 188. Письмо Фридриха II Хеллену, прусскому поверенному в делах в Гааге. Отправлено из Фрайбурга и датировано 8 апреля 1760 года.

**** Там же, стр. 188. Хеллен Фридриху II; отправлено из Гааги 22 апреля 1760 года.

Сен-Жермена. Это заставило меня сделать вывод о том, что он боялся, как бы мир между Англией и Францией... не был заключен при его содействии»*,

Книфхазен сильно беспокоился, как бы Сен-Жермен не нашел себе убежище у Фридриха Великого:

«Поскольку этот человек, которого я знаю много лет, очень напорист и может очаровать короля и убедить его предпринять какие-либо действия с неблагоприятными последствиями, я умоляю Ваше Превосходительство помешать его поездке в Саксонию [резиденцию Фридриха Великого в то время]»**.

Даже Вольтер писал о миссии Сен-Жермена, хотя и очень саркастически:

«Ваши послы наверняка узнают в Брэде больше, чем я. Герцог Жозель, граф Кониц и мистер Питт не выдают мне своих тайн. Кажется, их знает только некий Сен-Жермен, который обедал со старейшинами Трента и, возможно, удостоится быть принятым Вашим Величеством лет через пятьдесят. Этот человек бессмертен и всеведущ»***.

Фридрих остроумно ответил: «Le Comte de Saint-Germain n'est qu'un conte pour rire». Как раз в это время Сен-Жермен был «разоблачен» и отплыл в Англию — возможно, к великому облегчению Людовика XV, который вряд ли хотел наказать его так жестоко, как требовал того Жозель.

Несмотря на то, что Сен-Жермен спас свою свободу и, возможно, жизнь (подставленные под удар его собственной глупостью), от враждебности Жозеля и королевской неблагодарности, ему пришлось покинуть берега «предательского Альбиона» и поискать убежище в другом месте. Вряд ли он осуществил свои замыслы и подтвердил опасения Книфхаузена, уехав в Германию. И хотя Казанова точен в изложении фактов, трудно поверить в то, что весельчак Лотарио видел Сен-Жермена в Париже в булонском лесу с маркизой д'Юрфе в мае 1761 года. Казанова уверен, что Жозель использовал его в Лондоне как контрразведчика, что подтверждает рассказ Бартольда о том, что он слышал от маркизы д'Юрфе, будто бы Сен-Жермен был в Париже. На это премьер-министр ответил: *И неудивительно, ночью он был в моем кабинете*

* Там же, стр. 202. Рейхшах, австрийский посол в Гааге, Кауницу, канцлеру Австрии. Гаага, 8 апреля 1760 года.

** Там же, стр. 193. Книпхаузен прусскому госсекретарю; Лондон, 6 мая 1760 г.

*** Там же, стр. 215. Вольтер Фридриху II, 16 апреля 1760 г.

те*. Но эти факты недостоверны: в 1762 году Сен-Жермен возник снова, уже владельцем поместья Убберген в Голландии, назвавшись графом Сюрмонтом, и еще не до конца оформив покупку. По словам д'Аффри, который разузнал все подробности, чуть раньше Сен-Жермен был в Нидерландах под другим именем и теперь был полностью дискредитирован. Жозель тайно решил предоставить ему возможность самому разобраться в сложившейся ситуации, возможно, потому, что в 1760 году власти неохотно согласились на выдачу Сен-Жермена и вряд ли пошли бы на это сейчас. Д'Аффри презрительно добавил, что он зарабатывал себе на жизнь, завлекая простаков секретами химической лаборатории.

Это было действительно похоже на правду, хотя кто-нибудь может сказать, что все эти его простакки были людьми выдающимися и известными, а его опыты — очень наглядными и зачаровывающими. В апреле 1763 года Кауниц, австрийский канцлер, был ввергнут в состояние тревоги и беспокойства письмом Кобенцля, полномочного представителя в австрийских Нидерландах, в котором он писал о своих диких планах открыть заводы в городе Турнаи с целью использовать «чудесные» секреты Сен-Жермена, которые тот собирался бескорыстно передать Кобенцлю, с тем чтобы открыть в австрийских Нидерландах «Золотой Век», несущий всему человечеству мир и процветание. Кобенцль впервые встретил такого гения, и, если бы он воочию не видел чудеса, творимые графом, он никогда бы в такое не поверил. Превращение металлов в золото, окраска шелка, шерсти, хлопка и дерева в любые мыслимые цвета способом очень простым и дешевым; дубление кожи, делающее ее необычайно мягкой и качественной — все это надо было увидеть собственными глазами, чтобы поверить. Кобенцль хотел получить как можно больше образцов, поскольку считал такое производство в промышленных масштабах прерогативой государства.

Кауниц был в затруднении. Он не хотел ни портить отношения с Кобенцлем, ни лишать Австрию потенциального источника дохода, но в то же время слышал о Сен-Жермене и его тайнах слишком многое, чтобы не доверять ему. Кое-что он сообщил Кобенцлю, и намного больше и в более прямой форме — императрице Марии Терезе, которая была настроена также скептически. Но Кобенцль поначалу не желал и слышать ничего дурного о человеке, который так сильно его очаровал.

«Несмотря на то, что его жизнь и личность окутаны мраком и тайной, я

* Ф.В. Бартольд, *Исторические личности в мемуарах Джакомо Казановы*, Берлин, 1846, II, стр. 94.

знаю, что он талантлив во всех областях науки и искусства. Он — поэт, музыкант, писатель, целитель, физик, химик, механик и великолепный знаток живописи. В разговоре он настолько культурен и эрудирован, что подобных людей я не встречал никогда в жизни. Он прекрасно говорит на любом иностранном языке, и итальянским, французским и английским владеет в совершенстве. Он объездил практически весь мир и, несмотря на свою ученость, приятный собеседник — я прекрасно провел с ним часы досуга. Единственный его недостаток — он очень хвастлив»*.

Впоследствии, утратив иллюзии по поводу характера Сен-Жермена и его бескорыстия, он все еще продолжал верить в его могущество, как и все другие, более беспристрастные судьи. Фрау Нэттин, капиталистка, вложила средства в строительство заводов и уплатила большие деньги за некоторые из его секретов, которые изобретатель обещал передать ей даром. Более того, брюссельские шелковые мануфактуры, увидев образцы, стали делать большие заказы. Очень придирчивые, если не сказать хуже, эксперты Кауница тем не менее оценили его желтую краску и изготовленные им образцы кожи. Мнения экспертов разделились — с его секретами было все в порядке, а вот поведение его было далеко не безупречным. Он отчаянно нуждался в деньгах и обманул Кобенцля, заверив его в том, что имеет товаров более чем на миллион гульденов. Так или иначе, он получил от фрау Нэттин сто тысяч гульденов, а затем скрылся, так и не раскрыв свои главные секреты. Несмотря на это, Кобенцль успокоил Кауница в октябре 1763 года, что, хотя Сен-Жермен и сбежал, заводы, открытые им в Торнае, уже работают, и их владельцы (фрау Нэттин) скоро компенсирует затраты и получит прибыль.

О главном действующем лице этого промышленного вымогательства достоверно ничего не было известно в течение 11 лет, часть из которых он, возможно, провел в России. По некоторым свидетельствам, он безуспешно пытался открыть в Москве фабрику по производству ткани и каким-то путем приобрел шахту, в которой добывались полудрагоценные камни. Потом он их всем с гордостью демонстрировал. Скорее всего, он не мог находиться в России во время июльского переворота 1762 года, стоявшего трона и жизни Петру III (исходя из того, что известно о его передвижениях), поскольку находился в это время в Голландии. Таким образом, утверждение, что он причастен к перевороту, лишено каких бы то ни было оснований. С другой стороны, не стоит оспаривать правди-

* Вольт, в цит. раб. со стр. 247. От Кобенцля Кауницу; Брюссель, 25 июня 1763 года. Другие наблюдатели также упоминают, что Сен-Жермен прекрасно говорил по-португальски. Он был не только знатоком живописи, но и сам рисовал маслом.

вость утверждения о том, что он участвовал в русско-турецкой войне в Средиземноморье (1768—1774 гг.). Свидетельства о его пребывании в Манту, Венеции, Пизе, Ливорне в это время сами по себе еще ничего не значат, но тесная дружба его с графом Алексеем Орловым, командующим русской экспедицией на Архипелаг и героем Чесмы, подтверждает это. И чай Сен-Жермена, мягкое слабительное, использовавшееся от всех недугов, стали называть русским чаем, поскольку его с успехом применяли для лечения больных в русском флоте. Многих награждали и за меньшие заслуги; и автор книги склонен считать, что документ, подтверждающий присвоенное Сен-Жермену звание русского генерала, не является подделкой (как считает Вольц за отсутствием других доказательств). Это награда не за военный подвиг, а за ценный вклад в дело победы.

В 1774 году в Нюрнберге, на приеме у Орлова он был в военной форме; на прием он пришел в сопровождении маркграфа Бранденбургского и министра Геммингена (который об этом и написал впоследствии). Орлов не только не был оскорблен этим мундиром, но, напротив, сердечно приветствовал Сен-Жермена как близкого друга, каковым его и называл. Поэтому Сен-Жермен имел право называть себя «Генерал Умница». Документ был выписан именно на это имя, а не на имя Салтыкова. Скорее всего, присутствие маркграфа на приеме у Орлова понадобилось Сен-Жермену для самоутверждения и рекламы.

Вряд ли можно винить его за это — он старел и чувствовал, что нашел наконец тихую пристань. В 1774 году он постепенно и ненавязчиво приобрел благосклонность Чарльза Александера, маркграфа Бранденбургского, во время пребывания в Швабахе (в Ансбахе, губернатором которого был тогда маркграф). В ответ на благосклонность он предложил посвятить маркграфа в тайны, которые обеспечат Бранденбургу счастье и благополучие. Он также показал ему самоцветы — возможно, добытые в России, которые впоследствии оказались со странностями — слишком легкими и мягкими. Интерес перерос в дружеское покровительство и, как это часто было у Сен-Жермена, оно носило характер ученичества. Несмотря на то, что он постоянно экспериментировал с кожей и красками и пытался заставить других делать это по его методам, стараясь заинтересовать своего покровителя с финансовой стороны, он оставался спокойным, вежливым, внимательным и незаметным гостем в замке Триесдорф, где ему были отведены покои на 1-м этаже. Он мог появиться вечером, чтобы рассказать о чем-либо интересном, иногда за-

гадочном, но никогда не соглашался присутствовать за общим столом. Он всю свою жизнь придерживался правила — не есть на людях. Он довольствовался малым и жил в простой обстановке. У него была одна-единственная потрепанная книга Гуарини *Пастор Фидо*. Интересно было узнать, о чем думал граф Цароги, листая эту книгу забытого классика. Именно под этим именем он впервые представился маркграфу — до того, как признался, что он на самом деле — принц Ракосци, последний из этого несчастливой королевского рода.

К несчастью, это поразительное заявление и горячий прием Орлова в Нюрнберге возымели обратное действие. На следующий год (1775) маркграф отправился в Италию, находясь под впечатлением рассказов своего гостя, и там стал разузнавать о Ракосци. Все, что он узнал — все три сына Ракосци умерли, а его таинственный гость оказался печально известным Сен-Жерменом, сыном сборщика налогов из Сан-Германо, авантюристом, обманывающим всех вокруг и меняющим имена, как перчатки. Маркграф послал Геммингена сказать своему гостю, что все открылось, но это известие не застало последнего врасплох. Он признал, что пользовался всеми этими именами за исключением Салтыкова, но все же настаивал на том, что он — Ракосци. По его словам, он пользовался фальшивыми именами, чтобы сбить со следа своего соперника, претендента на трон Трансильвании, который преследовал его. Он также с гордостью заявил, что все эти имена носил с честью и ни разу не опорочил их. Все это было бы принято на веру, если бы не его недостойный поступок с фабриками в Торнаи. При всем при этом, можно согласиться с Геммингеном, что было бы неверно окрестить его простым мошенником: всю свою бурную жизнь он был в ладах с законом. Хотя происходило это, скорее всего, из-за его ума, а вовсе не из-за особых моральных качеств; но нижеследующее говорит в его пользу:

«За все время общения с маркграфом он никогда ни о чем не просил, не принимал подарков, не вмешивался в дела, которые его не касались. Он вел очень простой образ жизни, потребности его были очень скромными. Если у него водились деньги, он раздавал милостыню»*.

Гемминген нарисовал портрет восточного мудреца, но тихая жизнь Сен-Жермена в замке Триесдорф закончилась с возвращением маркграфа из Италии. Последний отказался с ним общаться иначе, как через посредничество Геммингена, и потребовал вернуть свои письма. Сен-

* Вольц, в цит. раб. стр. 203; цитата из Геммингена.

Жермен вернул их все, кроме одного, которое, по его словам, отдал Орлову — возможно, чтобы произвести на него впечатление. Затем, отказавшись принять предложение тайно пожить в Швабахе, он уехал (1776 г.). Следующие три года, проведенные в Лейпциге, Дрездене, Берлине и Гамбурге, были для него неудачными. Возможно, поэтому он приехал из Саксонии к Фридриху Великому с высокопарным сопроводительным письмом, состоящим из 29 пунктов-предложений. Среди них были не только известные секреты окраски любых материалов, отбеливания, дубления, металлургии, очистки масел и производства косметики, но и некоторые фармацевтические рецепты. Единственным знаком внимания со стороны Фридриха была переданная через третьи руки записка о том, что Берлин — очень скептический город. Более ранние опасения Книфхаузена оказались беспочвенными; однако, личные бумаги Фридриха свидетельствуют о том, что он большей степени, чем показывал, интересовался эволюциями «шарлатана». В списке Сен-Жермена был постскриптум: *Здесь не указано множество других пунктов — по достаточно веским причинам. Я приберег их на потом**. Возможно, это была просто приманка; возможно — намек на тайные услуги, оказанные Пруссии Версалем, и на готовность продолжать в том же духе. Если это было так, Фридрих не замедлил, подобно Луи, отозваться циничной фразой о «поломанных инструментах». Между тем Сен-Жермен был вовлечен в отношения совсем иного типа. Если бы он был действительно так стар, как о нем говорили, и обладал тайным знанием, он должен был бы состоять в одном из тайных обществ; возможно, быть неизвестным Мастером. Когда он был в Лейпциге, Великий Мастер Пруссских Массонских Лож, принц Фридрих Август Брунсвикский представил его посвященным и разрешил им задавать вопросы. Дюбоск, саксонский канцлер казначейства и банкир; Бишофвердер, конюший саксонского принца Чарльза, герцога Курляндского; Фрелих, купец; саксонский министр фон Вурм — все эти розенкрейцеры, посвященные высокого ранга среди масонов, подолгу беседовали с этим загадочным человеком. У всех результаты беседы были отрицательными. Дюбоск отозвался о нем очень уничижительно, Фрелих — весьма эмоционально:

«Я знаю его очень хорошо. Этот Сир Умница не масон, не маг и не теософ»**.

* См. там же, стр. 306-23.

** Там же, стр. 328. Фрелих герцогу Брунсвику. Герлиц, 8 марта 1777 г.

Бишофвердер сначала сомневался, но потом пришел к выводу: «Он не наш». Тем не менее, он был убежден, что граф обладает тайным знанием и что самым важным из всего сказанного было следующее:

«Несмотря на то, что все это против законов вероятности: (1) такое вполне возможно; (2) меня следовало бы избрать как хранителя такой великой тайны; (3) я воспринял все это как новичок»*.

Дюбоск и Фрелих сочли его шарлатаном, хвастающимся своим богатством, но занимающим деньги. Фон Вурм был поражен его знаниями в области окрашивания шерстяных и хлопчатобумажных тканей и решил, что это может приносить доход. Он также выпытал у безразличного мудреца, что он является посвященным четвертого ранга, но забыл тайные знаки и пароли. Фон Вурм пришел к выводу, что он или что-то скрывает, или, что более вероятно, не масон, поскольку является убежденным материалистом.

Однако, последним хорошим другом и покровителем, финансово поддерживающим Сен-Жермена, был хорошо известный масон — принц Гессе-Кэзель, сначала отказывавшийся иметь с ним дело, но потом поддавшийся на уговоры других свести с ним знакомство. Он был сражен не секретами красильного дела, литья, превращения металлов в золото и улучшения качества драгоценных камней, а его искренностью и убежденностью. Так же как и Людовик XV, Кобенцл, маркграф Бранденбургский и, возможно, множество других до них, они стали учениками Сен-Жермена. Во время первого приезда в Шлесвиг в 1779 г. Сен-Жермен говорил, что ему 88 лет, и что он является сыном принца Ракосци, воспитанным в королевском доме последнего из династии Медичи. Принц Чарльз безоговорочно ему доверял; он открыл в Экендорфе небольшой завод и предоставил некоему доктору Лоссау значительный годовой доход за изготовление и распространение снадобий своего гостя. К сожалению, помещения, выделенные Сен-Жермену в Экендорфе, были сырыми, и он заработал ревматизм, от которого так и не избавился до конца жизни. Из-за болезни он заметно сдал и впал в депрессию. В разговоре со своим патроном он назвал себя ярым материалистом, целью жизни которого было служение человечеству. Он уничижительно отзывался о Христе, но когда понял, что оскорбляет этим своего покровителя, пообещал никогда больше не касаться этой темы. Возможно, из чувства благодарности, находясь на смертном одре, Сен-Жермен написал письмо нахо-

* Вольц, в цит. раб. стр. 337. Бишофвердер герцогу Брунсвику; Эльстерверда, 9 июля 1777 г.

дыщемуся в отъезде принцу, в котором говорил о том, что прозрел слишком поздно, но умирает истово верующим. Письмо было передано через Лоссау. Так это было или нет, но документально зафиксировано в приходской книге, что смерть Сен-Жермена наступила в Экендорфе 27 февраля 1784 года, а похоронен он был 2 марта. Для принца это было очень тяжелая утрата.

«Пожалуй, он был одним из самых великих мудрецов. Он любил человечество. Деньги нужны были ему только для того, чтобы раздать их бедным. Он любил животных и всегда стремился принести другим счастье. Он верил, что сможет подарить людям новые удовольствия, новую моду и новые, яркие цвета; но это никого не интересовало. Я никогда не встречал более здравомыслящего человека, обладающего столь огромными познаниями, особенно в области истории. Он побывал во многих странах Европы, но Францию любил больше всего»*.

«Вот портрет Сен-Жермена — законченный шарлатан, глупец, хвостун, пустомеля, мошенник, много лет обводивший людей вокруг пальца. Наш принц восхищается им всем сердцем, тем самым причисляя себя к обманутым простакам»**.

«Жизнь Сен-Жермена — жизнь авантюриста, но более осторожного и рассудительного, чем Калиостро, с незапятнанной репутацией, ничего порочащего, дживого и скандального»***.

«Сен-Жермен рассказывал похожие на правду сказки, но вряд ли их можно было бы слушать без отвращения, если бы они так не забавляли. Этот человек не смог обмануть бы и младенца; — разве что только очень дремучего человека... Я считаю его авантюристом чистой воды, который дошел до ручки; я не удивлюсь, если он плохо кончит»****.

«Йорк отзывался о нем как об очень жизнерадостном и вежливом человеке... С ним было очень приятно общаться. Он столько рассказывал о странах, в которых побывал... Мне было очень приятно слушать его суждения об известных мне людях и местах; очень вежливый, и все поведение его говорило о том, что он воспитан в высшем свете»*****.

* Там же, стр. 358; цитата из *Мемуаров* Гессе-Касселя, 1816-17 гг.

** Там же, стр. 361. Из письма датского гос. деятеля, графа Шарля Варнштедта; Силезия, 24 ноября 1779 г.

*** Там же, стр. 340. Из книги *Souvenirs* французского ученого Тибо, 1804. Он был знаком с Сен-Жерменом в Берлине.

**** Там же, со стр. 213. От Каудербаха графу Вакербарту-Сальмуру; Гаага, 4 апреля 1760 года. Поначалу Каудербах был очарован загадочностью Сен-Жермена.

***** Купер-Оукли, в цит. раб. стр. 202. Из записок Вентинка ван Руна, 16 марта 1760 года.

«Я не был ни его другом, ни его поклонником... Я держу свое мнение при себе, но не доверяю человеку, который остается загадкой и всегда туманно изъясняется, постоянно меняет имена, иногда притворяется посвященным, а иногда — человеком, которого судьба одарила более, чем других»*.

«Сен-Жермен во многих отношениях был замечательным человеком и, с кем бы ни встречался, оставлял о себе хорошее впечатление, совершая добрые и благородные поступки. Он тайно поддерживал семьи бедняков и благотворительные организации... Никогда не совершал дурных или бесчестных поступков, всегда сочувствовал другим людям»**.

«Он — очень одаренный человек с живым умом, но полагается на мнение других. Он завоевывал доверие к себе самой низкой лестью, на которую способен человек, а также красноречием, которое было тем сильнее, чем больше увлекался человек... Двигало им чрезмерное тщеславие... Находясь в центре внимания, он забавен и увлекателен. Но как только он начинает развивать свои идеи, становятся видны его недостатки. Горе тому, кто пытается ему противоречить»***.

«Я признаю, монсеньор, что Вы — величайший человек на Земле»****.

«А я считаю, что он глупец»*****.

Жизнь Сен-Жермена и тайна его рождения не являются более загадкой, несмотря на сложность его личности. Он как-то нахватался знаний в области химии и пытался сделать на этом состояние. Несколько раз он был уже близок к цели, но все срывалось. Он вызывал волнения в государствах Европы, поскольку Людовик XV (а возможно и другие) использовал его в качестве тайного дипломатического агента. Таланты его были неоспоримы. Он был хорошим музыкантом, знал множество языков, был великолепным художником, чьи драгоценности на портретах сияли блеском настоящих бриллиантов. Автор считает, что он знал, как обрабатывать камни и, возможно, умел добывать и гранить алмазы. Несмотря на то, что его промышленное производство не приносило ему

* Вольц, в цит. раб. стр. 143. Из частного письма датского государственного деятеля графа Берншторфа, 1779 год.

** Купер-Оукли, в цит. бар. стр. 52. Из *Исторических мемуаров* Сипешштейна.

*** Вольц, в цит. раб. со стр. 310. От прусского посла в Дрездене, Альвенслебена, Фридриху II; Дрезден, 25 июня 1777 года.

**** Купер-Оукли, в цит. раб. стр. 239. Из письма датского адмирала графа Даниельсбольда-Лауригена Сен-Жермену; Амстердам, 27 апреля 1760 г.

***** Там же, стр. 237. От князя Голицына, российского посла в Лондоне, Каудербаху; Лондон, 1 апреля 1760 г.

особых доходов, он изобрел несколько простых и дешевых способов окрашивания, отбеливания и дубления кожи. Он никогда не пытался совершенствовать далее эти способы, несмотря на определенные их недостатки. Его выдающийся ум, его личность, блестящая манера вести разговор, сверхъестественная память, живое воображение, красноречие, убедительность и шарм всегда служили предметом обсуждения. Но самым большим его даром была власть над умами современников. Злоба, с которой отзывались о нем недруги, была не больше любви, питаемой к нему поклонниками; это проявлялось в бесчисленных легендах, слагаемых о нем во время его жизни и после его смерти. Несомненно, что Сен-Жермен начинал разговор при первом же удобном случае и брал его нить в свои руки. Уолпол, по крайней мере (и он первым это заявил), не считал «странным» то, что Сен-Жермен отказался открыть свое настоящее имя. Этого оказалось достаточно, чтобы возбудить у всех остальных, кроме самого принца Уэльского, «неуемное любопытство». Это был вызов со стороны Сен-Жермена, поскольку его современники не допускали, чтобы такого рода пробелы оставались незаполненными. Он действовал в соответствии с этим «законом» и потому назвал себя Ракосци, тем самым еще более сгустив тайну. Он мог описывать свое детство радужными красками, изображая себя в окружении большой свиты, гуляющим по прекрасным террасам в чудесной стране, как будто бы он (как сказал барон Гляйшен) был наследным принцем Гранады во времена Муров. Он рассказал мадам де Генлис, тогда еще четырнадцатилетней девочке, слушавшей его вместе со своей скептически настроенной матерью, трогательную историю о том, как за его голову была назначена награда, и он скрывался в лесу вместе со своим наставником. Тогда ему было всего семь лет, и у него был лишь браслет на запястье и миниатюра матери, которую он никогда больше не видел. Чтобы подтвердить свои слова, он показал миниатюру. Это «фальшивое заявление» о королевском происхождении, как назвала его мать ребенка, на самом деле было намного ближе к правде, чем она могла себе вообразить. Еще более примечательно, что все это удовлетворяло типичным легендам о жизни магов, полной невзгод и опасностей.

Другая неотъемлемая часть жизни магов, а именно длительные и необыкновенные путешествия, и в самом деле соответствовала жизни Сен-Жермена и породила предположение о том, что он и есть Агасфер. Неожиданно исчезая в одном месте и появляясь в другом, он еще в юности объездил большую часть Европы, а возможно, бывал и дальше.

Сам он говорил, что бывал в Индии; другие утверждают, что он посещал Турцию, Персию, Японию и Китай. В Китае, по не очень надежным свидетельствам, он вообще отказался сообщить свое имя. Красочные рассказы о восточных странах говорят о том, что он действительно бывал там.

Несмотря на отсутствие документальных свидетельств о вступлении Сен-Жермена в масонскую ложу или другое современное ему тайное общество, этого недостаточно для отрицания возможности такой ситуации. Среди тех, кто был в курсе дела, бытовало мнение, что он поддерживает связи с несколькими созданными им самим сектами. Сам Сен-Жермен сообщал фон Вурму, что в Париже есть более 200 человек, принадлежащих к возглавляемому герцогом Бульонским тайному обществу, которые очень хотят познакомиться с ним, считая его настоящим Мастером. Все категорически утверждают, что он был избран представителем на Собрание масонов в Париже в 1785 году, через год после своей смерти! Поскольку автор не может проверить истинность этого утверждения по каким-либо документам, он оставляет вопрос открытым, замечая, что при известности Сен-Жермена масоны и другие тайные общества считали его своим членом.

«Я должен сообщить Вашему Превосходительству необычную новость. В отеле Кайзерхоф проживает человек, называющий себя Сен-Жерменом и отказывающийся сообщить о себе какие-либо сведения. Он живет на широкую ногу... но не получает аккредитивов. Он день и ночь проводит за письменным столом, ведет переписку с высочайшими особами, но не появляется в свете, общаясь только с графиней Бентинк и французскими министрами. Узнать о нем что-либо очень сложно. Он занимается естественными науками, изучает природу. Благодаря каким-то своим тайным знаниям он выглядит на 40 лет, хотя ему 192 года. Под строжайшей тайной он сообщил моему другу, что у него есть средство, при помощи которого он добился всего этого — и даже превращения металлов в золото! В его присутствии он превратил медную монету в серебряную, плохо выделанную кожу — в английскую кожу отличного качества, полудрагоценные камни — в бриллианты. В то же время он всегда один и очень скрытен. У него масса всяких золотых и серебряных монет, которые в то же время выглядят только что отчеканенными. Он никогда не получает денежных переводов и не ведет дел с купцами. Как же это может быть? Может быть, это тот человек, которого мы ищем?»*

* Вольц, в цит. раб. со стр. 35. Из письма гамбургского адвоката Дрессера барону Уффелю, судье Апелляционного суда в Селле; Гамбург, 23 октября 1778 года. Оба они были масонами. В приведенном описании особенно ощущается сходство с Гуальди.

Так пишет один масон другому. Слухи о посвященности Сен-Жермена распространялись безо всякого участия с его стороны. В сатирических стихах маркиза де Люше о Калиостро, написанных в 1785—1789 гг., упоминался Сен-Жермен. Многие принимают пародию на его посвящение, описанную в стихах, за правду:

«Граф Калиостро просил его о тайной встрече, чтобы пасть ниц перед Богом всех истинно верующих. Сен-Жермен назначил встречу на 2 часа ночи. Калиостро с женой прибыли в замок в белых одеждах и с розовыми браслетами на запястьях. Подъемный мост был опущен, и человек двухметрового роста, одетый в длинную серую хламиду, провел их в тускло освещенную комнату. Неожиданно раздвижные двери открылись, и они вошли в храм, освещенный тысячью огней. Сен-Жермен восседал на алтаре. У его ног двое служителей покачивали золотые кадила. На груди божества была бриллиантовая пентаграмма, сияющая нестерпимым светом. Величественная фигура, белая и прозрачная, стояла на ступенях алтаря и держала сосуд с надписью «Эликсир Бессмертия», в то время как еще одна фигура расхаживала перед висящим на стенке зеркалом, над которым была надпись «Хранилище мятущихся душ». Зловещая тишина царила в святилище; в то же время голос, непохожий на человеческий, все время вопрошал: «Кто Вы? Откуда? Что Вам надо?» Граф и графиня пали ниц, и после долгой паузы граф ответил: «Я пришел разбудить Бога всех истинно верующих, Сына Матери-Природы, Господина Истины. Я пришел узнать у него тысячу семьсот тайн, которые он хранит. Я пришел объявить себя его рабом, его апостолом, его мучеником». Бог не ответил, но после длительного молчания, все тот же голос спросил: «А что надо твоей спутнице в долгих исканиях?» Лоренца ответила: «Подчиняться и служить». Вслед за ее словами свет сменился тьмой, тишина — шумом, вера — ужасом, надежда — страхом, и резкий голос с угрозой выкрикнул: «Горе тем, кто не выдержит испытания!»*

Затем добродетель Лоренцы и стойкость Калиостро были подвергнуты испытанию, во время которого Сен-Жермен говорил абсурдные вещи, давал циничные советы и пытался соблазнить Лоренцу. Этот клеветнический памфлет послужил поводом считать Сен-Жермена человеком, играющим важную роль в делах современных ему тайных обществ. Сейчас мы убеждены в том, что он принимал участие в создании Венского общества Азиатских Братьев и общества Рыцарей Света, а также причастен к образованию французского общества филалетов, членами которо-

* [Маркиз де Люше], *Memoire authentique pour servir a l'histoire du Comte de Cagliostro*, 2-е изд., Страсбург 1786, со стр. 4. Первое издание увидело свет в 1785 году.

го считались принц Гессенский, Кондорсет и Калиостро. Это общество образовалось из ложи *Les Amis Reunis*. Элифас Леви, провозгласивший его основателем Ордена святого Жакина в Богемии, также утверждает, что Сен-Жермен вышел из ордена, когда там начался беспорядок. Братья отреклись от него и обвинили в измене, по обычаю заточив его в подземелье замка Руэль. Это повлекло за собой судебное разбирательство. Все его теперешние невзгоды были сравнимы с несчастьями, причиненными ему как Ракосци в Австрии, о которых он много рассказывал Геммингену. Существует несколько версий его смерти: в подземелье замка Руэль, в застенках инквизиции в Риме (возможно, по аналогии с Калиостро), сошедшим с ума от страха смерти в Экендорфе; еще по одной версии, он вообще не умирал.

Это было естественным следствием распространяемых при его жизни слухов о его долголетию. И хотя он их подогревал, не он послужил их источником. Эта фантазия зародилась в мозгу восьмидесятилетней мадам де Гержи, вдовы французского посла в Венеции. Эта старушка заявила, что в 1710 г. видела в Венеции 45-летнего графа Сен-Жермена. Встретив его в Париже через 50 лет, не постаревшего ни на день, она приняла его за собственного сына. Разуверившись в этом, она начала рассказывать всем эту историю, и мадам де Помпадур пересказала это Сен-Жермену. Позже в подобных ситуациях Сен-Жермен принимался описывать исторические события и личности с таким воодушевлением и так ярко, что казалось, будто он действительно жил в то время. Так же он поступил и в самый первый раз. Мадам дю Хоссе, ее фрейлина, записала их разговор сразу по его окончанию. Вот он:

«Мадам засмеялась и сказала: «Вы, наверное, видели все это сами!» «У меня хорошая память, — сказал он, — я подробно изучал историю Франции. Иногда я развлекаюсь тем, что позволяю людям верить в то, что жил в те далекие времена». «Но Вы скрываете свой возраст; Вы, наверное, очень стары. Графиня Гержи, которая была женой посла 50 лет назад, кажется, в Венеции, говорит, что встречалась с Вами, и Вы с тех пор совсем не изменились!» «Совершенно верно, мадам, я познакомился с графиней очень давно». «Но, если верить ей, Вам должно быть сейчас больше ста лет!» «Это вполне возможно, так же как и то, что старая леди несет вздор»*.

* Вольц, в цит. раб. со стр. 127. Цитата из *Мемуаров* мадам дю Хоссе, 1824 г. Сен-Жермен, конечно, мог быть сыном человека, который написал это письмо об Индии в 1773 году, и, следовательно, сыном человека, которого помнила мадам де Гержи. Принимая во внимание небольшой временной интервал между этими датами, он (или его отец) также мог быть «Мрачным Синьором» в Венеции.

Вот типичный пример поведения Сен-Жермена в разговорах о его возрасте:

«Эти глупые парижане [как сказал он однажды Гляйшену] верят в то, что мне 500 лет, и я поддерживаю их в этом, поскольку это доставляет им удовольствие. Единственное, что я могу сказать — я неизмеримо старше, чем выгляжу»*.

Масла в огонь распространяющейся легенды подлило следующее. В Париже в то время находился молодой повеса по прозвищу Лорд Говер (он с успехом изображал из себя англичанина), прирожденный актер. Считалось, что во время Семилетней войны он был шпионом в английской армии, а теперь развлекал придворных своими пародиями. Он был представлен в парижском обществе как Сен-Жермен и, придерживаясь своей роли, заявил, что разговаривал с Христом и т.п. Все эти байки вместе с бросаемыми настоящим Сен-Жерменом намеками, связали его с философским камнем и эликсиром жизни и превратились в анекдоты о старухах, выпивших чрезмерную его дозу и превратившихся в маленьких девочек, младенцев и даже в зародышей.

Очевидно, что слухи о его долголетию привели к тому, что никто не поверил в его смерть. Если когда-либо говорили (что весьма сомнительно), что его приближающаяся смерть на самом деле лишь приготовление к последующему возрождению, то его следует считать скорее посвященным и мудрецом, чем простым болтуном. По словам Люче (весьма сомнительный источник), вознесение Сен-Жермена состоялось сразу же после его похорон. В одном из журналов за 1785 г. говорилось о том, что его все еще считают живым, и что он еще объявится. Масоны придерживались того же мнения, поэтому и пригласили его на Собрание в 1785 г. Мадам де Генлис утверждала, что встречала Сен-Жермена в Вене в 1821 году, то же говорила графиня д'Адемар — но существовало ли это последнее лицо в действительности? Согласно Вольцу, она была персонажем, выдуманным анонимным автором романов Этьеном Леоном де Ламот-Лангоном, и произведение *Souvenirs* о Марии Антуанетте и Версальском дворе — явная подделка. Миссис Купер-Оукли часто ссылалась на него, считая достаточным доказательством подлинности произведения то, что графиня д'Адемар, американка, хранила документы о Сен-Жермене, и что мадам Блаватская посещала чету д'Адемар в их замке в 1885 году. Такая чета действительно существовала, но был ли кто-нибудь из них в Версале среди придворных, кажется сомнительным.

* Вольц, в цит. раб. со стр. 49, цитата из *Souvenirs* де Глейхена, Париж, 1868.

И *Souvenirs* или отрывки, цитируемые Купер-Оукли, не внушают доверия. Но, опубликованные в 1836 г., они являются документальным подтверждением всеобщей веры в то, что Сен-Жермен жив. Они подробно описывают, каким образом он познакомился с графиней в 1793 году, изрекая, подобно Кассандре, пророчество — на этот раз о смерти Марии Антуанетты. На вопрос, увидит ли она его снова, Сен-Жермен ответил: «Еще пять раз; шестого лучше не просить».

«Я видела Сен-Жермена несколько раз, всегда в самых неожиданных ситуациях: во время казни королевы; накануне 18 брюмера; на другой день после смерти герцога д'Энхейма (1804 г.); в июле 1813 г.; накануне убийства герцога де Берри (1820 г.). Я жду шестого появления, когда Богу будет угодно»*.

В 1845 г. появились недостоверные *Мемуары*, изданные в Вене и содержащие новые сведения о жизни Сен-Жермена после известия о его смерти. В них говорилось о пророчестве, сделанном мудрецом Францу Граффферу, автору этого произведения:

«В конце века меня не будет в Европе. Я уеду в Гималаи. Я буду отдыхать. Я должен отдохнуть. Ровно через 85 лет люди снова увидят меня. Прощайте...»**

К сожалению, дата пророчества не указана. Но упоминание о Гималаях не прошло незамеченным. Стоит отметить лишь самое примечательное: Елена Петровна Блаватская говорила о его перевоплощении в одного из Махатм Великой Белой Ложи:

«Граф де Сен-Жермен был величайшим адептом Востока, когда-либо известным в Европе»***.

Миссис Безант в предисловии к книге миссис Купер-Оукли говорит об этом в еще более прямой форме:

«Великий Окультист и Брат Белой Ложи... был главной движущей силой интеллектуального изменения, развитие которого было прервано в связи с французской революцией. Подобно Фениксу, это движение вновь возникло в 19 веке, но уже как Теософское общество, в котором Брат был одним из признанных лидеров. В образе, поражавшем всех в 18 веке своей молодостью, он предсказал мадам д'Адемар, что появится вновь через сто лет после исчезнове-

* Купер-Оукли, в цит. раб. стр. 54.

** Там же, со стр. 144.

*** Блаватская, *Теософский словарь*, цит. Купер-Оукли, в цит. раб. стр. 1.

ния. Его присутствие явно ощущается сейчас, во время активного духовного подъема»*.

В своеобразной манере отзывается о Сен-Жермене миссис Купер-Оукли, описывающая его жизнь. «Секрет королей» — таков подзаголовок к ее воспоминаниям, посвященным

*ВЕЛИКОМУ ЧЕЛОВЕКУ,
творившему в сложном 18 веке,
одерживая победы и неся поражения.*

Монография заканчивается следующими словами:

«Таким предстает перед нами человек, которого некоторые называют 'посланцем' свыше, наблюдающим за жизнью на Земле. Таково предназначение этого наблюдателя, которого люди ограниченные считают 'авантюристом'»**.

Это замечательный по своей силе образчик мифопоэтического воздействия. Автор биографии Сен-Жермена, отыскивая факты о его жизни в различных источниках и имевшая смелость их опубликовать, отказывалась верить всему, что порочило имя Сен-Жермена, и делала вид, что таких фактов не существовало вовсе.

В ее представлении Сен-Жермен был, мягко говоря, неудавшимся дипломатом. Пророчество о Марии Антуанетте не было принято во внимание. Как контрреволюционный деятель Сен-Жермен также потерпел поражение. Но в глазах Купер-Оукли он был «величайшим человеком, когда-либо одерживавшим победы». И действительно, он преуспел в теософии. В настоящее время Сен-Жермену поклоняются и считают его Махатмой, или Мастером, мифическим существом, с которым человечество должно еще раз встретиться. О его внешности, прошлой жизни и занятиях рассказывает Лидбитер. Эти сведения он получил частично посредством дара ясновидения:

«Я имел счастье лично разговаривать с адептом по имени Мастер граф де Сен-Жермен, которого называют еще принц Ракосци. Я встретил его в совершенно обычной обстановке (как будто случайно) на улице Корзо в Риме. Он был одет как обычный итальянский джентльмен. Он повез меня в сады на

* Купер-Оукли, в цит. раб. со стр. 12.

** Там же, стр. 52. Г-жа Купер-Оукли посвятила несколько лет своей жизни на стыке 19 и 20 веков поискам Сен-Жермена и даже провела с этой целью некоторое время в замке в Трансильвании. Она так и не нашла Сен-Жермена, но г-жа Безант утверждала, что «впервые» встретила с ним на Эвенью-роуд, 19 в 1896 году.

Пинцианском Холме, и мы более часа беседовали об обществе и его деятельности...»*

«Он невысок, но строен и подтянут, держится с изысканной вежливостью и достоинством сеньора 18 века. Сразу заметно, что он из старинного дворянского рода. В больших карих глазах Сен-Жермена светится нежность и веселье; в то же время у него властный взгляд. Его присутствие вызывает почтение. Лицо Сен-Жермена имеет смуглый оттенок, его коротко остриженные волосы причесаны на пробор и откинuty со лба; кроме того, он носит короткую бородку клинышком. Обычно Сен-Жермен одет в темный мундир, расшитый золотом, и великолепный красный плащ — это придает ему сходство с военным. Живет он в старинном замке в Восточной Европе, который некогда принадлежал его семье»**.

«Глава Седьмого Луча — это известный в 18 веке Мастер граф де Сен-Жермен, которого называют также Мастером Ракосци, поскольку он являлся последним представителем этого королевского рода. Он был Фрэнсисом Бэконом и лордом Веруламом в 17 веке, монахом Робертусом в 16 веке, Хануади Яносом в 15 веке, Кристианом Розенкрейцем в 14 веке и Роджером Бэконом в 13 веке; сейчас он является венгерским адептом *окультистического мира*. Еще раньше он был великим неоплатоником Проклом, а до этого — святым Албаном. Он занимается в основном обрядовой магией, используя для этого великих Ангелов, которые рады служить ему и исполнять его волю. Хотя он владеет всеми европейскими и многими восточными языками, большая часть работ его написана на латыни — языке, посредством которого он выражает свои мысли. По его мнению, никакой другой язык не сравнится с латынью в благозвучии и ритмичности. Для совершения ритуалов он надевает чудесные яркие одежды и драгоценности. У него есть убор из золотых цепей, принадлежавший ранее одному из римских императоров, поверх которого надевается огромный малиновый плащ. Застежка плаща представляет собой семиконечную звезду, инкрустированную бриллиантами и аметистами. Иногда он одевается в бархат. Несмотря на то, что Сен-Жермен занимается в основном древней магией, о которой почти забыли в современном мире, он интересуется также политикой и развитием науки в Европе»***.

Только бесчувственного человека может оставить равнодушным то, что Сен-Жермен сумел восстановить и прославить свое доброе имя, опроченное в Версале. Если бы он не был вынужден уйти в изгнание, его жизнь, скорее трогательная, чем трагическая, была бы похожа на сказку. Но Сен-Жермен действительно косвенным образом повлиял на раз-

* Ч.У. Лидбитер, *Учителя и Путь*, Мадрас, 1925, стр. 11.

** Там же, стр. 44.

*** Ч.У. Лидбитер, в цит. раб. со стр. 286.

витие теософского движения. Жизнь его после смерти нашла отражение в литературе. Именно он является главным героем романа Бульвера-Литтона *Цанони*. Об этом в самом начале своей карьеры узнала мадам Блаватская. То, что Цанони и есть Сен-Жермен, и что о нем известно в обществе, где она вращается, потрясло Блаватскую. Поэтому она и называет последнего адептом, находясь под влиянием романа Бульвера-Литтона.

Древняя старушка (мадам де Гержи) обозначалась (по поводу Сен-Жермена) приблизительно в 1760 г. С этого момента возникла легенда, послужившая пищей воображению. Другая старушка приняла вымысел за правду. Вот таким вот образом, совершенно случайно, возникает мифология и религия.

ГЛАВА III

ВЕЛИКИЙ МАГИСТР (?1743 — 1795)

В отличие от Сен-Жермена, принадлежность Калиостро к тайным обществам своего времени не вызывает сомнений. По крайней мере, это следует из самых расплывчатых рассказов о магах, существовавших когда-либо. Вокруг имени этого в высшей степени известного человека так много неясного и недосказанного, что сам Калиостро запутался бы, пытаясь проследить историю своей жизни. Был ли он шарлатаном, мудрецом или исторической личностью? Существует множество самых разнообразных фактов, но как толковать их? Как отличить ложь от правды? Наткнувшись на имя Бальзамо, можно и вовсе запутаться. Первым человеком, пытавшимся доказать, что мелкий мошенник Джузеппе Бальзамо и «божественный Калиостро» — одно лицо, был величайший газетный сплетник и платный осведомитель, когда-либо живший в Европе, Тевено де Моранде. Поэтому едва ли стоит доверять ему. Тем более, что факты о жизни Бальзамо взяты из материалов перекрестного допроса самого Калиостро и его жены Лоренцы, которую по доносу Моранде заключили в крепость Сен-Палаж по обвинению в неверии. Пытаясь оправдаться, Лоренца оклеветала мужа. Таким образом, даже Бальзамо, несмотря на свое ужасное поведение, не является на самом деле таким негодяем, каким его принято изображать. Идентификация Бальзамо и Калиостро только по фактам биографии, которые представляются достоверными, не является абсолютно точной, поскольку официальная версия биографии Калиостро составлена по материалам процесса последнего, проводимого Святой Инквизицией. «Признания» обвиняемого и его жены подтверждали факты, «установленные» Моранде, этого было достаточно для предания этих двоих суду инквизиции. Не возникает сомнения в том, что составитель биографии (возможно, один из судей) искренне верил в достоверность используемой им информации. Он, разумеется, католик, и оттого ярый антимасон; он был достаточно сознательным — и оттого его повествование не настолько злобно, как очерк Карлейля о Калиостро, в котором он забывает обо всех приличиях и обвиняет инквизицию в чрезмерной жестокости и выступает против нее. Тем не менее, следует принять во внимание не вполне достоверную биографию, составленную католиком. Понятно, что

все «сведения» несчастный Калиостро подтвердил под угрозой пытки, даже если к дыбе его подводили и не каждый день, как утверждают протоколы допросов. В таких обстоятельствах он признался бы в чем угодно, о чем и свидетельствует нижеследующее:

«...Здесь его спрашивали, как он мог уверять в том, что в своих занятиях с «учениками» (наблюдение в воде отражения картин будущего) он пользовался великой милостью Господа и делал это на благо католической религии. Почувствовав, что попал в западню, Калиостро ответил следующее: «Я более не понимаю себя и больше не могу ничего сказать. Я согрешил и раскаиваюсь. Единственное мое желание — спасти душу. Я ошибался сотни тысяч раз». Но это признание было вырвано у Калиостро лишь с целью дать ему время на размышление. Еще два раза ему задавали этот же вопрос, и снова он отвечал, что успехам в своих занятиях обязан милости Господней. Но после того как его загнали в тупик, он добавил: «Я могу сказать только, что заблуждался. Я в смятении и не могу ничего понять». Когда Калиостро стали угрожать пытками, он сказал: «Я могу повторить только то, что уже говорил. Скажите, что Вы хотите от меня услышать». В конце концов его заставили признаться во всем, и он произнес следующие очень важные слова: «Я никогда не прибегал к услугам дьявола и не совершал языческих обрядов». После этого Калиостро стал делать непристойные жесты и впал в буйство»*.

Нет, ни Моранде, ни Инквизиция, ни сам Калиостро на допросе не внушают доверия. Однако, существует множество деталей, говорящих о том, что Джузеппе Бальзамо и Алессандро Калиостро — одно лицо. И тот, и другой женились на итальянской девушке-подростке, чья девичья фамилия была Феличиниани, весьма распространенная в то время. Почему же Бальзамо не сменил фамилию жены, когда сам стал Калиостро, если он хотел избежать разоблачения? Это, однако, говорит в пользу последнего. Основываясь на этом факте, его можно было бы обвинить в том, что он подписался в 1777 году в Лондоне Джозефом Калиостро. Позже он стал Алессандро. Но поскольку он постоянно менял имена, оставаясь все время инкогнито, тот факт, что он подписался именем Джозеф, можно привести в доказательство того, что он никогда и не слышал о Бальзамо. К сожалению, длинную цепь совпадений можно проследить вплоть до Палермо, где родился Джузеппе. В этом городе проживал его дядя, Джузеппе Калиостро. В то же время другой его дядя утверждал,

* Из немецкого перевода *Истории Инквизиции*; приводится Гюнтером в его издании различных документов, связанных с жизнью Калиостро, под названием *Der Erzzauberer Cagliostro*, Мюнхен, 1919, со стр. 142. Первоначальная итальянская версия была опубликована в 1791 году.

что племянник часто подписывал свои письма именем 'граф Калиостро'. Если дядя говорил правду, то все становится на свои места. Более того, некто, встречавший Бальзамо в Лондоне в 1772 году, узнал его под именем Калиостро в 1777 году и просил вернуть старый долг. К сожалению, Айлетту (так звали этого человека) нельзя доверять: он был обвинен в лжесвидетельстве и пригвожден к позорному столбу. И даже если его слова являются правдой, сходство между людьми не есть их полная идентичность. Однако в Палермо это приняли к сведению, и члены семьи Бальзамо, прежде всего его дядя Браконьери, были убеждены в том, что перед ними никто иной, как их родственник-мошенник, когда им показали портрет Калиостро. Ввиду такого обилия противоречивой информации возникновение сомнений по поводу идентичности этих двух людей совершенно естественно. Поэтому попытка раз и навсегда покончить с этими сомнениями, предпринятая Петраконе, потерпела неудачу:

«Тот факт, что Джузеппе Бальзамо женился на Лоренце Феличчани в Риме, подтвержден документально. Совершенно точно то, что человек, заключенный под стражу и судимый инквизицией, был Калиостро. Если Калиостро жил в доме Феличчани, если его жена поддерживала отношения со своей семьей и если эти Феличчани в конце концов донесли на него, как можно сомневаться в том, что Калиостро и было Бальзамо?»*

Все очень логично, но при изучении документов выяснилось, что тесть Бальзамо дважды подписывался именем Джованни в брачном контракте. Однако, письмо Лоренце, жене Калиостро, от отца было подписано именем Джузеппе; та же подпись стояла на доносе, написанном тестем. Отсюда можно сделать вывод, что Феличчани были родственниками Калиостро, а не Бальзамо. Но почему бы обоим семьям (если существовали обе) не выдвинуть обвинение против мага под именем Бальзамо, если эти семьи хотели избавиться от него? Сомнения вызывает также и то, что в приходской регистрационной книге в записи о заключении брака между Бальзамо и Феличчани отец девушки записан как Джозеф, а не Джон. В этом случае выяснить истину не удалось, хотя автор склонен считать, что Бальзамо и Калиостро — два имени одного и того же человека. Если не принять на веру этот факт, то сомнения вызовет и рассказ Калиостро о его семье, так и не раскрывший тайну его рождения, сделанный им во время судебного процесса по поводу бриллиантового кольца в Париже. Если считать это прошлое мага недостоверным, загадочное появление четы Калиостро в Лондоне в 1776 году не под-

* Э. Петраконе, *Cagliostro nella storia e nella legenda*, Милан, 1922, стр. 36.

дается объяснению. На самом деле, вполне возможно, что история об этом всемирно известном человеке была выдумана в 18 веке для подтверждения того, что тайна и магические ритуалы являются непереносимыми условиями известности и посмертной славы всех магов и волшебников без исключения.

Калиостро и сам был уверен в этом, поэтому и написал, находясь в Бастилии, свои легендарные *Мемуары*. Загадочное происхождение из древнего восточного рода, мудрец-наставник, бегство в далекую страну, посвящение в таинства египетской мудрости древними жрецами, знакомство с мальтийскими рыцарями и т.д. — Калиостро приукрасил все события своей жизни или даже выдумал их, следуя той модели, благодаря которой рассказы о магах и мудрецах легко было отличить от любых других. Как уже отмечалось ранее, первые годы жизни Калиостро во многом напоминают легенду о Кристиане Розенкрейцере; но это лишь характерные черты такого рода рассказов. Существует предположение, что наставником Калиостро, которого тот называет Альфотас, был Сен-Жермен, и события, описанные магом, действительно имели место, хотя и не были столь необычными, как это подается в *Мемуарах*. По крайней мере, Альфотас-мудрец действительно существовал в жизни Бальзамо-Калиостро. Но едва ли это был Сен-Жермен, поскольку тот обычно искал себе учеников среди сильных мира сего. Впрочем, такая возможность не исключена. Калиостро кое-что знал о Сен-Жермене, поскольку выдавал себя за него в 1779 году, в то время как сам Сен-Жермен жил тогда в Шлесвиге. Тогда Калиостро потерял его из виду, но они наверняка были знакомы ранее. Однако все это — не более чем предположения. Совершенно очевидно, что Калиостро выдумал историю своей жизни по определенному образцу. Ему даже не пришлось создавать этот образец самому — тайные общества сделали это за него.

Власть этих обществ над своими членами как нельзя лучше прослеживается в характере героя *Мемуаров*. Если Бальзамо и Калиостро — одно лицо, то существенно важным становится тот факт, что подлое коварство сицилийского мошенника сменилось возвышенными стремлениями, после того как маг стал членом масонской ложи 12 апреля 1777 г. Изменения (возможно, произошедшие не сразу) были настолько заметными, различие в поведении и речи (а может быть, и в мыслях) — настолько поразительным, что это можно считать самым главным дока-

зательством в пользу того, что Бальзамо и Калиостро, столь различные на первый взгляд, все-таки один человек*.

Так рассказывает об этой перемене Фигурьер:

«Его речь, манера держаться, внешний вид — все изменилось. Он говорит только о путешествиях в Египет, Мекку и другие далекие страны, о науках, в которые был посвящен у подножия пирамид, о тайнах Природы, которые были открыты им. В то же время, он говорит очень мало, погруженный в таинственное молчание»**.

Если не духовная, то по крайней мере интеллектуальная перестройка имела место после вступления в Ложу Эсперанса («филиал» Ордена Строгого Обряда), происходившего в «Голове Короля» на Жерард Стрит в Сохо. Калиостро не отрицал подробностей своего посвящения, описанных Моранде в *Courrier de l'Europe*, хотя в *Lettre au Peuple Anglois* отметил, что если Моранде масон, он не имел права писать этого вообще; если же нет — ему не следовало говорить о том, чего он не знает. Калиостро подтвердил, что он был принят в Ложу Эсперанса и прошел четыре ступени: ученичество, рыцарство, затем стал Мастером, а после — Великим Мастером. Моранде приводит следующую клятву вступающего в ложу:

«Я, Джозеф Калиостро, перед лицом великого Создателя Вселенной и моих наставников в этом уважаемом обществе, клянусь подчиняться их воле и в страхе преклоняюсь перед ними; клянусь слепо выполнять их приказания, не пытаюсь узнать причин, и не разглашать тайны, в которые буду посвящен словом, знаком или письменным символом»***.

Конечно же, обряды и церемонии, описанные Моранде, не были такими величественными, какими их изображает Люче. Они скорее носили характер испытаний, через которые проходили мальчики, поступающие в подобную школу (так, по крайней мере, пишут в романах). Так, обряд инсценирования смерти и последующего воскрешения заключался в том, что посвящаемый, приставив незаряженный пистолет к виску, должен был сам нажать курок. Наверняка существовали более зрелищные обряды. Но каков бы ни был их характер, они производили впечатление на

* Ср. У.Р.Г. Трубридж, *Калиостро, блеск и нищета великого мага*, Лондон, 1910.

** Луи Фигурьер, *Histoire du Merveilleux dans les Temps Modernes*, Париж, 1861, IV, стр. 93.

*** Трубридж, в цит. раб. стр. 112. «Обнаружить» в данном случае, конечно, означает «раскрыть».

новичка своей непредсказуемостью. И, если считать, что этим новичком был Бальзамо, обряды провоцировали перемену в нем, если судить по его поведению впоследствии. Вполне вероятно, что Бальзамо осознал все преимущество принадлежности к этой ложе, когда О'Рейли вырвал его из рук жуликов и мошенников и избавил от угрозы заключения в тюрьму. О'Рейли был владельцем таверны «Голова Короля», где собирались члены Ложи Эсперанса, и наверняка сам был членом этого общества. Очень запутанная история о преследовании Бальзамо-Калиостро подпольной организацией Скотт-Фрай (или о его неудачных попытках вымогать у них деньги) говорит о том, что ему было не место среди воров, с которыми он связался, а также о том, что Джузеппе не был мелким мошенником, каковым его принято считать. Возможно, именно печальный опыт общения с отбросами лондонского общества повлиял на его решение начать жизнь сначала под именем Калиостро.

Однако, он избрал не путь непорочной добродетели, но гораздо более опасный и извилистый путь. По некоторым сведениям, Бальзамо-Калиостро нашел в одной книжной лавке в Лондоне старинную рукопись под названием *Масонство в Египте* и был очарован тайной и великолепием описываемых в ней обрядов, восходящих к золотому веку ритуалов, когда этим искусством владели только боги и великие пророки. Но постепенно магия и суеверия вошли в обряды масонов и других тайных обществ, что исказило их суть (в чем он был уверен до конца жизни). Калиостро был исполнен намерений очистить древнюю традицию от чужеродных влияний и открыть ее миру, забывшему о божественных знаниях, сокрытых в ней. Но никто не мог быть посвящен в тайны египетского масонства, не являясь масоном. Египетское масонство можно рассматривать как более высокий уровень, имеющий неоценимые преимущества с практической точки зрения, поскольку основы уже были заложены и существовала связь между всеми тайными обществами. Несомненно, в оригинальном проекте Калиостро было что-то современное: европейские ложи, не пытаясь бороться с обрядами, занявшими место предыдущих и развившихся из них, смирились с создавшимся положением, но принимали его без энтузиазма, так присущего всем тайным обществам. Сам Калиостро очень серьезно относился к распространению египетских традиций и ритуалов; он целеустремленно занимался этим и добился поразительных результатов. Традиция, берущая начало, по поверьям, от Еноха и Илии, учила любви к Богу, к человечеству, обещала бессмертие души и воскрешение — как духовное, так и физическое —

всем, кто следует ей. Ничего нового или необычного в этих положениях не было, но Калиостро придал им новый смысл:

«Мы упоминали Великого Магистра ранее. Это основатель, или, что вернее, реформатор египетского масонства. Калиостро без колебаний признал, что посвятил себя служению ему. Это заявление подтверждают многие. В египетском масонстве Великий Магистр имеет положение великого Бога. Существуют торжественные обряды поклонения ему; он имеет власть над ангелами; в горе все обращаются к нему; все происходит по воле его, которой наделил его сам Господь»*.

Так писал один из членов суда инквизиции, имея перед собой книгу Калиостро о египетском масонстве, содержание которой он кратко изложил в своих записях. Существуют и другие отзывы об этой книге, совпадающие с вышеупомянутым, в частности, так пишет о ней Элиз фон дер Реке в 1779 г., когда Калиостро находился в Митау:

«Калиостро — один из последователей Илии... Его ученики никогда не умирают, если только не посвятят себя черной магии; когда их тело стареет, они восходят на небо, подобно своему великому учителю. С периодичностью в 12 жизней происходит очищение — ученики умирают, но воскресают вновь, как Феникс из пепла. Таким образом, Феникс является аллегорическим образом этих великих магов... Если мы услышим, что он умер, а затем вновь появился живым, это значит, что он устоял против искушений злых сил и достиг четвертой ступени... Калиостро говорил о любви, которая существовала между детьми неба и земли, и дал понять, что не только Христос, но и он сам произошел от этого союза...»**

Другой человек в Митау (в отличие от Элиз фон дер Реке), настроенный враждебно, писал следующее:

«Сведения о Фредерике Гуальди из Италии, попавшие в его руки, дали ему возможность сочинить историю о собственном древнем возрасте и химических опытах. Иногда он называл себя Гуальди, Илией, Сен-Жерменом и даже Соломоном»***.

Описание обрядов, совершаемых Калиостро как Великим Магистром, приводимые различными авторами (кроме маркиза де Люче), гово-

* Гюнтер, в цит. раб. стр. 78. Книга Калиостро была публично сожжена после суда вместе с остальными его бумагами.

** Гюнтер, в цит. раб.; Элиз фон дер Реке, *Nachricht von der beruchten Cagliostro Aufenthalt in Mitau im Jahre 1779...* стр. 271, 273, 289 (сноска).

*** Гюнтер, в цит. раб. Дж. Дж. Фербер, *Калиостро в Митау*, стр. 308. Гуальдо — это, конечно, «Мрачный Синьор» Гуальди.

рят о том, что, хотя обстановка и была величественной и великолепной, сама церемония была достаточно простой и походила на сеансы ясновидения, во время которых ребенок, вглядывающийся в сосуд с водой, видел там ангелов и события будущего. Мастер, проводящий церемонию, Великий Магистр, заставлял верующих преклоняться перед ним, но бесстрастные наблюдатели находили нелепыми его высокопарные речи и смешение различных языков, которыми он не владел в должной степени. Элиз фон дер Реке, очарованная Калиостро, не раз отмечала странное сочетание вдохновения и обыденности в его речах. Тем не менее, Калиостро вызывал такую преданность и веру в людях благодаря тому, что овладевал их умами. Скорее всего, этот дар развился у него уже после вступления в масонскую ложу.

Злые языки называют Джузеппе Бальзамо мелким мошенником, главным козырем которого была красота его жены, бесстыдно этим спекулировавшего. Даже если жены на самом деле не было, не возникает сомнений в том, что этот человек вел бесчестный образ жизни и (если судить по его отношениям с лондонским обществом Скотт-Фрай), часто обманывая других, не раз был обманут сам. Мошенничество Калиостро, а такое, безусловно, имело место, было куда более крупного масштаба. Но не все его «чудеса» были обманом. Он обладал магнетическими и психическими способностями в начале своей карьеры, но часто по их милости попадал в затруднительное положение. В зените славы Калиостро отличало великодушие, благородство и милосердие. За это его стали называть Другом Человечества. Бальзамо же был против всех, и все были против него. Изменения в поведении, зачатки раздвоения личности — к этому предрасположены многие люди, наделенные чрезмерной силой и властью. Возможно, догмы масонства освободили благородную натуру неопфита, и даже если это благородство было фальшивым, власть, которую получил Калиостро, не была доступна Бальзамо. Даже в то время, когда верили в чудеса, ни одному человеку не удалось бы очаровать столь многих знатных вельмож и простых людей, как это сделал Калиостро, и уж конечно это не удалось бы Бальзамо, мелкому мошеннику, каковым его считали. Возможно, последнего просто оклеветали; возможно, в маге уживались две личности, каждая из которых стремилась занять лидирующее положение. Последнее предположение объясняет то, что речь этого человека была непоследовательна, и он не мог ясно выразить свои мысли ни на одном языке. Когда он был Калиостро, у него не было родного языка. Если принять эту версию, течение его жизни было следующим: Бальзамо,

Бальзамо-Калиостро, Калиостро, Калиостро-Бальзамо, Бальзамо-Калиостро; но никогда больше просто Джузеппе Бальзамо.

Покинув Англию в ноябре 1777 года, он путешествовал по Европе, проповедуя египетское масонство и основывая ложи в Брюсселе, Гааге, Нюрнберге, Лейпциге, Милане, Данциге и Кенигсберге. В марте 1779 года он прибыл в Митау, получив славу волшебника и духовного наставника. Там он произвел впечатление на аристократический круг Элиз фон дер Реке, которая сама стала горячей его поклонницей. Впоследствии она отзывалась о нем не иначе как о шарлатане, и через 8 лет опубликовала свои записи о его пребывании в Митау (написанные в 1779 г.), когда Калиостро был в опале. Полагают, что Бальзамо-Калиостро был и в России, но достоверных сведений на этот счет не имеется. Скорее всего, пребывание его в этой стране было непродолжительным и имело роковые последствия. По слухам, то же самое произошло с ним и в Варшаве, где его разоблачили. Однако, как свидетельствует Лаборд, в Варшаве Калиостро проявил свои чудесные способности ради одного неверующего, чье прошлое, настоящее и будущее Великий Магистр отчетливо увидел. После этого он уехал во Франкфурт. Утверждают, что там он встречался с Книгге, который выделил ему средства на распространение революционного учения, которое проповедовало его тайное общество. Достоверно известно то, что Калиостро с триумфом прибыл в Страсбург 19 сентября 1780 года; там ходили слухи о том, что он волшебник. В течение трех последующих лет имя Калиостро было у всех на устах. Лаборд говорил о пятнадцати тысячах больных, излеченных магом (очевидно, он преувеличивал); но даже по свидетельствам недоброжелателей Калиостро, он действительно обладал даром целителя, и по приемным дням к нему приходило от 5 до 6 сотен больных. Калиостро излечивал людей с помощью магнетизма и веры в выздоровление. В отличие от Месмера, он не пользовался никакими приборами и полностью полагался на силу прикосновения своих рук и несколько капель эликсира. Маг никогда не пытался извлечь выгоду из своего дара. Он отказывался принимать деньги за свои услуги и сам оплачивал медикаменты, и, более того, помогал бедным и нуждающимся. Скорее всего, Другом Человечества его называли в Страсбурге или же в Бордо и Лионе, куда он был вынужден переехать, спасаясь от преследований своих коллег-врачей. Приблизительно в то же время он очаровал могущественного кардинала Рохана, который был уверен, что собственными глазами видел, как маг из ничего сотворил огромный бриллиант, и показывал его (теперь кардинал сам носил этот камень) скептически

настроенной мадам д'Оберкирч. Позже кардинал говорил, что Калиостро сотворил слиток золота весом в 5 или 6 фунтов и тоже подарил его Его Пресвященству. Мадам и мсье д'Оберкирч не верили волшебнику и презирали его, но даже они признавали, что он был филантропом. Мадам рассказывала также о том, что маг буквально очаровал всех вокруг, в том числе и ее саму:

«Невозможно описать, с какой страстью, с каким безумием люди жаждали его общества. Невозможно поверить в это, не увидев собственными глазами. Его окружали толпы; счастлив был тот, кого он удостаивал взглядом»*.

Подкупающе правдиво рассказывает мадам д'Оберкирч о впечатлении, которое произвел на нее Калиостро:

«Строго говоря, он не был красавцем, но я никогда не видела более интересного лица. Взгляд его как будто проникает внутрь тебя, хочется назвать его сверхъестественным. Глаза его описать трудно — это смесь огня и льда. Он притягателен и отвратителен, он пугает и вызывает неукротимое любопытство... Я с трудом устояла против его обаяния, которое не в состоянии понять, но его влияние я отрицать не могу»**.

Она также подтвердила его предсказание относительно смерти Марии-Терезы Австрийской и точной ее даты. Кардинал сообщил ей об этом предсказании за пять дней до того, как оно сбылось. В *Экспериментах со временем* Дюнн объясняет этот факт тем, что Калиостро сумел добыть эту информацию раньше по каналам, доставлявшим новости в Страсбург. Но как бы ни пытались объяснить феномен Калиостро в Страсбурге, стоит принять во внимание то, что он был велик в час своего триумфа, и (что более важно) проявил себя с лучшей стороны.

Однако, Калиостро предстояло покорить еще не одну вершину. Когда «божественный Калиостро» 30 января 1785 года прибыл в Париж, его встречали с триумфом; не многим выпадает такое счастье. Великий Магистр египетского масонства; чудесный целитель; волшебник, силой своей творящий золото и драгоценные камни; величайший из черных магов (ходили даже такие слухи), и, наконец, мудрец, владеющий тайной вечной молодости — весь Париж был у его ног. Все только и говорили о могуществе Калиостро и красоте его жены. Лоренца-Серафина, должно быть, была очень привлекательной особой и, принимая участие в египетских обрядах на улице Сен-Клод, придавала им особое очарование. Однако,

* *Мемуары баронессы д'Оберкирх*, Лондон, 1852, I, со стр. 178.

** Там же, стр. 163, 166.

описание этих событий маркизом де Люче настолько неправдоподобно, что его не стоит и цитировать, и наполнено такой злобой, что сложно сделать какие-либо достоверные выводы по этому поводу. Это было лучшее время для Лоренцы и вознаграждение за все долгие годы унижений, когда она служила приманкой в грязных делах Бальзамо (так говорила она сама). Но однажды она уже предала своего мужа (это действительно было так) и в любой момент могла сделать это снова; к тому же, она служила постоянным напоминанием о Бальзамо. Несмотря на все это, Лоренца была самым дорогим сокровищем Калиостро в Париже. Ее молодость, красота и очарование питали силу, исходящую от мага в час его славы.

*De l'Ami des Humains reconnaissez les traits;
Tous ses jours sont marques par de nouveaux bienfaits,
Il prolonge la vie, il secourt l'indigence;
Le plaisir d'être utile est seul sa recompense.*

Это четверостишие, начертанное на бюсте мага работы скульптора Гудона, породило гнев Карлейля, который обрушился на Калиостро:

«Портрет, достойный величайшего из шарлатанов: напыщенное лицо подлца, толстое, курносое, отвратительное; отвисший двойной подбородок, плоский нос; это воплощение жадности, похоти и бараньего упрямства; дерзкий, бесстыдный взгляд, в то же время ангельский и печальный, будто бы устремленный к богу; слабая улыбка — вот типичный портрет шарлатана 18 века. Вот он, этот ангельски улыбающийся...»*

Автор приводит эту цитату для того, чтобы продемонстрировать общий тон сочинения Карлейля и показать более-менее правдоподобный, хотя и злой, портрет Калиостро. Барон де Гляйшен, знавший и любивший мага, составил наиболее удачное описание его внешности:

«Калиостро был невысокого роста, но с его головы можно было лепить скульптуру вдохновенного поэта. Его манеры были отвратительными; он был хвастлив, претенциозен и высокомерен. Но не стоит забывать, что он был итальянец, практикующий врач, самозванный масонский Великий Мастер и доктор оккультных наук. Его речи были приятны и не лишены наставлений, поступки благородны. Он занимался благотворительной деятельностью; пациенты его всегда выздоравливали, и он никогда не брал за лечение ни гроша»**.

Ходили слухи о почти чудесном исцелении принца Соубизского, когда

* Томас Карлайл, *Сборник статей*, Лондон, 1887, II, стр. 520.

** Де Глейхен, *Souvenirs*, Париж, 1868, II, стр. 135.

все доктора оказались бессильны помочь ему. Послали в Париж за Калиостро. По словам Гляйшена, последний приехал в Страсбург после долгих уговоров и мольб де Рохана. Из вышеприведенного четверостишия можно заключить, что Калиостро продлевал жизнь. Но поскольку он сам признался, что владеет секретом сохранения молодости, от него ждали еще большего. В его книге *Египетское масонство* содержатся рекомендации о том, как достичь морального и физического возрождения; об этом подробно рассказывает один из членов суда инквизиции. В то время появился памфлет, в котором описываются все эти процессы. Маркиз де Люче сохранил его для потомков, чем заслужил теплую благодарность. Поскольку он весьма тесно связан с биографией Калиостро, но содержит некоторые названия, которых нет в самой биографии, автор цитирует его по книге Элифаса Леви:

«... сорокадневное уединение, которое следует воспринимать как праздник, необходимо проводить каждые 50 лет, начиная с полнолуния в мае, в обществе одного лишь преданного человека. В течении этого времени надо постараться пить только майскую росу, собранную с ростков пшеницы кусочком белой льняной материи, и есть молодые нежные побеги трав. Трапезу следует начинать большим стаканом росы и заканчивать печеньем или корочкой хлеба. На 17-й день необходимо небольшое кровопускание. Бальзам Азота следует принимать утром и вечером, начиная с 6-ти капель и каждый день увеличивая дозу на 2 капли, и так до 32-го дня. На заре 33-го дня необходимо повторить кровопускание, а затем находиться в постели до 40-го дня. На следующее после кровопускания утро примите первую крупинку Универсального Лекарства. Трехчасовой обморок после приема лекарства сменится судорогами, сопровождающимися обильным потоотделением. После этого следует полностью сменить постельное и нательное белье. Затем следует выпить бульон из постной говядины с рисом, шалфеем, валерианой, вербеной, и бальзам. На следующий день примите еще одну крупинку Универсального Лекарства, состоящего из ртути в смеси с сернистым золотом. На другой день примите теплую ванну. На 36-й день выпейте стакан египетского вина, на 37-й примите третью и последнюю крупинку лекарства. Во время глубокого сна, который последует сразу же за приемом лекарства, обновятся волосы, зубы, ногти и кожа. На 38-й день показана теплая ванна с травами, такими же, что использовались для приготовления бульона. На 39-й день выпейте 10 капель эликсира Ашарата, разведенных в 2-х столовых ложках красного вина. На 40-й день старик превратится в юношу*... таким он проживет 5557 лет или до тех пор, пока по собственной воле не пожелает отойти в мир духов**».

Это руководство очень смахивает на типичный шарлатанский рецепт;

* Э. Леви, *История магии*, пер. Уэйта, Лондон, со стр. 413.

** Уэйт, *Жизнь философов-алхимиков*, стр. 311; стр. 87, по книге Гюнтера.

но, скорее всего, посвященные в египетские обряды воспринимали его вполне серьезно и готовы были воспользоваться им, хотя трудно представить себе человека, у которого хватит мужества подвергнуть себя подобному эксперименту. Ходили слухи, что кардинал де Рохан опробовал этот метод, но безуспешно. Однако, если назвать этот рецепт шарлатанством, есть все же основание верить в то, что в это время Калиостро добился немалых успехов со своими молодыми «учениками» и юными «голубками», которых он вводил в гипнотический сон, во время которого их посещали видения, возникавшие как в сосуде с водой, так и вне его. Все это очень напоминает эксперименты Келли. Считают, что Калиостро, подобно Келли, заставлял мертвецов предсказывать будущее. Эти слухи достигли ушей маркиза де Люче, чьи анонимные *Memoire authentique pour servir a l'histoire du Comte de Cagliostro*, опубликованные в 1785 году и, по-видимому, сатирические, послужили материалом для создания легенды о Калиостро. Карлейль презрительно называл книгу «чванливой, похотливой новеллочкой, бездарно написанной, не представляющей особой ценности и, к счастью, малого объема»; но Фигурьер, Леви, Уэйт и Сакс Рохме ссылались на нее. Главными событиями это неправдоподобной «новелочки» является посвящение графа и графини в культ Сен-Жермена; обряды, совершаемые Лоренцой-Серафиной во время ее посвящения в египетское масонство; и знаменитый Банкет Умерших или Воссоединение Тринадцати, где Калиостро, 6 живых гостей и души Жозеля, Вольтера, д'Алемберта, Дидро, Монтескье и Вузенона встретились и вели беседу. По этому поводу ничего особенного сказано не было; и каким бы богатым ни было воображение автора, надежда создать что-либо гениальнее Вольтера была слишком слабой.

Калиостро был посвящен в масонство, и это имело определенные последствия. Он был вовлечен в настоящую борьбу, которая окончилась не победой, но полным поражением. Хотя события в Париже неуклонно приближали его карьеру к концу, развязка наступила неожиданно: Калиостро стал жертвой мошенничества, причем не своего собственного. Речь идет о нашумевшем деле о бриллиантовом колье, которое авантюристка Ла Мотт заставила купить себе кардинала де Рохана, якобы по приказанию Марии-Антуанетты (которая не любила кардинала) в знак ее благосклонности. Доверчивость кардинала в данном случае говорит не в пользу Калиостро, подвергая сомнению его способность подчинять себе людей, которую он продемонстрировал в Страсбурге. И на этот раз, хотя он предупредил кардинала о вероломстве Ла Мотт, тот не прислушался к

его словам. Де Рохан попросил своего могущественного друга заглянуть в сосуд с водой и узнать, как относится к нему королева, за что позднее Калиостро был обвинен в соучастии с кардиналом. Но маг не был в самом деле в Бордо и Лионе, когда Ла Мотт затевала свою интригу, и вернулся лишь за день до того, как кардинал получил ожерелье и преподнес его авантюристке. Как только Калиостро узнал обо всем, он посоветовал де Рохану арестовать Ла Мотт и доложить о происшедшем королю или министрам. Но кардинал не сумел заставить себя пойти на такой шаг. Если бы он послушался Калиостро, все могло бы быть по-другому. Но он не сделал этого, и их обоих в августе 1785 г. заточили в Бастилию; дело было передано в суд.

Речь в защиту Калиостро, составленная компетентным адвокатом Тилорье, развеяла убеждение в виновности мага; он был оправдан и выпущен на свободу 1 июня 1786 г. Речь представляет особый интерес, и прежде всего потому, что Калиостро сочинил почти мифический рассказ о своем прошлом. Тилорье убедительно рассказал его в лучших традициях современной прозы. Он изобразил своего подзащитного с лучшей стороны, и, поскольку последний отказался говорить о своем происхождении, адвокату пришлось заявить, что Калиостро до сих пор не знает, кто его родители. Но если даже что-то в речи и могло вызвать насмешку, в целом защита была проведена блестяще. Калиостро твердо придерживался намеченной им линии: он — целитель, сочувствующий бедным, и радетель за всеобщее счастье. Несколько важных писем, подтверждающих это, были включены в *Мемуары*. Они производят большое впечатление еще и потому, что были написаны в защиту мага еще в 1783 году, когда тот бежал из Страсбурга от преследований местных докторов:

«Король [писал маркиз де Сегур из Парижа маркизу де Саллю в Страсбург] приказывает Вам проследить, чтобы ему не досаждали в Страсбурге, когда он сочтет нужным вернуться; а также проследить за тем, чтобы к нему относились с почтением и вниманием, с каким он относится ко всем несчастным»*.

Не менее интересным оказалось и то, что при составлении адвокатской речи Калиостро не пожелал говорить об источнике своего богатства. Его дом, его щедрость, прекрасные драгоценности его жены Лоренцы и его собственные вызвали пересуды жителей Страсбурга. И, хотя он платил наличными и не делал долгов, казалось, у него нет надежного

* *Memoire pour le Comte de Cagliostro...*, Париж, 1786, стр. 22.

источника дохода. За этой информацией он отсылал к своим банкирам, но едва ли они соглашались рассказать о чем-либо. Скорее всего, Калиостро поддерживали тайные общества. Благотворительность была частью масонской традиции; посвящение себя бедным, высокомерное отношение к богатству и высокому положению были хорошей подрывной деятельностью, если маг действительно был эмиссаром Илюминати. Возможно, он получал большие пожертвования от вступающих в его Ложу, но на суде он утверждал (и никто не осмелился опровергнуть это), что никогда ничего не брал за лечение. Таковы были основные линии защиты, доказавшей его невиновность. Однако, Ла Мотт выдвинула против Калиостро и другие обвинения. В ответах мага на эти обвинения чувствовалось, что он теряет контроль над собой — заключение в Бастилии подорвало его нервную систему. После блестящих выступлений Калиостро вдруг впал в депрессию, и комендант крепости, беспокоясь за жизнь заключенного, приказал «сочувствующему» офицеру составить ему в камере компанию. Несомненно, больше всего Калиостро боялся быть обвиненным в занятиях магией, поэтому и придумал сказку о «чудесном» исцелении принца Субизского. Приехав из Парижа в Страсбург вместе с де Роханом, он узнал, что врачи заметили улучшение состояния здоровья принца:

«Я сказал ему [Рохану], что не пойду к принцу, поскольку не хочу присваивать себе славу, которая принадлежит другим»*.

Отрицал он и свои эксперименты с сосудом с водой, называя это занятие безобидной комедией и развлечением, где задействован лишь природный магнетизм, и отвергал предположения о том, что эти занятия сопровождались ритуальными действиями. Маг заявил, что не делал никаких предсказаний, хотя на обвинение в том, что он является лживым пророком, ответил так:

«Не всегда. Если бы Его Преосвященство кардинал де Рохан послушал меня, он бы не поверил графине де Ла Мотт, и мы не были бы здесь сейчас»**.

Когда Калиостро называли «подлым алхимиком», он протестовал только слово «подлый», умолчав об «алхимике», и отказался говорить о философском камне, заметив только, что мог думать о нем что угодно, но ни с кем не разговаривал на эту тему. Калиостро отрицал свою причастность к эликсиру жизни и попросил Ла Мотт показать ему хотя бы

* Там же, стр. 19.

** Там же, стр. 39.

одного «богатого человека», которому он продал эликсир, а также, что якобы говорил о своем древнем возрасте, присутствии на свадьбе в Кане галилейской и своем членстве в ордене розенкрейцеров, состоявшем из мистиков всех сортов. В течение всего процесса Калиостро и словом не обмолвился о египетском масонстве. На последнее обвинение в чародействе он красноречиво ответил, что прощает свою несчастную противницу, какой бы тяжелой ни была ее вина, потому что 6 месяцев в Бастилии — достаточный для этого срок. На самом деле все эти оговорки и увертки преследовали одну цель — отрицать принадлежность Калиостро к магии, и это наверняка разочаровало, хотя и не ввело в заблуждение, его сторонников.

Однако, разоблачение Калиостро было уже близко. На суде маг был совсем другим человеком, чем его привыкли видеть при дворе. Его нелепый наряд, напыщенная речь, вавилонское смешение языков вызывало неукротимый смех. Великий Магистр на суде превратился в шута. В конце концов на вопрос о том, кем же он является на самом деле, он ответил: «известным путешественником», чем вызвал новый взрыв смеха. Его поведение завершило то, что было начато автором *Мемуаров*; признание, которое он с такой легкостью получил, было утрачено навсегда. Так, овации, приветствовавшие его освобождение и согревающие сердце мага, были направлены скорее против королевского двора, чем в поддержку Великого Магистра. Королевский двор отплатил за это. Не успел еще Калиостро насладиться свободой, как был изгнан из Франции: так монархия пыталась восстановить утраченную власть и влияние. Какая злая судьба заставила Калиостро искать убежище в Лондоне, в городе, где у него уже были однажды неприятности?

Прибыв в Лондон 16 июля 1786 г., он 20 июля написал известное *Lettre au peuple françois*; эмоции, бушевавшие в душе Калиостро, Тилорьер или кто-то другой оформил на прекрасном французском. Это послание быстро размножилось, и даже сейчас нельзя читать его, оставаясь равнодушным:

«Неужели все тюрьмы похожи на Бастилию? Вы не представляете себе всех ужасов этого места. Здесь царят циничная дерзость, отвратительная ложь, лицемерие, неприкрытая жестокость, издевательства, несправедливость и смерть. Непроницаемая тишина — последнее из преступлений, совершающихся здесь... Некоторые погребены здесь уже 30 лет, их считают умершими, но они живы. У них, подобно мильтоновским падшим душам, хватает света лишь на то, чтобы разглядеть окутывающую их тьму. Я говорил это, будучи заключенным, и повторяю уже свободным человеком: нет такого преступления, кото-

рое не искупили бы 6 месяцев в Бастилии. Говорят, в этой стране достаточно палачей, и я охотно верю в это. Меня спрашивают, возвращусь ли я во Францию, если Его Величество изменит свое решение? Да, отвечаю я — когда Бастилия станет площадью для гуляний. Пусть бог сотворит такое чудо. У вас есть все для счастья, французы... Все, что вы хотите, мои добрые друзья, так это спать спокойно, зная, что вы ни в чем не виновны. Добиться этого — задача вашего парламента. Однако слабые не смогут сделать этого...»*

Это письмо, безусловно, носит революционный и пророческий характер. Некоторые из разошедшихся вариантов письма являются прямым предсказанием будущих событий. Достоверность нижеследующего отрывка сомнительна, т.к. его цитировал член суда инквизиции, чтобы показать, как опасен преступник Калиостро**. Но Петракконе, который видел все эти варианты, предлагает следующий:

«Да, я говорю вам: в стране будет править монарх, который будет известен тем, что отдаст свою власть Совету Министров и отменит 'lettres de cachet'. Он поймет, что оскорбление власти наносит вред ей самой. Он не захочет соперничать со своими министрами, а предпочтет быть первым среди французов»***.

Первая стычка мага с властями закончилась в пользу Калиостро: он не только смог оправдать себя, но и предсказал падение системы, которая чуть не уничтожила его самого. Более того, он показал, что маги более человечны, чем те, кто ищет власти и богатства общепринятыми способами. Это правда, что Калиостро обманывал многих; но многим он принес счастье. Его выпады против Бастилии говорят о нем как о человеке более цивилизованном, чем сильные мира сего, наживавшиеся на Бастилии и подобных учреждениях. Высказывания такого рода повлекли за собой репрессии. Поскольку правительству Франции не удалось заманить Калиостро обратно в страну, орудием их мести стал Моранде. Редактор *Courrier de l'Europe* служил теперь стране, которой в прошлом нанес немалый вред. О нем рассказывали разные истории, в том числе и о том, как он шантажировал герцогиню дю Барри, угрожая опубликовать компрометирующие ее материалы. С помощью Бомарше он переправил часть этих материалов в Лондон, и герцогиня согласилась выплатить ему 5000 гиней. Через некоторое время Моранде все же опубликовал эти материалы. И это был человек, которому правительство доверило

* Ср. Петракконе, в цит. раб. стр. 113, и раб. Сакса Ромера *Романтика колдовства*, Лондон, 1914, стр. 227.

** См. Тробрайдж, в цит. раб. стр. 255. Сакс Ромер и Петракконе видели этот вариант, но у меня не было возможности у них проконсультироваться.

*** Петракконе, в цит. раб. со стр. 113. Этот вариант был опубликован в 1787 г.

важное задание разоблачить Калиостро. У «известного путешественника», фигурировавшего в деле о бриллиантовом колье, было множество имен, в том числе необычное — «Ахарат», — так звали его в молодости. В свое время предпринимались попытки выяснить, кем же был маг на самом деле, и в досье Лоренцы Бальзамо (которое могло быть и сфабриковано) содержался весь необходимый материал. Моранде использовал досье в своих целях, дополнив его фактами временного пребывания Бальзамо в Лондоне в 1772 г. и посещения этого города Бальзамо-Калиостро в 1776—1777 гг. Он предпринял первые шаги 1 сентября 1786 г.; это было его первой удачей. Не оставляло сомнений то, что «божественный Калиостро», Друг Человечества и Великий Магистр египетского масонства, и мелкий мошенник Джузеппе Бальзамо есть одно и то же лицо. Если основываться на версии о раздвоении личности, это вполне понятно. Но если не принимать ее во внимание, остается загадкой, как Бальзамо сумел достичь головокружительных высот Калиостро, совершал чудесные исцеления и творил благородные дела. Это утверждение, однако, причинило немало вреда магу. Это было не только пятно на его репутации, он просто перестал уважать себя. Мага заставили вспомнить Бальзамо и его темные делишки, о которых Калиостро забыл, выдумав таинственные похождения мифического Ахарата. С тех пор он ни на минуту не мог забыть о своем втором «я». Память разрушала его, и конец был неизбежен — Калиостро был разоблачен.

Однако, ему удалось-таки одержать одну маленькую победу над Моранде, хотя она и была непохожа на все предыдущие. Моранде издевался над магом, сравнивая его историю со случаем, когда арабы, накормив поросенка мышьяком и выпустив его в леса Медины, отравили всех львов, тигров и леопардов в округе, которые им очень досаждали. Калиостро ответил на это в *Public Advertiser* от 3 сентября 1786 г. следующим образом:

«В физике и химии теории значат мало, насмешка -ничего, эксперимент — все. Позвольте мне поэтому провести небольшой эксперимент, который развлечет публику за счет Вас, а может быть, за счет меня. Я приглашаю Вас на завтрак в 9 часов утра 9 ноября. Вино и закуски Ваши. Я приготовлю только одно блюдо. Это будет молочный поросенок, откормленный особым способом. За два часа до завтрака я приведу его Вам живым, Вы заколите и приготовите его. Я не притронусь ни к чему до тех пор, пока не подадут завтрак. Вы сами разрежете его на 4 равные части, себе возьмете ту, что Вам больше понравится, а мне дадите какую захотите. На следующий день произойдет вот что: или мы

оба умрем, или оба останемся живы, или один из нас умрет, а другой останется жив.

Я предоставляю Вам три шанса из четырех и ставлю 5000 гиней на то, что на следующее утро после нашего завтрака Вы будете мертвы, а я — в добром здравии. Признайте, это честная игра... Если Вы принимаете пари, я немедленно добавлю еще 5000 гиней; имя банкира, устраивающего Вас, назовите сами; через две недели жду такого же шага от Вас...»*

Моранде не решился принять вызов, который по сути был призывом к состязанию в искусстве магии, за что позже поплатился жизнью, как рассказывают легенды. Вероятно, Калиостро приготовил бы сильнейшее рвотное средство в случае, если бы Моранде пришел на завтрак. Но напрасно он выставил своего соперника трусом, напрасно он уничтожил остатки доброго имени журналиста, напрасно пытался доказать, что он не Джузеппе Бальзамо. К сожалению, было очень сложно что-либо отрицать, и слабым местом Калиостро было то, что он не хотел или не мог сказать, кто же он на самом деле. Другим слабым местом была его жена, Серафина или Лоренца Феличиани. Уже само это имя настораживает. Если маг все же был Бальзамо, он должен был помнить, что жена однажды уже предала его. Его нервный срыв в Бастилии наполовину был вызван тем, что он знал, что Лоренца тоже находится в заточении и может оклеветать его. По его настойчивой и унижительной просьбе ее освободили, но Калиостро не мог положиться на ее молчание. Спасаясь бегством из Лондона, где озверевшая толпа готова была растерзать мага, Калиостро бросил Лоренцу. Она попала в руки Моранде, и ему удалось вытянуть из нее всю компрометирующую мага информацию. Вернувшись к мужу, она отреклась от своих слов, но было уже поздно. Калиостро неуклонно приближался к своему концу. Одно за одним бегство в Швейцарию, потом в Италию ослабили его силы; его влияние и могущество остались в прошлом. В конце концов маг уступил страстному желанию жены вернуться к родным и выехал в Рим. Если Господь хочет наказать человека, он делает его слепым и глухим к голосу разума. Рим, несмотря на то, что Лоренца-Серафина стремилась туда всей душой, был самым опасным для масонов местом на земле: Климент XII отлучил их от церкви буллой от 26 апреля 1738 года, а Бенедикт XIV подтвердил это решение 18 мая 1751 года. Мог ли рассчитывать Калиостро на успех,

* Калиостро, *Lettre au peuple anglois*, Лондон, 1786, со стр. 50. Очень похожую историю рассказывают о вызове, брошенном Калиостро главному лекарю Екатерины Великой. См. Фигуиер, в цит. раб. iv, со стр. 9. цит по *Gazette de Sainte*.

проповедуя в этом городе? И как иначе он мог заработать себе на жизнь? Его состояние испарилось, как снег зимой: если тайные общества и финансировали его прежде, они отказались делать это сейчас, когда выяснилось, что Калиостро — это мошенник Бальзамо. Маг был без гроша, когда приехал в Рим. Он попытался обезопасить свою жизнь и свободу, исповедавшись монаху-бенедиктинцу и отрекшись от масонства. Маг вел себя так осторожно, что (благодаря рекомендательному письму епископа из Трента) был благосклонно принят несколькими кардиналами. Но он не мог жить без своей логи, как наркоман без кокаина, не говоря уже о финансовых затруднениях. Он приехал в Рим в конце мая 1789 года, и уже в середине сентября провел первый обряд посвящения в египетское масонство. По описанию аббата Лукантонио Бенедитти, датированного 15 сентября 1789 г., цитируемого и частично переработанного Петраконе, обряд проходил по обычной схеме:

«Я вынужден был присутствовать на собрании, возглавляемом Калиостро на вилле Мальте около Порты Пинчиана, не в состоянии противостоять мольбам М.Р., которая просила, чтобы я сопровождал ее. Я пришел туда около 2-х часов ночи; мы назвали слуге в ливрее пароль, и он провел нас в огромный, ярко освещенный зал; на стенах были изображены различные символы. В зале были статуи египетских, ассирийских и китайских богов. На стене большими буквами была сделана надпись: *Sum quidquid fuit, est et erit. Nemoque mortalium mihi adhuc velum detraxit...* Напротив сидящих в зале возвышалось некоторое подобие алтаря с шарлатанскими штучками: совами, черепами, змеями, тиграми, ретортами, колбами и амулетами... Через некоторое время вошел сам граф Калиостро. Это был невысокого роста, полноватый, осунувшийся, зловещего вида человек; он соответствует общепринятым представлениям о нем. Вслед за ним вошла его жена; она действительно очень красива, но более напоминает статую с остановившимся взглядом».

Калиостро произнес следующую речь:

«Я расскажу вам сегодня историю моей жизни и открою вам прошлое; я подниму скрывающую меня завесу, и вы увидите все. Войдите и слушайте. Я вижу огромную пустыню, гигантские пальмы отбрасывают тень на песок, величаво течет Нил, тут и там таинственно возвышаются сфинксы, обелиски и колонны. Вот великолепная стена, бесчисленные храмы вокруг, пирамиды, упирающиеся вершинами в небо, таинственные лабиринты. Это священный город Мемфис. Великий король Птолемей III с триумфом въезжает в этот город после победы над сирийцами. Я вижу... но сейчас я в другом мире. Передаю мной другой город; вот храм, священный храм, где поклоняются Иегове, но не Осирису... Новые боги пришли на смену старым. Я слышу голоса; пророк,

сын Господа, громко плачет. Кто он? Это Христос... Да, я вижу Его. Он на свадьбе в Кане... смотрите, он превращает воду в вино... Нет, он не единственный, кто может сотворить это чудо. Я покажу его вам и раскрою свой секрет. Я знаю все, я всеведущ, бессмертен и очень стар. *Ego sum qui sum*'.

Прервав свое беспорядочное повествование, Калиостро взял кувшин с водой и, вернувшись к реальности, налил в сосуд несколько капель желтой жидкости из ампулы. Они окрасили воду в золотисто-желтый цвет. Несколько человек попробовали эту жидкость и сказали, что она превосходна на вкус. Калиостро признался, что это лучшее фалернское вино. После этого маг продолжил раскрывать свои секреты и дал нескольким присутствующим выпить эликсир долголетия, сказав, что действие его проявится сразу же. Лица этих людей покрылись румянцем, они стали оживленнее.

Но Бенедитти заметил: «Я не верю в то, что эликсир действует так же, как стакан хорошего вина». После этого Калиостро продемонстрировал эксперимент с увеличением драгоценных камней — он увеличил камень на перстне кардинала Берне; но аббат не поверил в это. Бенедитти писал: «Маг позвал в зал девушку и попросил ее посмотреть в сосуд с водой. Девушка, которую он назвал своей ученицей, сказала, что видит широкую дорогу, соединяющую два города, и бегущую толпу, кричащую *Долой короля!* Калиостро спросил, в какой стране это происходит. Девушка ответила, что люди кричат *Версаль!*, и что в толпе есть дворяне. Калиостро обернулся к сидящим в зале и произнес: «Ученица предсказала будущее. Скоро Людовика XVI в Версале атакует толпа народа во главе с герцогом, монархия будет свергнута, Бастилия разрушена, и свобода сменит тиранию». «Черт возьми! — воскликнул Его Преосвященство кардинал де Берне, — ты предсказываешь такое нашему королю?» «Сожалею, но это действительно произойдет», — ответил граф...» Калиостро рассказал кое-что о египетских обрядах; только двое решили вступить в ложу — маркиз Вивальди и монах-капуцин»*.

Сбывшееся чудесное предвидение штурма Версаля под предводительством герцога Агильона 5 октября 1789 года побудило Калиостро написать министрам послание с просьбой разрешить ему вернуться во Францию и жить под их покровительством, соблюдая законы. Но оно было оставлено без ответа. В суматохе парижских событий ранее известный и влиятельный волшебник был забыт навсегда. Он предсказал победу революции и, возможно, этим ускорил все события; вероятно, он принимал в них активное участие, но в тот момент был абсолютно бесполезен, и никто даже пальцем не пошевелил, чтобы содействовать его возвращению. Между тем тучи вокруг Калиостро сгущались. Несмотря на все свои убеждения, чудеса, пророчества и эликсир молодости, ему удалось

* См. Петракконе, в цит. раб. со стр. 156. Хотя взятие Бастилии произошло 14 июля 1789 года, полностью она была разрушена только гораздо позже.

заманить в сети египетского масонства лишь двух дохлых мух. Настали худшие времена. Уставшая от беспокойной жизни и грубого обращения низверженного мага (как об этом потом рассказывали), но еще более желавшая жить по законам своей религии, которую она никогда не забывала, Лоренца-Серафина донесла (или семья заставила ее сделать это) на своего мужа инквизиции. Женщину поддержали члены ее семьи, друзья и знакомые. Калиостро был арестован 27 декабря 1789 г. и заключен в крепость Сен-Анжело. Судебный процесс продолжался с 4 мая 1790 г. по 22 июня того же года; были проведены 43 допроса. По его завершению мага приговорили к смертной казни как еретика и масона (приговор не был вынесен до 7 апреля 1791 г.); впоследствии Папа заменил смерть пожизненным заключением. Лоренца, на допросе отца-исповедника настаивавшая на своих обвинениях, была сослана в монастырь. Калиостро перевели в ужасную башню в Сан-Лео, где он и умер от апоплексического удара, по официальной версии, 26 августа 1795 г. Это было подтверждено комендантом крепости и медицинской экспертизой, хотя многие считают, что Калиостро убили.

В Америке рассказывают о том, что маг задушил священника, которому собирался исповедоваться, и в его одежде бежал из тюрьмы; однако не стоит этому верить. Даже если это и было правдой, князь Бернард Сакс-Веймар заявил, что попытка потерпела неудачу. Мадам Блаватская ни минуты не сомневалась в том, что Калиостро удалось бежать, т.к. он якобы появился в России через несколько лет после известия о его смерти и поселился в доме ее отца, где

«...в середине зимы явил чудо — тарелку клубники для больного, пожелавшего этой ягоды»*.

Однако в действительности события разворачивались совсем иначе. Безумные попытки Калиостро сначала избежать осуждения и тюремного заключения, потом попытки выбраться из башни, совершив признание и отречение, представляют собой печальное зрелище. Его полное отчаяния послание Папе с просьбой об аудиенции и обещаниями раскрыть важные тайны на благо папского престола; его бессвязные безумные послания народу, которые так и не дошли до него; его жалкий крик: «Me voicì! a moi! me voicì!», когда во время сильной грозы Калиостро почудилось, что это восставшие итальянцы пришли спасти его; наконец, переполненное чувствами послание, «тайно» переданное Сермониусу, коменданту

* Трьюбридж. в цит. раб. стр. 306.

Сан-Лео, чтобы он отдал его Папе — обо всем этом нельзя говорить без содрогания:

*Noi Alexandro I G.M. e Fr.dell'
ordine egiziano per la G.dio
ordinamo a coloro che ci appartengono
e a quelli credentai al verbo divino
Capo di G.
Sempronius semper fuit
Sempronius
Vita di
Smpr.
Elion Melion
Tetragrammaton
La fine del vivere si
apprende in questa sep-
poltura per carita
la sua
Protesta ed abiura
in presenza di Dio e del
Popolo contro a
Memoriale del Conte
di Cagliostro a S.D.M. la
SS. Trinita per impetrare il ...
de' peccati,
Supplica di Alessandro I alla
Reina del cielo
MARIA SS.NELL'
ora della morte
Anael
Uriel
Gabriel
MICHAEL
Rafael
Anabriel
Zadachiel**

Это похоже на безумство, и действительно, смысла здесь немного, но

* Петраконе, в цит. раб. стр. 195.

послание выражает целостность мысли. Имена семи ангелов, упомянутые в конце (Anabriel — неправильное написание или прочтение имени Anachiel) были знакомы членам египетских лож, т.к. они были душами ангелов, которыми повелевал Калиостро и которых он часто вызывал. 'Elion, Melion Tetragrammaton' — так во время допросов записывали названия Helion, Mene и Tetragrammaton, или солнце, луну и тайное имя бога — одну из магических формул Калиостро. Таким образом, этот на первый взгляд бессмысленный вздор имеет определенное значение. Есть и другие факты, доказывающие то, что мага до самой смерти сломить не удалось, хотя нервная система его, и в обычное время легко возбудимая, была расшатана до предела. Когда пришел его конец, Калиостро дважды отказывался от причастия. Возможно, он боялся быть отравленным, но святая инквизиция расправлялась со своей жертвой только после того, как были совершены все церковные обряды. Но даже в этом случае Калиостро проявил здравый смысл, отвергая подобное утешение. Неважно, бежав или умерев в заточении, Великий Магистр египетского масонства следовал по пути Жанны д'Арк и менее известных нон-конформистов, принявших смерть за веру. Если бы Калиостро прожил еще 2 года, его освободили бы: французские войска захватили католические государства в 1797 г., и войска Папы отступили, когда начался штурм Сан-Лео. Эту мрачную крепость захватил польский легион под командованием генерала Домбровски, и первое, что сделали подяки, так это начали расспрашивать о Калиостро, которого считали мучеником борьбы за независимость. Но стремление освободить мага запоздало. «Божественного Калиостро» уже не было в живых.

Похоже на то, что если бы его не сопоставили с Бальзамо, Калиостро остался бы для потомков величайшим целителем своего времени, и его религиозные доктрины восприняли бы более серьезно. Он совершил неудачную попытку установить новую веру (или возродить старую), совершая чудеса. Он не любил магию, но занимался ею. Личность Калиостро была до такой степени загадочной, что невозможно определить, занимался ли он магией в религиозных целях, или же религия служила прикрытием для магии — был ли он кристально чистым или же постоянно лгал. Суд над Бальзамо порочит Калиостро и все его деяния, от этого никуда не деться. Для потомков этот человек стал не святым целителем, а шарлатаном *par excellence*. Он являет собой хороший пример двойственной природы магов. У всех есть свои «бальзамо». Белые маги побеждают их и становятся божествами в легендах. Черные маги становят-

ся их жертвами и попадают в ад. Калиостро метался всю свою жизнь между этими двумя борющимися половинками своей души, хотя чудеса, творимые им, говорят о том, что он являлся последователем великих мудрецов прошлого. Он говорил о своем загадочном происхождении; принял масонство, был вовлечен в захватывающую борьбу; его преследовали, пытали; он умер и, как говорят, воскрес снова. Калиостро — принесенный в жертву священник, исполняющий старинные обряды; человек, путешествовавший на Восток, основатель загадочной религии. Но он в равной степени и шулер Джузеппе Бальзамо.

ГЛАВА IV

МАДАМ И МАХАТМЫ (1831 — 1891)

Калиостро проповедовал учение о духовном возрождении, идущее, по его словам, из древнего Египта, и это привело к столкновению с господствующей (католической) религией. Но даже его мученичество не превратило египетское масонство в религиозное движение. Оно умерло вместе с Калиостро. Однако, интерес к магии стал постепенно возрождаться. Френсис Баррет в своей книге *Маг, или Наблюдатель свыше*, опубликованной в 1801 г., призывал изучать древнюю и современную магию и попытался организовать школу магии, куда набрал 12 учеников. Удалось это дело или нет, вскоре его затмил великий французский оккультист аббат Альфонс Луис Констант (1810 — 1875 гг.), который под псевдонимом Элифас Леви привлек всеобщее внимание к предмету магии. Во что пишет о нем английский переводчик Уэйт:

«Для всех школ без исключения Элифас Леви... был источником вдохновения. Существуют доказательства, что его магические эксперименты служили основой для многих обществ, тайно или открыто связанных с магией. Элифаса Леви можно назвать основоположником современного трансцендентализма. Он использует восточную философию оккультизма самым оригинальным образом по совершенно очевидной причине — он является современным магом, обратившимся к заповедникам магии и посвятившим себя их изучению»*.

На страницах книги Леви ожили умершие идеи *Мага*. Леви назвал Бульвера-Литтона одним из своих учеников. Это произошло скорее всего благодаря тому, что последний присутствовал при вызове духа Аполлония Тианского, который Леви проводил в Лондоне. Влияние оккультизма явно ощущается и в его литературных произведениях *Странная история*, *Новая раса*, *Преследуемые и преследователи* и *Цанони*. Прообразом главного героя последнего романа является Сен-Жермен и загадочный Гуальди, член тайного общества, известного даже более, чем общество розенкрейцеров, и управляющего судьбами человечества:

«Был ли Цанони членом этого мистического общества, владеющего секретом философского камня, братья которого считали себя последователями хал-

* А.Э. Уэйт, *Тайны магии*, Лондон, 1897, со стр. xii.

дейских магов и Платона и отличались от черных магов добродетельной жизнью, чистотой своего учения, которое провозглашало разум основой мудрости и глубиной религиозной веры?»*

К счастью, ответ на этот сложный вопрос — положительный. Цанони был членом этого внушающего трепет братства и сыграл роль, подобную той, какую, по слухам, сыграл Сен-Жермен, чтобы предотвратить Революцию. Сходство этих двух людей не подлежит сомнению, и неудивительно, что Цанони, окруженный романтическим ореолом произведения Бульвера-Литтона, был воспринят как *beau ideal* духовной жизни. Мадам Блаватская была одной из его поклонниц; работы Элифаса Леви были для нее руководством в теории и практике магии. Цанони содержит зародыш теософского общества, в основу учения которого были положены идеи Леви. По свидетельству Эммета Колемана, около 200 положений из его работ цитировались в *Разоблаченной Изиде и Тайной Доктрине*. К тому же, теософское общество издало в 1883 г. *Парадоксы величайшей науки* — труд Леви на английском языке. Перевод был сделан с рукописи на французском. Были опубликованы и письма Леви к барону Спедальери. В *Теософе* за октябрь 1881 г. печаталась его статья *Смерть* с комментариями Кута Хуми, как принято считать; в своих письмах к Синнету мадам Блаватская неоднократно упоминала французского оккультиста. Автор приводит два из них, наиболее, по его мнению, интересных:

«Просишь рассказать 'немного подробнее' об Элифасе Леви? Но что я знаю о нем? Я никогда не видела его. Я знаю только то, что слышала о нем. Он — самый образованный и мудрый каббалист и оккультист-теоретик. Но кто сказал тебе, что он адепт-практик? Наверняка, не я. Он сам пишет в своих работах, что никогда не совершал магических обрядов, за исключением одного раза в Лондоне, когда он вызывал дух Аполлония Тианского... Я никогда не слышала раньше, что он так грязен и прожорлив. Но миссис Гебхард настаивает на этом — ей лучше знать, ведь она видела Леви. Моя тетка ездила к нему в Париж. У нее сложилось о нем плохое мнение — он взял 40 франков за одну минуту беседы с ней и разъяснение карт Тарот»**.

«Самая большая и многообещающая школа в Европе — это была последняя попытка организовать школу такого профиля — самым печальным образом развалилась что-то около 20-ти лет назад в Лондоне. Это было секретное

* Эдвард Бульвер-Литтон, *Цанони*, Лейпциг, 1842, со стр. 40.

** Письма Е.П. Блаватской А.П. Синнету, Баркер, Лондон, 1925, стр. 62. От Е.П.Б. к А.П.С.; Адьяр, 27 сентября, 1883 г.

заведение для обучения магов-практиков, основанное под видом клуба для 12-ти учеников под началом отца лорда Литтона. Для этого он пригласил трудолюбивых учеников-энтузиастов и выдающихся ученых в области гипноза и «обрядовой магии», таких, как Элифас Леви, Регацони, Конт Цергван-бей. Но в тлетворной атмосфере Лондона «Клуб» преждевременно прекратил свое существование»*.

Вполне возможно, что этот прекративший свое существование «Клуб» был продолжением попытки Баррета собрать вокруг себя 12 учеников и обучать их практической магии. Как бы то ни было, работы Бульвера-Литтона и Элифаса Леви подогревали богатое воображение Елены Петровны Блаватской. О жизни этой женщины, окончившейся трагически, известно достаточно, чтобы не описывать ее здесь в деталях. Однако биография ее заслуживает внимания, подобно жизни Жанны д'Арк, поскольку достоверные факты очень напоминают легенду, не говоря уже о тех, что являются мифическими сами по себе (многие из них возникли из слухов, что Блаватская сама была магом) и следуют давно установившейся традиции.

Хотя Е.П.Б. никогда не заявляла о своем божественном происхождении, она верила в воплощения и утверждала, что в своей прошлой жизни была Парацельсом. Женщина намекала также на очень древний возраст Сен-Жермена и Цанони. О рождении этой русской дворянки было известно все, но то, что она родилась в ночь с 30-го на 31-е июля, по славянским поверьям наделило ее властью над земными духами. Кроме того, в стране тогда свирепствовала холера, и девочка «была исторгнута в мир гробов и отчаяния». Пожар, начавшийся во время ее крещения, можно расценивать как мистическое событие. Однако, все вышеперечисленное не может сравниться с воспоминаниями родных девочки. Нелегко найти такого одаренного ребенка и домашнего тирана, каким была Лена. Беспокойная, непослушная, неукротимая, необыкновенно ловкая, девочка вела себя так, как, по легендам, вели себя в детстве Геракл, Кришна и Христос. Пусть эта маленькая богиня и не творила чудеса, она обладала способностью очаровывать и пугать своих друзей и суеверных слуг силой своего воображения, которое пленяло и ее саму. Лена обладала особым даром, и, хотя он сохранился у нее на всю жизнь, он никогда полностью не раскрылся:

«Она никогда не говорила в зрелые годы так, как в детстве и юности [пи-

* Письма Махатмы А.П. Синнету, Баркер, Лондон, 1927, со стр. 209. От Кут Хуми А.О. Хьюму, 1881 [?].

сала ее сестра еще при жизни Е.П.Б.]. Поток ее красноречия иссяк, источник вдохновения, казалось, был утрачен!»*

Облака славы в последние годы жизни Блаватской превратились в плотный непроглядный туман. Бурные детство и юность, сменившаяся непродолжительным и не менее бурным периодом замужества, были прелюдией к годам легендарных путешествий, маршруты которых невозможно проследить. По ее собственным свидетельствам, она побывала почти во всех странах мира в течение 2-х десятилетий (1848—1858 и 1864—1873 гг.) в поисках оккультных знаний, и все это время не общалась с семьей. Это может быть правдой, но ее заявление о том, что во время своего пребывания на Тибете она была посвящена в ламаизм и провела там 10, 7 или 3 года, а то и несколько месяцев (по ее же словам), не имеет под собой достаточных оснований. Она действительно пыталась попасть на Тибет, но не получила на это разрешения английских властей. Возможно, потом ей повезло больше. Майор Кросс в 1927 г. утверждал, что во время своего путешествия по северо-западному Тибету он

«узнал о появлении там белой женщины в 1867 г. — из воспоминаний стариков, на которых эта необычная путешественница произвела большое впечатление. Он решил, что это была мадам Блаватская»**.

Мы никогда не узнаем правду об этом нашумевшем посвящении; но заявление об этом представляет большой интерес и основывается, вероятно, на восточных знаниях и идеях, воскрешенных легендарным Цанони. Мисс Анна Баллард, американская журналистка, взявшая у Е.П.Б. интервью в июле 1873 г. через неделю после ее прибытия в Нью-Йорк, была изумлена одним ее заявлением:

«Я очень хорошо помню, как она с торжеством сказала: «Я была на Тибете». Я не могу понять, почему она считает это событие более значительным, чем ее путешествия по Египту, Индии и другим странам, о которых она мне рассказывала, но о Тибете она говорила с очень большим воодушевлением. Теперь, конечно, я знаю почему»***.

Е.П.Б. уже удивила свою семью своей гениальной одаренностью, экстрасенсорными способностями (как выяснилось позже) в период

* А.П. Синнет, *Случаи из жизни мадам Блаватской*, Лондон, 1903, стр. 27.

** М.К. Нефф, *Личные мемуары Е.П. Блаватской*, Лондон, 1937, стр. 162, цит. по газ. *Канадский теософ*, 1927.

*** Г. Олькотт, *Страницы из старого дневника*, Лондон, 1904, I, стр. 24.

1858—1864 гг., и теперь всю демонстрировала их в спиритических обществах Америки, в частности, полковнику Олькотту. Он рассказал об этой женщине замечательные вещи, которые можно считать или доверчивостью изумленного воображения, или свидетельством сверхъестественных чудотворных способностей. Разочаровавшиеся как в практическом, так и в теоретическом спиритизме, майор и Е.П.Б., которые с тех пор были неразлучны, организовали в 1875 г. Теософское общество; в 1879 г. они переехали в Индию, и в 1882 г. руководство общества разместилось в Адьяре (ранее — в Бомбее). В это время благодаря стараниям Е.П.Б., среди членов общества были не только индийцы, но и англичане. Скрытый конфликт с «магами-соперниками» (некой мадам Кулолит) и открытая война со священниками официальной религии, которую она пыталась потеснить (Мадрасский Христианский Колледж) привели к изучению ее способностей, проведенное Обществом Психических Исследований:

«С нашей точки зрения, она не является представителем тайных пророчков и не просто авантюристка; она добилась того, что о ней всегда будут вспоминать как о самой гениальной мошеннице всех времен и народов»*.

Хотя мадам Блаватская мирилась с этим обвинением в течение 6-ти лет и написала *Тайную Доктрину* и *Голос Безмолвия* уже после того, как оно было высказано вслух, ей так и не удалось полностью снять его с себя, что стало причиной постоянных преследований, которые чуть было не свели ее с ума:

«Представлялась ли Вам когда-либо такая картина? В лесу живет дикий вепрь — страшное существо, но абсолютно безобидное, если не трогать его, предоставив ему возможность преспокойно жить в чаще вместе с другими зверями. Этот вепрь не причинил вреда ни одному живому существу; он питается лишь корнями, которые находит на земле. Но на него спустили — безо всякой видимой причины — свору злых собак. Люди гонятся за ним, хотят сжечь лес и оставить его бездомным, чтобы любой мог убить его. Некоторое время вепрь спасается бегством, хотя он не боится злых собак. Он пытается убежать, чтобы *спасти лес*, пока люди не подожгли его. Но увы! Звери, которые раньше были его друзьями, обратились против него. Они гонятся за вепрем, визжа и кусая его, они хотят убить его. Загнанный вепрь видит, что лес уже горит, и он не спасет ни его, ни себя. Что ему делать? Он останавливается перед сворой собак и зверей и, обнажив клыки, кидается на них и

* Протоколы заседаний Общества психических исследований, Лондон, 1885, III, стр. 207.

разрывает своих врагов на части до тех пор, пока силы его совсем не иссякают — тогда уже он беспомощен»*.

Духовно мадам Блаватская умерла как разорванный на части бог-спаситель, хотя физическая смерть ее ничем не отличалась от смерти обычных людей. Она воскресла как дух, диктовавший посмертные мемуары Йосту и являлась ясновидящей подруге графини Уотчмейстер:

«Через несколько дней после своей смерти мадам Блаватская разбудила меня ночью, но я не удивилась, а почувствовала лишь интерес. Она смотрела на меня властным взглядом. Она становилась все более осязаемой, более высокой, постепенно приобретала мужской облик. Наконец, ее черты полностью изменились; передо мной стоял высокий стройный мужчина. Хотя черты лица Е.П.Б. полностью изменились, властность во взгляде сохранилась. Мужчина поднял голову и произнес: «Свидетельствуй!» Он покинул комнату, прикоснувшись к портрету Е.П.Б., когда уходил. С того времени он появлялся несколько раз днем, когда я была погружена в свою работу, и давал указания; однажды он вышел прямо из портрета Е.П.Б.»**

Из одиннадцати основных положений учения Е.П.Б. могла демонстрировать восемь, воплощаясь в кого-нибудь в доказательство своей сверхъестественной сути. Предзнаменования и опасности наполняли ее детство; долгие путешествия в дальние страны послужили прелюдией к ее возможному вышеупомянутому посвящению; она была вовлечена в борьбу магов, побывала под следствием и подвергалась гонениям; она воскресла после смерти. Существует огромное количество легенд об этой женщине, некоторые из которых были рассказаны ею самой. Полагают, что настоящая Елена Петровна умерла в 1867 г. от раны, полученной в битве Ментаны, и могущественный дух вселился в ее тело. Говорили, что в Каире в 1868 г. было две мадам Блаватских. Одна из них, Наталья, умерла, и ее секретарша скрылась со всеми ее бумагами. Могла ли это быть Елена Петровна? К счастью, графиня Лидия Пашкова подтвердила, что знала их обеих. Существовала легенда о девственности Блаватской, рассказанная ей самой, несмотря на два коротких и отнюдь не целомудренных замужества (последний брак был заключен при нерасторгнутом первом), и несколько любовных интриг, о которых она писала Аксакову из Америки, когда о ней стали распространяться самые ужасные слухи после заключения, вынесенного Обществом Психических

* В.А. Соловьев, *Современная жрица Изиды*, пер. на англ. У. Лифа, Лондон, 1895, со стр. 176. У.П.Б. Соловьеву.

** См. Г. Базеден Батт, *Мадам Блаватская*, Лондон 1927, стр. 96.

Исследований: Блаватская получила медицинскую справку о том, что никогда не имела детей и не сможет их иметь по состоянию здоровья. Этому можно только посочувствовать. Вряд ли она настаивала на своей невинности с целью разоружить миссис Гранди. За этим скрывалась причина, еще более достойная сожаления. И дело было не только и не столько в целомудрии Е.П.Б., а в ее магической силе. И девственность была *a sine qua non* для женщин-магов того времени. История, однако, показывает, что как мужчины, так и женщины-маги были, мягко говоря, распутны. Что касается ее прошлого, Блаватская в письме к Синнету выдвинула весьма неубедительную версию оскорбленной невинности:

«Вся моя жизнь, за исключением недель и месяцев, проведенных в Египте и на Тибете в обществе Махатм, наполнена событиями, близко касающихся фундаментальных вопросов жизни и смерти; я ответственна только за их появление среди людей; чтобы защитить себя, я должна встать на могилу умершего и покрыть грязью живущего. *Я не сделаю этого*»*.

Нравственность этой женщины — ее личное дело, но чудеса, совершаемые ею или приписываемые ей, подлежат детальному изучению, которое разрушает всякие иллюзии на этот счет. Едва ли она могла быть великим целителем прошлого или принадлежать к клану магов настоящего; еще большие сомнения вызывает ее положение придворного мага. Блаватская не имела власти над стихиями, но могла сотворить кое-что из съедобных вещей. Несколько гроздьев винограда, кувшин с водой и охапки прекрасных роз — это было все, на что она была способна. Она предоставила возможность исцелять больных Олькотту (который не всегда с этим справлялся) и никогда не делала попыток воскрешать умерших; но свою собственную смерть ей удавалось усилием воли предотвратить неоднократно. Творческие способности Блаватской нашли выражение в незначительных *apports* и сотворении нескольких одинаковых перстней с драгоценными камнями. Эти *apports* можно отнести и к способности к транспортиции. Полковник Олькотт говорил, хотя и не очень убедительно, об изменении облика Блаватской под влиянием Махатм, и видел, как она исчезла и вновь возникла перед ним. При странных обстоятельствах она «отыскала» потерянную брошь своей подруги. Но Блаватская не обладала даром пророка, и хотя и принимала участие в некромантических обрядах, когда занималась спиритизмом, все же отрицала тот факт, что вызываемые духи были душами умерших. Но Блаватская ут-

* Письма Е.П. Блаватской А.П. Синнету, стр. 145; От Е.П.Б. к А.П.С., без даты.

верждала, что имеет власть над земными духами и считала верхом неблагодарности отрицать это: однажды, по предложению полковника Олькотта, один из «маленьких дурачков» подрубил ей несколько полотенец. Правда, он сделал это крайне неаккуратно, но его повелительница вряд ли сама сделала лучше. Совершенно очевидно, что все вышеперечисленные чудеса были бесполезны по своей сути (автор не упоминает о мотках пряжи и звездных колокольчиках как о вещах еще более незначительных) и, кроме развлечения, не могли сделать ничего для улучшения благосостояния, здоровья, мудрости и духовного развития тех, кто их созерцал. Блаватская творила эти чудеса на публику, что и было основной ее целью, но этого было недостаточно для основания религии. Феноменальная власть Е.П.Б. над людьми, *заставляющая их и ее саму верить в самые безумные фантазии**, сила, исходящая из глубины ее огромных, необыкновенных бледно-голубых глаз, которую считали демонической, заставляла окружающих верить в то, что она общается с братьями, Махатмами, или Мастерами. Блаватская никогда не приписывала свои чудеса ни своей воле, ни земным духам, но говорила о том, что один из Великих Адептов Гималаев повелел ей основать Теософское общество и принести свет знаний Азии в темный мир Запада; произошло это якобы 12 августа 1851 г. в Гайд-парке.

Блаватская искренне верила в Белое Братство, или Белую Ложу; оно было источником ее силы, доказательством Мудрой Религии, которую она проповедовала, свидетельством ее истинности. Она поставила на карту все, связав свою жизнь с этими сверхъестественными людьми, которые не стареют, которые знают все языки людей и животных, предсказывают будущее и читают мысли простых смертных, которые могут отделить свои астральные тела от физических и оставить их за тысячи лиг от духовной оболочки; которые умеют принять какой угодно облик и явиться другим. Е.П.Б. не сама придумала этих сверхмагов и не прочла о них в *Цанони* — вера в их существование возникла очень давно. Легенды о них, распространяемые в Индии и на Востоке, рассказывают о встречах с ними, о том, что они дают указания и даже о посвящении в их учение. Но Блаватской было сотворено то чудо, благодаря которому об их существовании стало известно на Западе: появление, или материализация, в любом месте их так называемых «необыкновенных писем».

«Яйян и Кудайс [духи, почитаемые татарами центральной Азии] часто общались с людьми посредством писем; в свою очередь, люди тоже писали им

* Нефф, в цит. раб., из *Мемуаров* кузена Е.П.Б., графа Витте.

послания и отсылали их на небо. Такое послание обычно сжигали, и считалось что оно уносится в небо дымом через вытяжное отверстие их жилища. Письма духов попадали с неба на землю через эти же отверстия либо каким-то иным способом»*.

Таким образом, мадам Блаватская, о которой ходит так много злых слухов, действительно была на Тибете, где и приобрела все свои знания. Но говорили, что ее деятельность проходила в пределах Европы:

«Этот случай представляет особый интерес, поскольку он связан с тайным обществом, существовавшим несколько лет назад в Ливорно и имевшим филиалы во многих других городах. Общество занималось сходной с обществом теософов деятельностью: передача мыслей на расстояние, призрачные появления, получение и отправка писем, расчленение и собирание в единое целое предметов и т.д.»**

Остановимся на этом. Но где бы ни повстречалась Е.П.Б. с Махатмами — в Гайд-парке, в Египте или на Тибете, или же просто прочла о них в романах Бульвера-Литтона — она свято верила в их существование, как ребенком верила русским сказкам, отказываясь понять, что это всего лишь вымысел. Что касается Махатм, здесь можно сомневаться до бесконечности. Многие факты свидетельствуют в пользу их существования, но так как правдоподобность их доказать почти невозможно, не следует им слепо верить. Признание мадам Блаватской о том, что они появились на Западе, знаменует собой новую эру в истории магии и религии. Эти великие существа, наделенные волшебными силами, владели тайнами природы гораздо большими, чем ученые могли себе представить, были удалены от обычной жизни и потому являлись средоточием жизни духовной; при этом они не были абсолютно лишены воображения. Более того, эти стражи первозданной мудрости призваны были наблюдать за судьбой человечества; что еще могло звучать так обнадеживающе в век материализма? Это типично западное представление о Махатмах отражено в *Цанони*, где романтический герой пытается предотвратить назревающую революцию. Восточная философия всегда подчеркивала индивидуальность обучения и гарантировала посвящение только достигшим определенного уровня развития *chelas*, или ученикам. *Гуру* никогда не пытались воздействовать на

* Н.К. Чадвик, *Духовные представления и ритуалы татар Центральной Азии, Журнал Королевского антропологического института*, 1936, LXVI, стр. 321.

** Первый отчет Комитета Общества психических исследований по расследованию случаев сверхъестественных явлений, описанных некоторыми членами Теософского Общества, Лондон 1884, стр. ii.

массы ни прямо, ни косвенно. Мадам Блаватская придерживалась более широких и, возможно, более филантропических взглядов, и утверждала, что была избрана Белой Ложей, чтобы просвещать человечество с помощью теософии — мировой религии, которую проповедовало это братство. К несчастью для рода человеческого, ему показалось, что Блаватская решила открыть в его развитии новую эру во имя Истины обманным путем. К несчастью для себя самой, она допустила непростительную оплошность, позволив разоблачить себя. Все это произошло потому, что она хотела заставить весь мир поверить в существование Махатм и в то, что она действовала под их руководством. Это заставило ее предоставить очевидные доказательства их существования. А поскольку Махатмы Мория и Кут Хуми были лишь плодом ее богатого воображения, Блаватской нужны были союзники.

Напрасны попытки докопаться до истины в этом море доказательств и контрдоказательств, обмана, взяточничества и предательства, шантажа и мошенничества, лжи и фальсификаций, клеветы и лжесвидетельства, спокойные воды которого замутил Хогстон, проводивший расследование для Общества Психических Исследований. Это всего лишь еще одна трагическая страница в истории религии. Похоже, что приговор основательнице Теософского общества будет вынесен потомками. Даже если заключение Хогстона ошибочно; если письма мадам Кулолит были фальшивкой (это касается компрометирующих Блаватскую отрывков); если все убедительные объяснения феномена Махатм были лишь дьявольски умной выдумкой мстительного провокатора; если раздвигающиеся стены Комнаты Оккультизма и Гробницы были фальсификацией для следствия; если все свидетельства против Е.П.Б. были ложью, а ее откровения в письмах к Синнетту трактовались под определенным углом зрения, все равно многое еще требует объяснения. Например, письмо от Махатмы, найденное в бумагах Массея, попавшее туда неким «сверхъестественным» способом; явный плагиат Кута Хуми (*Знамена света*). Но самым ужасным были письма Махатмы, опубликованные в 1927 г. и проанализированные в 1936 г. братьями Хэа. Роль этих критиков в развитии событий неоднозначна. Подробно изучив послания, они прояснили ситуацию и авторитетно заявили, что, по их убеждению, письма Махатмы не были написаны возвышенными сверхъестественными существами. Теперь читатели могут успокоиться. Даже если Великое Белое Братство и существовало где-нибудь в Гималаях, Мастера Мория и Кут Хуми не были его членами. Это утверждение, особенно относительно Кута Хуми, делает честь мадам Блаватской.

Мория, менее красноречивый и более похожий на человека, чем Кут Хуми, менее надоедлив; их так же легко отличить друг от друга, как и любых героев романа в письмах. В такого рода произведении они были бы скучны: их ярко выраженное превосходство над простыми смертными не располагает к ним. «Когда придет время, ее заберут на Тибет», — говорил Мория в письме к Синнетту. Хэа комментирует это так:

«Мадам Блаватская никогда не возвращалась в 'Bod Las'... Когда подошло время покидать Восток, она переехала в Европу, поселилась там, закончила свое дело и умерла, окруженная друзьями»*.

Хэа, как и остальные читатели, сочувствовали создателю этих мнимых личностей и поддерживали ее. Е.П.Б. приписывала Куту Хуми жизнь, подобную той, что вела миссис Харрис в *Мартине Чезлвите*; но там это было беззаботное развлечение, а здесь — настоящий обман. «Человек по имени Кут Хуми на самом деле не существует», но он будет вести свою призрачную жизнь до тех пор, пока существуют письма, и никому не причинит вреда. Для другого вымышленного человека существует еще более известный литературный прототип. Махатмы играли в жизни мадам Блаватской такую же роль, как Чудовище в жизни Франкенштейна. И они пережили ее, вызвав появление таких работ, как *Мастера и Судьбы* Лидбитера. Блаватская не могла предусмотреть этого, когда она отреклась от христианства и от спиритизма и обратилась к более могущественным Махатмам. Возможно, что личности Кута Хуми и Мория настолько непривлекательны потому, что противостоят друг другу в обществе, основанном ею. Одной из целей этого общества было:

«Противостоять материализму и любой из форм догматической теологии, в особенности христианству, которое руководители общества считают особенно опасным»**.

Позже они изменили свое мнение как по этому пункту, так и по многим другим; письма Махатм были поучительны, хотя в них и содержалось немало антирелигиозных высказываний. Хотя Махатмы и были воплощением благородства и милосердия, они являлись предзнаменованием гибели Блаватской. Она начинала свою карьеру осторожно и незаметно, возможно, даже чистосердечно веря тому, что делает, целенаправленно применяя свои способности медиума. В расцвете сил она обладала достаточной ма-

* Г.Э. и У.Л. Хар, *Кто написал письма Махатмы*, Лондон 1927, стр. 217.

** Ч.Дж. Райн, *Мадам Блаватская и Теософское движение*, Пойнт-Лома, 1937, стр. 61. цит. по *Золотой книге Теософского Общества*, стр. 26.

ной. Но любовь к чудесам и всякого рода оккультным явлениям вызвана необходимостью исполнить свои желания. Сначала это было нетрудно; однако, потребности возрастали, а возможности их удовлетворения были ограничены. Настойчивая, безрассудная, бесстрашная, фанатически преданная своему делу, Блаватская продолжала двигаться к цели. Едва ли она задумывалась о чем-либо в этот период своей жизни. Как же она ради магии успевала делать все, что полагалось Махатмам, и при этом вести личную жизнь? В этом и заключается чудо, говорящее в ее пользу:

«Ошибочно полагать, что в этот период своей жизни мадам Блаватская занималась исключительно тем, что писала «письма Махатмам». Она вела активную общественную жизнь, посещала лекции, рассказывала всем желающим о теософии и о своем обществе; спала, принимала ванну, одевалась и питалась несколько раз в день; она вела переписку с сотнями людей, проживающих в Индии, писала для *Теософа*, читала, аннотировала статьи; поддерживала связь с русскими издателями и следила за событиями, происходящими в мире. Блаватская болела, устраивала зрелища, зачастую мошеннические — например, зарыла под кустами в нескольких милях от Симлы документы; силой гипноза заставляла окружающих думать, делать и говорить то, что было нужно ей для успешной реализации своих обманов. Она руководила деятельностью своих последователей; эта женщина была тем индусом, который при помощи роз мистифицировал полковника в Золотом Храме, и тем «человеком в белом», который оставлял послания на деревьях.

Блаватская распарывала старые бархатные подушки (которые просила не терять, т.к. могла в любой момент потребовать принести их), вкладывала туда записку или брошь и снова зашивала подушку точно такой же ниткой, как старая, тщательно скрывая все следы своей работы (на бархате!). Эта женщина вела бесконечные споры с Хумом и остальными скептически настроенными противниками; она путешествовала, присутствовала на обрядах посвящения и беседовала с новичками; целые дни проводила в расстроенных чувствах, будучи оклеветанной, пытаясь объяснить все друзьям и ответить недругам; серьезно заболела, и, выздоровев, вновь принималась за дело...»*

Если вызывает сомнения тот факт, что женщина могла справляться со всем этим без посторонней помощи, то следует предположить, что ей помогали ее сторонники; смешно попытаться представить себе покорных мудрецов, распарывающих подушки. В представлении Е.П.Б., жизнь Махатм была очень насыщенной. Они не только должны были писать бесконечные письма *a tort et a travers* и другие послания, отправляя их самым чудесным и отнимающим много сил способом; Махатмы должны были появляться по мере необходимости во плоти и в образе духов. Они долж-

* Беатрис Гастингс, *В защиту мадам Блаватской*, Лондон, 1937, I, стр. 23.

ны были объяснить сложную восточную философию западным невежам, отвечать на бессмысленные вопросы, давать советы по самому незначительному поводу, исправлять собственные ошибки и склеивать разбитые блюда в любое время дня и ночи. Несчастливая авантюристка Е.П.Б.! Темп жизни увеличивался, труднее становилось избегать ловушек, участились нападки врагов, сторонники могли предать в любую минуту — и вот вслед за этим наступил конец:

«Дорогой мистер Синнетт, как было бы хорошо, если бы произносили имя Мастера только при закрытых дверях...»*

«Но смотри — смотри на Карму и оскверненные тайны и священные имена»**.

«Постоянно рассказывая о них людям, упоминая об их личностях, могуществе, пока весь мир (не только теософы, но и все остальные) не осквернил их имена... Это моя вина; мое великое преступление состоит в том, что я сказала людям об их существовании; я не хотела, но была вынуждена, и ...»***

Но принимая всю ответственность на себя, Блаватская тем самым отрицала существование Махатм, которые сами осквернили свои имена, ведя тайные игры, посылая бессмысленные письма и заставляя Синнетта опубликовать их. Она проявила больше стойкости, когда отказалась отстаивать свои позиции в печати:

«Только одно может заставить меня пойти на это, если я буду согласна — это истина, и ничего, кроме истины. Это заставит всю Европу подняться и совершить революцию. Но я оккультист, как всем известно, причем не *sham*, а *риска*... Полное незнание оккультизма наделило Хогстона и Масея неограниченной властью. И только мое *вынужденное молчание* заставляет меня терпеть жестокие оскорбления»****.

Однако, Блаватская не молчала в письмах к Синнетту; она не могла позволить себе этого: ей приходилось постоянно оправдываться перед ним. Все уловки этой женщины, с помощью которых она пыталась выпутаться из сложившейся ситуации, говорят не только о том, что она чувствовала себя как затравленное животное, но и считала себя моральным уродом и жалкой выдумщицей. В конце концов ей и Куту Хуми пришлось воспользоваться всем, что еще можно было извлечь из преимуществ бывших магов:

* Письма Е.П.Б. А.П. Синнетту, стр. 158, без даты.

** Там же, стр. 162; без даты.

*** Райн, в цит. раб. стр. 142; цит. *Путь*, март 1893.

**** Письма Е.П.Б. А.П. Синнетту, стр. 142, 171; без даты.

«Могу ли я быть выше, лучше Сен-Жермена, Калиостро, Джордано Бруно, Парацельса и прочих мучеников, которых в энциклопедиях 19-го века величают *мошенниками и шарлатанами*?»*

«Неужели Сен-Жермена и Калиостро, образованных джентльменов и великих людей, к тому же *европейцев*, не считали в свое время 'второсортными', как и меня? Последующие поколения будут относиться к ним так же. Они навсегда останутся мошенниками, авантюристами и лжецами»**.

Но это были лишь соломинки, за которые отчаянно хваталась Блаватская в надежде на спасение. Наверное, по этому поводу графиня Уотчмейстер, распечатывая письмо Е.П.Б., воскликнула: *Мне непонятно, как вся эта грязь может окружать нас и давить на нас!**** Самым трагичным во всей этой истории было циничное предательство друзей и учеников, как в Европе, так и в Индии. Все самое отвратительное, известное о теософии и поднятое расследованием Хогсона, должно было привести к отрицанию ее как религии. Но если судить беспристрастно, впервые в истории дела и поведение основателя религии подвергались столь тщательному изучению. Все чудеса, совершаемые Блаватской, были предметом подозрений, пересудов и насмешек.

Религия Блаватской не была лишена интересных положений, поскольку основывалась на самых известных учениях Востока, таких, как учение о Карме и возрождении. Эти понятия вместе с провозглашением единого всемирного братства и превосходства духовных ценностей над материальными и составляли суть теософской доктрины, которая с воодушевлением была принята повсеместно, — как того и заслуживала. Более того, в пользу Теософского общества в Индии говорит его деятельность: открытие новых школ и колледжей, возрождение интереса к санскриту, установление свободы вероисповедания на Цейлоне. Что касается духовной сферы, эта религия не привнесла ничего нового на Восток, поскольку всего лишь доводила восточные учения до сведения широких масс. По мнению индийских *chelas*, объединившихся вокруг Е.П.Б. и позже бросивших ее в несчастье, теософия имела скорее развращающее, чем облагораживающее влияние на умы некоторых отдельных индийцев. Окультистское учение Блаватской, приближенное к буддизму, не имело благотворного влияния и на Западе, где породило лишь свободомыслие. К Теософскому

* Там же, стр. 110; Вурцбург, 19 августа 1885 г.

** *Письма Махатмы*, стр. 306; получены Симлой, октябрь 1882 года.

*** *Письма Е.П.Б. А.П. Синнетту*, стр. 272; от графини Вахтмейстер Синнетту; Вурцбург, 4 января 1886 г.

обществу примкнули шарлатаны и мошенники; внутри него разгорелась междоусобная борьба, и, однажды уклонившись от избранного пути, общество не смогло вернуться на него. Наверное, сложно быть теософом и сохранять целостность мышления. Пагубное влияние братьев Мориа и Кута Хуми продолжает сказываться на обществе, которое уже не привлекает сторонников материализма.

Но, в отличие от многих других религий, теософия не вызвала войн, но и не предотвратила несчастий, постигших человечество с момента ее возникновения. Мир с нарастающей скоростью двигался к своему концу, невзирая на религию всеведущих Махатм, которые были посланы наблюдать за развитием событий.

А что же Старая Леди (как другие называли ее), которая начала все это? Не возникает сомнений в том, что кто бы ни являлся автором писем Махатм, она написала две фундаментальные работы *Разоблаченная Изиду* и *Тайная Доктрина*, вдохновленная магией, тайнами, чудесами и славянскими и восточными сказками. Все это было для Блаватской истиной, и, благодаря своей феноменальной памяти она видела перед собой предложения, страницы и главы прочитанных ею в детстве сказок. Этим объясняется так называемый плагиат, о котором она и не подозревала. Блаватская не читала старинных документов и рукописей, не записывала то, что говорили Махатмы — она видела перед собой то, что прочла раньше:

«Я не писала *Изиду*, а, скорее, переписывала то, что она показывала мне. Поверь, иногда мне кажется, что сама Богиня Любви ведет меня по всем странам и временам, о которых мне надо написать... Медленно, век за веком, образ за образом проплывают передо мной, как волшебная панорама... Народы и нации, страны и города, которые остались в доисторическом прошлом, появляются и исчезают, уступая место следующим... Античность сменяет историю наших дней; мифы говорят о реальных событиях и людях, действительно существовавших; каждое подобно новой странице красочной книги жизни и поражает меня своей фотографической точностью»*.

Ницше и Рильке говорили о «диктовке», когда пытались описать свое состояние вдохновения; их вдохновение было словом. Описание мадам Блаватской, достаточно убедительное, говорит о том, что ее вдохновение было видением. Это показывает склонность этой женщины к порождению зрительных образов, чем и вызвано появление Махатм. Творческий гений, позволивший воображению материализоваться, допустил непоправимую ошибку, скрывающуюся за чудом. Е.П.Б. была магом, чувства кото-

* Нефф, в цит. раб. стр. 279; цит. *Путь*, январь 1895, письмо Е.П.Б. ее сестре.

рого выходили за рамки религиозности, не говоря уже о ее этических установках. Это привело ее к занятиям обрядовой магией. Блаватская получила диплом высшей степени в Мемфисе за исполнение магических церемоний, который Джон Уоркер переслал ей из Лондона в Америку, где она тогда находилась. Это связывает ее с масонами и Калиостро. Она основала Теософское общество по принципу масонской ложи, с тремя ступенями посвященных, знаками, паролем и прочими атрибутами. Позже Блаватская организовала «общество посвященных» по модели древних школ магии, которые она хотела возродить. Деятельность Блаватской представляет интерес, поскольку это была попытка основания религии в современных условиях, но по древним принципам. Кем бы ни были ее предшественники, эта женщина была скорее магом, чем просто пророком или священником. И хотя она великодушно возвела Сен-Жермена до ранга Махатмы, она была выше его, не говоря уже о мелком средневековом плуте Иоганне Фаусте. Что бы о ней ни говорили, она была великой, пусть и загадочной, личностью. Теософия живет и в наше время. Ее создательница была выдающимся человеком, хотя и не святой. В письмах к Синнетту после своего разоблачения Блаватская писала о сошедшей с ума женщине, которую все считают закоренелой мошенницей. Даже на закате своей карьеры она многим внушала религиозный страх и почтение, в то время как были и те, кто считал ее обыкновенной обманщицей. Хогстон открыто выражал свое презрение к ней, после того, как завершил свое расследование. Но даже он признал, что *она внушала ужас, когда говорила о том, что, возможно, 'двадцать лет' ее упорной работы пошли прахом из-за мадам Куломб**. Он с иронией называл Блаватскую «редким объектом для изучения с точки зрения психологии»; эту же мысль она сама высказала несколько иначе:

«Я — психологическая загадка, тайна для последующих поколений, сфинкс!»**

* Протоколы заседаний О.П.И., III, стр. 313.

** Нефф, в цит. раб. стр. 243; письмо Е.П.Б. ее тете, г-же Фадеевой, 1875 или 1876 г.

ГЛАВА V

«СВЯТОЙ ДЬЯВОЛ»

Тот факт, что еще один маг, потрясший мир, оказался соотечественником мадам Блаватской, едва ли является случайным, поскольку мистицизм, неотделимый от магии, процветает именно в России — стране скорее восточной, чем западной. Россия испокон веков служила и будет служить пристанищем для всякого рода мистиков, магов, волшебников, мудрецов и святых. Хотя Распутин (1871 — 1916 гг.) и приобрел широкую известность, его чудеса мог с легкостью сотворить любой деревенский знахарь. Безусловно, в его сложной натуре было нечто мистическое, что и давало ему власть над людьми. Этот природный дар Распутина применялся в секте хлыстов, к которой он принадлежал. Учение этой секты — спасение во грехе — было обращено к нации, в людях которой святой и грешник, сокрытый в каждом, сосуществовали самым странным образом. Распутин (он же Беспутный), способствовавший распространению этого учения в других странах, сумел подняться на такую высоту только в России. Его деятельность происходила в рамках древних традиций, возрожденных ныне в тайных обществах, и была направлена на исполнение оргиастических обрядов; своего занятия Распутин не скрывал. Неистовство, которое этот человек вызывал в себе и своих поклонниках, состояние экстаза, самобичевание, оргии, жестокость, любовь и страсть — все это очень напоминает извращенные, демонические обряды культа греческого бога Диониса. Этим религиозно-магическим обрядам суждено было воскреснуть именно в России. Сам Распутин, жестокий и почти святой, покорный и развратный, иногда очень спокойный, иногда — невыносимо грубый, прозванный «Святым Дьяволом», обладал необыкновенной способностью существовать на двух различных духовных уровнях одновременно; о подобном явлении упоминали в своих произведениях Достоевский и Еврипид.

Наделенный сверхъестественной гипнотической силой, которая выражалась в чудесных исцелениях и безграничном влиянии на Николая II и Александру, Распутин сыграл в России такую же роль, как Калиостро во Франции: приблизил начало революции, что означало конец для него самого. Его смерть, пожалуй, самую кошмарную в истории магии, можно сравнить разве что с расчленением Фауста. В этой истории есть нечто

мифическое. Убийство Распутина в доме на Мойке, когда попытки отравить и застрелить его оказались неудачными, еще раз доказывает, что этот человек обладал сверхъестественной силой:

«Цианистый калий должен был подействовать немедленно, но, к моему величайшему изумлению, Распутин продолжал беседовать со мной, ему даже не сделалось плохо... Я наблюдал за каждым его движением в надежде, что он сейчас умрет... Возникла неловкая пауза. «Хорошая мадера. Налейте еще», — сказал Распутин, протягивая стакан... Он выпил и эту порцию, но яд не действовал... Мы молча сидели друг против друга. Он хитро улыбнулся мне. Казалось, он хочет сказать: «Видите! Все напрасно. Вы ничего не сможете со мной сделать». Но вдруг выражение его лица переменилось, и он впал в бешенство. Никогда раньше он не внушал мне такого ужаса. Я почувствовал непреодолимое отвращение к этому человеку и готов был задушить его. Мне казалось, он догадался, для чего я пригласил его сюда. Между нами завязалась безмолвная смертельная схватка. Я был поражен ужасом. Еще минута, и я бы не выдержал: под его сатанинским взглядом я стал терять самообладание. Странное онемение сковало мое тело, голова кружилась... я ничего не видел... не знаю, как долго это продолжалось... Распутин сидел в той же позе, подперев голову руками. Глаз его я не видел... Время шло... Часы показывали половину третьего. Этот кошмар продолжался более 2-х часов. Я спросил себя: что будет, если мои нервы не выдержат?... Как Распутин не заметил, что за спиной я сжимаю револьвер, который через минуту направлю на него... «Григорий Ефимович, молитесь». Распутин взглянул на меня со страхом и изумлением. Я заметил странное выражение в его взгляде, нежность и покорность. Он подошел ко мне вплотную, пристально посмотрел на меня и как-будто открыл для себя нечто неожиданное. Наступил решающий момент. «Господи, дай мне силы сделать это», — подумал я и медленно вывел из-за спины руку с зажатым в ней револьвером. Распутин все еще стоял рядом со мной, голова повернута вправо, взгляд застыл на распятии... Меня будто током ударило. Я выстрелил. Распутин, издав нечеловеческий вопль, упал на медвежью шкуру, лежавшую на полу. Пуля прошла рядом с сердцем. Сомнений не было — он умер...

Во время нашей беседы мной внезапно овладело беспокойство. Я почувствовал непреодолимое желание спуститься в столовую. Я поддался ему и открыл дверь. Распутин лежал без движения... Я постоял немного над его телом и уже собрался уходить, как вдруг заметил подрагивание его левого века... Я склонился над трупом и стал вглядываться в его лицо... Мышцы его едва заметно дрогнули, потом еще раз. Приоткрылся левый глаз... Через мгновение открылся и правый... И глаза... глаза Распутина уставились на меня с лютой ненавистью... Я стоял, не в силах сдвинуться с места, как в кошмарном сне. Затем произошло невероятное... Сильным прыжком Распутин вскочил с пола. Я был скован ужасом. Комната наполнилась нечеловеческим ревом. Пальцы Распутина, сжимавшиеся в конвульсиях, хватали воздух... Как тисками он

стиснул мое плечо и тянулся к горлу. Его перекошенные глаза вылезали из орбит, на губах выступила пена... Этот человек, которого травили, в которого стреляли, был воскрешен темными силами, чтобы отомстить за свою смерть. В памяти моей до сих пор возникает эта ужасная картина. В тот момент я в полной мере осознал все могущество Распутина»*.

Так рассказывает об этом князь Юсупов. После того, что Мария Распутина назвала «жестокой травлей», маг находился в состоянии агонии после четвертого выстрела, настигшего его на заснеженном заднем дворе дома на Мойке. Но он еще дышал, когда его опускали в прорубь на Неве. Полиция через 48 часов установила, что в воде Распутин сумел развязать веревки на руках в последней, отчаянной попытке спастись.

* См. Князь Юсупов, *Распутин...*, англ. пер. Рейнера, Лондон, 1927, со стр. 158. Многоочия из трех точек – мои, из четырех – авторские. В заговоре против Распутина принимали участие четыре человека, и подлинные факты об этом деле вряд ли будут когда-нибудь раскрыты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассказ о смерти Распутина приведен не с целью полного описания всей этой истории, за исключением некоторых сомнительных моментов, а для того, чтобы показать общие черты легенд о магах. Яд, которым христианские священники систематически поливали адептов магии, был извлечен из цветов зла, произраставших в садах самой же магии. Хотя со времен античности считалось, что высшая мудрость, величие и добро предполагают обладание сверхъестественными способностями, опять-таки в древности было известно, что такой дар — палка о двух концах. Древнееврейская концепция духовного падения и греха, возникшего из договора между смертными и духами, греческая идея *hybris* Прометея, первобытный ужас, вызываемый некромантическими ритуалами — все это представляло магов в невыгодном свете, что и привело к утрате ими своих позиций еще во времена Римской империи*. Реальность существования магов всегда была и будет находиться под сомнением. Но христианство решило эту проблему, заклеив магический дар как дьявольский. Заняв крайне враждебную позицию по отношению ко множеству языческих верований, во многом напоминавшем учение официальной церкви, но не отделявших евангельские чудеса от чудес, творимых магами, церковь выдвинула следующий постулат: «Habet Diabolus Christos suos». Это сразу же превратило языческих богов в дьяволов, а их священников — в черных магов. Это и был яд, отравивший средневековую магию. Это видно на примере доктора Фауста, и вся деятельность Фриера Бэкона не смогла отвести эту неумолимую судьбу.

Для большей уверенности «отравленная и умирающая», дискредитированная теперь магия была подставлена под огонь фактов, подобных тем, которые были связаны с жизнью Ди и Келли. Они проникали в самое сердце тайны и разрушали ее. В самом разгаре преследования миф о магах был спасен тайными обществами, выступившими в роли добрых самаритян. Христианство выполнило всю черную работу; рационализм сделал все, что мог, а ледяная вода насмешек готова была поглотить едва возродившуюся магию. Во время процесса, связанного с бриллиантовым колье, над Калиостро смеялась вся Европа, так же как и над

* Насмешка Лукиана над peregrinum Протеом и разоблачение Александра Пафлагонийца во 2 веке н.э. являются характерными симптомами этой утраты престижа.

несуществующими Махатмами мадам Блаватской. Убийцы Распутина забыли привязать к телу камни, бросая его в Неву, и он всплыл, повергнув их в шок. Сомнительно, что только лишь скептицизма достаточно для того, чтобы миф о магах навсегда исчез. Возрожденная вера в этот миф пришла с заснеженных склонов гималайских гор. Распространители этих легенд учли уроки прошлого. Члены Великого Белого Братства (деятельность которых принято связывать с черной магией) в наши дни вышли за рамки знаний обычных людей и стали бессмертными. Речи, дела, и, более того, наставления руководителей этого общества передавались интересующимся через посвященных; и никто больше не мог подвергнуться пыткам инквизиции или описанному уже расследованию, или же быть убитым в подвале. Маги скрылись от преследования в мире тайны. Им не нужны паспорта и документы, они подобны богам:

«Представьте, что где-то существует, в тайне от людских глаз, орден древних мудрецов, целью которого является улучшение и развитие духовного уровня человечества путем исправления ошибок и помощи людям в их стремлении постичь истину. Орден этот существует с давних пор. Он действует тайно или открыто, под разными названиями и разными способами. Он вызывал революции и служил спасительным убежищем во времена опасностей и несчастий... Тех, кто уже достаточно духовно развит для непосредственного общения с Великим Духовным Братством (Великой Белой Ложей), будет обучать сам Дух Мудрости; те же, кто еще не достиг этой ступени, найдут помощь в самом обществе... Наше место встреч — «Дом Святого Духа» Вселенной (эфирный или астральный)»...»*

Возведение целителя до статуса персидского мага; низвержение мага до простого чародея; следующее вознесение его до мага или даже сверхмага в наше время — все это этапы циклического процесса, повторяющегося как в истории индивида, так и в истории магии в целом. «Переселяя» магов в Гималаи, мы не прощаемся с живыми волшебниками — добрыми или злыми. Миф о магах распространен и в наше время — среди сотен различных сект по всему миру; он все еще выполняет свою первоначальную функцию. Он был посредником между человечеством и силами природы, душами мертвых и божественными либо демоническими силами; он превратил целителя в священника. Человечество никогда не мирится с простым существованием высших сил — сразу же возникают вполне реальные медиумы, полубоги, маги, чародеи или священники,

* *Загляни Внутрь, Факельщики тьмы*. Лондон. 1930, со стр. 165. Цитируется по *Инструкциям*, выпущенным Фратерами Ordo Templi Orientis («тамплиерами; рыцарями Храма»), масонского ордена розенкрейцеров.

якобы общающиеся с этими силами. Если перенести их функции на загадочных Тайных Правителей, неизбежно появятся люди, заявляющие о своем контакте с ними. Так было, и таково положение сейчас в теософии и многих других верованиях, братствах и обществах. Начиная с 18-го века, земные маги продолжили древнюю традицию пророчествования. Заратустра был глашатаем Ормузда; Мозес — пророком Яхве; Симон волхв — одиночкой. Калиостро был посланником Илии; Блаватская — слугой Махатм, Алистер Кроули провозглашал себя секретарем Айваз. Справедливо отметить то, что они не обладали таким ораторским талантом, как великие маги древности. Однако они своим существованием доказали, что маги после длительного периода упадка вновь возрождаются в касту священников, и то, что Махатмы, Мастера, Великие Белые Братья и Тайные Правители — действительно наследники древних традиций.

В этих традициях, где магия является непременным атрибутом повседневной жизни, настоящий Фауст играет крайне незначительную роль. «Чудеса» Жанны д'Арк, «преступления» Жюль де Рейса, даже замечательные иллюзии, продемонстрированные Зито — все это заняло свое место в истории магии; но сам Фауст стремился не к этому. Помимо него, были и другие философы-окультисты 16-го века (такие, как Корнелий Агриппа), внесшие свой вклад в развитие магических традиций и знаний. Келли и Ди посвятили этому всю свою жизнь. Калиостро, Блаватская и Распутин, напротив, использовали их в религиозных целях и с намерениями преобразовать мир. За возможным исключением Жюль де Рейса, воскресшего в образе *Синей Бороды* Шарля Перро, никто из этих исторических фигур не внес такого вклада в развитие мифа, как это сделали Соломон, Киприан, Теофил, Вергилий, Мерлин, Бэкон и Фауст. Попавший в эту категорию Фауст не слишком заметен в тени Соломона и Мерлина, хотя о нем есть что сказать, и побольше, чем о некоторых других. Герой книг о Фаусте — важная фигура в истории развития традиций. Среди прочего, настоящий Фауст хвастался «родством с дьяволом». Это подлило масла в огонь религиозного воображения 16-го века. Благодаря своей темной личности и непонятным занятиям он стал выдающимся магом своего времени — черным магом, достигшем бессмертия. Позже он стал прототипом ошибающегося и ищущего знания человечества в драматической поэме Гете. Его жизнь чудесна сама по себе.

Можно провести параллель с легендой о Сен-Жермене. Последний,

среди прочего, заявлял о своем сверхъестественном долголетии. Это было созвучно оккультным спекуляциям и таинственным историям, распространяемым тайными обществами того времени. Не то чтобы весь окутанный тайной, Сен-Жермен был все же достаточно загадочной фигурой, чтобы разбудить воображение. Он стал выдающимся магом своего времени; белым магом, который стал прототипом литературного героя Цанони. Он обрел бессмертие в сердцах теософов как прославленный мудрец, который жил и работал ради человечества до 1925 г.; к тому времени — и даже раньше — образовался мощный орден Мастеров. В истории магии он играет большую роль, чем Фауст, ознаменовавший собой конец «черного» периода. Сен-Жермен же начал новый, «белый» период, продолжающийся до сих пор. Фауст несет на себе вечное проклятие; Сен-Жермен — вечное возрождение; но и в том, и в другом случае они возникли из простой мистификации. В обоих случаях был человек, о котором не было известно почти ничего и который был избран для воплощения религиозных идей, связанных с черной магией 16-го века и белой магией 18-го. Однако оба они были совершенно равнодушны к этим идеям.

Литературный Фауст занимает умы многих, но никто не верит в его реальное существование. Сен-Жерменом, который заслуживает в истории лишь упоминания, восхищаются в теософских кругах, как бессмертным существом, которому подвластны ангелы; вера в него не подлежит сомнению. Трудно решить, кто же из них оказывает большее влияние на современность. Оба они демонстрируют жизненную силу мифа о магах: жалкий обманщик 16-го в. и беспринципный авантюрист 18-го превратились в легенды, потому что оба они были связаны с магией — занятием, во все времена занимавшем умы людей.

Ассоциация Духовного Единения
"Золотой Век"

**Издательско-распространительский центр
Ассоциации Духовного Единения
«ЗОЛОТОЙ ВЕК»**

Издает и реализует оптом и в розницу тиражи, дает и берет книги на реализацию, осуществляет оптовый книгообмен. Возможна доставка книг заказчику почтой и железнодорожным транспортом, по Москве автотранспортом.

Адрес: г.Москва, Семеновская наб., д.3/1, кор.5, в помещении музыкального театра-студии им. Неждановой.

Тел./факс (для оптовых покупателей) **412-42-26** с 20⁰⁰ до 22⁰⁰.

Адрес для почты: **125284, Москва, а/я 66.**

***Изданы и распространяются
следующие книги:***

Корнфилд Д. «Буддийские мастера». 200с. (в обложке).

Предлагаемая книга — это одиссея: она отправляет вас в путешествие по многим буддийским системам медитации и приводит ко многим учителям. Джек Корнфилд провел много времени в путешествиях и обучении в различных монастырях. Беседы с монахами-аскетами помогут вам увидеть мир ясно и точно, а личная практика медитации даст возможность замедлить скорость невротического ума, оставить вас более чем когда-либо «здесь и сейчас».

Агриппа Генрих Корнелий «Оккультная философия». 128с. (в обложке).

Работа Корнелия Агриппы «Оккультная Философия» была впервые опубликована в 1533 году. В этой работе были представлены самые разные герметико-каббалистические традиции, она была необычайно популярна на протяжении нескольких столетий. Во всяком случае, автору удалось представить некий синтез, который производил впечатление на целые поколения герметиков. То, что ортодоксальные силы также обвинили автора в занятиях магией, в конце-концов лишь обострило интерес к его работе.

Сен-Жермен «Курс алхимии». 80с. (в обложке).

Алхимия, правильно понятая, имеет дело с сознательной силой, управляющей мутациями и трансмутациями внутри Материи, энергии и даже внутри самой Жизни. Эта наука мистиков и сильная сторона самореализованного человека.

Дуглас Н., Слингер П. **«Тайны Пола»**. 310с. (в обложке). Формат 210х280 (цветные иллюстрации).

Книга «Тайны пола» является общим исследованием связи секса и мистицизма. Ни одной книги подобного значения никогда не появлялось по этому предмету, представляющей такой крупный, а также жизненно важный вклад в наше понимание сексуальности. Она исследует путь любви и мистицизма, основываясь на оригинальных восточных текстах по медицине, философии и сексуальной практике, написанных более чем за двухтысячелетний период истории человечества. Многие из них никогда не были известны на Западе.

Йогананда П. **«Автобиография Йогина»**. 230с. (в обложке).

Эта одна из немногих книг об индийских мудрецах, которая написана человеком их собственной расы и подготовки; короче говоря, это книга об йогинах, написанная йогиним, как повествование человека, лично наблюдавшего необыкновенные факты из жизни и проявление сил современных индийских святых. Книга Йогананды важна не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и имеет значение для будущего. Необычная летопись его жизни, несомненно, является одним из самых откровенных документов, когда-либо появлявшихся на Западе, и раскрывает глубочайшие недра ума и сердца индийского народа и духовные богатства Индии.

«Кибалион». Учение трех посвященных о герметической философии. 90с. (в обложке).

Целью данной книги является дать ученикам понятие истины, которая служит приращению многочисленных частей Окультизма. Мы не имеем намерения открыть новый храм знания, но хотим передать в руки ученику ключ мастерства, с помощью которого он может открыть многие внутренние потайные двери в храм тайного учения, через все то главное, которое он усвоил.

Блаватская Е.П. **«Разоблаченная Изида»**. В 2-х т. 1540с. (переплет).

Эта книга является результатом близкого знакомства автора с восточными Адептами и изучения их науки. В ней исследуются жизненные принципы, лежащие в основе философских систем и многочисленных религиозных верований древности и современности, где Е.П.Блаватская со всей убедительностью доказывает, что все они произошли из одного первоисточника. Здесь изложены основные положения восточной философии, которые последовательно раскрывались автором: о триединстве природы и человека; о том, что чудес нет, а все, что происходит, есть результат вечных и нерушимых законов Космоса; подробно рассматривается магия как наука, представляющая собой знание этих законов и применение их на практике во благо, — что и есть мудрость. Анализируются явления магнетизма и электричества и их влияние на животное царство и на человека. Кто такие Адепты и медиумы и в чем их различие; что такое астральный свет и как невидимая Вселенная проявляется в физическом мире; об астральных формах и явлениях экстерниоризации. Основной целью этой книги было показать

людям, как они могут приподнять завесу Тайны и увидеть Разоблаченную Истину.

Йог Рамачарака «Мистическое Христианство». 130с. (в обложке).

Далеко не все, называющие себя христианами, знают о существовании христианского тайного знания. Но мистики всегда знали это и заботливо поддерживали пламя этого неугасимого огня.

Мистическое христианство основано на вечных мистических истинах. В нем нет конфликта между наукой и религией, философией и религией, или философией и наукой. Это все лишь разные названия единой истины, поэтому она всегда была, всегда будет с безначального начала до бесконечного конца.

Моргенштерн И. Ф. «Психографология». 400с. (переплет, суперобложка, иллюстрации).

Под словом «Графология» следует понимать ту часть психологии, которая занимается изучением соотношений между почерком человека и его индивидуальными психологическими особенностями.

Почерк с точностью отражает мельчайшие колебания в жизни человека, меняясь по времени и обстоятельствам. Поэтому, овладев искусством психографологии, можно свободно угадывать характер, наклонности и привычки человека, увидеть его прошлое и даже заглянуть в будущее.

Фламарион К. «История неба». 480с. (переплет, суперобложка, иллюстрации).

Данная книга представляет собой общедоступную историю астрологии и астрономии. Первобытная древность этих наук, происхождение небесной сферы и созвездий, взгляды древних на строение мира, небо язычников и небо христиан, формы, придаваемые земному шару до Христофора Колумба, религиозное и научное мнение о строении неба до Коперника, мнимые «путешествия» на небо, и даже в таинственные края «того света», понятие о «музыке небесных сфер», определение времени и вечности – огромное количество документов по этим темам представлено здесь.

«Переселение душ». (Сборник) 430с. (переплет, иллюстрации).

Этот сборник поможет изучить одно из самых замечательных проявлений человеческой мысли – идею душепереселения, проследить его религиозно-философское развитие, существование и значение у разных народов в различные историческо-временные этапы. Исследования в этом направлении, помимо философского и богословского значения, вызываются и современными потребностями сознания и настроения людей, так как до сих пор в человечестве остается его идея.

Блаватская Е. П. «Теософский словарь». 615с. (переплет, суперобложка).

В словаре собраны теософские термины на различных языках, в том числе на

санскрите, пали, тибетском, персидских, скандинавских, иврите, греческом, латыни; термины Каббалы, гностических и оккультных наук. Также имеются краткие сведения о жизни наиболее известных религиозных и духовных деятелей Востока и Запада.

Бёкк Р. «Космическое Сознание». 500с. (переплет, суперобложка, иллюстрации).

Эта книга – попытка ответить на вопрос – что такое космическое сознание и чем оно отличается от простого сознания обычного человека. На самом ли деле космическое сознание существует как факт откровения, а не является формой бредовидия, заставляющей человека заблуждаться? Отвечая на этот и многие другие вопросы, автор прослеживает жизнь людей, обладавших космическим сознанием и ставшими "учителями" новых откровений, вынесших свои знания непосредственно из самого чувства космического сознания.

Набор мандал (10 штук). Цветная печать, формат 15х12см, в суперобложке.

Мандала – символическое изображение ритуальной геометрической диаграммы. Используется для входа в определенные ментальные состояния и совершенствования духа.

Серия «Символы»:

(Переплет, суперобложка, иллюстрации)

Том I **Кох Р. «Книга символов».** } В одной обложке.
Том II **«Эмблемата».**

Том III **Гудман Ф. «Магические символы».**

Том IV **Купер Дж. «Энциклопедия символов».**

Том V **Бейли Г. «Потерянный язык символов».**

Том VI **Вильямс К. «Энциклопедия восточного символизма».**

Книги серии раскрывают древний язык символов, являющихся ключами к пониманию религиозной философии и космогонии. Знание символики – это не просто вопрос эрудиции; оно имеет непосредственное отношение к познанию человеком самого себя и окружающего мира, это древнейший метод выражения, способный вскрыть аспекты реальности, неуловимые для прочих средств.

Блаватская Е.П. «Письма». 350с. (переплет, суперобложка).

Издательство радо возможности дать широкому кругу людей, интересующихся теософией, ознакомиться с письмами Елены Петровны Блаватской, которые являются не только ключом к пониманию многих сторон в жизни автора, но и его произведений.

Две книги в одной обложке, 325с. (переплет, суперобложка):

«Учение Будды».

В этой книге собрана сущность всего учения Будды, записанного более чем в 5 тысячах томов священных книг разными народами на протяжении свыше 2500 лет.

Синнет А. «Эзотерический Буддизм».

Учение, изложенное в этой книге, предлагает ключ к объяснению почти всего религиозного символизма древности. Здесь раскрываются знания о происхождении мира, человека, судеб нашей расы, а также судеб других миров и видов существования, отличных от нашего.

Бадж У. «Египетская книга мертвых». 500с. (переплет, суперобложка, иллюстрации).

Одна из наиболее полных и серьезных расшифровок «Египетской книги мертвых», где автор подробно рассказывает о странствиях души в подземном царстве, о том, что она испытывает и переживает.

Миролюбов Ю.П. «Сакральное Руси». Т. I, 600с.; Т. II, 604с.; (переплет, суперобложка, иллюстрации).

В данное двухтомное издание входят следующие книги из собрания сочинений Ю.Миролюбова: кн.1 «Риг-Веда и язычество», кн.2 «Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов», кн.3 «Материалы к преистории русов» (том I); кн.4 «Русская мифология. Очерки и материалы», кн.5 «Русский христианский фольклор. Православные легенды», кн.6 «Славяно-русский фольклор» (том II).

Эти книги будут интересны всем, кто интересуется язычеством древних славян, кто хочет узнать о связи древней славяно-русской религии с Ведизмом индийцев; увидеть общность этих верований с религией Зенд-Авесты и с мистериями Митры; обнаружить связь с Месопотамией и Ираном; с древнейшим народом, Ариями, узнать о славянских легендах о Всемирном Потопе и о «Золотом веке».

Сборник «Кундалини». Т. I, 350с. (переплет, суперобложка, иллюстрации).

Первый том сборника «Кундалини» включает в себя две книги: А.Мукерджи «Кундалини» и А.Авалон «Змеиная сила». Эти книги объединяет общая тема исследования, – работа психических центров тонкого тела человека – чакр и способы пробуждения и трансформации «змеиной силы Кундалини».

Две книги в одной обложке, 496с. (переплет, суперобложка, иллюстрации):

Согьял Ринпоче. «Книга жизни и практики умирания».

Тселе Натсок Рангдрол. «Зеркало полноты внимания».

В этих книгах авторы впервые объединяют древнюю мудрость Тибета и

современные исследования по проблеме смерти и умирания, основываясь на всеобщих законах Космоса. Они показывают, что представляет собой смерть, как человек может преодолеть страх смерти и понять что то, что находится в нас, переживает смерть и остается неизменно.

Паври П. «Теософия в вопросах и ответах». 450с., (переплет, суперобложка).

В этой книге сделана попытка представить различные теософские течения в систематическом виде в форме вопросов и ответов. Собрание представляет обобщение более чем семидесяти книг и брошюр по теософии. Цель этой книги — сделать изучение теософии более понятным, прежде чем знакомиться с наиболее трудными метафизическими вопросами.

Батлер Е. «Маги».

В своей книге Батлер прослеживает взаимосвязь дохристианских религий, воззрений мистических философов, средневековых алхимиков и оккультистов восемнадцатого и девятнадцатого веков. Заратустра и Соломон, Мерлин и Фауст, Калиостро — таковы некоторые исторические лица, упоминаемые в этой книге.

Документальные фильмы на видеокассетах:

1. ***Семь дней в тибетском монастыре.***
2. ***Эзотерический буддизм.***

Будут изданы в 1997 году:

Леклерк Б. «Оракулы».

В этой книге рассказывается о различных оракулах: дельфийском оракуле, оракуле Аполлона, египетских оракулах, вавилонских оракулах. Автор делает анализ всех видов древних гаданий.

Сборник «Кундалини». Т. II, 350с. (переплет, суперобложка, иллюстрации).

Второй том сборника «Кундалини» включает в себя две книги: Ч.Лидбитер «Чакры» и Ж.Перс «Мистическая спираль». Эти книги объединены общей темой исследования, — работа психических центров тонкого тела человека — чакр и способы их пробуждения и трансформации «змеиной силы Кундалини».

Кэмпбелл Дж. «Хозяин двух миров».

Если мы хотим понять язык древних учений и религий, мы должны выучить грамматику символов в мифологии, являющейся основным ключом к пониманию тайн. Существует множество различий между многочисленными мифологиями и религиями человечества.

Эта книга об их сходстве. Как сказано в Ведах: «Правда одна, но рассказать о ней можно разными словами».

Джозеф Кемпбелл рассматривает героев мифов из всех религий, находя в них много общего. Это позволяет увидеть удивительную повторяемость сюжетов и жизненных принципов, за которые борются эти герои.

Йогананда Шри Свами Парамахамса. «Семь ступеней самореализации». В 2-х т. 900с.

Свами Йогананда получил титул «Свами» от своего Великого Мастера Свами Шри Юктешвари Гири. Титул «Свами» означает «Мастер». К открытому им самим методу физического совершенствования, Свами Йогананда присоединил научную технику концентрации и медитации для ментального и духовного совершенствования, технику, которая употреблялась в Индии в течение более тысячи лет святыми и мудрыми людьми, и которая теперь присоединена Йоганандой к его «семи ступеням самореализации» в простой, практической и общедоступной форме, в особенности приспособленной к требованиям людей Запада.

Бесси М. «Иллюстрированная история магии и сверхъестественного».

«Религии, мистерии, ритуалы». В 3-х т.

«Жертвоприношения». В 2-х т.

Будет продолжена серия «Символы»:

- 1) **Символизм в мифологии.**
- 2) **Символы, знаки и печати.**
- 3) **Символы в западном искусстве.**
- 4) **Христианский символизм.**
- 5) **Религиозный символизм.**
- 6) **Египетский символизм.**
- 7) **Животный символизм.**
- 8) **Символизм в искусстве.**

Распространяются книги других издательств:

Абрамов Б.Н. **«Грани Агни-йоги».** Т. I—X (по 2 тома в одной книге).

**ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ ПРИОБРЕСТИ ДАННУЮ
ЛИТЕРАТУРУ ПО ПОЧТЕ ПРОСИМ ПИСАТЬ
ПО АДРЕСУ: 125284, МОСКВА, а/я 66.**

Лаборатория по изучению измененных состояний сознания

**при Ассоциации
Духовного Единения «Золотой Век»**

Приглашает всех, кто имел опыт измененных (необычных) состояний сознания, был участником или свидетелем странных и необъяснимых явлений, поделиться с нами своими впечатлениями и переживаниями. Описание пережитого опыта и ваши впечатления о нем просим выслать по адресу:

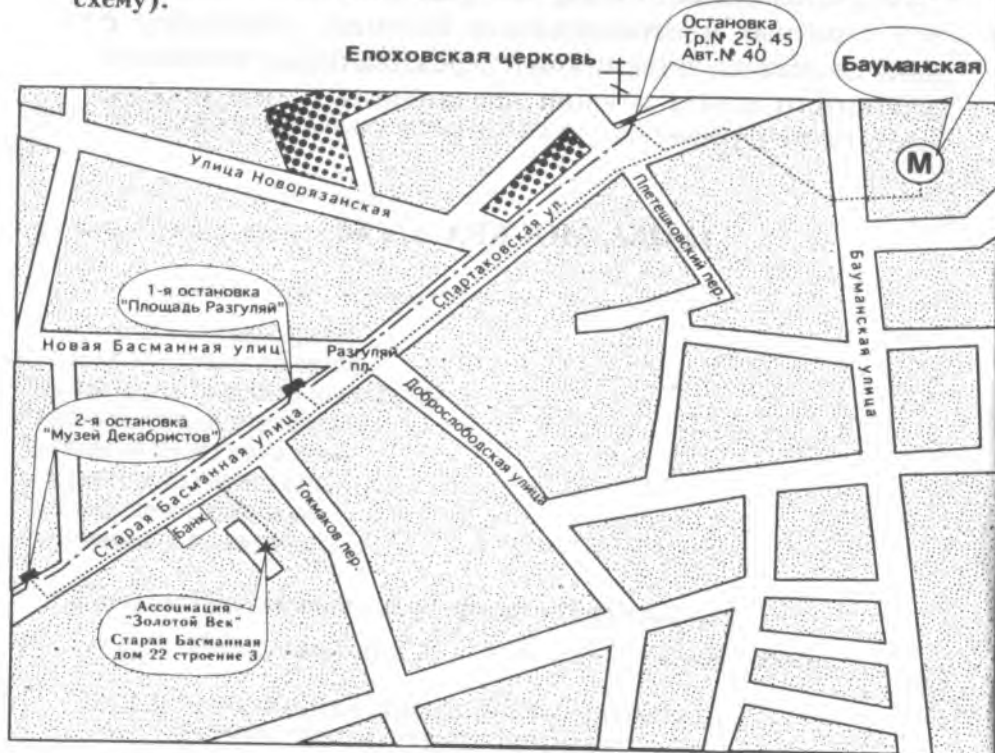
125284, МОСКВА, а/я 66.

При издательстве АДЕ работает магазин по продаже духовной, эзотерической, философской литературы. В продаже постоянно имеется более 300 наименований книг, а также благовония, эфирные масла, набор аудио- и видеокассет. Часы работы: с 11⁰⁰ до 19⁰⁰ по будним дням.

Адрес магазина:

**МОСКВА, СЕМЕНОВСКАЯ НАБ., Д. 3/1,
КОР. 5.**

С лета 1997 года книжный магазин издательства «Золотой Век» переезжает по адресу: Старая Басманная, дом 22, строение 3 (см. схему).

Движение троллейбусов № 25, 45 (1-я или 2-я остановка от Елоховской церкви в сторону центра) — — — — —

Пеший маршрут (10 мин. от метро)

